

В

ИОЛОНЧЕЛИСТ

Юлия Монакова

Он молод, популярен, чертовски привлекателен, баснословно богат... а ещё бесконечно одинок по жизни и несчастен в любви.

Потому что единственная цена успеха — это одиночество, а единственная жертва кровожадному богу музыки — разбитое сердце...

-
- [ПРОЛОГ](#)
- [Часть 1. Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Часть 2. Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Часть 3. Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

одиночество.

*Самое длинное на земле расстояние -
то, которое одолеть не хочется.*

Самые злые на свете слова:

"Я тебя не люблю".

*Самое страшное — если ложь права,
а надежда равна нулю.*

*Самое трудное — ожиданье конца
любви.*

*Ты ушла, как улыбка с лица,
и сердце считает шаги твои.*

*И всё-таки я хочу самого страшного
и самого неистового хочу.*

*Пусть мне будут беда вчерашняя
и счастье завтрашнее по плечу...*

(Андрей Дементьев, 1983 г.)

С наступлением первых тёплых деньков Питер превратился в огромную концертную площадку.

Уличные музыканты, очухавшись от затянувшейся зимней спячки, повыползали из своих репетиционных гаражей, чердаков и подвалов на свежий воздух. Щурясь с непривычки на яркий солнечный свет, они бодрыми ручейками растекались по улицам города к своим неофициальным “рабочим местам”.

Набережная канала Грибоедова напоминала нынче огромный муравейник. Увешанные фотоаппаратами и вооружённые видеокамерами гости северной столицы спешили к Спасу на Крови. Кто-то заныривал в многочисленные магазинчики, охотясь за оригинальными сувенирами на память о посещении Петербурга, кто-то надолго застревал возле художников, которые без устали писали этюды, портреты и шаржи...

В пик туристического сезона здесь постоянно звучала живая музыка. В основном, конечно, рок-группы с каверами культовых песен "Кино", "Крематория" или "Чижа", но встречались и оригиналы: барды, виолончелисты и скрипачи, этнические коллективы... Иногда концерты на набережной давал сам дядя Гриша, легендарный питерский трубач: с аккуратной седой стрижкой, в неизменном клетчатом пиджаке и со складным стулом, на который он взбирался, как на трибуну, чтобы свысока сражать публику своим искусством.

Кто-то музицировал прямо у станции метро, многие облюбовали себе местечко возле Итальянского моста, а некоторые обосновались недалеко от входа в Михайловский сад. Уличные музыканты не вели боёв за территорию, предпочитая мирно договариваться и время от времени меняться друг с другом геолокациями.

В этот ласковый июньский вечер больше всего внимания доставалось расположившемуся на мосту худому брютету с виолончелью. Он выглядел странно, если не сказать чудаковато — вернее, даже не он сам, а выражение его заросшего щетиной лица. Взгляд тёмных глаз был дик, практически безумен, как у психа из кинематографа: играя, виолончелист то и дело залихватски подмигивал прохожим, что-то неслышно бормотал в такт музыке, кривлялся, корчил рожи и вообще существовал как бы отдельно от собственных рук, которые уверенными и отточенными движениями извлекали из инструмента прекрасную мелодию — "Второй вальс" Дмитрия Шостаковича. Правая нога музыканта, возле которой стояла шляпа для денег, отбивала чёткий ритм, но тоже как будто жила своей жизнью, не увязываясь воедино с сумасшедшим блеском в глазах уличного музыканта и его пугающими ужимками.

Впрочем, такого ли уж "уличного"?.. Первыми его узнали культурные и образованные японцы.

— Макисиму Ионесуку! Макисиму Ионесуку! — возбуждённо загалдели они, тут же нацелившись на музыканта своими объективами.

Это и в самом деле был он — Максим Ионеску, знаменитый виолончелист, неизвестно каким ветром занесённый на Итальянский мост и запросто играющий сейчас для прохожих, в то время как билеты на его концерты в лучших залах мира со свистом разлетались из касс в считанные часы, а стоили при этом весьма и весьма недёшево.

Возбуждённый и недоверчивый шепоток пошёл по рядам зевак: быть может, это розыгрыш, съёмки какого-нибудь шоу для телевидения, и где-то притаилась скрытая камера? Вокруг виолончелиста стремительно собиралась толпа — туристы летели на звёздное имя, как мухи на варенье. Кто-то снимал концерт на видеокамеру или телефон, кто-то делал селфи на фоне музыканта, кто-то щедро наполнял подставленную шляпу денежными купюрами и монетами, а кто-то просто тусовался рядом, чтобы быть в центре событий.

Сам виолончелист едва ли обращал внимание на всё возрастающую вокруг него активность. Продолжая строить глазки (не адресно, а куда-то в пространство), порхать бровями и ухмыляться собственным мыслям, он то ли безостановочно напевал себе под нос, то ли с маньячной одержимостью шептал что-то, не слышное окружающим.

Наверное, публика была бы шокирована, узнай она, что именно бормотал Максим Ионеску, встряхивая головой в бодром ритме исполняемого им вальса.

— Сука, — беззвучно, но едко выплёвывали его бескровные губы. — Дрянь, гадина... Стерва косоглазая. Ненавижу тебя, тварь... ненавижу... ненавижу.

Часть 1. Глава 1

Санкт-Петербург, девяностые.

— Дура косая! — завопил смуглый вихрастый мальчишка, перегнувшись через перила балкона и отчаянно рискуя свалиться с четвёртого этажа. — Китаёза сраная! Поломойка!

— Цыган вонючий! — бойко, без запинки, парировала “китаёза”, задрав голову наверх, а затем обидно высунула язык. — Музыкант паршивый! Моцарт доморощенный!

Собрав во рту побольше слюны, мальчишка смачно харкнул вниз, целясь этой нахалке прямо в макушку. Разумеется, промазал — с такого-то расстояния! — чем вызвал издевательский хохот противной девчонки.

— Сам ты косой, — торжествующе завопила она. — Потрясающая меткость, ничего не скажешь! Косой, косой, косоглазый, слепошарый, ха-ха-ха!

Максим пожалел, что под рукой у него не оказалось самодельной “брызгалки” — главного летнего оружия всех дворовых пацанов. Брызгалку легко можно было смастерить из пустой литровой ёмкости от “Белизны”: в пробке пробивалась дырка, а в полученное отверстие вставлялась половина корпуса шариковой ручки и обмазывалась вокруг пластилином для надёжности. Струя получалась тугая и била прицельно, что сейчас ему явно не помешало бы...

А девчонка, уничижительным смехом как бы окончательно втоптывая противника в грязь, ещё раз показала ему язык и вприпрыжку побежала прочь со двора, весело выкрикивая на ходу:

— Учи свои гаммы, зануда! До-ре-ми-фа-соль!

Скоро она скрылась из виду. Эмоционально погрозив ей вслед кулаком и громко выругавшись в пространство, чтобы смягчить вкус собственного поражения, Максим вздохнул и вернулся в комнату. Битва была проиграна — но не сама война, о нет! Он ещё покажет этой наглой выскочке, этой долговязой дылде... Она ещё заплачет у него кровавыми слезами!..

Ровно в час дня, как по будильнику, задребезжал старенький телефонный аппарат — это звонила с работы мама, чтобы проверить, не отлынивает ли сын от ежедневных занятий. Как ни обидны были насмешки девчонки, а всё-таки она была права в одном: в то время, как сверстники Максима всюду наслаждались летними каникулами, его действительно ожидали нудные гаммы и арпеджио.

Он привык к тотальному материнскому контролю и воспринимал его как досадное, но неизбежное обстоятельство. Максиму и самому никогда не пришло бы в голову сбежать во двор в ущерб занятиям музыкой, чтобы погонять мяч вместе со знакомыми пацанами, или, к примеру, тайком улизнуть на пляж. Он был воспитан иначе: музыка — Бог, а всё остальное подождёт!

Но в этот раз звонок матери впервые вызвал у него смутное, глухое раздражение. Досаду на её фанатичную одержимость — она непременно желала слепить из Максима великого музыканта — такого же, как и его отец... Мальчику вдруг показалось, что жизнь проходит мимо: настоящая, бурлящая и захватывающая, как книга приключений, нормальная пацанская жизнь, которой живут все его друзья и одноклассники. А он в это время чахнет в четырёх стенах, как узник, и оголтело водит смычком по струнам виолончели...

Перед глазами всё ещё стояло ехидное лицо этой... косоглазой дуры. Максим и сам не понимал, почему она так его раздражает, но одно было несомненно: в её присутствии он абсолютно терял покой. При виде “китаёзы” мальчишке хотелось одновременно сделать несколько вещей: от души дёрнуть её за косичку, чтобы у неё аж слёзы выступили, толкнуть в спину, чтобы упала и расшибла коленки, плюнуть за шиворот... в общем, как-нибудь нагадить, напакостить исподтишка, чтобы увидеть в этих кошачьих глазах хоть капельку страха или боли. Почему-то очень хотелось, чтобы ей стало больно...

Их вражда длилась почти два года: с момента, когда Максим увидел Леру в самый первый школьный день на торжественной линейке. Впрочем, тогда он ещё не был в курсе, что она — именно Лера, то есть Валерия, но почему-то интуитивно почувствовал, что такую девчонку не могут звать какой-нибудь банальной Катей, Наташей или Леной.

За руку её держала грузноватая, не слишком опрятная женщина — позже, когда начались занятия, Максим узнал, что она работает у них в школе техничкой. Видно было, что мать страшно гордится дочерью-первоклашкой и тем, что собрала и придела её к первому сентябрю не хуже, чем одноклассниц. На дворе стоял девяносто второй год — когда фактически, хоть и не законодательно, уже была отменена школьная форма, и девочки изо всех сил старались как-то выделиться друг перед другом, щеголяя в новых юбочках, блузках, жилетках или пиджаках.

Первое, на что Максим обратил внимание — это глаза. Миндалевидные, даже слегка раскосые, какого-то невообразимого, волшебного, ускользящего цвета — не то серые, не то голубые, не то зелёные. Он впервые видел такой необычный эффект, обусловленный рисунком радужной оболочки, и уверился в том, что глаза девчонки подобны хамелеонам.

Они и в самом деле были хамелеонами — даже спустя годы, когда Лера осталась лишь далёким, горько-сладким, невыносимым, мучительным прошлым, Максим прекрасно помнил, когда и как меняются эти странные, завораживающие его глаза. В моменты гнева у них был один оттенок, в мгновения радости — другой, в минуты стресса и волнения — третий... Когда она нетерпеливо целовала его, дрожа от сладостного предвкушения, глаза её превращались в звёзды: невольно хотелось зажмуриться, чтобы не ослепнуть от этого сумасшедшего сияния, и тоже целовать, целовать, целовать... безостановочно и лихорадочно целовать её всюду, куда только он мог дотянуться, точно боясь, что она вот-вот исчезнет.

Он знал — интуитивно, каким-то первобытным, звериным чутьём догадывался, — что она рано или поздно оставит его. Ускользнёт, утечёт, как песок сквозь пальцы. Знал, что он не заслуживает такого счастья (или такого проклятья?) в её лице. Знал — и подсознательно готовился к расставанию... в итоге бросив её первым.

В классе Максима посадили позади Леры. Правда, в первый день учёбы он видел преимущественно не затылок девочки, как было положено, а её невообразимые кошачьи глаза: одноклассница постоянно вертелась, оборачивалась, корчила ему рожи и насмешничала.

— Чё ты уставился? — шепнула она ему, в очередной раз нервно оглянувшись, точно взгляд мальчишки прожигал дыру у неё между лопатками.

— Не “чё”, а “что”, - машинально поправил Максим, вымуштрованный своей интеллигентной до мозга костей мамой.

— Чиво-о-о? — обалдело переспросила девчонка. — Да пошёл ты в жопу! — и гордо

отвернулась, и больше уж не поворачивалась до самого звонка, подчёркнуто выпрямившись, точно кол проглотила.

О, знала бы его культурная и воспитанная мама, скольким ругательствам научится вскоре её славный и милый сыночек! И большая часть этих ругательств будет направлена именно в адрес Леры.

Некоторое время мальчик с девочкой старательно и даже чуточку подчёркнуто игнорировали друг друга в духе “я тебя не трогаю — и ты меня не трогай!” Однако спустя пару недель у них произошла вторая серьёзная стычка. На этот раз из-за еды.

Максим не ходил вместе с одноклассниками в школьную столовую. Мама считала, что там царит жуткая антисанитария: оставленная на столах грязная посуда привлекает полчища тараканов, школьницы трясут над тарелками распущенными волосами, еда чаще всего остывшая, неаппетитная, да и вообще — малосъедобная, ведь неизвестно, из каких продуктов всё это приготовлено. Поэтому Максим приходил в школу со своим обедом. Мать делала ему бутерброды с колбасой и сыром, совала яблочко или грушу, пыталась даже заставить брать с собой термос, чтобы можно было в любой момент выпить горячего чая, но сын с негодованием отверг это предложение.

Он и так чувствовал себя неловко, будучи невольным оторванным от коллектива: в то время, как все его одноклассники вприпрыжку неслись в столовую, перекидываясь шуточками и заливаясь беззаботным хохотом, он в одиночку ел свой сухой паёк, точно отверженный, томился и скучал. Кое-кто из одноклассников, учуяв однажды запах копчёной колбаски из его ранца, успел уже окрестить его “буржуем”, и ребята принялись не то чтобы сторониться Максима — скорее, просто не стремились слишком с ним сблизиться, посчитав, что они — не его поля ягоды. К тому же, вскоре стало известно, что мальчик, помимо обычной, посещает ещё и музыкальную школу — что стало предметом дополнительных насмешек и ехидных обсуждений.

Как-то раз Максим ненадолго отлучился из класса, а когда вернулся, обнаружил, что кто-то рылся в его ранце. Причём, не просто рылся, а вытащил оттуда свёрток с обедом. Это было настолько дико, возмутительно и непривычно, настолько не укладывалось в мировоззрение мальчишки, что в первое мгновение он просто растерялся, не зная, как реагировать, и ошеломлённо переводил взгляд с одного одноклассника на другого.

— Что, Чащин? Жратва сбежала? — подколот его Серёга Королёв, издевательски ухмыляясь, а затем театрально, с притворным сочувствием, вздохнул. — Вот незадача... Так ты давай, обнюхай всех нас по очереди — от кого пахнет колбасой, а не столовской капустой — тот и спёр!

— Очень мне надо тебя нюхать, — отозвался Максим, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал от обиды, как у сопливого малыша. — Задохнуться боюсь.

— Чё ты сказал?! — возмутился Серёга — больше для порядка, чем в реальном стремлении устроить скандал. Просто не хотел ронять авторитет в глазах одноклассников. — А ну, повтори!

— Ой, да заткнись ты, Королёв, — внезапно вмешалась Лера с явной досадой, даже раздражением. — Так суетишься, как будто сам и есть — вор. Ну-ка, признавайся, ты стырил у Чащина бутерброды?

— Мне что, больше всех надо? — сразу теряя запал, отозвался одноклассник. — Сдались мне его благородные бутербродики, от них, небось, потом неделю с унитаза не

слезешь — это не для наших простых желудков.

Лера порылась у себя в портфеле и достала припрятанную после столовой сдобную булочку, обсыпанную сахарной пудрой.

— Чащин! — окликнула она Максима, протягивая булочку ему. — Бери, ешь. Нельзя весь день голодным ходить, ты у нас мальчик музыкальный, нежненький... ещё в обморок грохнешься, не дай бог. Как мы все это переживём?

Если бы Лера просто предложила ему эту проклятую булочку, он немедленно забыл бы прошлые разногласия и принял угощение с благодарностью. Но уничижительное окончание фразы и насмешливые искорки в странных глазах одноклассницы моментально погасили вспыхнувшее было у Максима чувство горячей признательности за участие, а раздававшиеся вокруг сдержанные хиханьки да хаханьки ещё больше разозлили мальчишку.

— Иди ты со своей булкой... знаешь, куда? — грубо отозвался он. — У тебя и руки, небось, невымытые. Я не знаю, за что ты ими сегодня хваталась. Может, помогала своей матери туалеты драить... — добавил он, непрозрачно намекая на профессию Лериной родительницы.

Девчонка вспыхнула заревом, а глаза её из тёмно-голубых вдруг резко сделались ярко-зелёными от злости — как Максим ни сердился на неё, а всё же благоговейно замер, будто загипнотизированный подобным эффектом.

Несколько секунд она пристально, с ненавистью, раздувая ноздри, вглядывалась в его лицо... ему даже показалось на миг, что она собирается его ударить. Однако Лера просто шумно выдохнула, а затем — как бы нехотя — процедила сквозь сжатые зубы:

— Каз-зёл!.. — и демонстративно отошла к своей парте.

С этого дня и началась их долголетняя война.

Мама никогда не скрывала, что мечтает сделать из него великого музыканта, не особенно заботясь мнением самого Максима на этот счёт. Понятное дело, для пацана его возраста занятие музыкой было скорее наказанием, чем удовольствием: ему гораздо интереснее было бегать во дворе с другими мальчишками, драться, орать и беситься, чем играть на инструменте. Но мама уже мысленно распланировала его будущую блестящую карьеру и даже купила сыну детскую скрипочку — “четвертинку” — с прицелом на дальнейшие занятия. Несмотря на это, сам Максим долгое время не воспринимал её разговоры всерьёз, надеясь, что она перебесится и передумает.

Но однажды в их дом заглянул с визитом мамин коллега и приятель, пианист Наум Брагинский. Послушав, как шестилетний мальчуган играет на скрипке “Арию” Перголези, он невероятно растрогался и серьёзно сказал матери:

— Ниночка, ребёнка нужно немедленно, не теряя времени, отдавать учиться профессионально, у него определённый талант!

Это и стало точкой невозврата для Максима. Сам он воспринял подобный поворот своей судьбы почти как трагический, однако огорчить мать резким отказом не осмелился, потому что видел, как много это для неё значит.

Мать никогда не была замужем. Максим ни разу не видел родного отца и даже не знал его имени (в свидетельстве о рождении в соответствующей графе стоял многозначительный прочерк, а сам мальчишка был записан как Максим Максимович Чащин — по материнской фамилии), но мама постоянно ставила его сыну в пример — как талантливейшего скрипача, чуть ли не гения — и, похоже, пророчила Максиму не меньший успех.

— А он вообще-то существует, мой мифический папаша? — с мрачным сомнением поинтересовался Максим, когда ему было тринадцать. — У меня такое ощущение, что ты его попросту выдумала, чтобы мне было, на кого молиться...

— Что ты такое говоришь, Максимка! — мама вспыхнула. — Придёт время, и ты всё узнаешь, обещаю. Узнаешь и поймёшь. А пока что... его имя тебе всё равно ни о чём не скажет.

В начале июня, в тот самый год, когда мальчик должен был пойти в первый класс, мать за руку притащила его на вступительное прослушивание в музыкальную школу.

Это было одно из старейших учебных заведений Санкт-Петербурга, расположенное на берегу Невы, в бывшем особняке тайного советника Аркадия Головина. Созданное итальянским архитектором Джакомо Бьянки ещё в конце восемнадцатого века, здание представляло собой настоящее произведение искусства.

Оно выглядело каким-то королевским дворцом, замком из диснеевского мультлика, а не учебным заведением! Максима привели в священный трепет главный фасад здания с трёхэтажным фронтоном и белоснежные колоннады по обе стороны, связывающие основной корпус с флигелями. Каменную террасу украшали скульптуры огромных львов. Мальчишка даже заробел, когда впервые поднялся по парадной лестнице и вошёл в заветные двери, точно в музыкальный храм. Хотя, казалось бы, ему, родившемуся в Петербурге, не должны быть в диковинку подобные чудеса архитектуры.

От набережной к Неве спускались две крутые лестницы, облицованные гранитом: из окон музыкальной школы на них открывалась роскошная панорама. Максим и не представлял тогда, что на целых восемь лет этот вид станет для него практически родным...

Разумеется, его приняли. В школе в те голодные нищие годы был катастрофический недобор, и преподаватели радовались каждому энтузиасту, добровольно решившему посвятить себя музыке. А уж если этот чудаки оказывался ещё и талантливым, они готовы были руки ему целовать.

Однако всё пошло немного не так, как запланировала мама. Она-то хотела, чтобы Максим играл на скрипке, как и его мифический полупризрачный отец, но кто-то из преподавателей, прослушав мальчишку, посоветовал отдать его на виолончель: дескать, у парня длинные руки и прекрасная растяжка, есть все задатки. Мама засомневалась поначалу, но Максим уже и сам загорелся этой идеей: пиликать на скрипочке казалось ему чем-то унижительным, девчоночьим, слишком уж слащавым, а виолончель — инструмент солидный, да и звучит, на его слух, не в пример красивее. Завидев оживлённый блеск в глазах своего мальчика, мама сдалась и махнула рукой: ну, пусть будет виолончель... И участь Максима была решена.

Позже всем стало ясно, что играть на виолончели — главное и единственно возможное для Максима занятие. А он и сам не заметил, не понял, в какой момент и когда это случилось, точно само собой произошло: он навеки неизлечимо заболел сценой... “Музыка — моя единственная любовь, виолончель — моя самая верная возлюбленная, которая никогда не обманет”, — отшучивался он позже в многочисленных интервью в ответ на вопросы о личной жизни, очаровательно улыбаясь. О, он стал настоящим профессионалом не только в игре на виолончели, но и в искусстве лицедейства: сделай глаза поискреннее,

улыбнись пошире и смело ври, что только пожелаешь...

Занятия начались одновременно с учёбой в обычной, среднеобразовательной школе — то есть, первого сентября. Отныне четыре дня в неделю у Максима, хочешь или не хочешь, были посвящены музыкалке. Интереснейшие индивидуальные занятия с педагогом по специальности и скучнейшие групповые: сольфеджио, музыкальная литература, хор.

На первом уроке педагог Максима — некогда довольно известная петербургская виолончелистка Фаина Романовна Дворжецкая — сыграла ему “Элегию” Габриэля Форе. Мальчик был заворожён и покорён глубоким, вибрирующим голосом инструмента. “Неужели и я когда-нибудь смогу так же?” — думал он с восторгом и ужасом. Очевидно, все эти сомнения были написаны на его лице, потому что Дворжецкая рассмеялась и ласково потрепала его по вихрастой голове.

— Сможешь. Будешь. Уже очень и очень скоро...

Правда, этот ласковый тон имел свойство трансформироваться в командные окрики, а иногда и в отборную базарную ругань, если мальчик самолично усаживался за инструмент. Преподавательница не церемонилась в выражениях, указывая нерадивому и не слишком опытному ученику на его ошибки.

— Ну что ты четвёртый палец зажимаешь, бестолочь?! — гудела она иерихонской трубой. — Локоть выше!.. Выше, я сказала! Кисть не перекошена! Освободи её, перенеси нагрузку на пальцы, а то потом сам от боли взвоешь! Не дави большим пальцем на гриф, олух царя небесного! А ноги, ноги назад зачем подгибаешь, горе ты моё?! Где твои колени, я тебя спрашиваю?

В первое время у Максима немело правое плечо, а пальцы левой руки невыносимо болели. Затем кожа на подушечках загрубела и стало существенно легче, хоть болезненные ощущения и не оставили его окончательно. После интенсивных занятий часто ныло и простреливало левое запястье, поэтому ему пришлось научиться делать себе массаж, а также регулярные ванночки с содой, по совету преподавательницы. (Позже, много позже, уставшую руку нередко массировала ему Лера — и боль волшебным образом моментально отступала под её гибкими пальчиками. Он, понятное дело, не признавался, что ему так скоро становится легче от её прикосновений. Наоборот, всеми силами старался продлить это блаженство, чуть ли не мурлыкал, как довольный, разомлевший на солнышке кот, позволяя Лере и дальше нежить его натруженную руку.)

Максим занимался специальной гимнастикой, на ночь мазался спортивными мазями и гелями, старался постоянно держать руку в тепле... Советы педагога при сильных болях оставить инструмент на пару дней и просто дать рукам отдых не воспринимались им всерьёз — мальчишку невыносимо тянуло играть.

Нередко мама просыпалась среди ночи оттого, что из комнаты сына доносились звуки виолончели — заглушив струны сурдиной, он наигрывал какую-нибудь внезапно захватившую его музыкальную пьесу. А по утрам она часто заставала в ванной такую картину: Максим чистил зубы, притопывая ногами и орудуя щёткой, будто смычком, в определённом, только ему известном ритме, и в голове его, вероятно, звучала соответствующая мелодия, которая была слышна только ему одному...

Эмоциональность Максима в игре была ему одновременно и лучшим другом, и злейшим врагом. Если всё получалось — он буквально душу вкладывал в своё исполнение, а вот когда что-то шло не так... Однажды, психанув на сложном пассаже, который всё никак не хотел

получаться, Максим в ярости кулаком проломил в инструменте дыру. А затем ему было очень стыдно, потому что виолончель одолжила для занятий мамина близкая подруга тётя Оля.

Фаина Романовна стала его проводником в мире музыки. Феей-крёстной. Ангелом-хранителем. Практически второй мамой — точнее, скорее, бабушкой.

“Мой милый, толстый, добрый старый ангел...” — с нежностью думал о своей учительнице Максим. Даже спустя многие, многие, многие годы он мог воспроизвести в памяти её незабвенный, ничуть не поблёкший со временем образ: пожилая, тучная, со старомодной причёской — валик надо лбом, в идеально выглаженном шерстяном платье с кружевным отложным воротничком и белоснежными манжетами...

Иногда они устраивали чаепития прямо в классе: Фаина Романовна приносила из дома какую-нибудь невообразимую вкусноту, которую пекла сама — орешки с варёной сгущёнкой или вафельные трубочки с кремом. Под чаёк они с Максимом вели серьёзные, долгие и обстоятельные беседы о жизни и об искусстве.

Дворжецкая сетовала на царившее в стране смутное, переходное, неопределённое время: учиться музыке шли только самые отъявленные фанатики, а уж желающих освоить виолончель можно было пересчитать по пальцам: кому охота всё время таскать на спине огромный ящик?

— Когда я ездила на гастроли, — вспоминала старая виолончелистка, — мне неизменно приходилось заказывать два билета: для себя и для своего инструмента.

Как ему не хватало поддержки Дворжецкой, её мягкого густого голоса, ободряющего слова, ценного совета — особенно в первые месяцы в Лондоне, в период мучительной адаптации к чужбине, болезненной притирки к местному быту и менталитету, невыносимой тоски по Питеру, матери и по своей косоглазой...

Фаина Романовна оказалась права: вскоре Максим уже запросто исполнял на виолончели “Тоску по весне” Моцарта, в то время как его самого практически не было видно из-за массивного инструмента. Маленькие пальчики уверенно и крепко держали смычок.

Учился Максим хорошо, но в первые годы панически боялся публики и академических концертов — до дрожи, икоты и слёз. Маму нервировала неожиданно открывшаяся фобия сына, и она всерьёз расстраивалась из-за четвёрок, полученных за эти самые концерты.

— Понимаешь, Максимка, — говорила она ему, — если музыкант боится сцены — то, считай, грош ему цена как профессионалу. Выступления перед зрителями и есть главный показатель мастерства. Репетиция — это домашняя работа, а концерт — контрольная, чувствуешь разницу?

Однако сама Дворжецкая была спокойна, как удав, и невозмутимо внушала Максиму, что всё у него получится, что он лучше и талантливее всех, хоть это было и не слишком педагогично. Ну, она и не скрывала, что этот обаятельный, подвижный, как ртуть, вечно лохматый мальчишка был её любимцем.

— Когда ты выходишь на сцену, не думай о том, сколько народу собралось тебя послушать. Выбери из толпы одно лицо, наиболее симпатичное и располагающее к себе, — советовала она мальчику, — и играй только для него. Исключительно для него, не думая об остальных! А ещё лучше: представь среди зрителей в зале какого-нибудь важного и дорогого тебе человека — маму, лучшего друга или ещё кого-то...

На каких только концертных площадках не приходилось выступать впоследствии Максиму! Ему рукоплескали Альберт-холл и Китайский национальный театр, зрители устраивали виолончелисту овацию в Аудиторио-де-Тенерифе, окутывали обожанием в Сиднейском оперном театре и осыпали букетами в Кремлёвском дворце...

А он среди тысяч и тысяч зрителей неизменно видел одно-единственное лицо — с раскосыми глазами-хамелеонами.

Лера раздражала его до печёнок, до трясучки, до тошноты.

Он и сам не мог толком объяснить причину этой ненависти. Ну, она что-то когда-то ляпнула, ну, он ответил в тон — но ведь становиться из-за этого заклятыми врагами даже смешно... Однако Максим всякий раз не мог удержаться от того, чтобы не выдать очередную порцию гадостей в её адрес. Девчонка платила ему той же монетой — они постоянно либо переругивались в классе, либо подчёркнуто сторонились друг друга, а если нечаянно сталкивались лицом к лицу — злобно шипели под нос ставшие уже привычными оскорбления:

— Цыган черномазый...

— Китаёза косяя!

Лера достаточно спокойно реагировала на обидные слова, относящиеся к ней лично, а вот оскорблений в адрес матери терпеть абсолютно не могла. То, что её мама работает в школе техничкой, ни для кого не было секретом, так что не только Максим, но и остальные одноклассники нет-нет, да и посмеивались над девчонкой. Лера заливалась краской, если встречала мать в школьных коридорах, и старалась поменьше пересекаться с ней во время учёбы, чтобы не привлекать излишнего внимания. Но даже минимальный контакт с родительницей не избавлял её от насмешек.

— Богданова!.. — то и дело вопрошал какой-нибудь остряк. — Чё-то сегодня в туалет зайти страшно, твоя мамашка забыла помыть унитаза, что ли?..

— Да после тебя, Киселёв, хоть мой, хоть дезинфицируй — а всё равно дерьмо останется, — независимо и якобы невозмутимо, скрывая истинные чувства, откликалась она, но красные пятна, моментально выступающие на лице, выдавали её с головой. В такие моменты Максиму в глубине души становилось её даже жаль. Она же не виновата, что у матери такая профессия... в конце концов, родителей не выбирают. Впрочем, жалость эта длилась недолго — ровно до того момента, пока Лера не обрушивала град насмешек и оскорблений уже в его сторону. И всё начиналось сначала...

До тех пор, пока их конфликт развивался только в стенах школы, с существованием Леры ещё можно было как-то смириться. Забыть о ней. Не замечать. Но к концу второго класса она неожиданно крепко сдружилась с одноклассницей Наденькой Долиной, которая, к сожалению, являлась соседкой Максима по дому и даже по лестничной клетке.

Теперь Лера постоянно торчала у подружки в гостях, и мальчик отныне был вынужден лицеизреть её даже в свободное от учёбы время. Это вызывало у Максима досаду и смятение: Наденька ему нравилась, а Лерку он терпеть не мог... Всякий раз, завидев её в собственном дворе, он кривился и морщился, иногда доходя до дурацких выходов детсадовского уровня: выкрикивал ругательства с балкона, плевался или обливал противную китаёзу водой. Она не оставалась в долгу, напихивая ему всякого мусора в почтовый ящик или исписывая стены подъезда афоризмами из серии “Чашин — урод!”. Короче, войнушка, вспыхнувшая между ними ещё в первом классе, активно продолжалась, причём не только на занятиях, но и во

время каникул.

А Наденька... Наденька была чудом, голубоглазой златокудрой куклой с нежным певучим голоском и добрым, отзывчивым сердечком. Максим цепенел в её присутствии, ощущая себя дурак дураком, пустоголовым Буратинкой с деревянными руками и ногами, абсолютно счастливым, восторженным идиотом. Даже странно было, как это она — ангел небесный — выбрала себе в подруги резкую, хамоватую, заносчивую и вообще абсолютно невыносимую Лерку.

Максим тихо, украдкой, вздыхал по Наденьке класса до шестого, ни на что, впрочем, особо не претендуя — ему достаточно было просто видеть её и изредка по-дружески болтать. Однако, когда ему исполнилось тринадцать лет, формального общения в школе стало катастрофически не хватать. Максиму хотелось большего — гулять вдвоём, держась за руки, и чтобы Наденька восхищённо смотрела в его глаза, пока он будет рассказывать ей что-нибудь интересное. Иногда в своих мечтах он доходил даже до осторожных объятий и нерешительных, вполне невинных поцелуев... однако старался не слишком злоупотреблять этими фантазиями, поскольку ощутимый дискомфорт в штанах приводил его в невероятное смущение — он ещё не слишком привык к сюрпризам, которые с некоторых пор спонтанно стал выкидывать его растущий организм. К тому же, думать о Наденьке в этом ключе было почему-то стыдно, слишком уж она была... чистой и непорочной, к такой и прикоснуться-то страшно. Таковую девчонку следовало только возвести на пьедестал да любоваться ею со стороны, благоговейно затаив дыхание.

— Ты что, влюбился, мальчик? — мимоходом осведомилась однажды Дворжецкая, когда её ученик, задумавшись о своём, в очередной раз безбожно сфальшивил. — Всё в облаках витаешь!

Максим густо покраснел и крепче ухватился за смычок.

— Нет, я серьёзно спрашиваю, а не чтобы посмеяться над тобой, — добавила преподавательница примирительно. — Просто мне не нравится, что твоё большое и светлое чувство заметно мешает учёбе.

— Извините меня, Фаина Романовна, — пробормотал он в сильнейшем смущении и раскаянии, смешанными со стыдом. — Такого больше не повторится.

— Ну, вот ещё — не повторится! Глупости! — фыркнула она. — Когда же и влюбляться в первый раз, как не сейчас, в твоём юном и прекрасном возрасте?! Всё так по-настоящему, так отчаянно, так... безнадёжно!

Максим исподлобья хмуро взглянул на неё.

— Почему — безнадёжно?

— Да потому что первая любовь редко бывает счастливой, мой милый. Впрочем, если всё взаимно, могу только порадоваться за тебя, — великодушно добавила она. — Хотя... любовь без страданий — смертельная скука! — глаза её блеснули лукавством, и было непонятно, то ли она шутит, то ли искренне так считает.

Откровенно говоря, Максим не был с ней согласен, но решил воздержаться от дальнейшей дискуссии и с преувеличенным энтузиазмом принялся водить смычком по струнам, как бы демонстрируя чрезмерное усердие и истовую тягу к учёбе.

— Пригласи свою девочку на наш новогодний концерт, — предложила вдруг Дворжецкая. — Наверное, ей интересно будет взглянуть, как ты хорош на сцене... Да и у тебя самого будет стимул как следует подготовиться к выступлению и не халтурить на

уроках, — добавила она, хитро прищурившись.

Максим едва не подскочил на стуле от радости. Позвать Наденьку на праздничный концерт — какая простая и замечательная идея! Ничего лишнего, ничего подозрительного, обычное дружеское приглашение, и у него появится возможность блеснуть перед ней во всей красе! Быть может, после концерта Наденька наконец-то “разглядит” его получше?!

Дворжецкая выдвинула ящик своего стола и, покопавшись там, протянула Максиму два билета на концерт:

— Вот, держи пригласительные.

— Два-то зачем? — не понял он. — Меня ведь и так пропустят...

— Ну, ты даёшь, — покачала головой преподавательница. — По-моему, любовь отшибла тебе память и способность соображать. О матери ты забыл? Она же ни одного нашего концерта не пропускает, ей тоже билет понадобится.

Максим сконфуженно опустил голову. И в самом деле, он совершенно не подумал о маме...

Всучить билет Наденьке оказалось не так-то просто. Максим хотел, чтобы это выглядело непринуждённо и естественно с его стороны, однако о какой естественности могла идти речь, если при приближении одноклассницы у него учащался пульс и сбивалось дыхание?..

Наконец, набравшись храбрости в очереди за пальто в школьную раздевалку, где они с Наденькой случайно оказались рядом, он спросил как можно рассеянное, как бы между делом:

— Слушай, Долина, а ты музыкой, случайно, не увлекаешься?

Она захлопала своими чистыми ангельскими глазами.

— Какой именно музыкой? Ну, “Руки Вверх!” я люблю, ещё “Иванушек International”...

— Да нет, — он с досадой поморщился. — Скорее, классической.

— Ах, это... — Наденька разочарованно сморщила хорошенький вздёрнутый носик. — Знаешь, если честно, то как-то не особо. Ску-учно, — протянула она.

Любая другая девчонка, признавшись в подобном, безнадёжно упала бы в глазах Максима до конца жизни. Но только не Наденька!

— Жаль, — отозвался он преувеличенно спокойным тоном, — а то у меня тут билет пропадает...

Наденька клюнула моментально.

— А что за билет? — заинтересованно спросила она.

— Новогодний концерт в моей музыкалке. Ты не думай, там не только классические произведения, вообще довольно разнообразная программа будет, — добавил он якобы равнодушно.

— И ты тоже будешь что-то играть?

— Ну конечно, — важно кивнул он. — Я исполняю “Pezzo Capriccioso” Чайковского.

Как минимум, фамилия “Чайковский” о чём-то ей говорила: в глазах Наденьки промелькнул проблеск понимания. Несколько мгновений она размышляла над предложением Максима, закусив нижнюю губу (что ужасно ей шло, Максим аж залюбовался), а затем решительно встряхнула золотистыми волосами:

— Слушай, Макс, я бы пошла, но... одной как-то стрёмно. Всё-таки концерт. А второго

лишнего билетика у тебя, случайно, не завалилось? Я бы Богданову с собой взяла.

— Лерку? — неприятно удивился он. — Эту косоглазую?

— Фу, Макс, — Наденька укоризненно покачала головой. — Как тебе не стыдно. Во-первых, Лера — никакая не косоглазая. Во-вторых, она — моя лучшая подруга. Ну, и в-третьих... нам не скучно будет вдвоём.

— Вообще-то, я не уверен, что она обрадуется твоему приглашению, — заметил Максим в смятении. — Она ведь меня тоже терпеть не может.

— Об этом ты не беспокойся! — воскликнула Наденька, тут же оживляясь. — Я с ней договорюсь. Так что, найдётся у тебя второй билет?

И Максиму ничего не оставалось, как кивнуть:

— Найдётся, — хотя он понятия не имел, как объяснит это маме, тоже собиравшейся на новогоднее представление.

— Так когда концерт-то? — уточнила Наденька.

— В субботу. Я сегодня вечером... — он нервно сглотнул, — занесу тебе билеты, хорошо?

— Договорились, — кивнула она, одаривая его ласковой улыбкой — такой, что он чуть не задымился от смущения и конфуза.

Максим так и не смог огорчить мать, сказав, что её поход на концерт отменяется: она ведь так долго его ждала!..

Мальчишка весь вечер собирался с духом для этого разговора, пытался подобрать убедительные аргументы, но все они выглядели лишь жалкими и неубедительными попытками оправдаться: он профукал мамин билет, опрометчиво пообещав отдать его самой противной девчонке из класса, и этому просто не находилось никакого логического объяснения. Концерты Максима были для матери моментами не только его, но и её триумфа — на каждое выступление она собиралась и наряжалась, как на праздник, и ревностно, пристрастно, с искренней озабоченностью, чтобы публика осталась в восторге, вслушивалась в игру сына. Нет, нет, заявить, что она останется без новогоднего концерта, было невысказано!..

Выпрашивать третий пригласительный у Дворжецкой Максим постеснялся, понимая, что это уже перебор. Тем более, на новогоднем вечере прогнозировался аншлаг: почётным гостем позвали бывшего ученика их музыкальной школы, ныне играющего в симфоническом оркестре Мариинского театра.

Максим совсем было впал в отчаяние, но спасение пришло, откуда не ждали: свой билет ему уступил скрипач Эдик Скворцов, учащийся выпускного класса. Эдик считался большим талантом, педагоги в один голос пророчили ему великое будущее, но сам Скворцов музыку ненавидел и собирался торжественно и показательно сжечь свою скрипку сразу после выпускного. В школу он поступил только потому, что этого хотели родители — в общем-то, типичная картина, ведь даже Максим поначалу не горел энтузиазмом... Впрочем, он потом всё равно втянулся в эту музыкальную жизнь и всей душой полюбил её, а вот Эдик просто покорно отбывал восьмилетний срок учёбы, как заключённый в тюрьме, считая дни до освобождения.

— Предки в субботу на новоселье к друзьям приглашены, — сообщил он Максиму скучающим тоном, — поэтому в музыкалку притащится бабушка... а вот второй билет пропадает зря. Забирай, мне не жалко!

На концерте всё сразу же пошло не так, как мечталось Максиму. Наденька не шутила и не лукавила, когда говорила ему, что находит классическую музыку скучной: ей действительно было абсолютно неинтересно. Когда Максим, волнуясь, осторожно выглядывал из-за кулис в зрительный зал, то видел, что одноклассница едва сдерживает зевок. Она чуть не заснула во время выступления оркестра народных инструментов, незаметно морщилась под хоровое пение и вообще с трудом скрывала досаду при выходе каждого нового скрипача, трубача или пианиста, в нетерпении поглядывая на маленькие наручные часики. При этом он даже не мог всерьёз на неё рассердиться: Наденька была такой хорошенькой в своём нарядном платье, с распущенными по плечам волосами...

Пару раз он мельком взглянул на Лерку, с удивлением обнаружив, что её, наоборот, по-настоящему захватило представление: она сидела, широко распахнув глаза, приоткрыв в восхищении рот и выпрямившись на стуле, даже чуть подавшись вперёд, точно вся обратилась в слух, чтобы не пропустить ни единой ноты, ни одного исполнителя.

Свой номер Максим отыграл добросовестно и старательно, изо всех сил избегая смотреть в сторону третьего ряда, чтобы не расстраиваться понапрасну и не тешить себя иллюзией, что Чайковский в его исполнении сразит Наденьку наповал. Только в финале, выслушивая аплодисменты зрителей, он рискнул снова бросить быстрый взгляд в сторону своего божества: оно вежливо хлопало и даже слегка улыбалось. Зато Лерка буквально сияла и изо всех сил била в ладоши, он даже удивился: издевается, что ли?.. Не могла же она вот так, в один момент, позабыть об их многолетней вражде.

Он еле дождался окончания концерта: ему не терпелось увидеться с Наденькой и поехать вместе домой — благо, они соседи и им всё равно в одну сторону. Вот только косоглазая... надеюсь, она не увяжется за ними, в гости к подружке?.. А маме он как-нибудь объяснит, она поймёт и спокойно доберётся до дома одна.

Мама, разумеется, поняла. Для неё не осталось незамеченным присутствие в зале их юной соседки, и она лишь многозначительно улыбнулась: вот почему сын был такой шепутной с самого утра, сто раз проверил, хорошо ли выглажен концертный костюм, начищены ли ботинки, а затем проторчал в ванной комнате не меньше часа. Что ж... пусть ухаживает за Наденькой Долиной — это хорошая девочка, из приличной семьи, вряд ли она дурно на него повлияет.

Да вот только домой с Максимом, несмотря на его грандиозные планы и мечты, Наденька всё равно не поехала. Её вызвался провожать тот самый Эдик Скворцов — скрипач, ненавидящий музыкалку, который уступил для Лерки лишний билетик.

Это вышло непреднамеренно, почти случайно. Эдик не был знаком с Наденькой до новогоднего концерта, но, в отличие от Максима, не робел и не стеснялся при общении с противоположным полом. Он без обиняков подкатил к самой красивой девчонке в фойе (а Наденька в свои тринадцать уже вполне оформилась), лихо представился и набился в провожатые. Наденьке, несомненно, польстило внимание более взрослого, чем она сама, симпатичного парня — и она с удовольствием приняла его ухаживания, без зазрения совести спихнув подругу на Максима.

— Макс, ты же проводишь Леру домой, правда? — проворковала она. — Поздно уже, темно, страшно...

У Максима внутри всё буквально кипело от гнева, обиды, ревности и разочарования, смешанного с желанием набить морду Скворцову, но мальчишка ничем себя не выдал.

— Провожу, — буркнул он, — не вопрос.

— Только не переубивайте друг друга, — пошутила Наденька напоследок, и, покраснев от удовольствия, позволила Эдику помочь ей надеть шубку.

Максим и Лера вышли из музыкальной школы вдвоём и, не глядя друг на друга, молча побрели к остановке. Вечером поднялась небольшая метель, поэтому они и сами старались лишний раз не открывать рот, чтобы не наглотаться снега вперемешку с холодным воздухом.

Пока дождались автобуса, едва не заоченели. Максим боролся с искушением спровоцировать очередную ссору и отправить Лерку домой самостоятельно — охота было тащиться провожать её за тридевять земель!.. Но совесть ему не позволила. Всё-таки, вечер. Всё-таки, девочка. Всё-таки, одна...

К счастью, в салоне автобуса было тепло и малоллюдно, поэтому Максим и Лера с удовольствием плюхнулись на свободные сиденья — бок о бок — и вытянули ноги.

Он, наконец, решился искоса взглянуть на девчонку. Выражение Леркиного лица несказанно удивило Максима — оно было каким-то... воодушевлённо-потрясённым, словно она пребывала в сильнейшем шоке и никак не могла от него отойти.

— У тебя всё нормально? — с трудом переборов себя, вежливо поинтересовался Максим, на сто процентов уверенный в том, что Лерка сейчас предсказуемо и привычно огрызнётся в ответ: “Не твоё дело!”

Она перевела взгляд на мальчишку. Её удивительные кошачьи глаза были сейчас тёмно-голубого цвета, а их выражение... Изумление? Недоверие? Восторг? У Максима никак не получалось это расшифровать.

— Ты классно играл, — наконец, как бы нехотя, выдавила она из себя.

Максим с сомнением вздёрнул брови.

— А ты разве понимаешь... — и тут же поправился, — любишь классическую музыку?

— Да, а что здесь такого? — Лера спокойно пожала плечами. — Или ты полагал, что дочь уборщицы может слушать только “Мальчик хочет в Тамбов”? — добавила она иронично, и из её глаз словно брызнули в разные стороны озорные искры: Максим буквально кожей ощутил приятное обжигающее покалывание на щеках.

— Прости, — смутился он, чуть было не добавив машинально, по привычке — “косоглазая”.

— Прощаю, — легко и беззаботно откликнулась Лера, — за твою прекрасную игру... цыган, — договорила она лукаво, и глаза её снова моментально поменяли цвет — сначала стали язвительно-зелёными, а затем приобрели тёплый, спокойный серый оттенок. Максим, как и всегда, замер, засмотревшись на это волшебное превращение... Лера заметила его пристальное внимание и застеснялась, опустив ресницы.

Это было удивительно, но, кажется, за все шесть лет знакомства они впервые разговаривали по-человечески, не кривляясь и не обзывая друг друга. Максим понял, что, оказывается, совершенно не знал Леру в школе. Вернее, знал только то, что может знать любой одноклассник. Теперь же она открывалась ему с абсолютно новой, необычной стороны. К примеру, он с изумлением услышал от неё, что она вегетарианка, абсолютно не ест мяса и рыбы, а в будущем планирует отказаться даже от яиц.

— Я не поощряю убийства и страдания живых существ в любом их проявлении, — сказала Лера спокойно, не рисуясь и не пытаясь что-то доказать, как будто давно приняла это решение и ей было всё равно, что о ней подумают другие.

Максим уже возле её дома понял, что ему было с Леркой чертовски интересно, и даже

немного пожалел, что пора расставаться. А ещё он вдруг сообразил, что пока провожал Лерку, ни разу не вспомнил о прекрасной и ещё более недоступной теперь Наденьке...

Они остановились возле её парадной. Лера подняла голову, оперевшись взглядом в ярко и приветливо освещённые окна своей квартиры. На её лицо плавно падали крупные снежинки и тут же таяли, оставаясь лишь на бровях и ресницах. Она, казалось, не замечала их, и Максим подавил внезапное странное желание приблизить своё лицо к Леркиному и осторожно подуть.

— Зайдёшь? — спросила она просто. — Выпьешь чаю, согреешься. Мама пирожков с капустой напекла, они у неё всегда очень вкусные получаются.

— Н-нет, — с небольшой заминкой отозвался Максим. Он пока не был готов встретиться с мамой-техничкой, которую сам же неоднократно высмеивал в школе в пику Лерке. Теперь ему было ужасно неловко и стыдно за эти насмешки, за своё глупое инфантильное поведение... — Как-нибудь в другой раз. Спасибо.

— Тебе спасибо, что проводил, — и, подавшись вперёд, она быстро — на короткий, секундный миг! — прижалась прохладными нежными губами к его щеке.

Максим опешил так, что даже не сразу нашёлся, как отреагировать. Просто застыл каменным изванием. Косоглазая поцеловала его?.. Пусть в щёку, но всё же поцеловала?!

— Отомри, цыган, — пошутила она, засмеявшись. — Это тебе поощрительный приз в благодарность за приглашение на концерт. Я и правда чудесно провела время. Давно не получала такого удовольствия...

Он улыбнулся, с трудом приходя в себя.

— Не за что, китаёза, — отозвался он снисходительным тоном — беззлобно, почти ласково. — Я рад, что тебе понравилось.

В эту ночь во сне ему впервые явилась не Наденька, а Лерка. Она снова поцеловала его... но теперь уже не невинным поцелуем в щёчку, как младшего братика, а прямо в губы. Это было и неловко, и волнующе одновременно. Проснувшись, Максим подорвался на постели, как ненормальный, не совсем понимая, что с ним происходит, и некоторое время сконфуженно сидел, не зная, как реагировать на случившееся, точно неверный возлюбленный, уличённый в измене. По ощущениям получилось куда ярче, чем в сновидениях с Наденькой — так не должно было быть, и, тем не менее... это оказалось неожиданно приятно: так, что Максим затем невольно думал о Лерке целый день.

С этого дня их вражда закончилась: постепенно переросла сначала в приятельство, а затем и вовсе, незаметно для них самих, обернулась настоящей крепкой дружбой. Впрочем, дружба эта была весьма своеобразная, густо замешанная на взаимных подколках и язвительности, хотя, справедливости ради, и без малейшего намёка на прежнюю злобу, истаявшую без следа. Они оба словно упражнялись в остроумии, постоянно подшучивая и высмеивая друг друга, но уже без всяких обид и былых претензий — скорее, просто для того, чтобы держать себя в тонусе.

Мало-помалу они сблизились настолько, что стали доверять друг другу даже самое сокровенное. Лерка оказалась на удивление чутким и деликатным человеком. Так, догадавшись, что Максим влюблён в Наденьку, она ни разу ни намёком, ни полунамёком никому об этом не проболталась и продолжала морально поддерживать друга. Вскоре стало окончательно ясно, что с Наденькой ему равным счётом ничего не светит: та по уши встрескалась в Эдика Скворцова. Вот так удачно скрипач проводил её после новогоднего

концерта в музыкальной школе...

Между тем, учителя проявляли заметное беспокойство по отношению к Наденьке: девчонка, некогда твёрдая хорошистка, съехала на неуверенные хилые троечки, с упоением погрузившись в свой первый головокружительный роман со “взрослым” парнем. Максим весь буквально извёлся от ревности: он теперь постоянно видел в школе Скворцова, поджидающего Наденьку после уроков... либо саму Наденьку — в музыкалке, когда она дожидалась свего ненаглядного.

— Ему шестнадцать лет! — укоризненно качали головой некоторые педагоги. — А девочке всего лишь четырнадцатый... И — подумать только — в любовь играют! Куда смотрят родители? Ведь страшно даже представить, до чего у них может пойти!..

Впрочем, подобных моралистов было довольно мало, да и те — старой закалки и советского воспитания, в котором романтические отношения между подростками считались чем-то из ряда вон выходящим, даже непристойным. Остальным же — в том числе, и родителям новоиспечённых Ромео и Джульетты — было глубоко наплевать. Мама Наденьки вообще работала акушером-гинекологом в женской консультации и была свято уверена в том, что надёжно и своевременно просветила свою дочь относительно контрацепции и последствий ранних аборт, а также заболеваний, передающихся половым путём.

А вот Максим мучился и страдал, живо, с мальчишеским пылом, воображая, до чего у этого чёртового гения Скворцова, в самом деле, может пойти с Наденькой. Дико злился, всерьёз переживал, адски ревновал и зверски завидовал. Лерка в ту пору стала ему настоящей жилеткой для того, чтобы он всегда мог выплакаться. Нет, конечно, Максим не ревел, как маленький, но душу подруге изливал регулярно.

Лерка теперь тоже частенько прибегала к музыкальной школе, чтобы встретить Максима после занятий, и они вдвоём шли гулять. Эти отношения, в отличие от предыдущей пары, ни у кого не вызывали беспокойства. Дворжецкая весьма и весьма поощряла дружбу своего лучшего ученика с одноклассницей, ошибочно полагая, что Лера — и есть та самая особа, в которую он влюблён.

— Огонь-девка, — одобрительно кивала Фаина Романовна. — Есть в ней и внутренний стержень, и целеустремлённость, и неуёмная фантазия, и море бешеной энергии... а уж красotka какая!

Максим только недоуменно помалкивал. Красotka? Лерка?! Он так вовсе не считал. Да, глаза у неё необычные, этого не отнять, но в остальном... высоченная, как пожарная каланча, сутулая, худюшая — кожа до кости. И в то же время подруга иногда продолжала сниться ему в весьма определённых и недвусмысленных ситуациях, и это был его маленький секрет — постыдная тайна, в которой неловко сознаться даже себе самому.

А в седьмом классе их отношения сделались ещё более близкими и доверительными: Лерка стала первой и единственной, с кем он поделился правдой о своём отце...

Разговор с матерью назрел давно. Максим просто ожидал подходящего момента и, в конце концов, решил приурочить это событие к получению паспорта. Незадолго до своего четырнадцатого дня рождения он просто подсел к матери на кухне и прямо спросил:

— Ты не хочешь рассказать мне про папу? Хотя бы основное: кто он, как его зовут, где живёт... да и жив ли он, вообще?

Мать как раз пила традиционный вечерний чай с мёдом, без которого, как уверяла, просто не сможет заснуть. Вопрос застал её врасплох. Некоторое время она трусливо

прятала глаза в своей чашке, не решаясь пересечься взглядом с сыном, а затем, всё так же не поднимая головы, тихо спросила:

— Ты уверен, что действительно хочешь знать? Но зачем? Что тебе это даст?

— Мне скоро паспорт получать, — отозвался он, пожав плечами. — Не исключаю тот вариант, что захочу взять отцовскую фамилию...

Она дёрнулась, как от удара.

— ...вместе с твоей, конечно, — торопливо добавил он. — Будет двойная фамилия, а что такого? Сейчас это даже модно. Да и отчество должно быть настоящим, а то что я, как дурак. Прямо-таки лермонтовский штабс-капитан Максим Максимыч... Как его на самом деле зовут? Ведь не Максим же?

— Нет, — сплотив ком в горле, с трудом отозвалась мать. — Не Максим. Так ты что же... хочешь его разыскать? Увидеться?

— Смотря, где он живёт, — откликнулся сын, несколько приободрённый её словами: раз она сказала “увидеться”, значит, отец пока ещё не отошёл в мир иной. — На самом деле, у меня нет цели непременно встретиться с ним и с немым укором взглянуть в его подлые глаза, — не удержался Максим от шутки. — Но мне просто интересно, понимаешь? Пока что я вообще с трудом верю в то, что папаша существует. Может, моё реальное имя — Иисус?

— Тьфу на тебя, богохульник, — поморщилась мать, тем не менее, понемногу приходя в себя. Щёки её снова порозовели, взгляд прояснился. — Сходи-ка, принеси мне подшивку “Кругозора” за восемьдесят третий год.

Максим поморгал, сбитый с толку резкой сменой темы.

— На фига?

— Принеси, я сказала, — настойчиво повторила мать.

Максиму пришлось идти в спальню и лезть на шкаф, поминутно чихая от застарелой пыли, пока не удалось разыскать среди кип старых журналов выпуски за нужный год. Недоумевая, зачем матери понадобилась эта макулатура (“Кругозор” прекратил своё существование вскоре после развала Союза), он всё-таки выхватил пачку журналов за тысяча девятьсот восемьдесят третий год (самого Максима тогда ещё и на свете-то не было!) и потащил на кухню.

“Кругозор” позиционировал себя как общественно-политический и литературно-музыкальный звуковой журнал, главной “фишкой” которого были гибкие пластинки, вшитые между страницами. Это были аудиозаписи довольно приличного качества, включающие в себя и советскую эстраду, и классическую музыку, и хиты зарубежных рок-исполнителей... Сейчас, в эпоху аудиокассет и стремительно набирающих популярность компакт-дисков, эти пластинки были никому не нужны. Их с матерью старый проигрыватель грампластинок давно ушёл на помойку за ненадобностью, его заменил двухкассетный магнитофон, который они планировали как можно скорее поменять на настоящий музыкальный центр.

— Номер за март... шестнадцатая страница, — сказала мать бесцветным голосом. — Открой.

Злясь на неё за эту непонятную загадочность (вот ещё, интриганка нашлась!), Максим нашёл требуемую страницу.

— Читай, — приказала она.

Прежде всего Максим вперился взглядом в фотографию, сопровождающую искомую статью. Это был портрет черноволосого темноглазого мужчины, чем-то отдалённо напоминающего цыгана. “Скрипач Милош Йонеску, — гласила подпись под фото. —

Румыния”.

— И?.. — так и не начиная читать, с заминкой спросил Максим у матери. Глаза успели выхватить лишь обрывки фраз, огрызки предложений:

“В двенадцать лет Милош получил свою первую скрипку Страдивари — от английской королевы, в знак уважения...”

“В возрасте пятнадцати лет записал дебютную пластинку...”

“Лауреат многочисленных международных конкурсов...”

“Много гастролирует по миру...”

“Не женат, детей нет”.

Сердце заколотилось быстрее, ладони невольно вспотели. Ему страшно было озвучить своё предположение вслух, и всё же пребывать в неизвестности тоже больше не оставалось сил.

— Да, — кивнула мать, отводя глаза, не сумев выдержать требовательного, испытывающего взгляда Максима. — Милош — твой отец.

— Что, серьёзно?! — миндалевидные глаза Лерки стали совсем круглыми, как у совы. — Ты — сын знаменитости?

Виолончель Максима, убранный в футляр, лежала на земле у их ног. Сами же они сидели плечом к плечу на бортике песочницы, чудом уцелевшей в смутное время нищеты и разрухи. С начала девяностых во дворе не осталось ни одной традиционной “старушачьей” лавочки, не говоря уж о незамысловатых детских радостях вроде турника, горки или качелей. А вот песочница, как ни странно, сохранилась, и теперь вечерами в ней часто можно было видеть компании молодёжи. Играли на гитаре, распивали пиво или дешёвый портвейн, дымили как паровозы и весело гоготали, вызывая возмущение здешних бабок, которые шипели на ребят из окон, бранились, осыпая их головы всевозможными проклятиями, но всё-таки предусмотрительно не рисковали спускаться во двор для открытой схватки. Иногда песочница служила местом встречи местных алкашей, порой в неё испражнялись дворовые собаки и кошки... вот только по прямому назначению её давно никто не использовал. Впрочем, и песок туда не завозили уже несколько лет, с самого развала Союза.

— Ну, не такая уж он и знаменитость, — буркнул Максим, немного смущаясь. — Самый расцвет его славы пришёлся на шестидесятые-семидесятые. Сейчас о нём почти забыли, — он старательно избегал слов “отец” или “папа”, точно стесняясь обозначить известного скрипача этим приземлённо-бытовым определением. — Ему вообще скоро шестьдесят исполнится, представляешь? Совсем старик...

Лерка присвистнула.

— И правда. А ведь мама твоя моложе, чем он. Как же так получилось, что... в общем, где они познакомились? Она бывала в Румынии?

— Да нет, — Максим мотнул головой. — Он... ну, этот Ионеску... сам приезжал в СССР с гастролями. В Питере был в восемьдесят четвёртом году. А в восемьдесят пятом я родился, — он покраснел.

— У них был тайный роман? — глаза Лерки алчно полыхнули, меняя цвет.

— Да какой там роман. Просто переспали разок, и всё, — видно было, что Максиму с трудом даются эти слова, ведь речь шла не об абстрактной чужой тётке, а о его родной матери. — Его постоянный пианист-аккомпаниатор не смог приехать, заболел. А мама тогда как раз работала концертмейстером в Доме Музыки, где у него должен был состояться

концерт. Она же тоже очень талантливая, — торопливо добавил Максим, точно оправдывая мать, — может сыграть с листа любую мелодию, вот её и вызвали на подмогу... Они репетировали вместе пьесу Крейслера, потом великолепно отыграли концерт, ну и... он пригласил её вечером поужинать в ресторане в знак признательности. А наутро она проснулась в его гостиничном номере. Как-то так... — ему было дико, страшно неловко делиться с Леркой такими деликатными подробностями из маминой личной жизни, даже ещё более неловко, чем в тот момент, когда он сам выслушивал от матери эти постыдные признания. Но ему больше некому было об этом рассказать. К тому же, Максим был уверен, что подруга не станет над ним смеяться. Так оно и вышло, даже более чем: рассказ произвёл на Лерку воистину потрясающее впечатление.

— Как романтично! — выдохнула она, восхищённо порхая ресницами. — Настоящая любовь с первого взгляда!

Откровенно говоря, Максим очень сомневался, что там была именно любовь. Он видел фотографии матери в молодости, она и тогда не блистала красотой: простушка с белобрысой тощей косицей, бесцветными бровями, носом-картошкой и нескладной приземистой фигурой... В год, когда она забеременела, ей исполнилось уже тридцать лет — по тогдашним меркам безбожно, критически поздно для первых родов. Впрочем, отец оказался и того старше, на момент советских гастролей ему было слегка за сорок.

— В общем, он просто уехал к себе обратно в Румынию, не спросив у мамы ни телефона, ни адреса. Явно не был настроен на продолжение романа, — с затаённой обидой произнёс Максим. — Ну, а мама обнаружила, что забеременела, уже позже...

— И она даже не пыталась его разыскать, как-то связаться? — ахнула Лерка.

Он покачал головой:

— Вообще-то я тоже считаю, что ей надо было это сделать. Но она же упёртая. Гордая, как не знаю кто, — Максим невесело усмехнулся. — Всё сама-сама-сама... вот и меня поднимала сама. Чтобы обеспечить мне счастливое детство, пахала как лошадь. Не гнушалась играть в ресторанах, на свадьбах, брала учеников и давала им уроки музыки на дому, ездила с оркестром на гастроли к чёрту на рога... просто для того, чтобы я мог нормально жить и... и тоже заниматься музыкой.

— Она молодец, — искренне произнесла подруга. — У моей матери после папиной смерти вообще пропало желание чего-либо добиваться, да и сам вкус к жизни исчез.

В её голосе звучала застарелая обида. Максим знал, что Леркин отец умер, когда ей было всего четыре года. Нелепая, несправедливая смерть — его сбил неопытный водитель прямо на пешеходном переходе. Подруга уверяла, что очень хорошо его помнит и до сих пор скучает по нему. А вот как перенесла утрату Лерина мать, Максим не был в курсе.

— Родители же вместе работали, оба были инженерами на одном предприятии, — глухо сказала Лера. — А когда папы не стало... она просто прекратила ходить на работу. Вообще перестала интересоваться тем, что происходит вокруг. Лежала на кровати сутками и молчала, будто окаменев — не открывала на стук в дверь, не ела и не пила... Она и про меня забыла. Я просто стала ей не нужна без отца, понимаешь?.. Мне было очень страшно, что она тоже умрёт, я постоянно пыталась как-то растормошить её, заставить встряхнуться, прийти в себя, говорила: “Мама, я хочу кушать. Мама, я хочу гулять. Мама, отведи меня, пожалуйста, в садик!” Она не реагировала. Целую неделю я провела с ней один на один в квартире... — Лера зажмурилась на миг. — Это была самая страшная неделя в моей жизни. Я даже не могла открыть дверь и выбраться наружу, потому что она была заперта изнутри на ключ, а

где находится этот ключ, я понятия не имела. Я целыми днями везде его искала. На полках. В шкафу. В тумбочках. В ящиках комода... Самое ужасное, что меня никто даже не хватился. Ни в детском саду, ни во дворе... Все знали, что я потеряла отца, и решили, что мы с мамой просто куда-то уехали на время, чтобы отвлечься от своего горя.

Максим потрясённо сглотнул, уставившись на неё во все глаза.

— Как же ты смогла продержаться целую неделю? Что ты ела?

Лера пожалала плечами.

— Всё, что нашла на кухне... сначала был хлеб, но он очень быстро закончился, буквально на второй день. Потом разыскала мешок сухариков. Сырую морковь... чистить я её тогда ещё не умела, поэтому, кое-как помыв, грызла вместе с кожурой. В холодильнике обнаружили какие-то консервы, но открыть их я так и не смогла. Пыталась, конечно, но силёнок не хватило, только руку консервным ножом порезала... Ела сырые яйца. Пила воду из крана, иногда добавляя в неё сахар и уговаривая себя, что это компот.

Максим схватил её за плечи, умоляюще встряхнул:

— Быстро скажи, как и чем всё это закончилось!

Лера невесело усмехнулась.

— Ну, я же сижу сейчас здесь, с тобой, живая и здоровая. И маму мою ты знаешь, стало быть, она тоже в порядке... Но, если коротко: через неделю соседи наконец-то услышали, как я реву под дверью, всполошились и вызвали милицию.

— А дальше? — жадно спросил Максим. — Твоя мама постепенно пришла в себя?

— Наоборот. У неё обнаружили психическое расстройство, развившееся на фоне депрессии, — пряча глаза, отозвалась Лера. — Её определили в... специальную больницу, — она не произнесла слово “психушка”, но Максим прекрасно понял, что она имеет в виду. — А меня взяла к себе в деревню мамина сестра тётя Тоня. Я прожила у неё целый год. Плохо помню, чем занималась там всё это время... отложилось в памяти только, как тётя сама рубила кур и резала кроликов. Мне это до сих пор иногда в кошмарах снится... — её передёрнуло. — А потом маму выписали, и она приехала в деревню, чтобы забрать меня домой. Потихоньку всё наладилось. Она устроилась техничкой в школу, ну и... дальше ты знаешь.

Максим молчал. Что он мог сказать этой девочке — он, чистенький, сытый, благодаря матери не знавший в жизни практически никаких забот?..

Лера сама поспешила перевести тему. Успокаивающе тронула его за плечо, улыбнулась и спросила с жадным любопытством:

— Так что ты теперь собираешься делать? Не хочешь написать отцу письмо? Наверняка раздобыть его адрес — не такая уж проблема...

Максим не без труда вспомнил, о чём вообще шла речь, прежде чем отозвался:

— Для начала я хочу получить паспорт с его фамилией. Буду не просто Чащин, а Чащин-Ионеску. Мама одобрила, — торопливо добавил он, заметив, как ошарашенно уставилась на него Лерка. — Говорит, что такая фамилия даже более благозвучна для моей будущей концертной деятельности. Она же свихнулась на идее сделать из меня великого музыканта, — привычно хмыкнул Максим. — Может, в глубине души надеется, что я прославлюсь на весь мир — даже больше, чем мой знаменитый папенька, и тогда она разыщет его и гордо скажет: видишь, какое счастье ты профукал, идиот?

— Чащин-Ионеску... — задумчиво повторила Лера, словно перекатывая это сочетание слов на языке, пробуя на вкус. — Вообще, конечно, необычно, но очень красиво. Вот только... — она запнулась на миг, — наши олухи в школе засмеют же. Это слишком сложно для их куриных мозгов.

— А не пошли бы они, — пренебрежительно отмахнулся Максим. — У меня есть отец, я хочу носить его фамилию... и его отчество. Точка.

— А... его согласие не требуется?

— Нет, у меня же в свидетельстве о рождении в графе “отец” вообще никто не указан. Так что согласие должна дать только мама, а она, как я уже упоминал, совсем не против... — Максим не договорил фразу, словно внезапно забыл, о чём шла речь, и уставился куда-то за Леркиной спиной, напряжённо закусив губу.

Обернувшись, она проследила за направлением его взгляда и сразу же обнаружила, что чуть поодаль, возле парадной, остановились Наденька и Эдик. Очевидно, парень провожал подругу до дома.

Максим следил за парочкой с жадной тоской, досадой и плохо скрываемой ревностью. Те не заметили их в песочнице — стояли, нежно держась за руки, и о чём-то тихо переговаривались.

— Тебя всё ещё не отпустило? — спросила Лерка участливо. — До сих пор сохнешь по ней?

— Ничего я не сохну, — Максим быстро отвёл взгляд, как преступник, пойманный с поличным.

— Ну-ну, рассказывай мне сказки, а то я не вижу, — насмешливо протянула Лерка. — Ты аж трясёшься, когда её видишь.

— Это не я трясусь, а, наверное, у тебя в глазах всё скачет, — беззлобно огрызнулся он.

— Хочешь сказать, что разлюбил Наденьку?

— Я и не любил её никогда, — с заминкой ответил Максим. — Это было простое увлечение.

Тем временем Эдик за плечи притянул Наденьку к себе и принялся целовать. Делал он это весьма уверенно и умело, явно не в первый раз. Кровь отхлынула от лица Максима. Лерка взглянула на него с искренним сочувствием и смущённо кашлянула, не зная, чем

помочь другу, как утешить.

— Слушай, а ты... целовалась когда-нибудь? — спросил вдруг Максим, нервно усмехнувшись. Однако, к его великому удивлению, Лерка уверенно кивнула:

— Конечно!

Он аж опешил. Ничего себе — “конечно”! Скажите на милость, какая опытная... Он сам, к примеру, не мог похвастаться подобными успехами.

— Когда? С кем? — хмуро поинтересовался Максим.

— Давно, ещё в детском саду, с Виталькой Фёдоровым. Нам тогда по шесть лет было, — невозмутимо отозвалась Лерка. Он некоторое время ошеломлённо переваривал услышанное, а потом с облегчением выдохнул и необидно фыркнул:

— Блин, дура... я же не про такие поцелуи спрашиваю.

— А чего сразу “не такие”? Мы вполне по-взрослому целовались! — запротестовала Лерка. — Кстати, и не только целовались... — добавила она многозначительно. Максим закрыл уши ладонями и замотал головой, борясь с подступающим к горлу предательским смехом:

— Не желаю этого слышать! Малолетние развратники.

— Он, между прочим, предложил мне выгодную сделку, — спокойно продолжала Лерка. — Говорит: Богданова, если ты меня поцелуешь, я тебе письку покажу.

— Не-е-ет, — застонал Максим, уже почти хрюкая от еле сдерживаемого хохота. — И что, тебе это предложение показалось столь заманчивым, что ты согласилась?!

— А почему бы и нет, интересно же. Откуда ещё мне было черпать сведения о различии полов, — хихикнула Лерка, пожимая плечами. — У Фёдорова хотя бы младшая сестра имелась, а для меня вся эта анатомия мальчиков представлялась тёмным лесом...

— Ну и что? — с искренним любопытством спросил Максим. — Показал?

Она кивнула:

— Ага. В кустиках за верандой, во время прогулки.

— Впечатлилась?

— Да знаешь, как-то... не особо, — призналась Лерка. Они с Максимом застенчиво переглянулись и, не выдержав, захлёб засмеялись на весь двор.

Парочка, с упоением целующаяся возле подъезда, слышала этот смех и с испугом распалась: Наденька и Эдик отпрянули, буквально отпрыгнули друг от друга.

— Хватит угорать, идиоты! — возмущённо крикнул в их сторону Скворцов, приняв это безудержное веселье на свой с Наденькой счёт.

— Ничего смешного, — с обидой подтвердила Наденька. — Лучше бы сами целовались, чем детский сад устраивать.

Заслышав про поцелуи и детсад, Максим и Лерка заржали с удвоенной силой, почти сложившись пополам от хохота, у них даже слёзы на глазах выступили. Им обоим, что называется, “смешинка в рот попала”, и остановиться было решительно невозможно.

— Мы... не можем целоваться, — с трудом выговорил Максим, задыхаясь. — Я пока не готов показать Лерке то, чего она ждёт... в награду за поцелуй, — и снова грянул оглушительный взрыв смеха.

— Дебилы! — крикнула в их сторону всерьёз оскорбившаяся Наденька и резко скрылась за дверь. Эдик, потоптавшись на месте, явно раздосадованный, бросил в сторону Лерки с Максимом злобный взгляд, засунул руки в карманы и, ссутулившись, зашагал прочь.

Начало двухтысячных

Тем летом, когда Максиму исполнилось пятнадцать, в их с Леркой жизни произошло два знаменательных события: он выпустился из музыкальной школы, а её неожиданно завербовали манекенщицей в одно из модельных агентств Питера.

Окончание музыкалки вызвало у Максима смешанные чувства: с одной стороны, ощущение лёгкости и свободы, сброшенного с шеи многолетнего ярма, а с другой — зияющая пустота и внезапно образовавшаяся прорва свободного времени, которое непонятно было, куда и девать.

Разумеется, окончание музыкальной школы не означало прощания с самой Музыкой — Максим уже знал, что это его дальнейший путь, его судьба, и никуда ему от этого не деться. Они с Дворжецкой договорились об индивидуальных занятиях у неё на дому: она пообещала готовить парня к различным музыкальным конкурсам и фестивалям. К тому моменту Максим уже успел немало поездить по стране и имел за плечами несколько престижных побед в городских, региональных и общероссийских состязаниях юных скрипачей и виолончелистов. Однако Дворжецкая (наперебой с матерью) пророчила ему, ни много ни мало, международную славу... а значит, самое интересное в его музыкальной карьере только начиналось.

Выпускной вечер прошёл на подъёме, очень трогательно и лирично. Сначала ребятам были вручены дипломы (точнее, свидетельства об окончании полного курса по специальности, но всё равно это были самые настоящие “корочки”, а у Максима ещё и красного цвета, что наполняло его душу тайной гордостью), после чего юные музыканты устроили для мам-пап и прочих родственников традиционный праздничный концерт. Затем выпускников ждали дискотека и сладкий стол.

К Максиму на выпускной пришли мама и Лерка: обе нарядные, красивые, невероятно счастливые. Лерка впервые чуть тронула губы нежно-розовой помадой, её пышные каштановые волосы волнами рассыпались по плечам, а светлое платье с широкой, струящейся по ногам юбкой деликатно и в то же время соблазнительно обхватывало неправдоподобно тонкую талию и подчёркивало уже явно заметную юную грудь. Максим не знал, что платье перешито Леркой самолично из старого материнского, да и не задумывался об этом: главное, оно очень шло подруге, этакий ретро-стиль, девушка из семидесятых. Раскосые глаза подруги сверкали восторгом и неподдельной радостью: поздравляя Максима с дипломом, она прижалась к нему на миг, обхватила руками и расцеловала в обе щёки, обдав смущённого выпускника манящей сладостью своего дыхания и ароматом свежих ландышей.

— Ну просто Вивьен Ли! — всплеснула руками Дворжецкая, завидев Лерку рядом с Максимом. — Красавица! Настоящая красавица!

Ему и самому было странно видеть свою китаёзу такой. Он, конечно, давно уже перестал обзывать её уродиной, да в глубине души никогда и не считал ею Лерку, но вот только предположить, что одноклассница может быть настолько привлекательной, он тоже не мог. Никак не мог...

А она действительно была дивно хороша. Немногочисленные парни, выпускающиеся вместе с ним из музыкалки в этот торжественный день, невольно сделали охотничью стойку в сторону нежной, как ранняя весна, девушки и распустили слюни. Она охотно принимала приглашения на танец во время дискотеки, и Максим понимал, что самым идиотским образом почему-то ревнует её ко всем этим долговязым прыщавым недоумкам, которые

вообразили себе, что имеют право на косоглазую. На его косоглазую...

В конце концов, он успел перехватить девушку между двумя “медляками”, буквально выхватив её, уведя из-под носа у очередного соперника.

- “Спляшем, Пегги, спляшем?” — пробормотал он, пряча за ироничной усмешкой и строчками старинной шотландской песенки своё невероятное смущение, даже внезапную робость.

А Лерка, такая бойкая, радостно оживлённая и раскованная с другими мальчишками, вдруг робко опустила ресницы, тоже смутившись.

— Спляшем... — тихо отозвалась она, и в тот же миг он почувствовал, как две тонкие девичьи руки легли ему на плечи. Почувствовал — и едва не задохнулся от волнения, возбуждения, её пьянящего весенне-цветочного аромата, от близости этих сумасшедших раскосых глаз, самых красивых, самых притягательных, самых восхитительных глаз в целом мире...

Весь июль они вчетвером (Максим, Лерка, её лучшая подруга Наденька и, конечно же, Эдик Скворцов, который таскался за Наденькой, как приклеенный) проторчали на пляже Петропавловской крепости.

Нежились на золотистом песочке, загорали, иногда даже купались, хотя Наденька ворчала, что вода в Неве грязная и окунаться в неё — всё равно, что совершать самоубийство, обязательно подцепишь какую-нибудь заразу. Сама она ограничивалась лишь тем, что заходила в воду по щиколотки и мыла перепачканные песком ноги. Однако Максим и Лерка лишь посмеивались над её страхами, уверяя, что у невской водицы — особая энергетика, да и лень было тащиться в душном общественном транспорте далеко за город. Не ехать же, в самом деле, в Зеленогорск или Сестрорецк, умирая от жары. А Петропавловка — самый центр, из дома рукой подать, и какой роскошный вид открывается с пляжа...

В то время как Наденька со Скворцовым валялись на расстеленном на песке покрывале и обжимались, не стесняясь остальных отдыхающих, Максим с Леркой плескались в воде и посмеивались про себя над этой нежной парочкой, которая боялась даже ножки лишней раз замочить.

Когда они выползали на берег, чтобы немного обсохнуть и перекусить прихваченными из дома бутербродами или фруктами, Максим принимался беззлобно подкалывать Наденьку.

— Эй, принцесса! — говорил он ей. — Воды бояться — на пляж не ходить. И, между прочим, торчать на открытом солнце несколько часов без перерыва — куда вреднее и опаснее. Смотри, сгоришь...

— Ай, Макс, — морщилась Наденька, зябко поёживаясь от летящих на неё ледяных брызг, — отвали, встань куда-нибудь подальше, с тебя капает.

— Боишься, заражу чем-нибудь? — смеялся он и принимался нарочно трясти мокрой головой, что ещё больше выводило Наденьку из себя. Лерка в такие моменты лишь закусывала губу и напряжённо улыбалась: она понимала, что у друга ещё не окончательно пропал интерес к этой златокудрой фарфоровой кукле, и он сейчас просто выделяется, по-пацански пытаясь привлечь внимание своими глупыми выходками.

— Макс, ты правда достал, как в ясельной группе, честное слово, — Эдик сделал козырёк из ладони и лениво приоткрыл один глаз. Он был на два года старше их всех и не мог удержаться, чтобы лишней раз не ткнуть этим в Максима. — Надо было тебе совочек, лейку и ведёрко принести с собой из дома. Строил бы куличики, поливал всех водичкой из леечки... — и он по-хозяйски закинул руку Наденьке на плечо, всем своим видом

демонстрируя, что сам-то давно вырос из подобных ребячьих забав.

Максима это отношение “сверху вниз” уязвляло и унижало, хоть он и старался не выдавать своих чувств. А вот не выдавать до сих пор иногда прорывающейся симпатии к Наденьке получалось у него не всегда... Трудно было удержаться, видя вблизи это роскошное, вполне уже созревшее, совершенно не девичье тело, едва прикрытое купальником. Налитое, как сочное спелое яблоко, это было тело настоящей молодой женщины. Худенькая изящная Лерка на фоне подруги смотрелась дистрофиком: у Наденьки были упругие бёдра, чей крутой изгиб сводил Максима с ума, и пышная аппетитная грудь. Этому зазнайке Скворцову невероятно повезло... Когда Наденька шла по пляжу, мужики сворачивали шеи ей вслед.

В один из тех июльских дней на пляже к их компании и подошёл модельный агент.

Первым обратил на него внимание Эдик.

— Макс, — привычно застонал он, не открывая глаз, — отойди, ты опять мне солнце загораживаешь.

— Чего? — возмутился Максим, который в это время преспокойно развалился на покрывале, тоже принимая солнечную ванну. — Я-то тут при чём?

Эдик повернул голову и обнаружил, что над их лежбищем возвышается какой-то посторонний мужчина и беззастенчиво всех разглядывает. Особенно пристально — девчонок.

— Тебе чего, дяденька? — поинтересовался Скворцов дурашливо, хотя в глубине души был взбешён подобной бесцеремонностью.

— Царь Нептун тебе дяденька, — добродушно откликнулся незнакомец, не отрывая внимательных глаз от Леры. — А к старшим нужно обращаться на “вы”.

Тут уж встрепенулись и все остальные: Макс, Лерка и Наденька, наконец, тоже заметили незваного гостя и обеспокоенно приподнялись, бросая в его сторону тревожные взгляды. Взрослый посторонний мужик, мало ли, что у него на уме, может, маньяк какой-нибудь.

— Вам сколько лет, юная леди? — обратился чужак к Лерке. — Четырнадцать уже исполнилось?

— А вам-то что? — хмуро буркнула она, невольно поджимая под себя длинные стройные ноги и набрасывая на плечи полотенце.

— Ну надо, раз спрашиваю. Не бойтесь, это исключительно профессиональный интерес.

— Какой ещё “профессиональный”? — вскинулся и Максим, закипая от этого оценивающего наглого взгляда. — Вы кто такой, вообще?

— Я работаю в агентстве “Neva Models”, зовут меня Валентин. Занимаюсь поиском новых лиц и интересных типажей для обучения в школе моделей и последующего трудоустройства в этом бизнесе... — спокойно, даже несколько официально, отозвался тот.

— В модельном? — и у Лерки, и у Наденьки загорелись глаза. В те годы это было пределом мечтаний любой девчонки. Жизнь манекенщиц представлялась им сплошной чередой праздников и развлечений: дорогие фирменные шмотки, съёмки для модных журналов, показы новых коллекций и поездки за границу...

— Именно так, — важно кивнул Валентин. — Впрочем, для сомневающих... вот моя визитка, — он засунул руку в нагрудный карман своей рубашки и вытащил оттуда маленький картонный прямоугольник, а затем протянул его Лерке. Целенаправленно — именно ей,

игнорируя Наденьку.

— Так что там насчёт возраста? — напомнил он Лерке, пока она с жадным, почти благоговейным любопытством изучала визитку. Девчонка с трудом вернулась с небес на землю.

— А-а-а... да, мне уже есть четырнадцать. Через месяц пятнадцать будет.

— Отлично. А рост у тебя какой? — незаметно переходя на “ты”, спросил Валентин, запросто опускаясь рядом с ней на покрывало.

— Метр семьдесят два... — отозвалась она, немного смущаясь. В школе все и так дразнили её дылдой, оглоблей и каланчой.

— Маловато, но каблуки это исправят, — невозмутимо отозвался агент.

— Вы что, всерьёз сейчас мне это всё предлагаете? — спросила Лерка, краснея от удовольствия, и веря, и не веря — таким тоном, будто Валентин уже бросил к её ногам и Париж, и Милан, и Нью-Йорк, пообещав любовь всех самых знаменитых мировых кутюрье.

— Пока что я тебе ничего особенного не предлагаю, кроме как попробовать. К сожалению, даже с моим нюхом и чутьём на “звёзд” я не могу стопроцентно гарантировать тебе, что карьера пойдёт. Нужно будет сделать тестовые фото, взглянуть на тебя на подиуме... В любом случае, сейчас самое подходящее время, чтобы начать нарабатывать необходимые навыки, — серьёзно сказал Валентин. — Годам к шестнадцати у тебя уже должно быть хорошее, качественное портфолио и обширный профессиональный опыт. Ни один известный дизайнер не выберет тебя для своего показа, если ты не училась и не умеешь красиво двигаться по подиуму. Опять же, ни один хороший фотограф не пригласит модель для съёмок, если она не умеет позировать.

— Лер, — Максим обеспокоенно тронул её за плечо, — ты что, принимаешь все эти бредни за чистую монету? Ты его даже не знаешь, а уши развесила...

— Да погоди ты, — не глядя на него, отмахнулась Лерка, продолжая тарашиться Валентину в лицо, как замороженная. — А что такое порт... портфолио?

Не обратив ни малейшего внимания на уничижительную реплику Максима, точно она была не громче комариного писка, Валентин спокойно разъяснил девчонке:

— То, с помощью чего агентство будет представлять модель клиентам. У начинающей модели портфолио — это подборка её лучших фотографий. У профессиональной же модели портфолио посOLIDнее, оно состоит из реальных обложек и страниц гляцевых журналов.

— Здорово... — выдохнула она, уже явно рисуя в своём воображении все эти обложки со своими фотопортретами на них.

— Кстати, предполагаются заграничные поездки. Как у тебя с английским?

— Учю в школе... — Лерка, робея, пожала плечами.

— В общем, — Валентин взглянул на часы на своём запястье и поднялся с покрывала, — мне пора, даю тебе немного времени на то, чтобы подумать. В визитке указан телефон. Позвони завтра с десяти до часу, запишись на просмотр. Скажешь, что от меня, лишних вопросов не будет.

— Извините, — преодолевая смущение и краснея, как свёкла, выдавила из себя молчавшая до этого момента Наденька. — А мне нельзя прийти с Лерой... за компанию, попробовать? Вдруг я тоже подойду?

Валентин скользнул по её лицу и телу профессиональным оценивающим взглядом и покачал головой.

— Прости, но нет, не подойдёшь.

— Вот так сразу? — видно было, что Наденька, привыкшая купаться в море восхищения и комплиментов, не на шутку оскорблена тем фактом, что ей предпочли невзрачную Лерку. — Я что, такая уродина?

— Не уродина, но для модели у тебя избыточный вес, слишком большие грудь и задница, — невозмутимо пояснил он. — Да и типаж... прямо скажем, несовременный. Пора Мэрилин Монро давно прошла.

— Вы что себе позволяете? — вскинулся было Эдик, однако Валентин остановил его лёгким, но властным движением руки.

— Не надо истерить, молодой человек. Я всего лишь даю бесстрастную оценку внешности с прицелом на профессиональные перспективы.

Он изящно стряхнул со штанин налипшие песчинки, приветливо улыбнулся всей компании и, безупречно вежливо откланявшись, удалился. Никто и опомниться не успел. Словно чёрт из табакерки — появился и исчез...

Ошеломлённый Максим перевёл взгляд на всё ещё сияющую Лерку и с подозрением поинтересовался:

— Надеюсь, ты не собираешься туда звонить и, тем более, ехать?

Она изумлённо уставилась на него, словно он спросил несусветную глупость.

— Ты что, Макс, с дуба рухнул?! Ну разумеется — и позвоню, и поеду. Я буду полной дурой, если упущу такой шанс!

В тот день они крупно поссорились. Откровенно говоря, атмосфера на пляже после ухода Валентина и так была не очень. Наденька явно дулась на подругу, точно это Лерка была виновата в её унижении. Верный Эдик в качестве утешения поволок Наденьку в кафе-мороженое, а Макс поехал провожать Лерку до дома. Вот тогда-то всё и произошло.

— А в чём кайф, можешь мне объяснить? — мрачно поинтересовался Максим у Лерки уже во дворе: всю дорогу они оба хранили молчание, причём каждый молчал о своём. — Ходить по подиуму и крутить жопой перед пускающими слюни извращенцами?

Лерка небрежно передёрнула плечами.

— Это возможность хорошо выглядеть, хорошо одеваться. И... хорошо есть.

— А ты что, голодаешь? — фыркнул Макс. — Или ходишь в обносках?

Леркино лицо вдруг исказилось гримасой застарелой боли, точно он ударил по самому больному.

— погоди, — осенило вдруг его. — Так ты... вы с мамой... вам что, денег не хватает?

Раньше он никогда не размышлял о подруге в подобном ключе. Да, наличие матери-уборщицы вызывало глупые усмешки в младших классах, но... Максим даже не задумывался прежде о том, какие проблемы стоят за этим, помимо банального социального статуса.

— Не хватает... — язвительно передразнила его Лерка. — Когда ты идёшь в магазин, набираешь полный пакет продуктов и у тебя не остаётся денег на мороженое или шоколадку — вот это называется “не хватает”, Макс. В моём случае всё проще: завтрак считается обильным, если к чаю есть булка, хорошо бы с маслом, а не просто сухарики... Мы живём на одну мамину зарплату. Знаешь, сколько получают технички? Сказать?! На какую-то серьёзную работу или хотя бы подработку меня не берут в силу возраста, кому нужна четырнадцатилетняя соплюха?

— Лерка... — он в смятении схватил её за руку, заставил взглянуть себе в глаза, чувствуя себя при этом полным идиотом, тупым бараном, невероятным тормозом. — Почему ты мне никогда этого не говорила? Блин, ну какая же ты дура... могла бы приходить к нам обедать и ужинать, — сбивчиво заговорил он, сам не понимая, что несёт, но отчаянно, искренне, от души желая хоть как-то помочь.

Леркины щёки пошли пятнами стыда. Она вырвала свою руку, подняла голову и уставилась на Максима недобро сузившимися глазами.

— Обедать и ужинать? — переспросила она. — Макс, ты совсем рехнулся, что ли?! Я тебе не нищенка, в подаяниях не нуждаюсь.

— Я же не в этом смысле, — забормотал он в чистосердечном раскаянии.

— А я — в этом! Не хочу побираться! Хочу иметь возможность зарабатывать сама, понимаешь? Хочу есть бутерброды не только с маслом, но с и сыром! — выкрикнула Лерка. — Хочу зимой надевать под брюки не штопанные, а целые колготки! Хочу покупать себе новые платья, а не донашивать допотопные материнские! Я что, так много желаю?.. По-моему, это элементарные вещи, Макс. И тут мне подворачивается такая прекрасная возможность, о которой можно только мечтать, а ты... ты, как дурак, хочешь всё испортить!

— Да я же волнуюсь за тебя, идиотка косоглазая! — не выдержав, заорал Максим. — У тебя жизненного опыта — ноль, с тобой там что угодно может случиться, в этом твоём “агентстве”... Ты хоть что-нибудь знаешь об их конторе? Вдруг это вообще... небезопасно?

Ходить полуголой перед каждым озабоченным мужиком, который выложит за это достаточно денег...

— По-моему, ты уверен, что модель — это примерно то же самое, что и девочка по вызову, — заметила Лерка презрительно. Максим промолчал, в глубине души именно так и считая.

— Господи, Макс, ну какой же ты смешной, — она примирительно обняла его. — Ты ничегошеньки не понимаешь, проституция здесь ни при чем. Да модель — это самая лучшая, самая желанная профессия для любой девушки, с помощью которой можно осуществить все свои мечты!

— А какие у тебя мечты? — раньше он никогда не спрашивал подружку об этом. Лерка чуть зарумянилась от смущения, но уверенно ответила:

— А вот представь себе картинку... Подиум, по которому иду я, гордо смотря вперёд и всей кожей чувствуя восхищённые взгляды публики. Плавно подхожу к краю, и вдруг, словно очнувшись от оцепенения, все фотографы начинают, как сумасшедшие, щёлкать затворами своих фотоаппаратов, ослепляя десятками, сотнями вспышек... Это же, должно быть, потрясающее чувство, Макс, — её глаза лихорадочно блестели. — Смотреть в зал и видеть, слышать, как тебе аплодируют твои кумиры, сидящие в первых рядах: певцы, актёры, дизайнеры... и в эту самую минуту самой становиться для них кумиром!

— И ты действительно веришь, что всё это возможно? — горько усмехнулся он.

— А почему нет? — лампочки в её глазах медленно потухли.

— Лер, ну давай откровенно, — Максим и сам понимал, что слова эти могут прозвучать обидно, даже оскорбительно, и отдавал себе отчёт в том, что перегибает палку, но сейчас он готов был пойти на всё, чтобы её остановить, чтобы спустить сумасшедшую девчонку с небес на землю. — Между нами... в модели же берут красавиц. А ты... честно говоря... совсем не тянешь.

Лерка изменилась в лице. Глаза её вмиг сделались колючими, серыми и злыми, даже враждебными. Совершенно чужими, как у незнакомки. Он уже и сам испугался того, что сказал, но было поздно.

— Ну и сволочь же ты, Макс, — прошипела она и, резко развернувшись, бросилась к дому.

Сколько раз потом они вот так же били друг друга словами — наотмашь, целясь в самые уязвимые точки, стараясь сделать больно, больнее, ещё, ещё больнее!..

И всякий раз за этим стояло только одно: мучительный, изматывающий страх потерять друг друга.

Они не разговаривали и не виделись весь остаток каникул. Даже седьмого августа, в день Леркиного рождения, Максиму нигде не удалось с ней пересечься и поздравить.

Иногда он обиняком расспрашивал о подружке Наденьку, но та знала не больше Максима: Лерка практически перестала забегать к ней в гости и вообще появляться в этом дворе. Вроде бы, её взяли в школу моделей, и она активно приступила к учёбе.

Максим с трепетом ожидал начала занятий, так как безумно соскучился по своей китаёзе. Не станет же она бегать от него в школе при всех, им придётся поговорить и (он надеялся) помириться. Однако на торжественную линейку первого сентября Лерка не пришла... Это был настоящий удар под дых. Максим понял, что дальше так продолжаться не может. Он просто не выдержит, не справится без неё!

Еле досидев положенное время в классе, из школы Максим направился не домой, а

прямоком к Леркиному дому. В квартире её не застал, но, преисполненный решимости дождаться подругу во что бы то ни стало, уселся на лавочку и запасся терпением.

В итоге он проторчал в её дворе до самого вечера. Из школы давно уже возвратилась Леркина мать — устало и медленно, как старая лошадь, прошла мимо него с тяжёлой сумкой в руке, не обратив на Максима никакого внимания. А может, просто не узнала его. Он почему-то не решился заговорить с ней, расспрашивать о дочери — ему хотелось задать все вопросы лично.

Лерка вернулась домой в десятом часу вечера. Её подвёз какой-то хлыщ на иномарке. Она выпорхнула из машины, весело поблагодарила, махнула ладошкой и зацокала каблучками в сторону парадной. Заметила Максима на лавочке, споткнулась от неожиданности, замедлила шаг...

Это была обновлённая, невероятно похорошевшая Лерка. Волосы сияли, лицо было свежим, а нежная кожа щёк — разрумившейся, призывно блестели влажные розовые губы... Чёрт, она была красавицей. И при этом какой-то чужой, удивительно изменившейся всего за месяц. Одета подруга тоже была по-новому: стильная юбка до колен, яркая блузка, явно дорогие туфли, в руках — изящная сумочка.

— Чего тебе? — спросила она не особо приветливо, но, впрочем, без излишней враждебности.

— Да вот... с днём рождения! — от растерянности выпалил Максим, хотя с седьмого августа прошло уже больше трёх недель.

Уголок Леркиного рта дрогнул в кривой усмешке.

Они сидели на лавочке и разговаривали уже второй час подряд — никак не могли наговориться, захлёб делясь новостями. Больше всего, конечно, делилась Лерка: ей действительно было, что порассказать, и она тараторила без умолку.

Её в самом деле взяли в школу моделей при агентстве “Neva Models”. Занятия велись с утра до вечера, одному только подиуму ежедневно посвящалось четыре часа в день. Лерка уже обзавелась собственным портфолио и даже поучаствовала в нескольких съёмках: для подросткового девичьего журнала “TeenGirl”, для каталога молодёжной одежды (ради чего её и ещё нескольких девочек возили в Москву, заплатили сто долларов за два съёмочных дня — немыслимые, сумасшедшие деньги для дочери технички!), для наружной рекламы какого-то турагентства...

— На ноябрьские праздники обещают вывезти всю школу в Стокгольм на одно небольшое, но важное модное мероприятие. Я и загранпаспорт уже делаю, — похвасталась Лерка.

— Ты довольна? — спросил Максим, отчаянно ревнуя её к новой жизни, в которой ему совсем не находилось места, и в то же время радуясь за подругу.

— Я счастлива! — без запинки отозвалась Лерка.

— Тебя там... никто не обижает? — спросил он с беспокойством. Она весело замотала головой.

— Ну, что ты! У нас очень хорошие и дружные девчонки подобрались. Никакого стекла в туфли и прочих глупостей, это всё мифы.

— Просто вам пока и делить особо нечего, — рассудительно заметил Максим. — А вот когда полноправно вольётесь в мир большой моды... Но я имел в виду немного другое: из заказчиков, клиентов — никто ничего не...

— Ни в коем случае! — торопливо перебила она. — Руководство агентства гарантирует, что моделям никогда не предложат ничего оскорбительного или унижительного, что порочило бы их честь, достоинство и репутацию. Ты знаешь, что наш директор разорвал контракт с зарубежным агентством только из-за того, что тамошний менеджер повысил голос на одну из наших девочек?

— Ну просто рыцарь, — усмехнулся Максим. — Хорошо, если так... — он замялся, но всё-таки спросил:

— Кто это тебя подвозил до дома?

— А, это Артурчик, — она махнула рукой. — Фотограф. Нам с ним по пути, он частенько меня захватывает по дороге домой.

Максим почувствовал, как сжимается в тисках ревности его сердце.

— У вас с ним... что-то есть? Он тебе нравится? — с трудом выговорил он.

— Дурак, что ли? — фыркнула Лерка, искренне развеселившись. — Во-первых, он уже старый — ему двадцать семь лет! А во-вторых, всем известно, что Артурчик — гей.

Гей, значит. Ну, хоть так... Максим с облегчением улыбнулся, искоса взглянул на Лерку. Как же он всё-таки соскучился по ней, по её смеху, её голосу...

— Ты очень красивая, Лер, — вырвалось у него. Она смутилась на мгновение, но тут же беззаботно рассмеялась:

— Вот видишь, как мне моделинг на пользу пошёл! Даже из такой косоглазой уродины, как я, сделали ничего так... В буквальном и переносном смысле закосила под симпатяжку!

— Ты красивая, — глухо повторил он. — Всегда была.

— Ну, а как у тебя? — мило покрасневшая Лерка поспешила перевести разговор на менее смущающую обоих тему. — Как успехи на конкурсе, к которому ты готовился всё лето — он ведь уже прошёл? “Хрустальный смычок”, кажется...

— Дипломант второй степени, — ему было приятно, что Лерка помнит о том музыкальном конкурсе юных скрипачей и виолончелистов, и в то же время неловко из-за того, что он не стал победителем. — Уступил Андрею Веселову из Москвы. Говорят, новая восходящая звезда...

— Вот ещё, глупости, — Лерка пренебрежительно фыркнула. — Восходящая звезда — это ты. И то, что в этот раз первое место досталось другому — чистая случайность. Ты — лучший, понял? И никакой Андрей Веселов не может и не будет тебе соперником!

Знала бы Лерка, знал бы сам Максим, что десять лет спустя этот самый Андрей Веселов станет ей никем иным, как законным супругом...

— Ладно, мне пора, Макс, — спохватилась она, взглянув на часы. — Мама волнуется, да и поздно уже. Завтра с утра съёмка для каталога, нужно хорошо выспаться, чтобы не выглядеть пандой...

— А как же школа? — растерялся и расстроился Максим: ему не хватило сегодняшнего разговора, он не наболтался с ней, не насмотрелся, не надышался ею... это была ничтожно малая доза общения после невыносимой месячной разлуки. Крошечная порция, которая только разожгла аппетит.

— Недельку придётся прогулять, — она пожала плечами. — Да не переживай, наверстаю, в начале года программа несложная, я уже полистала учебники.

— А когда мы теперь увидимся? Я имею в виду, вне школы, — спросил он. Тон

получился что-то уж совсем жалобным. Чёрт, он не хотел её отпускать!

— Не знаю, Макс, — она отвела взгляд. — Мне правда сейчас очень некогда, свободного времени практически не бывает. Давай... давай я сама тебе позвоню, если у меня вдруг выдастся свободный денёк на неделе?

Уже распрощавшись с Леркой, Максим вспомнил, что так и не отдал ей приготовленный заранее подарок ко дню рождения. Он сыграл на виолончели все её любимые мелодии — Генри Манчини, Эннио Морриконе, Франсис Ле — и записал их на аудиокассету. Он знал, что Лерке обязательно понравится подарок, она обожала всех этих композиторов и неизменно заливалась слезами, прослушивая саундтрек к “Истории любви” или “Поющим в терновнике”.

Всю неделю Максим безвылазно просидел дома, ожидая звонка и сердясь, если мама вдруг ненадолго занимала телефон. Он даже пропустил два занятия у Дворжецкой — просто не поехал к ней, сказавшись больным. Он не мог, просто не должен был находиться вне дома, если косоглазая ему позвонит!..

Однако Лерка так и не позвонила.

К семнадцати годам она стала настоящей звездой модельного бизнеса.

Лера снималась для журналов и каталогов, в музыкальных клипах и в телевизионной рекламе, ходила по подиуму в великолепных нарядах — и (совсем как в её давних дерзких мечтах!) публика взрывалась аплодисментами... Во взгляде девушки появилась непоколебимая уверенность в собственной неотразимости, в движения добавилась томная кошачья грация, что удивительно шло к её раскосым глазам. Она научилась себя подавать. Намотай на Леру какую-нибудь безвкусную разноцветную тряпку, накрути ей на голову безумный тюрбан из полотенца — а она всё равно спокойно вышла бы на подиум и гарантированно искупалась бы в заслуженных овациях.

Если карьера развивалась просто прекрасно, то в школе дела были вовсе не такими радужными. Учителя терпели Леру сквозь зубы — и немудрено, ведь она практически забила на учёбу, причём забила нагло, демонстративно. Оправдать постоянные прогулы было решительно невозможно. Она то пропадала по целым неделям, то являлась ко второму или третьему уроку и частенько сбегала с последних, торопясь на очередные съёмки.

Одноклассники больше не смели задирать Леру и прикалываться над работой её матери. Всё-таки, красота — это великая вещь, дающая огромную защитную силу. Парни с восхищением провожали Леру жадными взглядами, девчонки завистливо поджимали губы при виде модных шмоток и шушукались. Даже Наденька, бывшая когда-то лучшей подругой, — и та отдалилась, слишком мало теперь у них было точек пересечения и общих интересов.

Лера с трудом переползла в выпускной класс — и то во многом благодаря помощи Максима, который делал за неё домашнюю работу и давал списывать на контрольных. Впрочем, она не особо парилась по поводу оценок — получить бы аттестат, а там гори оно всё огнём! Её ждут Париж, Милан, Нью-Йорк и Токио!

Дворовые бабульки предсказуемо окрестили Леру “шалавой” — ну а кем ещё прикажете считать особу, выросшую без отца, мать которой много лет ломает хребет, трудясь простой уборщицей в школе, но при этом у девицы внезапно появляются дорогие и красивые вещи, а домой её часто подвозят разнообразные мужики, иной раз самого бандитского вида?.. К гадалке не ходи — скурвилась, продаёт себя за деньги, хочет красивой жизни, как в кино!

"Мужиков", к огорчению Максима, действительно было много, на его пристрастный взгляд. И не только коллеги по работе. Были среди них и спонсоры, и поклонники... и другие сомнительные личности, при виде которых пальцы Максима самопроизвольно сжимались в кулаки, и ему мучительно хотелось разбить кому-нибудь из Леркиных провожатых зубы.

— Что ты заводишься? — удивлялась она, пряча немного виноватый взгляд. — Будто ревнивый муж...

— Ты мне как сестра, пойми! — злился Максим, понимая, что в глубине души лукавит — какая уж там сестра... — Я просто не могу позволить, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

— Ничего плохого и не случится, глупый, — смеялась она. — У модели должны быть свои фанаты и обожатели, в этом нет ничего предосудительного. У меня всё под контролем, не волнуйся!

Как вскоре выяснилось, не под таким уж и контролем.

Когда Максим случайно выяснил, что девушки из Лериного агентства задействованы, помимо съёмок и дефиле, ещё и в эскорте, он пришёл в шок и ярость.

— Эскорт? — орал он так, что она чуть не оглохла. — Да у вас не модельное агентство получается, а самый настоящий бордель!

— Заткнись, — разобиделась Лера. — Ты ничего не понимаешь. Услуги эскорта вовсе не подразумевают постель.

— Да ты что?! — Максим всплеснул руками. — И что же они подразумевают? — он всё никак не мог успокоиться, его буквально колотило от мысли, что Лера может вот так запросто пойти с любым — и...

— Бывает, что у состоятельного мужчины просто нет постоянной спутницы для выхода в свет. Проще и престижнее нанять модель, можно даже не одну... — залепетала она, оправдываясь. — К примеру, один известный бизнесмен часто приглашает пятерых наших девушек на переговоры в ресторан — они всего лишь должны сидеть за столом, есть, пить и мило улыбаться.

— И что, — с язвительной недоверчивостью спросил Максим, — если кто-нибудь из этих деловых партнёров захочет уединиться с одной из приглашённых девушек — она, разумеется, откажется, влепит ему пощёчину и завопит: "Я не такая!"?

— Трогать моделей, приставать к ним и домогаться запрещено, — уже более уверенно возразила Лера. — Бывает, что на таких встречах присутствуют ребята-телохранители из агентства, они внимательно наблюдают за происходящим, чтобы вмешаться в случае чего.

— Как у тебя всё легко и просто, — съехидничал он, — прямо-таки идеально... И на всё есть такой же безупречный ответ.

Разговоры эти могли вспыхивать снова и снова и вестись бесконечно, не заканчиваясь ничем, если бы однажды, обеспокоившись долгим отсутствием Леры в школе, Максим не заявился к ней домой и не обнаружил на её лице следы побоев: кровоподтёк под глазом и разбитую нижнюю губу. Лера, не ожидавшая увидеть за дверью Максима — очевидно, думала, что это вернулась с работы мама — стыдливо наклонила голову, стараясь спрятать весь этот кошмар под упавшими на лицо волосами.

Ему показалось, что свет померк в глазах. Максим на секунду ослеп. И оглох. И

перестал что-либо соображать.

— Кто... это сделал? — выговорил он вмиг севшим голосом. И это было настолько страшно, настолько ужасающе и дико — видеть его таким, что Лера перепугалась не на шутку.

— Да всё нормально, Макс! — преувеличенно бодрым тоном зашебетала она. — Пустяки, маленькое недоразумение... уже почти прошло, честное слово.

— Кто. Это. Сделал, — отдельно повторил он.

Лера сникла.

— Клиент, — пояснила она упадочным тоном. — Рассердился, что я отказалась ехать с ним в баню после ресторана.

Макс закрыл глаза, стиснул челюсти, с шумом втянул носом воздух, призывая себя успокоиться.

— Имя клиента. Адрес. Телефон.

— Да ты что... какой адрес, Макс?! — испугалась Лера. — Я и не знаю адреса, я даже фамилию его не помню! Что ты задумал?!

“Поехать и убить. Зарыть в землю. Закатать в асфальт. Оторвать ему яйца...” — о, Максим бы мог сейчас перечислить множество вариантов. Видимо, часть из них Лера успела прочитать в его глазах... и снова безумно испугалась.

— Нет, Макс... Нет! — воскликнула она беспомощно, глядя на его окаменевшее лицо, на играющие желваки. — Правда, ничего страшного, всё позади, он... он будет наказан, честно! Его имя попадёт в чёрный список во всех модельных агентствах Питера, с ним больше ни одна девушка не поедет... — и, поскольку Максим всё ещё не отмер, продолжая стоять истуканом, она решилась на крайние меры: прильнула к нему, крепко-крепко обняла, не желая никуда отпускать, прижалась горячей щекой к его щеке и затихла... Слышно было только, как в груди глухими толчками бьётся её сердце. И его — билось в унисон. Лицо, против воли, опалило жаром.

— Я никуда тебя не отпущу, — хрипло и тихо выговорила Лера. — Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ты... музыкант, тебе нужно беречь руки. Никаких драк, никаких потасовок. И вообще, ты... ты ведь мне как брат, — вернула она ему его же слова.

Чёрта с два, косоглазая, подумал он резко и отчётливо. Чёрта с два я хочу быть тебе просто братом.

Что ж, пора было признаться в этом хотя бы самому себе: он неравнодушен к Лере. Да что там — “неравнодушен”, он по-настоящему влюблён в неё! Ну а как иначе обозвать эту потребность постоянно видеть одного человека, желание прикасаться к нему, кайфовать от звука его голоса, ловить отблеск его улыбки и ласковый взгляд... Не говоря уж о снах, в которых Лера по-прежнему являлась Максиму, дразня его и раззадоривая.

Музыка уже давно ассоциировалась у него с Лерой. Любая услышанная мелодия, так или иначе, напоминала о девушке, о каких-то важных моментах из жизни, связанных с нею, об её эмоциях: вот она сердится... а вот смеётся... вот грустит... вот мечтает, а вот — напугана или беззаботна...

Любая случайная мелочь могла послужить толчком к мыслям о Лере. Прошмыгнувшая под ногами дворовая кошка, обдавшая его презрительным взглядом своих светло-зелёных глаз, тут же вызывала воспоминания о других, человеческих глазах — дивных хамелеонах... Ломтик лимона в чае неизменно связывался в сознании с Лерой — она обожала лимоны,

могла есть их, не морщась, запихивая в рот одну дольку за другой, без сахара. “У тебя нехватка витамина С в организме”, - заявлял Максим с умным видом, на что она только смеялась и отмахивалась: “Отстань, зануда, я просто люблю лимоны!”

Каждый его день, от и до, был наполнен мыслями о Лере. Он и сам не мог себе объяснить, отчего в своё время его так переключило на Наденьку: да она проигрывала подруге всухую по всем параметрам, и внешне, и как человек. По сравнению с живой, эмоциональной, непосредственной и искренней Лерой, Наденька казалась плоской, серой, скучной... Почему раньше он этого не замечал? Повёлся на глупое кукольное личико и золотые кудряшки?

Окончание школы было для Максима и желанным, и мучительным одновременно. Он собирался поступать, ни много ни мало, в Royal College of Music — Королевский колледж музыки в Лондоне, который считался одним из лучших музыкальных учебных заведений Европы. Максим почти не сомневался, что поступит, хоть это и было самонадеянно. Стипендию на обучение ему выделил фонд “Русская виолончель”: благодаря многочисленным победам молодого виолончелиста на всевозможных конкурсах, в том числе и международных, он считался надеждой страны, чуть ли не будущим Ростроповичем. Вступительное прослушивание не особо страшило Максима, он был уверен в своих музыкальных способностях и собственных силах; гораздо больше он волновался за экзамен IELTS*, ему даже пришлось дополнительно заниматься английским языком с репетитором — школьный уровень преподавания инглиша оставлял желать лучшего.

Горя радостным нетерпением и предвкушая абсолютно новую жизнь в совершенно новой стране, он, тем не менее, испытывал горечь и смутное чувство неправильности происходящего, когда осознавал, что он-то уедет — а вот Лера останется.

Впрочем, подруга, в отличие от Максима, похоже, совсем не собиралась горевать в связи с его отъездом: у неё самой тоже были грандиозные планы на жизнь. Во-первых, её пригласили поработать в московский дом моды Славы Зайцева, и девушка без сожалений намеревалась покинуть северную столицу. А во-вторых, в других, более отдалённых планах Леры, смутной, призрачной мечтой мелькал Париж...

Думать о расставании было невыносимо больно, но Максим понимал, что это жизнь. Они стали взрослыми, у каждого из них — свой путь, и после выпускного бала их дорожки разойдутся навсегда.

Кто же мог предвидеть, что случится на этом самом выпускном?..

*IELTS (International English Language Testing System) — международная система оценки знания английского языка. Позволяет определить уровень владения языком у людей, для которых английский не является родным.

Глава 6

Он обалдел, когда увидел её в выпускном наряде. Просто остолбенел. В буквальном смысле забыл, как надо дышать — настолько невыразимо прекрасной выглядела Лера.

Она надела бирюзовое платье с белым воротничком, вроде бы совсем простого фасона — открывающее колени, с рукавами до локтя — и уложила на лопатки всю мужскую половину их школы, включая вечно поддатого лысого физрука. От неё невозможно было отвести взгляд. Макс застыл, как по команде “морская фигура, замри!”, и отмер только тогда, когда рядом нарисовался Вовка Каторгин из параллельного класса.

— Слышь, Макс, — произнёс он с лёгкой заминкой, — вы же с Леркой вроде того... дружите?

— Ну? — коротко отозвался Максим. Вовка нервно сглотнул.

— У неё есть кто-нибудь? И вообще, какие ей парни нравятся? Ты, наверное, в курсе?

Максим смерил его презрительным взглядом: рыжеволосый, лопухий и веснушчатый Вовка метил, ни много ни мало, в Леркины кавалеры! Это было просто смешно.

— У тебя нет никаких шансов, — отрубил он. — Лерка сходит с ума по смуглым кареглазым брюнетам, а не рыжим ушастикам.

Это, конечно, был блеф чистой воды... но Максим и сам не знал, какой тип парней подруге наиболее симпатичен. Слишком уж разные физиономии и фигуры он наблюдал рядом с ней весь этот год.

— Ну, как я тебе? — разыскав Максима в толпе выпускников, Лерка завертелась перед ним, кокетливо уперев руки в бока, крутанулась вокруг собственной оси, отчего платье, заволновавшись, на миг взметнулось, а затем опало, обволокло, обхватило, ласково обняло её умопомрачительные колени. — От самого Жерарда Гольмана, представляешь?! Обожаю его наряды... купила со скидкой в бутике, когда в прошлый раз была во Франции... Нравлюсь? — тараторила она, сияя глазами и зубами.

— Очень, — обретя наконец дар речи и шумно сглотнув, ответил Максим. — Ты здесь самая красивая.

— Наденька тоже ничего, — заметила Лера мимоходом, глядя ему в лицо с каким-то странным выражением ожидания.

— Я её... даже не заметил, — отозвался он честно.

Она довольно улыбнулась, а затем обвела глазами празднично украшенный актовый зал. По старинке, собрались на выпускной бал прямо в школе, хотя в последние годы всё популярнее стало отмечать праздник в каком-нибудь кафе или ресторане, а то и вовсе на теплоходе или турбазе.

— Даже не верится, Макс, что мы с тобой скоро расстанемся... — она схватила со стола бокал шампанского, осушила его залпом, а затем в каком-то храбром отчаянии тряхнула локонами:

— Пойдём, потанцуем?

- “Спляшем, Пегги, спляшем”, - поправил он её, откуда-то находя в себе силы шутить.

Они обнялись и заскользили по залу под музыку — какой-то современный хит, кажется, “Гостей из будущего”.

— Лер, я давно хотел тебя спросить... — теряясь от её пристального взгляда, начал Максим. Она смотрела ему прямо в лицо, щёки разругались, руки были горячими и, лёжа

на его плечах, жгли даже через рубашку. — А какие парни тебе вообще нравятся?

Её губы приоткрылись, и Лера быстро провела по ним языком, словно раздумывая над ответом. Он жадно следил за каждым её движением.

— Ты, — наконец, сказала она просто.

— Что? — он даже не сразу сообразил, о чём речь. — В каком смысле?

— Мне нравишься ты, дурак. Уже очень давно.

Как он мог понравиться ей — таким? Неловким, неумелым, торопливым...

Хорошо, что мамы не было дома — в тот вечер она аккомпанировала популярному исполнителю старинных русских романсов в пушкинском Доме Культуры, и после концерта осталась с ночёвкой у приятельницы. Таким образом, питерская квартира была полностью в распоряжении Максима — хоть на всю ночь, до самого утра!.. Им с Лерой некуда было спешить, но они всё равно спешили. Удрали с выпускного, как заговорщики — многозначительно переглянувшись и поняв друг друга без слов.

Всю дорогу до дома он просто молча стискивал её ладошку, точно боясь, что девушка передумает и сбежит в последний момент. Сердце колотилось, как бешеное. Максим избегал смотреть Лере в лицо, она тоже уставилась куда-то в сторону и взволнованно притихла.

Едва очутившись в спасительном укрытии квартиры, они накинулись друг на друга, как одержимые. Словно сорвало предохранитель. Максим со стоном впился ей в губы, такие сладкие, такие желанные, а она, лихорадочно дыша, запустила пальцы в его волосы, а другой рукой гладила его по спине.

Натыкаясь на углы и стены, роняя по пути какие-то вещи и спотыкаясь, задевая всё подряд, они, не размыкая объятий и не отрывая губ друг от друга, добрались до комнаты Максима и рухнули на его кровать.

Наконец-то Лера была в полной его власти — не во сне, а наяву. Правда, он и не знал толком, как к ней подступиться, отчаянно проклиная свою неопытность. Рука его несмело опустилась ей на колено и поползла вверх — туда, где заканчивалась резинка чулка. Ощущать ладонями атласную кожу было невыносимо приятно, так, что ёкало и становилось горячо где-то в груди. Ну, а то, что творилось в штанах... лучше вообще было не упоминать.

— Щекотно, — прошептала Лера, смешно наморщив нос. — У тебя пальцы шершавые...

— Это руки музыканта, моя дорогая китаёза, — выдохнул он, ободрённый её улыбкой.

— Так поиграй на мне, музыкант! — приказала она чуть дрогнувшим от предвкушения голосом.

Он тут же послушно притянул её к себе, как свою виолончель — прижался губами к затылку девушки, приобнял правой рукой, а левой принялся, точно играя на невидимых струнах, медленно водить руками по её телу, пока ещё спрятанному от него под платьем. Он нажимал пальцами на чувствительные точки и заставлял Леру выгибаться в жаркой истоме — так, что, казалось, она действительно звучит в его руках, подобно музыкальному инструменту. О, как чисто и красиво она звучала!..

Не выдержав долго этой мучительной, сумасшедшей, прекрасной пытки, Лера выскользнула из его объятий и повернулась к Максиму лицом. Её пальчики проворно пробежались вдоль ряда пуговиц на рубашке Максима, расстёгивая их, а затем ладони девушки прильнули к его горячей, вздымающейся груди и... заскользили вниз, к напряжённым мышцам живота.

— Ещё, — умоляюще выговорил он, — ещё потрогай меня, пожалуйста...

Они исследовали друг друга с восторгом и волнением первооткрывателей, чутко реагируя на отклик тел — своего и чужого. В ответ на просьбу Максима Лера несмело скользнула ниже, туда, где сейчас сосредоточились все его желания. Когда пальцы её достигли цели, он сжал зубы, чтобы не закричать. Не от боли — от удовольствия. Впрочем, это и было удовольствие на грани боли... Он старался не думать о том, проделывала ли она подобное с кем-нибудь ещё — то самое, что делала сейчас с ним.

Затем она торопливо помогала ему избавляться от рубашки, а он стаскивал с неё это чёртово платье, так мешающее ему сейчас. Ещё пара мгновений — и её чулки вместе с его штанами полетели на пол. Теперь они остались друг перед другом в одном нижнем белье. Он пожирал её тело глазами — и она так же возбуждённо, практически алчно, изучала его. Заметив, как потемнел его взгляд, Лера взялась обеими руками за застёжку бюстгалтера, щёлкнула ею и отбросила очередную ненужную вещь гардероба в сторону.

Шах и мат. Он разгромлен. Повержен. Он никогда уже не будет прежним. Он видел самое совершенное из того, что могла только сотворить природа...

Оставались ещё трусы — досадная, так мешающая теперь им обоим мелочь. Но и от них Лера с Максимом быстро избавились.

— Ты любишь меня? — внезапно вырвалось у него, когда он уже навалился на неё сверху, собираясь преступить ту самую сокровенную черту и одновременно умирая от страха облажаться, проклиная свою девственность, отсутствие хоть какого-либо опыта, боясь, что она просто оскорбительно высмеет его сейчас и убежит... но Лера уже сама подалась ему навстречу бёдрами, устраиваясь поудобнее — так, чтобы ему было легче сделать то, что он собирался.

“У меня ведь нет презерватива”, — мелькнула в голове случайная запоздалая мысль. Мелькнула — и тут же истаяла, рассеялась, как туман, потому что те ощущения, что накрыли его потом, вытеснили всё остальное. Ненужное. Пустое. Бренное. О каком вообще предохранении можно думать, когда тебе семнадцать, а в твоих объятиях дрожит от еле сдерживаемого желания самая восхитительная девушка на Земле?!

Лера сдавленно ахнула, тут же притянула его к себе, прижимаясь ещё крепче, ещё ближе, ещё теснее, не оставляя ни миллиметра между их телами.

— Ты любишь меня, косоглазая? — задыхаясь, требовательно повторил он, и она на излёте собственного стога выдохнула:

— Люблю, цыган. Люблю. Люблю...

Лера оказалась девственницей.

Эта их совместная ночь после выпускного бала на долгие годы стала для Максима спасительной соломинкой, за которую он отчаянно и упорно цеплялся в своих воспоминаниях, чтобы не утонуть. Не захлебнуться. Не сдохнуть...

Он часто просыпался, чувствуя, что подушка намочла от слёз — от его слёз... Он плакал во сне, даже не замечая этого и не помня, что ему снилось. Но ощущение огромной, зияющей дыры в сердце — его было ни с чем не спутать. Эта дыра образовалась там только после того, как он потерял Леру... И неважно, находился Максим в этот момент в постели один или какая-нибудь приятная девушка скрашивала его холостяцкий досуг.

Девушек было много. Девушки были красивы, милы, некоторые из них — даже умны. Но... у них не было таких глаз. Таких губ. Таких волос. И пахли они не так. И на вкус были иными. И звучали... звучали тоже совсем, совсем не так — точно расстроенные

музыкальные инструменты, резко и фальшиво.

Поэтому, проснувшись, он обычно долго ещё не мог успокоиться, снова и снова воскрешая в памяти ту ночь, бесконечно прокручивая её в голове, как любимый фильм. Фильм, в котором не было хэппи-энда. В котором так коротко расстояние от “я люблю тебя, цыган” до “чтоб ты сдох”.

— Привет, — раздался за его плечом хриловатый со сна голос.

Максим, заваривающий в это время чай, невольно дёрнулся и чуть не облил себя кипятком. Резко обернувшись, он увидел Леру. Одета в его футболку, едва прикрывающую бёдра, девушка стояла в дверях кухни, прислонившись к косяку: лохматая, с немного припухшими глазами и искусанными, зацелованными и оттого резко контрастирующими с бледной кожей лица ярко-красными губами — невыносимо красивая, пронзительно желанная, бесконечно любимая, сногшибательная...

Он подался вперёд, сгрёб Леру в охапку и счастливо зарылся носом в её длинные волосы, вдыхая их аромат.

— Доброе утро, — прошептал Максим. — Как спалось?

— Прекрасно, — мурлыкнула она, нежась в его объятиях, как кошка, — если бы не твой оглушительный храп...

Максим рассмеялся, не обидевшись и не поверив: сам он до утра не мог заснуть, просто лежал рядом с Лерой и прислушивался к её дыханию, тихонько гладил её по плечу, целовал в висок... его распирало от переизбытка эмоций, он был так счастлив, что спать было бы настоящим кошмаром.

— А тебя мама в детстве не учила, что врать нехорошо? — он шутливо куснул её за мочку уха. Лера хрипло засмеялась, и уже через мгновение Максим самозабвенно целовал её, прижав к стене. Единственное, чего ему сейчас хотелось — это усадить девушку на стол, стянуть с неё трусики и...

Однако здравый смысл, гостеприимство и голод (не телесный, а самый что ни на есть буквальный) возобладали над этим грешным сумасшедшим порывом.

— Что ты будешь есть на завтрак? — с видимым усилием отстранившись, спросил он. — Яичницу? Бутерброды? А может, сосиски сварить?

— Ты забыл, что я вегетарианка? — усмехнулась она. А он и в самом деле забыл. Да у него всё вылетало из головы в её присутствии...

— Значит, сделаю бутерброды с сыром, а не с колбасой. Яичницу-то можно?

— Нет, — Лера покачала головой, — я окончательно отказалась от яиц в этом году. Давно собиралась, но вот только сподобилась.

— Сумасшедшая, — вздохнул он. — Тебя и так ветер качает, а ты ещё и вегетарианишь... посмотри на себя в зеркало, бледня-бледней!

— Сейчас в моде такой анемичный тип девушек, — она улыбнулась. — К тому же, на фото я выгляжу толще, чем на самом деле... если немного поправлюсь — фотографии откажутся со мной работать, обозвав жирной свиньёй, и будут совершенно правы...

— А может, кашу хочешь? — предложил он миролюбиво, прерывая этот поток красноречия. — Сварить тебе овсянку или манную?

— Спасибо, Макс, я просто булку вареньем намажу, — она кивнула на стоящую на столе банку клубничного варенья. — И чай попью. Этого достаточно...

Макс старательно нарезал кружочками пахучий жёлтый лимон для чая. Лера, не

удержавшись, тут же цапнула с тарелки один ломтик и с удовольствием запихала в рот. Рот Максима непроизвольно наполнился слюной — он явственно почувствовал во рту кислоту лимонного сока и поморщился, передёрнувшись.

— Бр-р-р... как ты так можешь... без сахара... — привычно покачал он головой, и Лера так же привычно показала ему язык и потянулась за новым кружочком.

— Кстати, я не рассказывал тебе эту бородастую музыкальную байку про лимон? — поинтересовался Максим, наливая чай и придвигая поближе к Лере булку, масло, печенье и пряники.

— Вроде нет, — покачала головой она, с удовольствием принимаясь мастерить бутерброд.

— У этого анекдота несколько вариаций, но самая ходовая — когда одного чувака выгнали из духового оркестра, и он, чтобы отомстить, явился на концерт в качестве зрителя. Уселся в первом ряду, привлекая внимание, и принялся демонстративно пожирать лимон на глазах у бывших коллег. Оркестр захлебнулся собственной слюной, у всех духовиков буквально свело челюсти, и концерт, разумеется, был сорван!

— Вот это классная пакость, — засмеялась Лера. — Надо запомнить!

Они мирно допивали по первой чашке чая, когда в замке завозился ключ. Максима как током ударило: мама! Он совершенно забыл о том, что она должна была вернуться из Пушкина... Лера бросила на него встревоженный взгляд, но Максим сделал над собой усилие и приказал ей сидеть спокойно и не дёргаться. В конце концов, они не делают ничего предосудительного — просто мирно завтракают. То, что Лера одета в его футболку, а сам Максим щеголяет в одних домашних штанах, с голой грудью (между прочим, со следами засосов), свидетельствовало не в их пользу, но не бежать же срочно переодеваться, так выйдет ещё глупее.

Мама вошла в кухню и предсказуемо едва не потеряла дар речи.

— Здравствуйте, Нина Васильевна, — кротко поздоровалась с ней Лера.

— Зд... здравствуй, Лера, — отозвалась она наконец.

— Доброе утро, мам, — кивнул Максим. — А мы вчера загулялись допоздна, сил провожать Лерку домой у меня уже не было... вот я и пригласил её переночевать у нас.

— Хорошо погуляли? — ровным голосом спросила мать, всё ещё пребывая в шоке и смятении.

— Да, прекрасно! Устали только, говорю же.

— Ну, — Лера решительно поднялась из-за стола, и женщину ожидал новый шок: она увидела, что девушка одета в одну лишь короткую футболку Максима, которая ничего толком не прикрывала, — спасибо за завтрак, Макс. Всё было очень вкусно. Мне пора, у меня сегодня съёмка после обеда. Всего вам доброго, Нина Васильевна!

— Я тебе позвоню! — пообещал Максим. С некоторых пор Лера обзавелась мобильным телефоном, она уже могла себе это позволить, так что поддерживать связь на расстоянии стало значительно легче.

Когда Лера, будто нарочно чрезмерно виляя бёдрами, отправилась в комнату за своим платьем, мать буквально рухнула на освободившийся стул и в панике покрутила пальцем у виска.

— Ты с ума сошёл! — сделав страшные глаза, громко зашипела родительница. — Вам по семнадцать лет... Господи, чем вы только думаете? И о чём?! Вы хотя бы

предохранялись?..

Максим никогда не обсуждал с матерью такие интимные вещи, и сейчас ему стало неловко.

— Мам, уверяю, это вовсе не то, что ты подумала.

— Не то?! Балбес ты мой непуганый, да у вас обоих всё на лицах написано!!!

Он смутился, не собираясь, однако, позволить матери относиться к случившемуся как к досадному недоразумению, произошедшему лишь по вине играющих гормонов.

— Я люблю Леру, — тихо, но твёрдо произнёс Максим. — Нравится это тебе или нет, но у нас всё серьёзно. Я хочу, чтобы она всегда была со мной. Как ты думаешь, если мы успеем пожениться ещё здесь, ей потом без проблем выдадут визу в Англию, чтобы она приехала ко мне?

Максим, конечно, слишком торопил события. Они не успели обсудить с Лерой их совместное будущее, он ещё не делал ей предложения, речи о том, что она последует за ним в Лондон, как верная декабристка, вообще пока не шло. Минувшей ночью все их разговоры были только о любви, но этого ведь недостаточно для совместного будущего, этого ничтожно мало! Впрочем, Максим был абсолютно искренен в своём порыве забрать Лерку с собой и собирался в самое ближайшее время переговорить с ней об этом.

— Куда “к тебе”? Какое “приехала”?! — всё тем же скорбным шёпотом застонала мама. — Сынок, ты меня просто без ножа режешь! Тебе сейчас надо заниматься изо всех сил, готовиться, думать о поступлении, об учёбе, о будущем, а не о том, чтобы тащить за собой какую-то девк...

— Замолчи! — резко перебил её он, побледнев. — Не смей о ней в таком тоне и такими словами... никогда!

Негромко хлопнула входная дверь — Лера оделась и ушла. Максим почувствовал, что с её уходом из него как будто моментально выкачали весь воздух. Настроение сразу же испортилось. Его пугала собственная зависимость от косоглазой — и в то же время он уже с нетерпением предвкушал новую встречу с ней. Новые поцелуи, новые объятия...

А мать всё ещё сидела за столом, уставившись на него в ужасе, и повторяла, как заведённая:

— Ты спятил, Макс... Нет, ты совершенно спятил!

...Нет, спятил он немного позже. Когда понял, что Лера пропала.

Максим не сразу начал беспокоиться.

Скучал, конечно, безумно скучал по своей китаёзе, но ничего не заподозрил и ни о чём не волновался поначалу. Расстроился, что не скоро теперь получится увидеться, но... она была так убедительна по телефону! Сперва сказала, что улетает на съёмки в Финляндию; затем, едва вернувшись, тут же упорхнула в Москву; потом перестала брать трубку, а после и вовсе без объяснений принялась сразу же сбрасывать его звонки.

Он целыми днями околачивался в её дворе, пытаясь понять, что, чёрт возьми, происходит. На стук в дверь никто не открывал, в квартире царила мёртвая тишина. Лера вроде бы упоминала, что летом мать собиралась пожить в деревне у своей родной сестры — той самой тёти Тони, которая когда-то приютила девочку на целый год... Да, но сама-то косоглазая где? Или она домой даже ночевать не приходит? А звонки почему сбрасывает, ну что ещё за ерунда?!

Через три с половиной недели, когда Максим весь извёлся от волнений, похудел и накрутил себя до настоящего безумия, на лестничной клетке он случайно столкнулся с Наденькой. Буркнул дежурное приветствие и собирался было проشمгнуть мимо неё, но она не позволила: поймала его за рукав и притянула к себе, как нашкодившего котёнка за шкурку.

— Ты что, Макс, охренел? — без обиняков спросила она, и он поразился, что эти слова вылетели из уст нежной, деликатной, мягкой Наденьки. — Совсем чувство ответственности атрофировалось, да?! Как трахаться — так оба, а как расхлёбывать последствия — так тебя и след простыл?! Не ожидала...

— Когда это мы с тобой трахались? — ошалело переспросил он. Наденька закатила глаза.

— Совсем дебил, что ли? Я не про себя говорю, а про Леру.

— Что с Леркой? — машинально вскинулся он, и только потом, запоздало осмыслив то, что сказала Наденька, в испуге переспросил:

— Какие... какие последствия?

— Беременность, милый, — сказала она почти с сочувствием.

— Разве не... она что... Лерка беременна? — выговорил он заплетающимся языком. — Но как это возможно?

— Представь себе, иногда от этих бессмысленных возвратно-поступательных телодвижений получаются дети! — снова вспыхнула Наденька. — Или ты будешь уверять меня, что не спал с ней?

— Да нет, я... мы... конечно, у нас всё было, но... чёрт, ты же сама видишь, что я впервые слышу об этом, она мне ничего не говорила! — воскликнул он. — Я вообще тут с ног сбился, разыскивая Лерку, она на мои звонки почти месяц не отвечает, я понятия не имел, что с ней происходит... Да где она сейчас?!

— В больнице, — отводя глаза, буркнула бывшая одноклассница, видимо, поверив его эмоциональной реакции. — Правда, Лера очень не хотела, чтобы ты об этом узнал. Уговаривала молчать хотя бы до тех пор, пока её не выпишут. Но... блин, как я могу молчать, когда такое происходит с моей подругой, а ты живёшь себе преспокойненько и в ус не дуешь?! Моя мать её к себе в отделение положила.

Максим с трудом вспомнил, что родительница Наденьки, кажется, имеет какое-то отношение к акушерству и гинекологии.

— У неё что, возникли проблемы с... беременностью? — выговорил он, запнувшись, словно пробуя на вкус это непривычное, чуждое слово, не имеющее доселе никакого отношения к Лерке.

— С беременностью — уже нет. А вот последствия спровоцированного выкидыша... там действительно есть кое-какие осложнения.

Максим почувствовал, что его голова сейчас взорвётся.

— Ты можешь мне толком сказать, что с ней?! — заорал он.

— Да эта дура вообразила, что можно решить проблему в домашних условиях, и приняла несколько упаковок постинора* сразу, — мрачно отозвалась Наденька. — Другая такая же дура из модельного агенства посоветовала ей это как действенный и безопасный способ... Овца тупая. Ну, а Лерка послушалась.

Макс ни черта не соображал во всех этих женских делах. Поражённый тем фактом, что Лера не только не сочла нужным поставить его в известность о своём интересном

положении, но ещё и, не посоветовавшись, решила самостоятельно избавиться от ребёнка, он лишь торопливо уточнил:

— И?..

— Что — и? Это настоящий аборт, Макс, несмотря на ранний срок! — воскликнула она, досадуя на его дремучесть. — В итоге — сильнейшее кровотечение, “скорая” и выскабливание, потому что остатки плодного яйца так и не вышли.

Его замутило. Все эти жуткие, кошмарные слова, которые сейчас произносила Наденька... они не имели никакого отношения к Лере. К его милой, нежной, прекрасной Лере. Как она могла сотворить с собой такое?! Неужели сама мысль о том, что она беременна от Макса, была ей так противна?

— Мне надо немедленно её увидеть, — глухо произнёс он. Наденька понимающе кивнула:

— Да, конечно... моя мама всё устроит. Вообще-то, Лерка ещё слабенькая и слегка температурит, но я думаю, ненадолго тебя всё же к ней пустят. И по поводу огласки не беспокойся, — добавила она подбадривающим тоном. — Никто ничего не узнает, мама и об этом позаботилась. Так что трепать языками по вашему поводу не станут.

— Надь, да мне по барабану, станут о нас трепать языками или нет, я вообще об этом не думаю! — возмутился Максим. — Я просто хочу поскорее увидеть Леру...

— Ишь, умник какой выискался — по барабану ему, — недобро прищурилась Наденька. — Тебе-то что, действительно... упорхнёшь в свой Лондон — и ищи-свищи. А Лерке здесь дальше жить, между прочим, и работать. Да если её мать пронюхает... она же ей башку оторвёт.

Оглушённый фразой “ты упорхнёшь в Лондон, а ей здесь дальше жить”, Максим не нашёлся, что ответить, как возразить. Силы вдруг совершенно его покинули. Не хотелось ни говорить, ни тем более спорить, ни вообще видеть этот проклятый белый свет...

— Ладно, — буркнул он. — Поехали к ней скорее.

*Постинор — препарат для экстренной контрацепции; метод предотвращения нежелательной беременности, применяемый после незащищённого полового акта.

Лерка поразила его своим внешним видом — бледнящая не то, что до синевы, а уже, скорее, до зеленоватого оттенка. На лице у неё резче обозначились скулы, щёки были буквально обтянуты кожей, нос и подбородок заострились — она выглядела, как покойница, как гоголевская панночка в гробу... Максим действительно испугался за неё. Глаза на этом исхудавшем лице казались нереально огромными. Тоненькие руки — как сухие веточки... господи, да что же она пережила и передумала за эти дни? Зачем сделала это с собой?

— Максим, десять минут вам даю, — строго, не скрывая своего осуждения, сказала мать Наденьки и вышла, прикрыв за собою дверь палаты. Похоже, как и дочь, она искренне считала Макса козлом. Бессовестным юным бабником, который, поразвлёкшись с невинной девчонкой, благополучно забыл о ней и продолжил преспокойно предаваться развлечениям и радоваться жизни. Откуда же ей было знать, как отчаянно парень разыскивал Леру все эти дни, как сходил с ума и чуть не умирал от оглушающей неизвестности...

Он ждал, так ждал того момента, когда они останутся наедине! Подался к Лере, осторожно обнял, боясь ненароком, каким-нибудь нечаянным неосторожным движением, сломать эти ручки-веточки, эти хрупкие плечики, эту тонкую, как у цыплёнка, шею...

— Почему? — спросил он шёпотом, не надеясь на голос. Слезы уже закипали в глазах, душили его, но он сдерживался из последних сил, прижимая Леру к себе и уткнувшись лицом в её волосы, стараясь не думать о том, что в прошлый раз, когда он обнимал её, это было совершенно иначе, совершенно по-другому. — Почему? Лера, мать твою, почему?!

— По кочану, Макс, — отрубилла она неожиданно низким и враждебным, будто незнакомым, голосом. — Я так решила.

— Ты настолько не доверяешь мне, что даже не поставила в известность? Я тебе так... неприятен, что ты не хочешь иметь от меня детей?

— Да что ты придуриваешься?! — моментально вскинулась она. — При чём тут это? Неприятен... хочешь детей, не хочешь детей... Мне рано ещё рожать, понимаешь? И я не собираюсь повесить себе на шею такой хомут в семнадцать лет.

— А подохнуть в семнадцать — не рано? — едко осведомился он. — С тобой ведь могло случиться всё, что угодно... Почему ты мне не сказала? Почему не отвечала на звонки? Я чуть с ума не сошёл...

Досадливо поморщившись, она откинулась на плоскую больничную подушку.

— Не надо преувеличивать. Ничего бы со мной не случилось. Ну, повалялась бы с температурой немного... от этого не умирают, не драматизируй.

— Почему ты мне не сказала? — с нажимом повторил Максим.

— Боялась вот этого вот всего, — она недобро усмехнулась. — Пафосных речей о твоём чувстве долга... о том, что ты ни за что меня не оставишь в этой сложной ситуации...

— Но я действительно не собирался тебя оставлять! — воскликнул он. — Лер, я же не могу без тебя. Ну, сделали ребёнка вместе — так и расхлёбывать надо было вместе. Я бы придумал что-нибудь. Мы подали бы документы на визу, ты прилетела бы ко мне в Лондон...

Лера коротко и зло рассмеялась.

— А меня ты, случайно, не забыл спросить? Хочу ли я этого? Хочу ли я быть с тобой?

Максим почувствовал, как внутри всё опустилось.

— Не хочешь? — тихо спросил он.

Лера, явно нервничая, лихорадочно сдула упавший на лоб локон.

— Макс, давай говорить по-взрослому. Ты классный и всё такое, я даже, признаться, действительно влюблена в тебя. Но... мы не сможем быть вместе, никак не сможем. У нас разные пути и цели в жизни, понимаешь?

— Не понимаю, — возразил он, упрямо мотнув головой. — Я... я люблю тебя. И хочу на тебе жениться.

— Представляю, в каком восторге будет твоя маменька, если об этом узнает, — усмехнулась девушка. — Надеюсь, ты ещё не обрадовал её этой новостью? Она никогда не простит, если из-за меня ты лишишься своего блестящего будущего.

Лера в курсе их с матерью кухонного разговора, осенило вдруг его. Хотя они ведь переговаривались шёпотом...

— Ты слышала что-то из того, что она мне сказала тогда, у нас дома?

— Поверь, в том, что она сказала тебе, не было ничего криминального, — усмехнулась Лера, выделив интонационно слово “тебе”. — Я не такой нежный цветочек, чтобы падать от этого в обморок.

Его поразила ужасная догадка.

— Не мне, тогда кому же? Лер, она что... разговаривала с тобой? Встречалась?..

— Мне не нужно с ней встречаться, чтобы быть в курсе, какого она мнения обо мне и о... о нас. Как друзья мы твою маму вполне устраивали, но она никогда в жизни не примет нас, как пару. Да мы и не сможем... мы просто не справимся. Ты будешь занят своей музыкой, — продолжала Лера, — я планирую и дальше заниматься модельной карьерой, чтобы достигнуть ещё большего успеха и признания... Всё самое интересное только начинается, а ты вместо этого хотел бы видеть меня женой бедного студента с орущим сопливым младенцем на руках?! Родить — значит, перечеркнуть все мои мечты. Мне пришлось бы оставить то, чем я сейчас занимаюсь... Я потеряла бы форму во время беременности, долго бы восстанавливалась после родов... я не готова на такие жертвы, Макс. Даже ради тебя, — негромко добавила она, а затем, подумав, поправилась:

— Особенно ради тебя. Потому что тебе не нужна эта моя жертва... И сам ты не готов пожертвовать ради меня тем, что тебе так дорого.

Вздрогнув, он впился в неё напряжённым взглядом.

— Что ты имеешь в виду? Я на всё ради тебя готов...

— О нет, Макс, — язвительно отозвалась она. — На многое, но далеко не на всё. Даже любя меня, ты не собирався отказываться от учёбы в Лондоне, разве не так? Ты прекрасно себе всё спланировал, всё решил — что я должна ехать с тобой, ни больше ни меньше... А достаточно ли было твоей любви на то, чтобы отказаться от всего этого ради меня и... нашего ребёнка?

— Если бы ты попросила, — сказал он медленно, отдельно, мучительно подбирая слова, — я не поехал бы ни в какую Англию. Остался бы здесь, рядом с тобой... рядом с вами.

— Ага, конечно, верю-верю, — издевательски захохотала Лера. — Так легко играть в благородство, когда знаешь, что уже поздно и это всё равно не понадобится...

— Вот, значит, какого ты обо мне мнения, — с горечью произнёс он. — Ты действительно просто мне не доверяешь.

Что-то дрогнуло в её лице, но обветренные губы тотчас снова искривились в презрительной усмешке.

— Я никому не доверяю, Макс. Верю только в себя и в свои силы. Я пойду своей дорогой, а ты иди своей.

— Я очень ошибся в тебе, — сказал он. Не хотел этого говорить, а всё-таки сказал. Как-то само вырвалось. Он вообще сейчас еле сдерживался, чтобы не ударить, не переломать к чёрту эти хрупкие руки-веточки, не свернуть сгоряча цыплячью шейку... Как же он ненавидел Леру в эту минуту!

Лера метнула в него не менее ненавидящий взгляд.

— Да, ты у нас мученик, а я тварь, эгоистка и карьеристка! Так и запомни, слышишь? И никогда не обольщайся больше на мой счёт. Ты, конечно, нарисовал в своём пылком творческом воображении нежную и ранимую нимфу... но это исключительно твои проблемы. Я не нимфа, не фея и не сказочная принцесса, Макс. И я никогда тебе ничего не обещала... разве не так?

Он поднялся со стула, не желая больше ни секунды выслушивать все эти её циничные рассуждения.

— Поправляйся скорее, — всё-таки сказал он, избегая смотреть ей в лицо.

— Ах, как трогательно. Даже тут играешь в благородство? Оплёванный, но не отвернувшийся от мерзавки, — поддела его она, точно специально провоцируя скандал. Точно ей стало бы легче, если бы Максим ушёл от неё “на свободу с чистой совестью”. Она словно ждала от него бурной реакции и нарочно не давала ему никаких шансов на то, чтобы расстаться мирно. Чтобы он оставил её сам, не терзаясь угрызениями совести и не испытывая никаких сожалений.

И взрыв не замедлил грянуть...

— Да пошла ты! — крикнул Макс. — Если бы я знал, что ты такая дрянь, даже связываться с тобой не стал бы.

— Вот и радуйся, что так легко отделался, — она продолжала вызывающе глядеть ему в лицо — с издевательской, невыносимо гадкой ухмылочкой. — Катись в свой Лондон, тебя там все уже заждались!

— Какая же ты лживая двуличная сука. Вегетарианка... Зверюшек тебе жалко, да? — он покачал головой. — А собственного ребёнка не пожалела.

Она изменилась в лице. А его уже несло.

— И носить кожу и меха на показах и съёмках — это можно, это же “только бизнес”. И зачем-то врать мне о своей любви, в то время как я абсолютно ничего не значу в твоей жизни... Потрясающие двойные стандарты, Лера! Всю жизнь двойные стандарты!

Она запрокинула голову и засмеялась в голос — захлёб, от души, до слёз.

— Офигенно, Макс, — заикаясь, выговорила она с трудом сквозь судорожные приступы хохота. — Давай, обвиняй меня теперь во всех смертных грехах, о которых только сможешь вспомнить... тебе же так будет легче уехать, правда? Тебе не в чем будет себя упрекнуть?.. Ты эгоист и всегда таким был, думаешь только о себе и о своих желаниях... Не веришь в мою любовь?.. Что ж, твоё право, только и я в твою ни секунды не верю. Тебе было бы наплевать и на меня, и на нашего малыша, если бы ему суждено было родиться. Для тебя на первом месте всегда была бы музыка... и твоя чёртова виолончель, — она буквально задыхалась то ли от смеха, то ли от рыданий.

Если бы Максим не был так взбешён, то догадался бы, что это просто истерика, а не искреннее желание унизить или оскорбить его. Ведь её и саму колотило как в лихорадке, несмотря на решительный и отчаянный тон...

Но он не анализировал детали и не желал больше видеть это подлое, мерзкое и всё ещё такое отчаянно любимое лицо.

— Ты самая настоящая гадина, — сказал он. — Даже хорошо, что это с тобой случилось — из таких, как ты, по определению не могут получиться хорошие матери. Тебе подобным вообще надо запретить рожать детей!

Она отшатнулась, как от пощёчины, а потом с отвращением процедила сквозь зубы:

— Пошёл вон. Ненавижу тебя, Макс. Чтоб ты сдох.

Максим выскочил из палаты, напоследок от души шарахнув дверь. Словно отсёк этим ударом всё, что связывало его с Лерой. Навсегда захлопнул дверь в прошлую жизнь...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Лондон, двухтысячные

Рука слабо пошарила по тумбочке, разыскивая оставленную там накануне бутылку с водой. Неужели выпил?

Утренний свет бил в окно спальни — забыл вчера задёрнуть шторы, до того ли ему было... Каждое движение отдавалось адской головной болью и острой, мучительной пульсацией в глазных яблоках. Похоже, они с Андрюхой здорово перебрали накануне.

Не открывая глаз, Макс потянулся, пытаясь размять онемевшие за ночь мышцы, и тут же почувствовал, что задевает плечом чьё-то горячее тело. Твою ж!..

С трудом разлепив неподъёмные, как у Вия, веки, он опасливо покосился на спящую рядом обнажённую девушку. Сказать, что он совсем ничего не помнил, было бы преувеличением — какие-то отдельные флешбэки вспыхивали в его сознании, словно быстро сменяющие друг друга кадры видеоклипа, но тут же гасли. Нет, начало вечера Макс помнил весьма отчётливо: они с Андреем немного посидели в пабе, а затем отправились тусить в клуб... где, вроде бы, и подцепили каких-то девчонок и, судя по всему, привели их затем сюда, на съёмную квартиру. По крайней мере, одну из них... он снова покосился на мирно сопящее рядышком тело.

Что это была за девчонка, как её зовут, чем занимается и прочие детали биографии своей дамы Макс не мог вспомнить, как ни пытался. Даже не сумел бы сейчас сказать с уверенностью, трахались они ночью или сразу же завалились спать. Может быть, она просто привыкла дрыхнуть, в чём мать родила? Он с трудом скосил глаза вниз и приподнял край одеяла. Хм... судя по тому, что он тоже без трусов — они по-любому трахались.

Он со сдержанным интересом принялся рассматривать спящую незнакомку. Отметил смуглую шелковистую кожу... Итальянка? Пакистанка? Или, не дай бог, цыганка какая-нибудь?

Лицо девушки было занавешено длинными чёрными волосами, и Макс пока что довольствовался тем, что изучал её фигуру. Очень ладненькая, изящная... видимо, невысокая, хотя рост лежащего человека определить довольно трудно. Талия и бёдра что надо, да и грудь вроде ничего, хотя можно было бы и побольше... на запястье тонкой руки — изящный серебряный браслет. “Господи, смилуйся, — взмолился он, собравшись духом и подцепив локон девушки, готовясь откинуть его с её лица, — пусть она не будет страшной, как атомная война!..”

Едва он пошевелил её волосы, собираясь отодвинуть их в сторону, как спящая красавица вдруг резко подорвалась на постели, одной рукой с размаху влепила Максиму пощёчину (ему показалось, что глаза сейчас вылетят из орбит), а второй прикрыла обнажённую грудь и пронзительно заверещала:

— Pagal! Kutta! Kamina! Saala!..*

Макс с шумом выдохнул. Намасте, Индия, блин! Он не знал хинди, но легко мог определить этот язык на слух, тем более, при обилии индийцев в Лондоне самые ходовые слова так или иначе откладывались в памяти.

— Так, спокойно, — сказал он, переходя на английский. — Остынь, детка. Я просто хотел увидеть твоё лицо. Не собираюсь тебя насиловать и всё такое.

Она продолжала с ненавистью буравить его взглядом, но хоть орать перестала, и на том спасибо. Девчонка, кстати, была ничего себе, очень даже миленькая: пухлые губки, выразительные чёрные глаза, длиннющие густые ресницы...

— Мы... — она с ужасом окинула взглядом разворошённую постель. — У нас с тобой что-то было?!

— Спроси чего-нибудь полегче, — Макс, наконец, обнаружил бутылку воды, закатившуюся под тумбочку, и с радостным возгласом устремился за ней, свесившись с кровати и рискуя упасть — штормило его всё ещё ощутимо.

— Да или нет?! — требовательно спросила она.

— Всё ещё не могу тебе ответить, — Макс отвинтил крышечку и с наслаждением припал к источнику живительной влаги.

— Почему?!

— Потому что и сам не знаю. Не помню ничего, — пояснил он виновато. — Я, может быть, сам в шоке. Проснулся — а тут ты...

— Придурок, — обидно бросила девица и, подобрав с пола какое-то тряпьё, очевидно, служившее ей одеждой, решительно поднялась с кровати.

— Я в душ, — заявила она, и это был не вопрос, а утверждение — она просто поставила Макса в известность.

*Неподвластная буквальному переводу игра слов на хинди — ряд оскорблений, обозначающий в общем примерно следующее: “Ты очень и очень нехороший человек!”

Считалось, что они с Андрюхой снимают эту квартиру вдвоём. По сути же, аренду полностью оплачивал отец Веселова. “Мажорчик”, - периодически беззлобно подкалывал друга Макс. Тот не обижался, невозмутимо и рассудительно пожимая плечами: разве он виноват, что родился в обеспеченной семье и может позволить себе то, что недоступно многим его сверстникам?.. На самом деле — Макс догадывался — Андрея подбешивала вынужденная финансовая зависимость от отца, и он мечтал, что однажды слезет с его шеи... однако пока что с удовольствием пользовался предоставленными родителем благами.

Когда Макс впервые увидел его в колледже на занятиях, то чуть не обалдел. Андрей Веселов! Московский виолончелист, его вечный конкурент и соперник на всех юношеских конкурсах! Вот уж “приятная” встреча, ничего не скажешь.

С другой стороны, они с Андреем оказались единственными студентами из России не то что на факультете, а даже во всём колледже. Максимум так не хватало общения на родном языке! Английский давался ему легко, но наслаждение от звуков русской речи нельзя было переоценить. Он и сам не мог предположить раньше, что в первые же дни на чужбине в нём проснётся рьяный “квасной патриот”, отчаянно тоскующий по дому.

— А ты что здесь делаешь? — спросил Макс у Андрея как можно равнодушнее. — Тебе что, тоже выделили стипендию от фонда виолончелистов?

— Нет, за меня предок заплатил, — невозмутимо пояснил тот. — Просто я всегда мечтал учиться именно в Англии. Наверное, с детства в голове засело вот это вот школьное, классическое: “London is the capital of Great Britain...*” — произнёс он с практически безупречным британским акцентом.

Денег у Андрея и правда было немеряно — и привычки вкупе с образом жизни

сформировались соответствующие. Предоставленные колледжем апартаменты для студентов его категорически не устраивали, он находил их слишком уж аскетичными, хотя, на взгляд Макса, всё было как надо: комнаты на двоих или троих человек, помещения для практики с отличной акустикой и звуконепроницаемыми стенами, спортзал, прачечная... До ближайших магазинов рукой подать, рядом много недорогих студенческих кафе, в общем — живи и радуйся.

— Я собираюсь снять какую-нибудь небольшую, но уютную квартирку неподалёку, — заявил Веселов. — Не хочешь присоединиться? Вдвоём веселее!

— Боюсь, не потяну, — отозвался Макс после заминки. — Не всем повезло иметь богатого папочку, знаешь ли... а сам я пока ещё ничего не зарабатываю.

— Да расслабься ты, мой “богатый папочка” берёт все расходы на себя, — непохоже было, чтобы Андрей обиделся. Его вообще сложно было заподозрить в какой-то тайной игре: взгляд голубых глаз был ясен и чист, улыбка — искренняя и открытая, и вообще, от парня так и веяло надёжностью и спокойствием.

— А ты не гей, случаем? — подозрительно спросил Макс. — Не то, чтобы я был против сексуальных меньшинств, но хотелось бы договориться на берегу. С чего вдруг у тебя вспыхнуло желание меня облагодетельствовать?

Андрей шумно фыркнул.

— Гос-с-споди, не волнуйся за свою нежную попку, уверяю тебя, я — исключительно по девочкам.

— А я-то на кой тебе сдался? Сними хату на одного и води туда баб, сколько захочешь.

— Ну, глупо же всё время враждовать. Ни я, ни ты не виноваты в том, что оба в своё время выбрали виолончель и у обоих это, без лишней скромности, неплохо получается. Чего нам сейчас-то делить? Мы не на конкурсе и не на фестивале. Мы больше не соперники. Русских, кроме нас, тут всё равно нет, так почему бы не держаться сообща?.. Ну, так как?

Андрей улыбнулся и протянул Максу руку. Чёрт его знает, но... эта искренность и располагающая улыбка действительно подкупали. Да ведь им сейчас и правда нечего было делить...

Поколебавшись пару мгновений, Макс ответил крепким рукопожатием.

*Лондон — столица Великобритании (англ.), начало стандартного текста из любого учебника по английскому языку в российских школах.

Найти подходящую квартиру оказалось не так-то просто даже с помощью агента и денег Андрюхиного отца.

Во-первых, молодых людей действительно часто принимали не за простых однокурсников, а за гей-пару, и отдельные хозяева (особенно, если это были люди в возрасте) выглядели не слишком довольными этим фактом. “Вот вам и хвалёная европейская толерантность, — ворчал Андрей. — Два гея не могут снять хату в Лондоне в начале двадцать первого века! Скажи кому — не поверят”.

Кого-то отпугивала их национальность — судя по подозрительным взглядам, хозяева были уверены, что эти сумасшедшие русские в первый же день устроят дома вечеринку с ручными медведями, цыганами и балалайками, а также водкой, икрой и матрёшками из местного борделя.

Кого-то смущал тот факт, что оба парня — музыканты, они ведь непременно будут репетировать в квартире, и их игра на виолончели может побеспокоить соседей...

Справедливости ради, выбор квартир был поистине огромен, но многие из них не выдерживали никакой критики: в одних царили неприятные запахи, общая захламленность и сырость, чуть ли не плесень; другие, напротив, были слишком уж рафинированными, дизайнерски-вылизанными, выхолощенными и чистенькими настолько, что выглядели совершенно неригодными для человеческого жилья. Общим у всех отсмотренных апартаментов было одно: хозяева хотели исправно получать деньги за жильё, но при этом мечтали, чтобы квартиросъёмщики появлялись дома как можно реже и вообще вели себя тише воды, ниже травы.

— Здесь есть парк неподалёку, замечательный парк, в нём так здорово совершать утренние и вечерние пробежки или просто гулять, устраивать пикники, дышать свежим воздухом... — заливалась бабуся-божий одуванчик так долго и настойчиво, что Макс заподозрил: она предпочла бы, чтобы они проводили больше времени на этом самом свежем воздухе, чем просиживали хозяйскую мебель в арендованном помещении и лишний раз спускали воду в драгоценном хозяйском унитазе.

— Может, нам взять палатку и ночевать прямо в том чудесном парке? — мрачно сыронизировал Андрей, но хозяйка так восторженно выдохнула в ответ на это предложение, что обоим парням даже стало неловко за то, что это всего лишь шутка.

После пары недель безуспешных поисков Макс уже с трудом сдерживался, чтобы не выдать в лицо пройдохе-агенту, расписывающему им мифические достоинства очередной квартиры, что это не апартаменты, а просто факинг шит*. Но найти подходящее жилище, чтобы остались удовлетворены обе стороны — и квартировладелец, и съёмщики — оказалось чуть ли не сложнее, чем поступить в колледж.

— Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает...** — бурчал Андрей себе под нос, тоже несколько обескураженный долгими безрезультатными поисками.

*От англ. сленгового “fucking shit” — буквально “грёбаное дерьмо”.

**Строки из романа “Чёрное и белое” (стихи Михаила Танича, музыка Эдуарда Колмановского), впервые прозвучавшего в 1972 г. в фильме “Большая перемена”.

В конце концов, квартира мечты была-таки найдена. Не из дешёвых — даже на взгляд Андрея, зато просторная, с двумя спальнями и гостиной, отлично меблированная и — самое главное — с прекрасной звукоизоляцией благодаря толстым перекрытиям. Можно было репетировать без опаски хоть всю ночь напролёт!

— Тут хорошая энергетика, — признал Макс, зацепив взглядом огромный деревянный книжный шкаф, ныне пустующий. — Дом, в котором жили книги, вряд ли будет плохим.

— Здесь всё очень продумано и удобно для долгой и счастливой семейной жизни, — умильно улыбнулся агент, и Макс с Андреем, переглянувшись, громко заржали, вообразив свою будущую, долгую и счастливую, “семейную” жизнь.

Ещё одним немаловажным плюсом стала близость к месту учёбы. Их дом располагался всего-то в двух с половиной милях от колледжа. Макс не улыбалось ежедневно тратить по часу на дорогу, потому что он находил лондонский транспорт просто ужасным. Автобусы надолго застревали на каждом светофоре; узкое, душное и вонючее метро постоянно

ломалось; разъезжать на такси простому студенту было не по карману.

Они поселились в районе Ноттинг-Хилл неподалёку от Гайд-парка. Когда-то здесь проживало множество эмигрантов из стран третьего мира, в том числе и нелегалы, так что обстановка была беспокойной, даже опасной. С годами цены на жильё ощутимо взлетели, всяческий сброд отсеялся, и среди обитателей Ноттинг-Хилла теперь преобладали люди творческие: актёры, режиссёры, художники, писатели и музыканты.

Это был классический английский спальный район: газоны, не теряющие даже зимой своей сочной изумрудной свежести, ухоженные двух- и трёхэтажные старинные домики, недорогие уютные кафешки, украшенные цветами, милые маленькие магазинчики.

Больше всего Макс полюбил гулять по Портобелло-роуд — улице, прославившейся рынком антиквариата и винтажной одежды. Он готов был часами бродить между торговыми рядами, глаза на выставленные там товары; иногда среди толпы можно было встретить и вполне “звёздные” лица — к примеру, в поисках свежих идей для своих коллекций здесь часто ошивались модные дизайнеры. Зимой тут приятно было угоститься недурственным глинтвейном, в любое другое время года — выпить отличного кофе, но Макса снова и снова влекло сюда, прежде всего, желание послушать уличных музыкантов.

Были среди них и жалкие любители, откровенно фальшивящие и заставляющие Макса мучительно морщиться, точно от зубной боли; попадались и настоящие профессионалы. Так, в один хмурый зимний вечер он надолго завис возле худой девчонки с выкрашенными в дикий розовый цвет волосами: она держала возле губ пан-флейту и пронзительно-щемяще, так, что сердца слушателей буквально рвались на части, наигрывала “Одинокого пастуха” Джеймса Ласта.

Это было потрясающее исполнение, которое сделало бы честь любой мировой концертной площадке — уж Макс-то знал в этом толк. Самой же девчонке, казалось, было совершенно наплевать и на мировую сцену, и на собравшихся вокруг неё зрителей — она играла для себя, о себе, точно оплакивая свою жизнь, и флейта её тоже плакала и тосковала.

Сглотнув комок в горле, Макс терпеливо дождался окончания мелодии и только потом, подойдя к девушке, опустил в её шляпу пять фунтов. Это, конечно, было жутким расточительством, но... он просто не смог удержаться.

Флейтистка (на вид совсем молоденькая, едва ли старше его самого) быстро наклонилась, подобрала купюру и надёжно упрятала себе в карман, и только затем исподлобья взглянула на Макса. Просканировав его изучающим взором, она расплылась в широкой улыбке и бесхитростно спросила:

— Угостишь меня кофе, миллионер?

...Она стала первой девушкой, к которой он смог прикоснуться после Леры.

Макс выполз в кухню, выудил из холодильника упаковку ледяного апельсинового сока и с жадностью припал к ней губами. Андрей — с влажными после душа волосами, одетый в банный халат — сидел у окна в хозяйском кресле-качалке, попивал чаёк и читал газету.

— Тебе ещё трубки в зубах не хватает для полноты картины, — буркнул Макс вместо утреннего приветствия. — И тарелки овсянки. Типичный британец!

— Стереотипы, стереотипы... ты до сих пор от них не избавился? — Андрей покачал головой. — Где ты хоть раз видел англичанина с трубкой и овсянкой?

Макс не ответил. Андрей вопросительно приподнял брови, окидывая друга любопытным взглядом:

— А где твоя... дама?

— Моя-то в душе отмокает, а ты что — один? — усмехнулся Макс. Андрей пожал плечами.

— Свою я выпроводил восвояси ещё в восемь утра.

— Как ты жесток, приятель... это в воскресенье-то! — попенял ему Макс. — А если серьёзно, удивляюсь, что она тебя не убила за подобное вопиющее негостеприимство, да ещё и после проведённой вместе ночи. Как тебе это удалось, колись?

— Сказал, что с минуты на минуту здесь появится моя бабушка, которая якобы каждые выходные приезжает навестить меня с корзиной пирожков и горшочком масла, — уголок рта Андрея дрогнул в озорной усмешке. — Она испугалась потенциального знакомства с моей русской роднёй и сама сбежала... вон, даже про подружку свою забыла.

— А, так они ещё и подружки... — отвернувшись к окну, Макс сделал очередной глоток холодного сока прямо из упаковки. Что за погода, снова ветер, серость и тучи!..

— Ага, подружки и однокурсницы. Ты что, забыл всё, о чём мы вчера говорили? Обе учатся в нашем колледже, только на вокальном факультете. Они сразу нас узнали... именно поэтому и подкатили вчера в клубе.

— Они к нам подкатили, а не наоборот? — Макс покачал головой. — Мы стареем, дядюшка Эндрю. Теряем квалификацию...

— Скорее, наоборот — становимся ещё более неотразимыми, — невозмутимо отбил подачу Андрей. — Девчонки сами на нас вешаются.

— Доброе утро!.. — раздалось за спиной. Макс быстро обернулся.

Индийская гостья, наконец, появилась в кухне, благоухая гелем для душа и шампунем Макса. На мокрые волосы она беззастенчиво накрутила тюрбан из его полотенца.

— Я буду чай с молоком и тосты с джемом, — объявила она, точно оказала великую милость, изъявив желание с ними позавтракать.

— А может, яичницу с беконом? — Андрей кивнул на сковородку, уже шкворчащую на плите. — Я жарю на всех...

— Я не ем мяса! Я хинду!* — вскинулась девица. Макса кольнуло воспоминанием... но он волевым усилием отогнал его от себя.

— Напомни, как тебя зовут? — спросил Андрей миролюбиво: его совершенно невозможно было ничем смутить.

— Дия. Дия Шарма, — представилась девушка. — Вокал, первый курс. А вы струнники, мальчики? — она кивнула на прислонённый к стене футляр виолончели.

— Нет, это просто для конспирации, — подал, наконец, голос Макс, мрачно накладывая себе яичницу. — На самом деле, мы прячем там трупы девушек-первокурсниц.

Голова всё ещё нещадно трещала.

— Он всегда такой злой? — хмыкнув, спросила Дия у Андрея, игнорируя шутку Макса.

— Только если не с той ноги встал, — Андрей потянулся за хлебом, чтобы приготовить тосты, и не удержался от шутки. — Уж не знаю, чем ты его так огорчила ночью, — а затем добавил по-русски, чтобы индианка не поняла:

— Кстати, напрасно морду воротишь, Макс. Сиськи и задница у неё — очень и очень...

— Ну, извини, — поколебавшись, девушка примирительно тронула Макса за плечо. — Наверное, я была не слишком вежлива с тобой... Просто испугалась. Не ожидала,

понимаешь, что проснись в постели не одна.

Меланхолично жующий яичницу Макс просто молча кивнул, как бы принимая её извинения. Пусть Андрей рассыпается в любезностях перед этой Дией — а он вовсе не собирается играть в радушного хозяина.

— Налить тебе чаю? — чтобы окончательно загладить свою вину, предложила девушка Максу.

— Чёрный, — буркнул он. — Без сахара.

— Лимон надо?

Он вздрогнул и резко ответил:

— Нет.

— У Макса аллергия на лимоны, — пояснил Андрей. Дия взглянула на парня с сочувствием.

— Серьёзно?.. Какой кошмар. А как это проявляется?

— Моментальная остановка сердца, — серьёзно отозвался Макс.

— Ничего себе... — Дия захлопала ресницами. — Такое бывает?

— Значит, бывает, — отрубил он.

*Хинду, индус(ка), индуист(ка) — человек, исповедующий религию “индуизм”. Вегетарианство — одна из характерных и распространённых идей в индуизме.

Андрей ничего не знал о Лере. Макс так и не решился ему рассказать — даже в порыве пьяных дружеских откровений. Словно что-то сдерживало, включая внутренний сигнал “стоп”. Это было слишком его, слишком личное, чтобы делиться. Никто в целом мире не догадывался о той боли, которую он испытывал...

Впрочем, мама знала. В тот вечер, когда Макс приехал из больницы от Леры, с ним случилась самая настоящая музыкальная истерика. Он уселся за инструмент и принялся играть, как одержимый, пьесу за пьесой, мелодию за мелодией. Рука со смычком металась, словно бешеная, лоб взмок от пота, губы тряслись, но он с остервенением играл и играл, зажмурившись и стиснув зубы. Мама с трудом отняла у него смычок, еле-еле разжав окаменевшие пальцы Макса... и тогда он сразу обмяк, обессилел, закрыл лицо руками и затих. Только плечи чуть подрагивали и дыхание было шумным, неровным, сбившимся.

— Максимка, всё будет хорошо... — ни о чём не спрашивая, прошептала мама, прижимая взлохмаченную голову сына к своей груди. — Успокойся, милый. Всё пройдёт.

Ни хрена не прошло.

Несмотря на всю недвусмысленность их последнего разговора с Лерой, на все те грубости и гадости, что они друг другу сгоряча наговорили, Макс очень долго не хотел верить в то, что это конец. Да, он фактически бросил её, оставив в больнице слабую и беспомощную, но ведь и она тоже его обидела. Гордость не позволяла вернуться и попросить прощения... а может, он просто боялся получить от Леры очередную порцию ледяного презрения или, напротив, кипящей ненависти — он не знал, что и хуже.

Отвлечься помогла официальная волокита и все бюрократические сложности, связанные с его поступлением в английский колледж. Виза, перевод и апостилирование

необходимых документов и справок, составление мотивационного письма, без которого его даже не допустили бы к прослушиванию... Макс практически не волновался, эмоции словно притупились и нервничать не получалось, даже если бы он захотел.

Известие о том, что он принят, Макс встретил с обидным спокойствием. Не было ни восторга, ни ликования... он просто мысленно поставил галочку напротив пункта “поступление” — сделано!

Последние дни августа прошли в лихорадочных сборах и улаживании тех важных дел, с которыми он ещё не успел разобраться. Искушение позвонить Лере и узнать, как она, как её здоровье, было слишком велико, но Макс старался не поддаваться этим малодушным порывам. Наденьку он тоже ни разу не встретил за эти дни — она уехала со своим Скворцовым в Сочи, чтобы провести остаток лета, нежась под южным солнышком. А больше... больше и поговорить-то о Лере ему было не с кем.

В аэропорту в день отлёта ему всюду мерещились её раскосые глаза. В этом не было ни логики, ни здравого смысла: откуда Лере было знать, в какой день и каким рейсом Макс улетает? Да даже если бы и знала... она ведь вычеркнула его из своей жизни. Сказала, что пойдёт своей дорогой. Он и не ждал... не надеялся... не верил.

Чёрт, он ждал её. Он безумно её ждал!..

Мама, внезапно как-то резко постаревшая, заплакала, прощаясь с Максом: её птенчик повзрослел, оперился и теперь улетал из гнезда... Сын, который был выше её на целую голову, смущённо обнял в ответ, попытался утешить, неловкими движениями ладоней стирая слёзы с её щёк.

Он безумно ждал. Но Лера не приехала.

В целом, когда первый шок от пребывания в чужой стране прошёл и притирка благополучно завершилась, Макс понял, что Лондон ему скорее нравится. Этот город постепенно, но неуклонно менял его, незаметно влияя и на характер, и на внутреннее состояние. Несмотря на тоску по дому и пустоту в сердце, Макс однажды поймал себя на том, что стал чаще улыбаться незнакомым людям, буквально на автомате. И эта новоприобретённая привычка была ему только на пользу, потому что первое время вечно кислая физиономия “этого русского” отпугивала лёгких дружелюбных англичан.

Один из преподавателей колледжа — профессор музыки Ричард Тёрнер — как-то раз добродушно заметил на своей лекции, что русские всегда ноют, это их девиз по жизни: всё плохо, давайте будем плакать.

— Они словно подсознательно ждут плохого, а не хорошего, при этом испытывают какую-то дикую, мазохистскую нелюбовь к себе и одновременно желание критиковать всё, что вокруг. Но музыканты... — добавлял он, многозначительно подняв вверх указательный палец, — музыканты при этом замечательные! Гении практически все, как на подбор!

Аура потенциальных гениев, витающая над Максом и Андреем, заставляла однокурсников посматривать на них с заметным любопытством. В их взглядах явственно читалось: “Ну-ну, проверим, так ли вы хороши, как о вас говорят...”

В общей сложности в Королевском колледже музыки обучалось более восьмисот студентов из пятидесяти стран, и преподавали там не просто педагоги — а талантливейшие музыканты с именами, известными всему миру. В колледже был даже факультет для

одарённых детей и подростков от восьми до восемнадцати лет: ребята занимались по субботам.

Как прежде маленький Максим считал свою питерскую музыкальную школу Храмом — так и теперь, с таким же душевным трепетом и почтительным благоговением, он относился к колледжу. Он с первого взгляда влюбился в это учебное заведение — даже до того, как увидел его вживую, просто по фотографии. Да разве могло быть как-то иначе?

Эти стены повидали немало звёзд: к примеру, ранее здесь учились такие известные личности, как композитор Эндрю Ллойд Уэббер и скрипачка Ванесса Мэй.

Напротив здания Королевского колледжа музыки располагался знаменитейший зал Альберт-Холл, одна из самых престижных концертных площадок мира. Президентом колледжа являлся сам Чарльз, принц Уэльский... как можно было, вращаясь во всём этом, не осознавать полную меру ответственности, возложенную на тебя во время учёбы в столь прекрасном, священном, потрясающем месте?!

Студенческая жизнь Максиму безумно нравилась, хотя действительно приходилось очень много учиться. Дурака валять здесь не было позволено никому. Готовясь к экзаменам, он, бывало, просиживал в местной библиотеке целыми днями, отчаянно зубря. Музыкальной практике, конечно же, уделялось не меньше времени, чем теории: они постоянно играли, репетировали, играли и репетировали, снова репетировали и опять играли... Юных музыкантов и певцов регулярно испытывали сценой — всевозможные отчётные концерты, открытые ежегодные выступления, рождественские шоу, пасхальные представления и так далее.

В распоряжении колледжа было несколько концертных залов: от маленького, практически камерного, для небольших выступлений в узком кружке “своих” — до солидных холлов с великолепной сценой, потрясающей акустикой и четырьмя сотнями зрительских мест.

Максиму больше всего по душе пришёлся зал The Britten Theatre, открытый в честь столетия колледжа Её Величеством Королевой. Элегантный, с многоуровневым зрительным залом и арочной авансценой, он напоминал столь любимые Максом итальянские оперные театры. Когда он играл в этом зале, то его изнутри буквально распирало ощущение счастья, полёта и эйфории, а на глаза от переизбытка эмоций нередко наворачивались слёзы.

Андрей же больше радовался, когда им приходилось выступать в The Amaryllis Fleming Concert Hall, названном так в честь бывшей студентки колледжа, знаменитой виолончелистки. Это был более современный и соответствующий высочайшим международным стандартам концертный зал — а Андрей, как мальчик, выросший в достатке, прежде всего ценил комфорт.

В общем, учёба и концерты занимали практически всё время молодых ребят. Однако... кто не гулял и не кутил в студенчестве?! Разумеется, Макс с Андрюхой периодически устраивали себе “дни отрыва”, отчаянно надираясь в местных пабах и беззастенчиво снимая девушек. Впрочем, ходить по девочкам Макс начал далеко не сразу, целых полгода после начала учёбы не мог ни на кого даже смотреть, чем вызывал беззлобное подтрунивание Андрея, зато потом, “развязав”, словно сорвался с катушек.

Если позволяла погода, Макс любил просто гулять по городу, исследуя и изучая его. Ноттинг-Хилл был исхожен вдоль и поперёк, теперь же парня тянуло в районы более отдалённые. В поисках лондонских интересных мест он старательно избегал заезженных туристических маршрутов и иногда наткнулся на весьма занимательные местечки — вроде

старинного заброшенного кладбища.

Красные телефонные будки, являющиеся визитной карточкой Лондона, скоро надоели Максиму до зубного скрежета. В них не было ровным счётом ничего примечательного, в том числе и практической пользы: большинство жителей столицы давно перешло на мобильные телефоны, поэтому будки чаще всего использовались не по назначению — как мусорки или пепельницы, а порою даже и туалеты. Нередко их обклеивали рекламой каких-нибудь борделей... в общем, та ещё “достопримечательность”. Однажды Макс, бродя в одном из таких отдалённых от дома нетуристических районов, наткнулся на сотрясающуюся и содрогающуюся, как во время землетрясения, красную будку — не сразу сообразив, что происходит, он осторожно заглянул внутрь и, отшатнувшись, невольно покраснел, сообразив, что помешал страстному совокуплению какой-то пылкой парочки.

Память тут же с готовностью востепенелась, подсовывая ему картинку из прошлого: он и Лера в одной постели, сжимающие друг друга в объятиях, ставшие одним целым... Это воспоминание взорвалось в голове так внезапно, что он не успел поставить привычную мысленную “защиту” и на секунду задохнулся от оглушившей, затопившей его с ног до головы дикой боли. Машинально оперевшись рукой на злосчастную будку, он шумно глотал ртом воздух, пытаясь отдышаться.

— Эй, чувак, а тебе не кажется, что ты здесь лишний? — чуть приоткрыв дверь, недовольно поинтересовался чернокожий парень, даже не потрудившись застегнуть штаны. — Иди, куда шёл... Разве ты не видишь, что смущаешь даму и портишь наше свидание? Если приспичило позвонить — другая будка есть за углом.

— Извините, что помешал, — с трудом вспомнив элементарные английские фразы, отозвался Макс. — Я уже уйду.

Он наивно убеждал себя, что справился. Пережил, перегорел, переболел, убежал от своей боли, надёжно спрятался и закрылся на семь замков. Однако боль всё равно наступала, находила, дотягивалась своими щупальцами — и всегда это было внезапно, всегда наотмашь, к этому невозможно было подготовиться.

Иногда Максу казалось, что он ступает по минному полю. Один неосторожный шаг — и воспоминания разрывали его душу и тело в клочки. Попавшаяся ли на глаза вывеска вегетарианского кафе, яркая ли пирамида свежих лимонов в супермаркете, модель ли с наружной рекламы, похожая на Леру фигурой и цветом волос... никогда нельзя было предугадать, когда именно рванёт, по какому ничтожному поводу, заставляя его буквально сгибаться пополам и стискивать зубы, чтобы не завывать.

Он не пытался отслеживать Лерину жизнь, намеренно не навёл о ней справок, не интересовался новостями мира моды — так что ему с переменным успехом удавалось держаться в самоизоляции от прямых напоминаний о косоглазой. Однако этот fucking мир удушающе тесен, мать его — и кое-какие вести просачивались и сквозь выстроенные им бастионы. Иногда на глаза Максу попадались фотографии Леры в журналах: судя по всему, дела у неё шли весьма и весьма успешно. Можно было только порадоваться за неё. Порадоваться тому, что она так красива и так свежа... словно и не было того страшного разговора в больнице, когда Макс запомнил её совсем, совсем иной: худющей, измученной, морально и физически выпотрошенной. Он рад был тому, что у неё всё хорошо, и ненавидел её за то, что у неё всё хорошо...

Андрей считал, что целибат плохо действует на его однокурсника, и время от времени дружески советовал Максиму не затягивать с этим делом, а завести себе девчонку для плотских утех. Если бы он только знал, как сам Макс мечтает об этом!.. Проблема в том, что он никого не хотел. Никто ему не нравился. Он не мог даже теоретически представить, что затаскивает в постель какую-нибудь девушку из своего окружения.

Так продолжалось ровно до тех пор, пока он не встретил флейтистку с розовыми волосами.

Её звали Пигги*.

— Как-как? — переспросил Макс в замешательстве, когда она представилась ему за чашкой кофе. — Это же... прозвище? А настоящее имя у тебя есть?

Она встряхнула своей дикой шевелюрой цвета взбесившегося лосося.

— Зови меня просто Пигги. Мне так больше нравится.

И непонятно было — то ли эта, кажется, ничуть не оскорбляющая её кличка, дана девушке именно за цвет волос, то ли... как общая характеристика.

После того, как Макс отдал уличной музыкантше пять фунтов, денег у него осталось совсем в обрез. Но, глядя, как жадно она отхлёбывает кофе большими глотками, рискуя обжечь гортань, как судорожно стискивает чашку худыми исцарапанными пальцами, грея ладони, он не удержался и заказал ей ещё какой-то немудрёный пончик с кремом.

— Спасибо, — благодарно промычала она, впиваясь зубами в ароматную сдобу, — ты такой милый...

Макс хотел поинтересоваться, ела ли она сегодня в принципе что-нибудь, но подумал, что это может прозвучать бестактно.

— Где ты живёшь? — спросил он, вкладывая в эту фразу немного иной смысл: “Тебе вообще-то есть, где жить?”

Торопливо заглотив остатки пончика, девушка с сожалением облизала губы и неопределённо помахала рукой:

— Да так... когда где. Нынче здесь, завтра там.

Она ещё и бродяжничает! Только этого ему не хватало. Впрочем, одежда на Пигги была хоть и поношенной, но хорошего качества и явно дорогой.

— А родители у тебя есть? — осторожно поинтересовался он.

— Есть, конечно. Только я с ними не общаюсь. Достали! — она презрительно фыркнула.

Слово за слово — и Максуду удалось вытянуть из неё кое-какие детали биографии: поссорившись с богатым папочкой, Пигги сбежала из дома и вот уже целый год вела самостоятельную вольную жизнь на лондонских улицах. Родители неоднократно предпринимали попытки её вернуть, но она наотрез отказывалась жить с ними под одной крышей, и в конце концов они махнули рукой, посчитав дочь паршивой овцой в их благопристойном стаде.

— Думаю, если предки столкнутся со мной случайно на улице, то сделают вид, что мы незнакомы. Зачем им такое позорище? Напоминание о том, что все их мечты и надежды коту под хвост... Отец же хотел, чтобы я училась экономике... скука смертная! — она сморщила нос. — Мне это вообще неинтересно.

— А музыка? Ты ведь обучалась где-то музыке?

— Не, — она допила кофе и отставила чашку в сторону. — Я самоучка. Все мелодии, которые играю, подбираю на слух.

— Ничего себе! — вот тут Макс по-настоящему офигел. — Ты это серьёзно? Слушай, да ты нереально крута!

— Мне говорили, — отозвалась Пигги с польщённой улыбкой, явно довольная, а затем с видимым удовольствием потянулась. — Ох, как же тут хорошо, тепло и уютно... Даже уходить не хочется!

Макс с сомнением оглядел весьма скромненький интерьер недорогой кофейни и деликатно спросил:

— А сегодня ты где ночуешь?

Она почесала висок, всерьёз размышляя над ответом.

— Вообще-то, ещё не думала об этом. Собиралась попроситься к кому-нибудь из друзей...

— Не нужно ни к кому напрашиваться, — вздохнул он, поднимаясь со стула. — Пойдём. Переночуешь сегодня у меня.

*Пигги (от англ. piggy) — буквально Свинка, Хрюшка

— Ух ты, крутая хата! — восхищённо оглядываясь, оценила Пигги, оказавшись в апартаментах Макса и Андрея. — Ты тут один живёшь?

— Нет, с однокурсником. Слушай... — Макс мучительно подбирал слова, чтобы не обидеть, не оскорбить ненароком эту нелепую девчонку, и всё же сориентировать её в нужном направлении. — Тебе, наверное, хотелось бы помыться, да? Принять горячую ванну

и всё такое...

— С удовольствием! — обрадовалась флейтистка, разве что в ладоши не захлопала.

— А твою одежду нужно постирать, — запнувшись, выговорил он. — Оставь на полу у двери, я отнесу в прачечную, тут рядом. До завтра высохнет.

— А сегодня я что надену? — просто поинтересовалась она.

— Подберу тебе какую-нибудь футболку.

Из своей спальни вышел Андрей и с явным замешательством уставился на странную гостью. Очевидно, он нечаянно услышал кое-что из диалога Макса и Пигги и сейчас откровенно недоумевал, кого это однокурсник притащил в их дом.

— Я всё понимаю, дружище: тебе, должно быть, страшно надоело вести монашеский образ жизни, — произнёс он по-русски, чтобы гостья не поняла, — но... почище ты никого не мог выбрать?!

Прежде, чем Макс успел ответить, Пигги ослепительно улыбнулась ему, кивнув в сторону Андрея:

— Твой приятель беспокоится, не занесу ли я в его стерильный дом какую-нибудь заразу?

— Ну... — Андрей развёл руками, как бы оправдываясь: вслух я этого не говорил, сама такая догадливая.

— Не дрожи, чистюля, — фыркнула она. — Я могу помыть после себя ванну с дезинфицирующим средством. А если ты беспокоишься насчёт вшей и прочей гадости... Уверяю тебя, подцепить этих мелких паразитов в школе или колледже куда легче, чем на улице. Так что ты — в большей зоне риска, чем я! — она беззастенчиво встряхнула своей розовой шевелюрой.

— А как насчёт заболеваний, передающихся половым путём? — не моргнув глазом, отозвался Андрей, подхватывая её тон. — Видишь, не о себе пекусь, а о здоровье товарища забочусь...

— Не волнуйся за него, трахаюсь я всегда с резинкой, — Пигги показала Андрею язык, одновременно подмигнув ошеломлённому Максиму.

— Честно признаюсь, не ожидал такого ответственного подхода. Ну, тогда трахайтесь на здоровье, дети мои, — и Андрей благословил их шутливым полупоклоном.

— Да не собираюсь я с ней трахаться! — возмутился было Макс, до глубины души шокированный этим откровенным диалогом, но... подсознательно уже понимая, что лукавит. Что-то было в этой бродяжке — то, что зацепило, заставляло думать о ней именно в плане секса. Не сказать, чтобы Пигги уродилась писаной красавицей, но у неё было интересное, живое лицо. А также порывистость, искренность, эмоциональность... всё это вкуче чем-то напоминало Леру, но Макс запретил себе думать о ней и упорно проговаривал мысленно, что между двумя этими девушками нет ничего общего.

Отдавалась она страстно, горячо, с вдохновением. Когда измученный долгим воздержанием Макс обессилел после наконец-то случившегося бурного секса и рухнул на подушку рядом с ней, Пигги медленно провела пальцем по его взмокшей от пота груди и с любопытством поинтересовалась:

— Кто она?

— Кто? — переспросил Макс после паузы, с трудом справляясь с дыханием.

— Та, с кем ты занимался любовью сейчас. Ты же не меня сейчас перед собой видел, а

её представлял...

Он снова немного помолчал, но так и не нашёл подходящих слов для ответа, отделавшись отговоркой:

— Пожалуйста, не спрашивай.

Пигги легко кивнула.

— О`кей. Ты как... хочешь ещё потрахаться, или я могу поспать? — спросила она почти деловито. — Тысячу лет не спала на чистых простынях под мягким тёплым одеялом.

— А... можно ещё? — хрипло спросил он. Флейтистка звонко рассмеялась.

— Ого, какой ненасытный! Можно, можно. Иди ко мне...

Макс никогда специально не искал с ней встреч, но как-то получилось, что Пигги незаметно вошла в его жизнь, да так там и осталась.

Со стороны их отношения, несомненно, производили странное впечатление. Что общего могло быть у воспитанного, благополучного, интеллигентного студента Королевского колледжа музыки с уличной бродяжкой, отбросом общества? Ни о какой любви или даже влюблённости речи не шло. Назвать их отношения дружбой тоже можно было с огромной натяжкой.

Да, в постели им было хорошо друг с другом, но больше всего Максусу нравилось, как она играет на пан-флейте. Пигги была потрясающе талантлива! Пожалуй, ему и секса от неё было не надо — тем более, после той ночи его словно “расколдовали” от воздержания, и он больше не чурался спать с другими девушками, которые были ничуть не хуже в плане интима. Нет, от Пигги, по большому счёту, Макс хотел только одного — почаще слушать её волшебное музицирование!..

Иногда они случайно сталкивались на улице — девушка постоянно околачивалась в Ноттинг-Хилле, пытаясь заработать немного денег своей игрой на флейте. Иногда она сама запросто забегала к нему домой — особенно, если ей в очередной раз было негде или не у кого переночевать. Макс ничего не знал о том образе жизни, что она ведёт в остальное время, когда они не видятся. Где она спит? Под мостом в палатке? Кто её друзья? Чем она питается?..

Пытался как-то расспрашивать, но она осадила его мягкой, но недвусмысленной фразой, моментально очертившей границу между их жизнями, столь непохожими друг на друга:

— Тебя это интересовать не должно.

Пигги никогда ничего не просила открытым текстом, но Макс, впуская её в их с Андрюхой квартиру, неизменно позволял бедолаге хорошенько отмокнуть в ванне, относил в стирку её вещи и кормил, в глубине души чувствуя за неё какую-то ответственность. А затем, если она оставалась на ночь, они обязательно занимались любовью. Точнее, сексом — понятие “любовь” стало для Макса слишком сакральным, чтобы разбрасываться им направо и налево. При этом ему даже в голову не могло прийти, что Пигги своим телом расплачивается с ним за еду и приют: это не было платой, по крайней мере, не выглядело ею — просто происходило естественно, по умолчанию настроек, по совместному желанию обеих сторон.

Пигги спала и с Андреем. Однокурсник сам признался ему в этом — явно смущаясь и не сразу найдя подходящие для оправдания слова.

— Понимаешь, она пришла как-то, когда тебя не было дома... Хотела поесть и

помыться, как всегда. Ну, пришлось её впустить... что я, изверг, что ли?.. Потом она перехватила у меня немного денег и... как-то так получилось, что мы оказались в постели, — неловко закончил Андрей. — А потом она сразу же упорхнула, не стала дожидаться твоего возвращения. Я просто хотел, чтобы ты знал... ты же ничего не имеешь против? Ведь вы с ней даже не пара. Надеюсь, это тебя не задевает?

Макс прислушался к своим ощущениям и понял, что ему абсолютно всё равно. Да и почему должно было быть как-то иначе? Андрей, если разобраться, имел такое же право спать с этой девушкой, как и сам Макс. Она не давала обет верности ни одному из них. Наверняка, у неё были и другие мужчины...

Однажды, развлечения ради, они записали с Пигги видео своей совместной игры: “Одинокий пастух” в исполнении флейты и виолончели. Андрей снял всё это на видеокамеру.

— Когда вы станете знаменитыми, дети мои, — пошутил он, — я продам эту запись какому-нибудь музыкальному телеканалу и зверски разбогатею! И никогда больше не буду зависеть от своего папочки.

Спустя несколько лет эта любительская запись, выложенная на ютубе, побила все рекорды по просмотрам, став настоящей мировой сенсацией и сделав Макса Ионеску, уже тогда известного виолончелиста, ещё более популярным и прибавив ему поклонников.

А вот Пигги к тому моменту уже не было в живых...

Макс почти забыл о той странной ночи, проведённой с сумасшедшей индианкой. Всё произошедшее казалось ему глупым недоразумением. Спутался же с какой-то идиоткой... В колледже всю последующую неделю ему удавалось счастливо избегать нечаянной встречи, так что о дерзкой девице ничего больше не напоминало.

Однако в следующее воскресенье, ровно через неделю после того случая, их с Андреем разбудил дверной звонок. Они не ждали гостей, но, хотя накануне не устраивали ни попоек, ни разврата — напротив, провели вечер дома перед телевизором, за просмотром футбольного матча (самым страшным их грехом можно было назвать лишь чипсы да пару бутылок пива) — всё равно подъём в половине девятого утра показался обоим друзьям крайне жестоким. Только очень весомый повод мог послужить оправданием незваному визитёру.

— Может, хозяева заявили с проверкой или заявлением, что нас выселяют? — предположил Макс, нервно натягивая штаны.

— Тьфу на тебя... не каркай, — взлохмаченный и сонный Андрей тоже выглядел не на шутку встревоженным. — Только этого нам сейчас и не хватало. Думаешь, соседи стукнули? Интересно, на что пожаловались — на девчонок или на виолончель?..

Однако за дверью оказались не владельцы квартиры.

Это была она — та строптивая первокурсница, Дия Шарма. Макс с перепуга и от неожиданности даже momentarily вспомнил её имя.

Девица стояла на пороге, белозубо улыбаясь и держа в руках несколько бумажных пакетов, из которых одуряюще пахло чем-то экзотическим, но определённо съестным — ароматными пряностями и свежей выпечкой.

— Доброе утро, мальчики, — поздоровалась она таким тоном, словно они были её лучшими друзьями. — А я вам поесть принесла! Хотите позавтракать?

— Спасибо, мы не заказывали доставку еды, — хмуро отозвался Макс, взбешённый этим бесцеремонным утренним вторжением, и уже хотел было захлопнуть дверь у Дии перед носом, но Андрей перехватил его руку.

— Ты что, охренел?! Это же свинство — так обращаться с девушкой, — возмутился он по-русски, одновременно делая вид, что слова Макса были просто удачной шуткой.

— Входи, Дия, — вежливо пригласил Андрей. — А с чего вдруг такой акт благотворительности?

— Ну... вы меня накормили завтраком в прошлое воскресенье. Теперь моя очередь, — мило улыбнулась девушка.

— Похоже, она запала на кого-то из нас, — снова переходя на русский, прокомментировал Андрей.

— На меня, разумеется, — невозмутимо отозвался Макс.

— Да с какой радости? Ты ведёшь себя с ней, как первостатейный мудака, — негодуя запротестовал Андрей.

— Женщины любят, когда с ними не церемонятся, — фыркнул Макс. — Спорим?

— Предлагаешь пари? — прищурился друг.

— Почему бы и нет? Посмотрим, кого она в итоге выберет... хотя я уверен, что в глубине души она давно уже определилась, — в Максе вспыхнул мальчишеский азарт. Не сказать, чтобы Дия так уж прямо ему нравилась — девчонка как девчонка, но здесь возник уже чисто спортивный интерес.

Тем временем индианка переместилась из прихожей в кухню и принялась там хозяйничать, расставляя на столе какие-то нескончаемые судочки, плоски и контейнеры, затянутые сверху фольгой.

— Да тут на целую роту солдат! — присвистнул потрясённый Андрей — что ни говори, а даже если путь к сердцу мужчины и не лежит через желудок, то всё равно проходит где-то весьма и весьма близко. — Только объясни, пожалуйста, подробно, что это всё такое и как его полагается есть.

— Как полагается есть? — рассмеялась она. — С удовольствием, конечно! А что это такое, сейчас расскажу. Вот это жареные лепёшки с разными начинками: есть с картошкой, есть с брокколи, есть с творогом и зеленью, такая лепёшка называется “паратха”. Вот — тушёный нут со специями “чhole”, его полагается поесть уже с другими лепёшками, маленькими “пури”. Эта вкуснотень в томатно-сливочном соусе зовётся “паниром”, тоже обязательно попробуйте... Это рис с зирой, это “дал макхани” — чечевичная похлёбка с жареным луком и сливочным маслом, это кислый йогурт “дахи”, это “гулаб джамун” — знаменитая индийская сладость...

Еда, разумеется, была вегетарианской.

— Ты это всё сама приготовила? — с восхищением поинтересовался Андрей, уже отщипнув кусочек горячей паратхи и отправив его в рот, а затем немедленно зажмурившись от удовольствия.

— Смеёшься? — она даже фыркнула от этого вопроса. — Я что, похожа на степенную домохозяйку, которая с пяти утра торчит у плиты, чтобы порадовать домашних традиционным завтраком из десяти блюд? Тут поблизости есть отличный ресторан индийской кухни, его держит пенджабская семья. Блюда у них получаются по-настоящему домашние, с соблюдением старинной рецептуры и всех кулинарных традиций.

— А что, они уже открыты? В такую-то рань, в воскресенье...

Дия покачала головой.

— Я сделала заказ заранее, ещё вчера вечером, так что сегодня осталось только зайти и забрать — всё свеженькое, с пылу, с жару. Владельцы ресторана хорошо меня знают, они не смогли мне отказать. Мой отец тоже часто заказывает там еду на различные индийские праздники, у нас обычно в эти дни бывает много гостей...

— Так ты живёшь в Лондоне с семьёй? — догадался Андрей.

— Ага, — кивнула она. — Я и родилась здесь. Мои родители переехали в Англию сразу же после свадьбы в начале восьмидесятых. У меня есть младшая сестра, она ещё школьница, и старший брат, но он женился и вот уже пару лет живёт отдельно.

И, хотя еда была ресторанной, приготовить чай Дия всё-таки вызвалась сама.

— Я сварю вам настоящий гарам-масала чай, мальчишки!..

— Звучит устрашающе, — буркнул Макс, подавая голос чуть ли не впервые с того момента, как они все вместе оказались в кухне.

— У вас есть зелёный кардамон, свежий имбирь, палочки корицы, несколько горошин чёрного перца и сушёные соцветия гвоздики? — подчёркнуто игнорируя его фразу, обратилась Дия к Андрею.

— Издеваешься?! — тот округлил глаза. — Я даже не знаю, что означает половина слов,

тобой произнесённых... Ты ещё спроси, есть ли у нас формы для выпечки тортов и печенюшек, — он засмеялся, всю пытаясь очаровать девушку своим обаянием и чувством юмора.

— Я это предполагала, поэтому на первый раз принесла с собой нужную смесь специй, — она ловко выудила из сумки маленький мешочек. — Ну, а молоко-то в вашем доме найдётся?

— Найдётся, — кивнул Андрей, открывая дверцу холодильника.

Макс, в противовес Андрюхе, вёл себя совершенно независимо и невозмутимо. Ему словно не было никакого дела до Дии. К принесённому ею завтраку он практически не притронулся, объяснив это тем, что не любит вегетарианскую еду. Девушку это явно задело и огорчило.

— Хотя бы попробуй... неужели совершенно невкусно? — спросила она, с тревогой заглядывая ему в лицо.

— Вкусно, — согласился он. — Но ведь это не твоя заслуга, поэтому не благодарю.

Девушка вспыхнула от обиды. Андрей за спиной Дии закатил глаза и покрутил пальцем у виска, демонстрируя, что Макс совсем охамел и слетел с катушек. Разве можно быть таким грубым и невоспитанным?! Однако Макс прекрасно знал, что делает — используя метод кнута и пряника, в ту же минуту он очаровательно улыбнулся.

— Ну, прости, прости. Я оценил твой порыв с завтраком. Это было... мило, хоть и неожиданно. Спасибо за то, что накормила.

Дия тут же расцвела от удовольствия и с удвоенным энтузиазмом ринулась к плите — варить для всех знаменитый индийский чай “гарам масала”.

Андрей изо всех сил старался развеселить их утреннюю гостью, шутил, делал ей комплименты, балагурил, вызывал на откровенный флирт, в то время как Макс, держа в руке чашку, задумчиво стоял на своём любимом месте в кухне — у окна, пялясь на улицу и, казалось, совершенно забыв о присутствии девушки. Дия несколько раз бросила на него взгляды украдкой, наполненные досадой и сожалением, что, разумеется, не укрылось от Андрея. Прав, прав был Макс — девчонки явно предпочитают конченных мудаков...

— Ммм... а что вы обычно делаете по воскресеньям, мальчики? — кашлянув, спросила Дия, отчаянно пытаясь нащупать тему для общего разговора.

— Тупо отсыпаемся после напряжённой учебной недели, — Андрей пожал плечами. — Иногда восстанавливаемся после бурной субботы. Как...

— Как в прошлый раз? — закончила она, чуть смутившись. Андрей хмыкнул, что должно было означать: “Не я это произнёс”.

— Макс, — наконец, будто решившись на какой-то серьёзный разговор и заметно волнуясь, произнесла девушка, глядя ему в спину. — Я... хотела бы поговорить с тобой. Как раз о прошлом разе.

Он обернулся от окна, смертельно побледнев.

— Что, есть какие-то последствия?

— Какие... ох, нет, конечно же, нет! — сообразив, о чём он, Дия залилась краской. — Я не беременна, если ты об этом. Это уже точно.

Макс с шумом выдохнул.

— Боже, — Андрей закатил глаза. — Я вам не мешаю, друзья?..

Он явно досадовал на то, куда в итоге свернул разговор, но не мог не признать, что

девушка явно больше заинтересована в Максе. Он тут из кожи вон лезет, чтобы произвести на неё впечатление, в то время как этот чувак почти не смотрит на неё, а Дия перед ним так и прыгает, кивни ей Макс хоть один раз — и она тут же с готовностью стянет с себя трусы.

— Извини, Эндрю, мы не хотели тебя смущать.

— Какое милое словечко — “мы”! — криво улыбнулся Андрей. Дия снова перевела умоляющий взгляд на Макса.

— Мы можем поговорить... в твоей комнате?

— В моей спальне, ты хочешь сказать? — нарочно подначивая, уточнил Макс.

Дия гордо вскинула подбородок.

— Да, если тебе от этого легче. В твоей спальне!

Макс оставил чашку на подоконнике и благосклонно кивнул.

— Ну, пойдём.

Уже выходя из кухни, он не удержался: обернулся и показал Андрею язык. “Ну, чья взяла?” — как бы говорил его торжествующий взгляд. Друг в ответ выразительно продемонстрировал ему средний палец, а затем, глубоко вздохнув, потянулся за очередным куском картофельной паратхи.

— Посуду сегодня сам будешь мыть! — крикнул он вслед Максиму, хоть таким образом компенсируя своё фиаско.

В спальне Дия неловко присела на краешек незастеленной кровати и, поскольку Макс всё ещё оставался стоять, скрестив руки на груди, кивком попросила его сесть рядом. Он нехотя опустился на постель, не собираясь ей помогать и задавать какие-то наводящие вопросы — она хотела с ним поговорить, вот пусть и выкручивается, как знает.

— То, что произошло между нами неделю назад... — робко начала Дия и подняла на него прекрасные чёрные глаза, опущённые густыми длинными ресницами. — Просто хочу, чтобы ты знал... обычно я никогда так не делаю. Ты, конечно, можешь теперь думать обо мне всякое, но... честное слово, я сама чуть не умерла от ужаса, когда проснулась в незнакомом месте, да ещё и не одна. В ту ночь я должна была ночевать у подруги... Просто мы немного перебрали с девочками в клубе, отмечали день рождения одной из них. Честное слово, сама не понимаю, как так получилось... я совсем слетела с катушек, — закончила она совсем тихо, почти шёпотом.

Её искреннее смущение и стыд не могли не тронуть сердце Макса. Он видел, что она по-настоящему переживает из-за случившегося.

— Это был твой первый раз? — спросил он серьёзно. — Прости, но... я, правда, ничего не помню.

— Я тоже не помню, но нет — расслабься, ты не первый, — торопливо заверила его она. Макс усмехнулся.

— Хоть на этом спасибо. Иначе я бы себе не простил.

— Но ты не волнуйся, за всю жизнь, кроме тебя, у меня был только один партнёр. Мой жених Самрат.

— Господи, у тебя ещё и жених есть? — поразился Макс. — И как он, к примеру, относится к тому, что ты проводишь воскресное утро в компании двух малознакомых парней у них в квартире? Про ту ночь лучше вообще промолчу...

— Он не знает, — Дия опустила ресницы. — Он живёт не здесь, а в Индии.

— Час от часу не легче... — проворчал Макс. — И что, вы с ним занимаетесь сексом по

телефону? Это ты имела в виду, говоря, что я у тебя не первый?

— Нас сосватали родители, — торопясь, путаясь и сбиваясь, заговорила она. — Не делай такие удивлённые глаза, в индийских семьях это бывает. Наши отцы были дружны с детства. Отец Самрата — известный врач в Мумбаи, и дедушка его был врачом, и Самрат тоже учится в медицинском...

— Как же вы умудрились с ним переспать, если он там, а ты здесь?

— Я бываю в Индии каждый год. Вот прошлым летом мы с ним и попробовали... он сказал мне: всё равно ведь поженимся, кого это волнует.

— А кого-то вопрос, спите вы или нет, должен в принципе волновать? — не понял Макс. Она кивнула.

— Конечно. До свадьбы не положено заниматься сексом!

— Да ты что?! — переспросил он с иронией. — Впервые слышу. Двадцать первый век на дворе!

— У нас так... По крайней мере, всё должно так выглядеть, — честно добавила Дия. — Семья Самрата должна быть уверена в том, что он взял меня замуж чистой и непорочной.

Немного помолчали.

— Ну и как, — спросил, наконец, Макс для того, чтобы хоть что-то сказать. — Тебе понравился твой первый сексуальный опыт?

— Не особо, — призналась Дия. — А если честно, то совсем нет. Как-то быстро и... мокро... и некрасиво.

— Понятно. Сочувствую. Ну, а от меня-то ты чего хочешь? — вернул он её к первоначальной теме разговора. — Не могла же ты притащиться сюда с утра пораньше с завтраком только лишь ради того, чтобы сказать “вообще-то я не такая”? Что тебе до моего мнения, если подумать?

— Понимаешь, я всё равно обручена и выйду замуж сразу же после окончания колледжа... Уеду в Индию к мужу, а вдруг у нас с ним в постели так и не сложится?

— И?.. Всё ещё не пойму, к чему ты клонишь.

— Может быть... раз уж мы с тобой всё равно, судя по всему, переспали, то... — Дия заикалась от волнения, мямлила и краснела. — Может, перспишь со мной ещё хоть разок? Мне просто интересно, как это бывает... по-нормальному. Я ведь тоже совсем ничего не помню из того, что у нас было с тобой. Но очень хочется проверить — неужели и с тобой будет так же... неприятно?

Не удержавшись, Макс присвистнул.

— Обалдеть. Ты хоть понимаешь, что предлагаешь мне сейчас? Трахнуть тебя, чтобы ты набралась опыта перед свадьбой с другим?

— Не буквально так, но... почему бы и нет, — она дерзко вскинула подбородок, похоже, решив, что терять ей всё равно уже нечего. — А вдруг мне всю жизнь суждено будет прожить неудовлетворённой? А ещё, мне почему-то показалось... точнее, ты выглядишь и ведёшь себя так самоуверенно, что... наверняка разбираешься в том, как доставить женщине удовольствие. Или я не права?

— Ну, пока никто не жаловался... — пробормотал он, несколько сконфуженный. Это было лестно, к чему скрывать.

— А почему именно я? Вон, к примеру, Эндрю... совсем не прочь, ты ему симпатична, — усмехнулся Макс.

— Я так не могу, — её пальцы нервно комкали край одеяла. — У нас же с тобой всё

уже... было. А мне не всё равно, с кем. И потом, ты мне... нравишься, — закончила она нерешительно.

Макс понятия не имел, как наличие жениха и факт, что ей нравится другой парень, укладываются в одну систему координат, но предпочёл не спрашивать. Кто их разберёт, этих индийцев!

— А ты мне...

И всё-таки он не произнёс “а ты мне нет”, просто не смог. Это выглядело бы полным скотством с его стороны. Да и неправда, что она ему не нравится: Дия была очень даже ничего, он отметил это ещё в первый раз. Привлекательная, с отличной фигурой и миловидным лицом... Сердце Макса было мёртвым, но тело хотело жить и невольно откликалось на этот умоляющий девичий призыв. В конце концов, только дурак отказывается, когда красивая девушка, сидя на его постели, предлагает заняться сексом.

— ...А ты мне — очень нравишься, — на ходу перестроился он, взял её лицо за подбородок и притянул к себе, чтобы поцеловать.

Если бы Макс знал тогда, что Дия волей-неволей окажется тем самым хрупким мостиком, который нечаянно приведёт его однажды к Лере — как бы он поступил? Принял бы её предложение — или, напротив, оттолкнул бы и бросился бежать без оглядки?..

Он часто думал об этом спустя годы и не находил ответа. Однако его неизменно поражало одно — как безжалостно и причудливо играет их жизнями господь Бог, тасуя их, будто карты, раскидывая так и этак, снова смешивая, бесконечно соединяя и разделяя, отпуская на волю и притворяясь, что они свободны и дальше могут играть по-своему... О, это была по-настоящему виртуозная игра.

Та, в которой до самого конца никто не уверен, уцелеет ли сердце победителя.

Примерно в одно время из жизни — не только жизни Макса, но и жизни вообще — ушли Пигги и Фаина Романовна Дворжецкая, его первый музыкальный педагог.

О Дворжецкой он узнал от матери — та позвонила ему за пару недель до Нового года, чем несказанно удивила и встревожила: международные звонки были безумно дорогими, поэтому они с мамой либо присылали друг другу открытки с коротенькими весточками (жив-здоров, люблю-скучаю), либо переписывались более подробно по электронной почте. Как раз минувшим летом, когда окончивший первый курс Макс прилетал в Питер на каникулы, она позволила уговорить себя на то, чтобы начать потихоньку осваивать азы интернета.

Тем летом он успел повидаться с Фаиной Романовной: прибежал к ней в гости, осыпал подарками и сувенирами из Лондона, а затем они допоздна пили чай с его любимыми орешками с варёной сгущёнкой (она расстаралась к приходу любимого, хоть и бывшего, ученика) и разговаривали, разговаривали, разговаривали... буквально не могли наговориться. Дворжецкая задавала вопросы об учёбе и об Англии, а он с воодушевлением делился всем, что произошло с ним за год. Ничто тогда не предвещало беды, Фаина Романовна выглядела совершенно здоровой, бодрой и весёлой. И вот... сгорела от рака буквально за несколько месяцев.

Макс даже не поверил матери поначалу, решив, что это какая-то глупая жестокая шутка. Злой розыгрыш.

— Как “умерла”? Да не может этого быть! — воскликнул он. — Что ты такое говоришь,

мам? Это что за издевательство?!

— Похороны завтра, — грустно отозвалась мать.

И только тогда Макс понял, что этот ужас просто не может быть шуткой.

— Я вылетаю ближайшим рейсом! — закричал он.

— Не стоит, Максик. Твоё присутствие всё равно ничего не изменит. Да и не успеешь...

— Успею, — заверил сын, — если отправлюсь в аэропорт прямо сейчас — то успею!..

В тот момент он и думать забыл о том, что у него экзамены в самом разгаре и их прогулы непременно выйдут ему боком. Макс забыл — а Андрей напомнил. Спокойно одолжил другу денег на билет, но не преминул заметить:

— Глупо. Ты уже ничем ей не поможешь, она не оценит. А вот экзамены просрёшь — потом не разгребёшься.

Макс задохнулся от возмущения, не сразу подобрав нужных слов, чтобы возразить.

— Да ты... как ты можешь... так пренебрежительно... ты же не знаешь, какая она была! Она мне... как вторая мама, нет, как бабушка!..

— Остынь, ради бога, и включи голову, — миролюбиво посоветовал Андрей. — Я понимаю твои чувства, разделяю скорбь и прочая, прочая, прочая. Охотно верю, что эта самая Дворжецкая была чудесной женщиной, но... подумай сам, спокойно и трезво — твой приезд ведь ничего ей не даст. Поздно, дружище. Слишком поздно. А вот проблем с учёбой себе на задницу наживёшь запросто. И потом... ты уверен, что хочешь увидеть свою преподавательницу в гробу? Гораздо лучше, если она навсегда останется в твоей памяти живой... Впрочем, — заметив, как опасно и нервно блеснули глаза Макса, дипломатично добавил Андрей, — дело, конечно, твоё. Не могу же я привязать тебя к этому креслу-качалке и силком оставить дома. Лети, если хочешь...

В итоге у Макса всё равно ничего не получилось: он просто не смог улететь ни сегодняшним вечером, ни даже завтрашним утром. Мир вовсю готовился к празднованию Рождества и Нового года, в Лондоне было полно иностранцев, свободных билетов на ближайшие рейсы банально не осталось. Можно было, конечно, улететь на день-два позже... но тогда в этом действительно не оставалось никакого смысла, Адрюха оказался совершенно прав. Во всём прав...

И в том, что Дворжецкая навеки останется живой в памяти Макса: он действительно так никогда и не осознал, не принял её смерть. Умом понимал, а сердце верить отказывалось.

Про Пигги же Макс узнал в первый день рождественских каникул. Вдруг припомнил, что они давненько не виделись — больше не сталкивались случайно на улицах, да и сама она не забегала в гости уже недели три. Как с ней связаться, Макс не знал — розоволосая флейтистка никогда не оставляла ему своих контактов и координат. Её внезапное исчезновение насторожило и даже слегка испугало Макса. Не случилось ли чего? А вдруг заболела? Пошатайся-ка по улицам зимой — никакого здоровья не хватит...

Он отправился на Портобелло-роуд и долго бродил среди людского потока, выискивая в толпе знакомый яркий цвет волос или хотя бы пытаясь расслышать, не играет ли пан-флейта где-нибудь неподалёку.

Пигги нигде не было. Наконец, он увидел на углу чернокожего музыканта, который в экстазе лупил по африканскому барабану, подёргиваясь при этом всем телом в такт собственному ритму. Макс смутно припомнил, что Пигги, кажется, была с ним знакома. Во всяком случае, он пару раз видел их в одной компании.

В ответ на невинный вопрос чернокожий так выкатил глаза, будто Макс сморозил несусветную чушь.

— Где Пигги?! Ты прикалываешься, что ли? На кладбище.

Макс не понял. Просто не сообразил. Не проассоциировал. Ну, а мало ли, что могла эта сумасбродная девчонка делать на кладбище. Он тоже порой любил там побродить, наслаждаясь тишиной и покоем...

— Не врубаешься? — музыкант помахал рукой перед лицом Макса. — Умерла от передоза.

— От... чего? — переспросил Макс, не уверенный в том, что правильно уловил смысл этой фразы.

— Твою ж мать, какой ты тупой. Ну, сторчалась она, понимаешь? Ты в английском-то вообще сечёшь? — парень скорчил презрительную гримасу из серии “понаехали тут”.

“Сторчалась”... Нет, конечно, Макс жил вовсе не в вакууме и знал, что означает это сленговое словечко. Так обычно говорили про наркоманов, которые совершенно деградировали, опустившись на самое дно. С “передозом” тоже всё было понятно, но... какое отношение всё это имело к Пигги? Разве она принимала наркотики?

— Когда это случилось? — спросил он глухо.

Барабанщик почесал в курчавом затылке.

— Да с неделю назад примерно. Она тут всё ошивалась, деньги на очередную дозу клянчила, ломало её жутко.

— Чёрт... почему, ну почему же она не пришла ко мне?! — воскликнул Макс. Уличный музыкант окинул насмешливым взглядом его лицо, одежду, обувь... и поинтересовался скептически:

— И чего, ты бы прям вот так запросто подкинул ей баблишка на дозу?

Макс осёкся. Дурак. Господи, какой же он дурак!.. Ничего не понял... не разглядел... не помог и не предотвратил.

— Ды ты не вини себя, чувак, — миролюбиво произнёс барабанщик и даже, кажется, собрался было панибратски хлопнуть парня по плечу, но в итоге так и не решился. — Ты бы ей уже ничем не помог. В последние пару недель ясно было, что этим всё и закончится. Она

совсем на человека не была похожа... А то, что к тебе не пришла... не знаю уж, какие у вас с ней были отношения, — он многозначительно приподнял брови, — но, судя по всему, она просто не хотела, чтобы ты видел её такой.

Те Рождество и Новый год окрасились для Макса в траурные цвета.

Его не захватывало всеобщее приподнятое настроение и не трогала праздничная иллюминация. Взрывы счастливого детского смеха не вызывали у него невольной ответной улыбки. Украшенные ёлки на улицах, площадях и в торговых центрах не притягивали взгляда... Андрей, отдавая дань местным традициям, ещё в начале декабря повесил на дверь симпатичный венок омелы — а Максу было абсолютно всё равно.

Сам Андрей собирался праздновать Рождество со своей тогдашней подружкой — студенткой колледжа искусств, танцовщицей Джессикой. Она уговорила его на традиционный семейный ужин в компании своих родителей.

— Смотри, не успеешь оглянуться — и окольцуют, — через силу пошутил Макс, не портить же другу настроение своим унылым видом.

— Никогда! — с жаром поклялся Андрей. — Моё сердце отдано только тебе, ты — моя любовь на веки вечные!

— Ловлю тебя на слове, любимый, — криво усмехнулся Макс. Андрей озабоченно похлопал его по плечу:

— Ты уверен, что справишься? Как-то мне боязно оставлять тебя одного, да и неловко. Я там, значит, буду развлекаться и жрать рождественскую индейку, а ты — депрессовать и накручивать себя до неменяемого состояния... Хочешь, вообще останусь с тобой? Уверен, Джес всё поймёт. Отметим нормально, как два пацана, а не вот это вот всё, — он скорчил постную физиономию и просюсюкал, изображая, вероятно, голос своей потенциальной тёщи:

- “Ах, Эндрю, а какие у вас намерения относительно Джессики? У вас всё серьёзно?”

— Да брось, — Макс едва заметно поморщился. — Я не хочу, чтобы ты портил праздник себе и своей девушке. Честное слово, у меня всё нормально. Немного побуду один... со своими мыслями.

— Это меня и пугает, — вздохнул Андрей, однако не стал настаивать.

Рождество Макс действительно встретил в полном одиночестве, смотря какие-то тупые праздничные шоу по телеку и методично напиваясь.

Ночью ему приснилась Пигги. Она лежала в его кровати, длинные розовые волосы разметались по подушке, рассыпались по лицу, полностью его закрывая. Макс прикоснулся ладонью к её щеке, чтобы отвести один локон в сторону... и тут же вздрогнул и в страхе отшатнулся: этот кошачий разрез глаз он не перепутал бы ни с чьим другим. Эти невозможные глаза-хамелеоны... сейчас они были тускло-серого цвета, безжизненно погасшие.

— Лера, Лерка! Китаёза! — он тряс её за плечи, обмирая от ужаса и осознания того, что потерял её навсегда — теперь уже окончательно и бесповоротно, и голова её безжизненно моталась, как у тряпичной куклы.

Макс проснулся в холодном поту, весь дрожа. Как всегда бывает после ночных кошмаров, осознание того, что это просто сон, пришло не сразу. Оказалось, он вырубился прямо на диване в гостиной. По-прежнему глухо бормотал телевизор... А Макса всё ещё

колотило, как в лихорадке, при воспоминании о безучастных, неподвижных Лериных глазах. Мало-помалу до него доходило, что всё, что он увидел во сне, не имеет ничего общего с реальностью. Лера жива, с ней всё в порядке. И в тот же миг его затопило новой волной боли: Лера жива, а Пигги нет... и уже никогда не будет.

Он вскочил, прошёлся по квартире и повключал всюду свет, даже в туалете и в Андрюхиной спальне. Ему было по-настоящему страшно.

Да, минувшим летом он, конечно же, приходил к Лериному дому. Без звонка, без предупреждения... да даже если бы захотел предупредить — не смог бы, потому что Лера сменила номер мобильного.

Он не знал, чем продиктован этот его порыв: отчаянной решимостью или, напротив, слабостью духа? В любом случае, жизнь без Леры по-прежнему была лишена ярких красок, запахов и вкусов. Макс понимал только одно: нельзя не повидаться с ней. Просто нельзя!

Он долго сидел на скамейке, готовясь к тяжёлому разговору, на который заранее себя настраивал. Наконец, собрался с силами и вошёл в знакомую парадную. Сколько раз прежде он торопливо взбегал по этим лестницам, скользя ладонями по захватанным перилам — не сосчитать... Но ещё никогда ему не было так трудно, практически невыносимо.

На счастье или на беду, дома никого не оказалось.

— Скажите, а вы не в курсе, случайно, где сейчас жильцы из восемнадцатой квартиры? — спросил он одну из дворовых бабулек, греющуюся под летним солнцем на лавочке и одновременно что-то вяжущую на спицах.

— Хозяйка в деревне, — благосклонно отозвалась та, не отрываясь от вязания. — Она каждое лето уезжает, сестра у неё там.

— А... её дочь? — запнувшись, выговорил Макс.

— Лерка-то? Так она в Москве уже второй год живёт. Манекенщица, — бабка презрительно выпятила губы. В её устах “манекенщица” звучало так же непристойно, как “проститутка”. — Ну, это мать думает, что она там одежду демонстрирует, — ехидно добавила старуха. — Ага, знаем мы ихнюю “демонстрацию” — без трусов щеголять да титьками перед спонсорами трясти...

Макс не стал дослушивать. Ушёл молча, не попрощавшись и даже не поблагодарив.

Немного успокоиться и снова заснуть ему удалось, только когда уже рассвело.

Впрочем, и этот сон вскоре был безжалостно прерван звонком в дверь. Макс некоторое время надеялся, что звонивший потеряет терпение и свалит (вряд ли это был Андрюха — уходя накануне, он взял с собой ключи), однако неизвестный визитёр оказался настойчив.

Чертыхаясь, пошатываясь и натываясь на мебель, хмурый, невыспавшийся и похмельный Макс поплёлся открывать.

За дверью оказался курьер, в руках которого был красиво упакованный пакет.

— Доброго утра и весёлого Рождества! — радостно поприветствовал посыльный.

— Весёлого Рождества... — мрачно откликнулся Макс. Интонационно это прозвучало как “иди к чёрту”.

— Распишитесь, пожалуйста! — не теряя дежурной жизнерадостности, попросил курьер. — Вам подарок!

— От кого?

— Там есть открытка с именем отправителя.

Открытка... Макс диву давался, какое значение англичане до сих пор придают бумажным открыткам к празднику. Уже второе Рождество подряд они с Андреем получали море открыток: от преподавателей из колледжа, из прачечной, куда они отдавали в стирку своё бельё, из булочной напротив, куда бегали по утрам за свежим хлебом, даже от хозяев квартиры.

Макс нетерпеливо расписался, сунул в руку курьеру чаевые и с облегчением выпроводил его за дверь. Безумно хотелось снова немедленно рухнуть в постель, но любопытство пересилило — он дёрнул за край прикреплённой к подарку открытки, на лицевой стороне которой был изображён карабкающийся по трубе Санта-Клаус. Перевернул её — и сразу же выхватил взглядом первую строчку:

“Dear Max...”

Ему почему-то стало не по себе. Чтобы потянуть время, Макс принялся дрожащими пальцами разворачивать шуршащую праздничную упаковку.

Когда он увидел, что там внутри, у него перехватило дыхание. Это оказалась пан-флейта... и не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кому она принадлежала и кто её отправил. Флейта... бесценное сокровище, с которым Пигги никогда не расставалась.

Он с шумом выдохнул и обречённо впился глазами в строчки, торопливо и почти неразборчиво нацарапанные на обратной стороне открытки.

Дорогой Макс!

Если ты читаешь эти слова — значит, меня уже нет. Я знаю, чувствую, что недолго осталось. Дело пары дней.

Пожалуйста, не нужно лить по мне слёзы, я вообще не люблю всего этого пафоса с официальными прощаниями и не обольщаюсь на свой счёт, мир ничего не потеряет в моём лице. Но сейчас, пока в сознании у меня небольшой проблеск, я хочу просто сказать тебе “спасибо” за тепло и заботу, которые ты совершенно бескорыстно дарил мне все эти месяцы. Благодаря тебе я чувствовала себя человеком.

Знаю, что ты не играешь на флейте, но хочу оставить её именно тебе. Пусть она всегда будет служить напоминанием о наших странных, но милых (ведь правда, милых?) отношениях.

Весёлого Рождества!

С искренней любовью,

Валери (кстати, это моё настоящее имя).

Это его и добило.

Он сполз по стеночке на пол, держа открытку в руках, и принялся неудержимо хохотать, запрокинув голову и даже не пытаясь утирать выступившие слёзы.

Пигги — Валери?! Да что за шуточки у этого грёбаного мироздания, мать его растак?! Мало было ему потерять Леру, так теперь ещё и эта трогательная, нелепая, безумно талантливая девчонка с розовыми волосами, которая привнесла в его жизнь немножко утраченного тепла — теперь и она его оставила, напоследок подкинув “сюрприз”?

Он снова вспомнил свой страшный сон, где иллюзии и реальность перемешались воедино: мёртвая Пигги, у которой оказались Лерины глаза... Что это было? Зачем? Что он должен был понять, о чём догадаться?! Ценить любимых, пока они живы? А что, если с Лерой тоже что-нибудь случилось?..

Похолодев от этой страшной догадки, Макс нервно нащупал свой мобильный телефон. Он знал, что нельзя... не стоит... не следует ворошить прошлое, позволяя себе вновь оказаться во власти сладкого самообмана, в очередной раз поверить иллюзиям. Но... оставаться в неведении он тоже больше не мог.

Разумеется, Лериного номера телефона он по-прежнему не знал. Поэтому, не особо раздумывая, Макс набрал Наденьку Долину. Глупо было надеяться, что девушки до сих пор дружны, да даже что они просто поддерживают связь, всё-таки они жили теперь в разных городах, но больше ему реально было не к кому обратиться. Это была его единственная зацепка.

— Алло? — раздался возле уха недовольный голос бывшей одноклассницы, в которую — подумать только! — он был раньше влюблён. — Кто это?

— Здравствуй, Надя. Это Максим... Чащин, — представился он. В колледже для всех однокурсников и преподавателей он был “Максом Ионеску” и сам уже привык к такому обращению, однако люди из детства помнили его под другой фамилией.

— Чащин? — ахнула она. — С ума сойти... Какими судьбами?! Как ты, где ты? Погоди-ка, ты что, из самого Лондона звонишь?!

— Из самого Лондона, — терпеливо подтвердил он, едва удержавшись, чтобы не добавить: “И если ты не прекратишь тупить, мой телефонный баланс уйдёт в глубокий минус”. — Надь, у меня не слишком много времени, поэтому я сразу к делу. У тебя есть номер Леры?

В трубке повисла красноречивая пауза.

— Ммм... ну, как бы...

— Да не надо “как бы”! — психанул он. — Просто скажи, да или нет. Это такой сложный вопрос?

— Но Лера... она предупредила... сказала, что...

— Да. Или. Нет, — страшным голосом произнёс Макс.

— Ну да, да! — сдалась Наденька. — Но только я всё равно тебе его не скажу! Лерка не велела. Я не могу её подвести, извини.

Он перевёл дыхание. Что ж, китаёза как минимум предполагала, что он попытается её разыскать, и заранее предупредила подругу...

— Когда ты в последний раз с ней общалась? У неё всё хорошо?

— Ну... — Наденька добросовестно задумалась. — Кажется, после ноябрьских праздников созванивались. Всё нормально было, а что?

— А теперь послушай меня, — произнёс он внятно, словно вколачивая в её сознание каждое своё слово. — Набери её прямо сейчас. Сама. Видишь, я даже не прошу, чтобы ты дала мне её номер. Просто позвони... по-дружески... расспроси о делах. О здоровье. О самочувствии. Ни в коем случае не выдавай, что звонишь по моей просьбе. А я... я перезвоню тебе, скажем, через час. И ты мне всё-всё о ней расскажешь.

— А что случилось, Макс? — струсила Наденька. — У тебя голос такой... странный. У самого-то всё хорошо? С чего вдруг ты так забеспокоился о Лерке?

— Соскучился, — мрачно отозвался он. — Ну так что, сделаешь? Это правда для меня очень важно.

— Ну ладно... — пролепетала она не слишком уверенно. — Тогда с тебя — сувенир из Лондона! Привезёшь, когда будешь в родных краях?..

— Договорились, — буркнул он.

Этот час оказался едва ли не самым тягостным в его жизни. Макс и сам не знал, чего он больше всего боится — услышать, что с Лерой стряслась какая-то беда или что с ней всё хорошо?

Его буквально колотило от того, что он, наконец-то, перестал прятаться от мыслей и воспоминаний о ней. Впервые за долгое время позволил себе распахнуть глаза и дышать полной грудью, снова впустив косоглазую в свою жизнь: как будто распахнул настежь окно, и свежий ветер моментально вытеснил затхлый старый воздух. К худу или к добру — непонятно, но только у него больше категорически не получалось делать вид, что Леры не существует. Нет, она есть, где-то очень далеко от него, в другом мире — но она есть!

Существуют её дивные глаза, волшебнo меняющие цвет в зависимости от настроения и самочувствия. Есть её голос, также способный меняться — от томного мурлыканья до злобного шипения. Её длинные густые волосы. Её шелковистая кожа. Её манящие нежные губы, которые — и помыслить об этом невыносимо! — вполне может быть, целует сейчас кто-то другой... Макс понимал, что всё ещё любит её — обречённо, без надежды на счастливое будущее, но всё же любит. Она проросла в него, пустила корни в сердце и душе,

её невозможно было ни вырвать оттуда, ни вычеркнуть, ни забыть. И если бы не уход Пигги — он, возможно, ещё долго не понимал бы столь очевидных вещей. Розоволосая флейтистка выполняла в его жизни незатейливую, но важную функцию — заполняла собою образовавшуюся после Леры пустоту. Похоже, он был для неё примерно тем же самым вспомогательным средством... Теперь же, вновь оставшись с открытой раной в сердце, он захлёбывался в собственных воспоминаниях, как в крови.

Чтобы хоть чем-то занять себя, Макс отправился на кухню и поставил чайник, а затем принялся готовить завтрак, хотя при мысли о еде к горлу подкатывала тошнота. Взгляд то и дело съезжал на часы — неужели прошло всего только пять минут?.. Десять?... Двадцать?.. Время тянулось невыносимо медленно.

Он через силу позавтракал, тщательно вымыл посуду и лишь затем с облегчением убедился, что данный им Наденьке час времени уже истёк.

Она сняла трубку только после пятого гудка. Макс чуть не поседел за это время.

— Алло, — томно откликнулась Наденька.

— Ты дозвонишься до Лерки?! — выкрикнул он чуть ли не в истерике.

— Господи, Макс, что ты орёшь? Дозвонишься, конечно. Мы с ней минут сорок очень славно болтали...

— Как она?

— Да всё хорошо. Я вообще не понимаю, чего ты так всполошился. Готовится к очередному показу, снимается для журналов, и, кстати, пару недель назад вернулась из Лондона...

Макс почувствовал себя так, будто его ударили под дых.

— Лондон? — переспросил он в замешательстве. — Лера... была в Лондоне?

— Ну да, а что тебя так удивляет? В Англии активно интересуются модой, ваши девушки и женщины тоже хотят выглядеть стильными и красивыми... кстати, ты там как, ещё не всех перепробовал? — не удержалась она от шутки.

Дура, нашла время... Ему же было совсем не до смеха.

Лера приезжала в Лондон. Она была здесь, рядом. В этом же городе. Под одним с ним небом. Быть может, гуляла по тем же улицам, где ходит Макс. Заглядывала в те же магазины. Чёрт, это было невыносимо — знать, что они находились так близко и при этом так далеко!

— ...Я даже ненавязчиво поинтересовалась у неё о тебе, — продолжала Наденька.

У него внутри всё оборвалось.

— Заче-ем, — застонал он, — господи, зачем? Я же предупреждал... ни словом, ни намёком не выдать, что это я тебя попросил!

— А я и не выдала. Не беспокойся, она ни о чём не догадалась. Я спросила её как бы между делом, типа — к слову пришлось. Мол, Макс же тоже в Лондоне, случайно нигде его не встретила?

— А она что? — вмиг охрипшим голосом поинтересовался он.

— Ответила, что у неё особо не оставалось времени на прогулки. Да и о тебе, честно говоря, она в те дни даже не вспоминала... Сказала, что было слишком много работы.

— Ясно.

— Макс, да что с тобой? Ты звучишь, как... совсем больной. Всё в порядке? — уже всерьёз забеспокоилась Наденька.

— А что... что она ещё говорила? — так же хрипло спросил он, едва справившись с дрожью в голосе.

— Да зачем тебе это? Всё ещё злишься из-за того аборта? — осенило вдруг Наденьку. — Ты разве до сих пор не простил её? Мама рассказывала, что вы тогда в палате так орали друг на друга — аж в коридоре было слышно...

Дура. И правда, набитая дура.

— Я не злюсь, Надь, — выдохнул Макс устало и почти спокойно. — Я её люблю.

Она потрясённо ахнула.

— И... что ты собираешься с этим делать?

— А что я могу с этим поделаться? Жить. Я с этим уже полтора года живу, пока не сдох.

— Макс, мне что-то не по себе, — жалобно сказала вдруг Наденька. — Ты точно в порядке?.. Блин, надо мне было всё-таки поподробнее расспросить Лерку о тебе, об её отношении...

— Не надо, — перебил он, — это совершенно лишнее.

— Но ты ведь сам только что сказал, что любишь...

— И что это меняет? Я люблю её вне зависимости от того, со мной она или где-то далеко. Однако, раз Лерка просила тебя не давать мне её номер телефона... полагаю, что она совсем не готова впустить меня обратно в свою жизнь.

— И всё-таки, это как-то неправильно, — растерянно откликнулась бывшая одноклассница.

— Спасибо за то, что помогла, — категорично отрубил Макс. — С меня сувенир, я помню. Пока.

— Но...

— Пока, Надь, — повторил он и отключился первым — торопливо, пока его окончательно не затопили эмоции. Предательские эмоции, которые овладевали им даже на сцене — и выдавали все его чувства с головой, заставляя ощущать себя так, будто с него содрали кожу. На сцене он худо-бедно справлялся: прятался за Музыку, за свою виолончель, за зрительские аплодисменты. Но в жизни... в жизни притворяться, что всё хорошо, и контролировать себя, было куда сложнее. Он научился этому гораздо позже.

Музыкальная карьера Макса развивалась стремительно. Впрочем, так же, как и карьера Андрея. На двух выдающихся молодых виолончелистов быстро обратили внимание — они ещё были студентами, когда начали получать приглашения на многочисленные престижные музыкальные конкурсы и сборные концерты.

Макс, в полном соответствии со своим характером, в игре был так же порывист и безумно эмоционален, даже несдержан порой — музыка буквально выплёскивалась из него, он жил той мелодией, которую исполнял в данный момент, точнее — проживал её, пропускал через себя, через каждую свою клеточку, чувствуя мотив не только всей душой, но и, кажется, всем телом тоже.

— Макс, когда ты играешь — то как будто трахаешься со своей виолончелью, — не раз прикалывался над ним Андрей; это была его излюбленная тема для стёба.

— Угу, — в тон откликался Макс, ласково оглаживая бока своего музыкального инструмента, — я и не скрываю, что это моя самая любимая девочка. У нас всё очень и очень серьёзно!

Впрочем, к каждой из своих виолончелей у Макса действительно было особое, нежно-

трепетное отношение. Он помнил их все, начиная с раннего детства — буквально на физическом уровне, помнил голоса каждой из них. “Восьмушка”, “четвертинка”, “половинка”, “три четверти”...

Дома в Питере до сих пор лежал инструмент, с которым он заканчивал музыкальную школу — прекрасная немецкая виолончель. В колледж Макс поступал с инструментом работы австрийского мастера, на третьем курсе поменял на “французенку”, не смог удержаться — у неё был безумно красивый и волнующий тембр... Как бы пафосно это ни звучало, а каждая виолончель была частичкой его сердца, без которой он не представлял себе жизни.

Андрей играл на виолончели великого Доменико Монтаньяна* — он мог себе это позволить. Макс даже не завидовал, это было слишком бесценное сокровище, чтобы воспринимать его как банальный материальный объект. Он понимал, что едва ли сам когда-нибудь сможет позволить себе купить такую же виолончель, тем более, с каждым годом работы итальянского мастера росли в цене.

Сам Андрей во время игры сохранял безупречную выдержку: каждый его жест был полон внутреннего достоинства и уверенности в себе, его исполнение отличалось чистотой и чёткостью, практически каноничностью.

Макс уже не помнил, кому из них первому пришло в голову выступать дуэтом — не теряя собственной индивидуальности, они демонстрировали поразительно слаженный и гармоничный тандем, несмотря на абсолютно разные стили исполнения. Сначала они играли дуэтом классику, а затем, рискнув, принялись делать каверы на популярные эстрадные песни. В ход пошли и Майкл Джексон, и Фредди Меркьюри, и Уитни Хьюстон, и Селин Дион...

Профессор Тёрнер не препятствовал подобным инициативам, а, напротив, всячески приветствовал их и, поощряя, постоянно ставил дуэт Макса с Андреем во все показательные концерты колледжа. Преподаватель вообще не любил действовать по шаблонам и стандартным схемам: так, он считал абсолютно неправильным заставлять своих студентов штудировать строго оркестровые партии.

— Да, солисты — штучные люди, их единицы, — повторял профессор, — но вы всё равно должны непрерывно совершенствовать собственное мастерство, чтобы не затеряться в очередном симфоническом оркестре, даже если это будет очень хороший оркестр.

Разумеется, и Макс, и Андрей были настроены исключительно на сольную карьеру. За четыре года учёбы в колледже они приняли участие не менее чем в двадцати национальных и международных соревнованиях и были удостоены первой премии в абсолютном большинстве из них — иногда в дуэте, иногда по отдельности. О них уже всерьёз говорила музыкальная тусовка Лондона, их приглашали выступать в Southbank Centre, в Wigmore Hall и, конечно же, в столь желанный и недоступный прежде Альберт-Холл.

Девчонки висли на них гроздьями: если бы Макс с Андреем захотели проводить каждую свою ночь с новой девушкой, им не пришлось бы прикладывать к этому ни малейших усилий — достаточно было не то что поманить пальчиком, а даже просто подмигнуть. Они начинали чувствовать себя настоящими звёздами, и, хотя иронизовали на этот счёт, беззлобно вышучивая друг друга и споря, чья популярность больше — а всё же в глубине души страшно гордились этим фактом.

И всё-таки, даже для них стало потрясением личное приглашение президента колледжа

— принца Чарльза — выступить в Букингемском дворце...

*Доменико Монтаньяна (итал. Domenico Montagnana, 1690 — 1750) — итальянский мастер смычковых инструментов (скрипки, альты, контрабасы, виолончели). Его виолончели обычного и увеличенного размеров славятся по всему миру, на них играли многие известные музыканты, такие как Александр Вердбилович и Анатолий Брандуков. Монтаньяна признан крупнейшим представителем Венецианской школы.

Разумеется, это была невероятная честь для них обоих, а также для их преподавателя и колледжа в целом. Далеко не каждый опытный и талантливый музыкант удостоивался права выступить перед членами королевской семьи — а тут речь шла всего-навсего о зелёных студентах!.. Некоторые однокурсники откровенно завидовали, но большинство восхищалось и давало парням шуточные напутствия “не опозориться” и “не ударить в грязь лицом перед его королевским высочеством”.

— Предупреждаю: без моего разрешения никого не лапать и не пить дорогое вино стаканами. Возможно, там соберётся общество...* — шутил начитанный Макс, а Андрей нервно ржал при этом.

— Ты-то чего дёргаешься? — недоумевал Макс. — Ты же у нас, Андрюшка, сам аристократ голубых кровей... тебе же не привыкать к подобным приёмам, разве нет? Наверняка в вашем доме запросто бывали и Ельцин, и Путин...

— ...и Ленин, когда ещё был живым, — хмыкал Андрей. — А вот за “голубую кровь” сейчас кому-то в табло прилетит. И вообще, хорош издеваться! Я волнуюсь не меньше тебя.

— Слава богу, нас не к обеду позвали, а всего-навсего на потеху почтенной публике, — притворно вздыхал Макс. — Чего-чего, но есть во дворце я бы точно не смог! У меня первый же кусок застрял бы в горле.

— А вот это ты зря, кстати. Говорят, у них там недурно насчёт жратвы, — Андрей развернул свежий номер “Таймс” и выразительно зачитал вслух:

- “...На банкете в честь лидера Китая Ху Цзиньтао подавали палтуса с муссом из омара, за которым последовала оленина из королевского поместья в Балморале с соусом из мадеры и трюфелей. На закуску гостям предложили шоколадное суфле с манго и цитронами...”

— Господи, что такое цитроны?! — в панике завопил Макс, швыряя в друга диванной подушкой; тот ловко поймал её и послал обратно. — Нет, ты как хочешь, а все эти званые обеды не для меня. Я бы себя там ощущал, как Джулия Робертс в “Красотке”. Ну, помнишь, да? Сцена в ресторане — одна сосиска и восемнадцать вилок...

— Ты путаешь с анекдотом про голодных студентов, — фыркнул Андрей. — Но, откровенно говоря, мне тоже кажется, что обед с членами королевской семьи — это больше напряг, чем удовольствие. Постоянно себя контролировать... У них самих куча ограничений по поведению. Я слышал, женщинам даже нельзя сидеть, положив ногу на ногу.

— Какое упущение, — покачал головой Макс, — а я так хотел полюбоваться благородными ножками.

— На кого там любоваться? — Андрей пренебрежительно поморщился. — В королевской семье все тётки страшные, как на подбор.

— А мне принцесса Диана нравилась, — запротестовал Макс.

— Ну, Диана да, допустим, но кого ей предпочёл Чарльз? Эту Камиллу-страшилу...

Надеюсь, Уильям и Гарри выберут себе в жёны девчонок посимпатичнее. Только боюсь, что баба Лиза сосватает им каких-нибудь очередных страхолюдин аристократического происхождения.

— Надеюсь, в связи с предстоящим выступлением в нашей квартире ещё не понатыкали жучков, иначе за “бабу Лизу” тебя точно не погладят по голове, — Макс с наигранным испугом приложил палец к губам.

— А как насчёт скрытых камер в обеих душевых? — принялся с воодушевлением фантазировать Андрей. — Представь, что старушка Елизавета самолично проверяет физическое состояние каждого постороннего человека, который удостоивается чести попасть во дворец!

— Да ну тебя, — отмахнулся Макс с досадой, — я же теперь там даже раздеваться не смогу...

— А я наоборот — отныне буду изображать дикие папуасские танцы всякий раз, когда принимаю душ. Старость нужно уважать и радовать!

*Макс цитирует строки из рассказа Василия Шукшина “Версия” (1973)

Само выступление перед высочайшими особами запомнилось им обоим смутно, всё прошло слишком сумбурно, на возбуждении и нервяке. Больше всех переживал и психовал профессор Тёрнер, который должен был лично сопровождать парням на фортепиано. Он же помогал составлять подходящую этому случаю программу: члены королевской семьи были большими поклонниками музыки эпохи барокко, поэтому планировалось играть, в основном, Антонио Вивальди и Георга Генделя, разбавив репертуар несколькими произведениями Никола Маттейса.

Макс абсолютно не запомнил роскошных интерьеров дворца и залов, через которые их торжественно провели на выступление. Гораздо больше его интересовали сугубо практические, даже технические вопросы: хороша ли акустика в том зале, где они будут выступать? Сколько зрителей планируется? Что представляет из себя сцена?

Концерт оказался скромным, камерным: помимо самого Чарльза с супругой и принцев Уильяма и Гарри, на нём присутствовало не более двух десятков человек — вероятно, круг ближайших друзей. Слава богу, обошлись без её величества королевы — Макс не представлял, как бы он смог спокойно смотреть в глаза “бабе Лизе” и не ржать при этом.

Первые минут двадцать Макс вообще не видел ничего и никого перед собой — он просто играл. Затем туман перед глазами потихоньку рассеялся, и он стал различать среди зрителей знакомые физиономии. Правда, оптимизма ему это не прибавило: по лицам монарших особ совершенно невозможно было понять, как они относятся к дуэту молодых виолончелистов. Чарльз с Камиллой сидели с пристойными и постными минами, что, вероятно, означало крайнюю степень внимания. А вот Уильям и Гарри, кажется, немного заскучали...

— Ваше высочество, — едва отдышавшись после сонаты Вивальди и слегка поклонившись, произнёс Макс, понимая, что нарушает сейчас, должно быть, все мыслимые и немыслимые правила этикета, — если позволите, мы можем сыграть вам и кое-что посовременнее... У нас обширный репертуар.

И хотя профессора Тёрнера едва не хватил удар при самоуправстве своего студента, Андрюха явно оживился — его, похоже, и самого несколько утомил непрерывный академический пафос.

Его высочество благосклонно позволили.

Развернувшись к Андрею, Макс встряхнул взлохмаченной шелевелюрой и многозначительно подмигнул другу. Это была их секретная пантомима, означающая примерно следующее: “Ну что, жжём, братан?”

И уже через минуту со сцены грянул бодренький рок!..

Об этом концерте СМИ трубили затем, как минимум, ещё целый месяц.

И хотя на представлении не было ни одного журналиста, да и Макс с Андреем не давали интервью на тему своего выступления в Букингемском дворце, кроме общих фраз из серии “о, это была огромная честь для нас” — всё равно сам факт ушлые репортёры обглодали буквально до косточки, причём не только в Великобритании. Об успехе молодых виолончелистов написали практически все ведущие российские СМИ.

Уже на следующее после концерта утро парням принялись названивать музыкальные

продюсеры с ворохом разнообразных и интересных предложений. Макс с Андреем даже думали поначалу, что это кто-то из однокурсников их разыгрывает — уж слишком известны в музыкальной тусовке были эти имена, раскрутившие в своё время целую плеяду мировых звёзд. Однако шутками здесь и не пахло — серьёзные и важные продюсеры были реально заинтересованы в сотрудничестве. Чаще всех прочих звучало предложение записать альбом кавер-версий известных эстрадных хитов: виолончельное исполнение должно было привлечь поклонников классики, а популярные мелодии — молодёжь.

Посоветовавшись, парни согласились, выбрав из имён всех звонивших продюсеров самое известное на тот момент — к чему ложная скромность, нужно отдавать предпочтение лучшим из лучших!

Запись их совместного альбома проходила на легендарной студии Эбби-Роуд в Вестминстере — уже один этот факт наполнял Макса с Андреем невероятной гордостью и счастьем. Они пишатся там же, где создавали свои шедевры “битлы”, “Пинк Флойд”, “Дюран Дюран”, “Оазис” и “U2”!

Это действительно было началом большой популярности. Поклонницы круглые сутки толпились у забора студии, пока молодые виолончелисты находились внутри, и встречали каждое их появление восторженным визгом. Парней буквально замучили просьбами сфотографироваться на том самом знаменитом пешеходном переходе, где несколько десятков лет назад были запечатлены участники группы “Битлз”.

Поскольку занятия в колледже никто не отменял, записываться приходилось по выходным и вечерами, после занятий. Иной раз парни оставались в студии до самого утра, доводя каждую сыгранную ими в дуэте мелодию до совершенства, проигрывая её, кажется, по миллиону раз подряд. Сотрудники студии, исправно получая от продюсера денежки за аренду, только разводили руками, поражаясь этому трудолюбию и перфекционизму.

Но даже усталость не могла одержать верх над молодостью и естественными потребностями молодых мужских организмов: оба умудрялись ещё и устраивать себе свидания с девушками. Андрей, расставшись со своей Джессикой в начале третьего курса, теперь пустился во все тяжкие и менял девчонок, как перчатки, а вот Макс, как ни странно, продолжал встречаться с Дией, к которой неожиданно привязался за это время. Нет, конечно, о любви там по-прежнему не шло и речи, но... с Дией было хорошо и, чего уж лукавить, удобно.

Откровенно говоря, Макс панически боялся всего, что связано с девушками. Несмотря на вполне активную сексуальную жизнь, он не желал открывать своё сердце никому, и в вопросах романтических взаимоотношений с противоположным полом по-прежнему оставался неопытным, как подросток. Да и где ему было набраться этого опыта?.. Несмотря на то, что Макс так сильно любил Леру, по факту они провели друг с другом всего одну ночь. Они не были вместе в том значении, в котором говорят о паре. Просто не успели. Он никогда не считался её официальным парнем, а она не была его девушкой...

Пигги?.. Та едва ли вписывалась в имидж дамы его сердца. Макс не был в неё влюблён, она стала для него своеобразным утешением, заменителем — первой девушкой после Леры.

Дия же ничего не требовала, не устраивала скандалов и не закатывала сцен ревности, более того — никогда не афишировала их отношений на людях, боясь, что это дойдёт до её семьи. Она подкармливала Макса всевозможными индийскими вкусностями, не ждала приглашений на свидания, красивых ухаживаний и подарков — просто приезжала к нему

сама, когда было время и желание, ну просто девушка-мечта! К тому же, в постели она оказалась благодарной и способной ученицей — а чего ещё можно было желать? Голый секс, никаких претензий и обязательств.

Если бы не сны... не эти проклятые сны, в которых он постоянно видел ведьминские Лерины глаза, которые не давали ему покоя, по которым он так безумно, так отчаянно скучал... то, пожалуй, Макс мог бы считать себя вполне счастливым человеком.

Дия тоже по-своему привязалась к нему, он это видел и чувствовал. Чуть сильнее, чем полагалось бы для установленного ею же самой формата отношений “секс онли”.

Индианка проводила у Макса не менее трёх ночей в неделю, под покровом темноты тайком удирая из родительского дома.

— Представляешь, — поделилась она как-то с Максом, давась собственным смехом, — отец, кажется, что-то подозревает: на ночь он стал запирать снаружи мою комнату, и открывает её только в шесть утра. Знает, что я не посмею высказать ему претензий по этому поводу... он же тогда резонно поинтересуется, куда это я намылилась среди ночи?

— Дикость какая-то, — покачал головой Макс. — Но... постой, если дверь твоей комнаты заперта с той стороны, как ты выбираешься из дома?

— Дверь, дверь... а окно на что? — Дия звонко расхохоталась. — Всего-то второй этаж, и пожарная лестница рядом.

— Ты отчаянная, — усмехнулся Макс, плавно ведя пальцем по её плечу, опускаясь к талии, а затем переходя на бёдра. — Не боишься, что однажды он узнает правду?

— Откуда он может узнать? Только если я сама расскажу... а я не расскажу, — заверила Дия. — О наших с тобой отношениях ни одна живая душа не знает. Я даже с лучшей подругой не поделилась, хотя так и подмывало!

— Эндрю знает.

— Ну, он же не пойдёт жаловаться моему отцу?

Макс фыркнул.

— Нет. Если, конечно, мы ещё не утомили его...

— Да ладно, ты же сам говорил, что в квартире отличная звукоизоляция, — поддела его Дия. — Мало ли, чем мы можем заниматься за закрытыми дверями твоей комнаты!

— Угу, например — играть в лудо или монополию, — подхватил Макс.

— Отличная идея, — она потянулась к его губам, чтобы поцеловать. Он ответил на поцелуй, но затем продолжил поднятую тему.

— Ты никогда не задумывалась, что... то, что мы с тобой делаем... это как-то неправильно по отношению к твоему жениху?

— Ты не делаешь ничего неправильного. Ты ничего ему не должен, — подчеркнула Дия. — Это я заварила кашу, я во всём виновта... мне и отвечать за собственные грехи, — она отчаянно тряхнула головой.

— И ты по-прежнему готова выйти за него замуж? Любишь его?

— Я уважаю Самрата, знаю много лет, мы с ним хорошие друзья. Он мне симпатичен. Поверь, этого достаточно для брака в Индии.

— А как же любовь, страсть?

— Всё это приходит уже после свадьбы, чуть позже, когда супруги постепенно узнают друг друга. Ну, если, конечно... не успели познать этого с кем-то другим.

Это Максусовсемсовсемнепонравилось.

— Дия?.. — с подозрением спросил он.

— Не беспокойся, — она грустно улыбнулась. — То, что я на самом деле к тебе чувствую... ничем тебе не грозит. Я же не навязываюсь. И вообще, слишком дорожу покоем и честью своей семьи, чтобы так их подвести и опозорить. У нас с тобой всё равно не может быть совместного будущего, даже если... даже если бы ты — вдруг! — ответил на мои чувства. Они никогда не согласились бы на мой брак с иностранцем.

“И слава богу!” — чуть было не вырвалось у Макса.

Видно было, что Дию взволновал и растревожил этот разговор. Она явно испытывала неловкость за свою — почти нечаянно высказанную — откровенность.

— Иди сюда, — позвал он. Дия с готовностью устроила голову у него на груди, а Макс обнял её, баюкая и поглаживая. Она долго-долго слушала биение его сердца, постепенно расслабляясь и успокаиваясь.

Дни неслись с какой-то немислимой, сумасшедшей скоростью, точно поезд, сошедший с рельсов. Макссу казалось, что ещё буквально вчера он впервые приехал в Лондон — ошалевший от впечатлений семнадцатилетний мальчишка, вчерашний школьник: неловкий, зажатый, стесняющийся своего английского... И вот он уже заканчивает учёбу в Королевском колледже музыки, а люди на улицах узнают его и подходят, чтобы робко попросить об автографе!

После выпуска из колледжа Макс остался в Англии — они с Андреем ещё несколько лет были связаны музыкальным контрактом, у них продолжались съёмки на телевидении, прямые эфиры на радио и живые выступления на различных концертных площадках. Их дуэтный альбом оказался успешным, компакт-диски буквально сметали из музыкальных магазинов. Исполненные парнями композиции то и дело крутили на радио, они штурмовали верхние строчки различных хит-парадов — в том числе даже самого престижного “UK Singles Chart”. Ребята отсняли три видеоклипа для раскрутки своего альбома, в музыкальных журналах постоянно публиковались их фотографии, репортёры одолевали звонками с просьбами дать интервью...

Осенью две тысячи седьмого года Макс получил предложение, от которого не смог отказаться: его пригласили выступить во Флоренции, на площади Синьории. Это был грандиозный концерт, организованный как дань памяти гениальному виолончелисту Мстиславу Ростроповичу, и участие в нём принимали лучшие музыканты мира. Макс стал самым молодым участником этого представления — на тот момент ему едва исполнилось двадцать два года.

Концерт затем показали, в числе прочих, ещё и на канале “Культура” в России — и Макссу немедленно принялись напisyвать знакомые по музыкальной школе, а также бывшие одноклассники и учителя, неизвестно как раздобывшие его электронный адрес и внезапно всплывшие к нему любовью. Макссу затем даже пришлось сменить электронку, потому что старый почтовый ящик был до невозможности перегружен всяким хламом от вдруг вспомнивших о нём “старых друзей”.

И всё-таки он не мог до конца поверить, что это происходит именно с ним. Ему до сих пор казалось, что он смотрит и на себя, и на свой успех как бы со стороны, не имея к этому ни малейшего отношения. Жалел только об одном — что Дворжецкая не успела застать период его взлёта. Вот бы она за него порадовалась!.. Как бы им гордилась!..

Иногда закрадывалась предательская тщеславная мысль: а знает ли Лера о его

профессиональных успехах? Или ей всё равно?..

Андрей не отставал от друга в популярности: они поровну делили и обожание девушек, и внимание музыкальных критиков. Чаще всего их приглашали на шоу и интервью вдвоём, но подписанный с продюсером контракт не запрещал им иметь также сольных проектов и выступлений. Так, вскоре после выпуска из колледжа Андрей удостоился чести выступить в Букингемском дворце во второй раз — на восьмидесятилетнем юбилее "бабы Лизы", то есть королевы Елизаветы. Это был большой сборный концерт, устроенный в саду королевской резиденции. В тот день слух её величества и десятка тысяч зрителей услаждали также Элтон Джон, Пол Маккартни, Том Джонс, Энни Леннокс, Джо Кокер, Эрик Клэптон и другие звёзды. Макс ничуть не завидовал другу — напротив, был страшно горд за него.

Затем им обоим поступило предложение сыграть на предстоящем шестидесятилетнем юбилее принца Чарльза — и начались кропотливые многомесячные репетиции ребят с Лондонским симфоническим оркестром. В общем, работы было много, очень много — но и Макс, и Андрею она была только в радость.

Однако до выступления на юбилее принца Чарльза Макс успел сделать ещё одно важное дело — побывать на свадьбе Дии в Индии...

К тому моменту индианка уже тоже окончила колледж. Макс знал, что скорое расставание с ней неизбежно, и даже если ему и было немного грустно — он относился к этому философски. Однако Макс и предположить не мог, что Дия решит пригласить его на своё бракосочетание с Самратом!

Её семья всю готовилась к отъезду в родной Мумбаи. Организация традиционной индийской свадьбы — кропотливый процесс, поэтому им нужно было приехать на место хотя бы за пару месяцев.

Чемоданы были уже собраны. Накануне отлёта Дия привычно удрала из дома через окно и примчалась к Макс. Эта ночь должна была стать последней, которую они проводили вместе. Они занимались любовью, как будто прощались, поэтому у объятий и поцелуев был привкус горечи...

— Это был последний классный секс в моей жизни, — мрачно пошутила Дия, не то нарочно утрируя, не то сама веря в то, что говорит.

— Откуда столько пессимизма? — удивился Макс. — Может, твой будущий супруг тебя приятно удивит.

— Сомневаюсь, — Дия отвела взгляд. — Самрат из консервативной семьи, после свадьбы мы будем жить в доме с его родителями, как положено по нашим обычаям. Какое уж тут разнообразие интимной жизни... В темноте, под одеялом — в темпе вальса.

— Разве вам не выделяют отдельную — собственную — спальню? — недоверчиво улыбнулся он, всё ещё полагая, что она несколько преувеличивает.

— Выделят, конечно, — удручённо кивнула она. — Но всё равно любой член его многочисленной семьи, особенно старшее поколение, будет считать себя вправе вламываться к нам в любое время суток, причём без стука.

— Неужели они не поймут, что молодым необходимо побыть вдвоём?

— Все всё понимают, но... — Дия вздохнула. — Нельзя это выставлять напоказ, демонстративно. Вообще всё, что связано с чувственностью и проявлением близости между мужчиной и женщиной, в Индии под запретом. Никаких поцелуйчиков и объятий на

людях... Даже держаться за руки не принято, это жизнь, а не Болливуд. Кстати, о Болливуде... в индийской киноиндустрии многие знаменитые актёры до сих пор категорически отказываются целоваться на экране. Это табу!

Дия немного помолчала, словно раздумывая, стоит ли посвящать его в такие подробности, но всё-таки решилась.

— Моя бабушка до сих пор вспоминает свою первую брачную ночь — они с дедушкой были тогда не очень богаты, и вместо медового месяца супруг снял номер в роскошном отеле. Всего на одну ночь, но она должна была принадлежать только им двоим...

— И... что произошло? — спросил Макс, уже понимая, что ничем хорошим эта история не закончилась.

— Да ничего особенного. Просто, не успели они заселиться, как в номер вломилась новоиспечённая свекровь. Начала плакать и причитать, что не может заснуть, когда сыночек ночует не дома, заставила молодую невестку делать ей массаж ног, а в довершение всего с комфортом завалилась на кровать новобрачных. Сын и невестка проспали всю ночь на диванчике. Разумеется, без всякого секса.

— Ты шутишь сейчас?! — Макс недоверчиво вскинул брови.

— Какие уж тут шутки.

— Ммм... а если просто запирают дверь вашей спальни изнутри — и дело с концом?

— Да ты что! — Дия насмешливо фыркнула от такого предположения. — Индийцы не запирают свои комнаты даже ночью, а днём все двери в доме и вовсе нараспашку. У нас так принято. Никакого личного пространства, вся жизнь на виду, “здесь все свои”. Реально, мои соотечественники не понимают, как можно “хотеть побыть одному”, это для них сущее наказание! Они и спят обычно одетыми.

— Как это — одетыми? — оторопел Макс.

— А вот так. Женщины даже на ночь не снимают свои сари или шальвар-камизы. Ведь в любую минуту может кто-нибудь войти... Знаешь ли ты, что большинство индийских мужчин никогда в жизни не видело голых ног собственной жены?

— Да ну, ерунда какая-то, — Макс покачал головой. — Так не бывает.

— Бывает, — горько усмехнулась Дия. — Нет, разумеется, так обстоят дела лишь в консервативных семьях, в типичном среднем классе. Про бедных я вообще молчу, те преспокойно живут по десять человек в одной комнате и при этом как-то умудряются размножиться... Есть, конечно, более продвинутые слои населения, ориентированные на западную модель отношений. Но... повторюсь, мой Самрат — из очень консервативной семьи, чем страшно гордится. Всё у нас будет, “как положено”, как того требуют приличия и его многочисленная родня. Отец даже приданое мне собрал — вернее, это на словах оно моё, а по факту — богатые подарки жениху и его родственникам. Это тоже очередная “славная” национальная традиция, которую я ненавижу... Но так живёт вся Индия.

— Слушай, да на фиг ж ты вообще согласилась на этот брак?!

— Ты не поймёшь, — Дия грустно улыбнулась. — У тебя другой менталитет. Они и так оказали нашей семье большую честь, согласившись женить своего старшего сына на вертихвостке с европейским воспитанием и образованием, которая ещё неизвестно, какую разгульную жизнь вела в этой своей Англии...

— Зачем ты так перед ними унижаешься? — Макс покачал головой. — Ты — замечательная, умная, талантливая и красивая девушка. Да любой парень был бы счастлив, если бы ты сказала ему “да”!

— Ты был бы счастлив? — Дия пылливо взглянула ему в лицо. Макс осёкся, смутился, отвёл глаза.

— Ладно, расслабься, я же шучу, — она хмыкнула. — Мне ещё повезло, правда. Самрат — действительно неплохой парень. По крайней мере, не незнакомец какой-то! Короче, наш брак — дело решённое. Это и давняя договорённость родителей, и... мой способ отблагодарить отца за всё, что он для меня сделал. Ведь дочери — отрезанный ломоть, они всё равно рано или поздно упархивают из родного дома в семью мужа. А папа не жалел денег на моё воспитание и образование. И приданое собрал достойное, а ведь ему ещё и младшей дочери жениха искать...

— Но неужели твой отец не понимает, — Макс и сам не заметил, как завёлся, его уже нешуточно потряхивало от злости, — что тебя нельзя считать типичной идианкой? Ты родилась здесь, в Лондоне, росла и воспитывалась, как местная, английский язык знаешь лучше, чем хинди — ты сама мне говорила... А он что? Спихнёт тебя в традиционную мумбайскую семью, чтобы ты стала домохозяйкой и на правах старшей невестки каждое утро раскатывала тесто для лепёшек на кухне?!

— Я... смогу продолжать петь, — проговорила Дия не слишком уверенно. — Самрат не станет мне запрещать.

— Где петь? На свадьбах родственников? — он поморщился и покачал головой. — Ну ты же понимаешь, что это несерьёзно. У тебя голос! Тебя ждёт сцена!

— Пожалуйста, не заставляй меня сожалеть о принятом решении, — отвернувшись, негромко сказала она. — Отменить его я всё равно не в силах, а вот душу ты мне растревожишь почём зря...

— Извини, — опомнился Макс, обняв её и виновато целуя в макушку. — Прости, я действительно... не подумал.

— Так ты приедешь на мою свадьбу? — она повернулась к нему и вопросительно взглянула в глаза.

— Да я-то приеду, не вопрос, но... ты уверена, что действительно этого хочешь? Что я буду там уместен?

— Ну конечно, — кивнула она. — В Индии люди не такие уж отсталые, я покажу им твои видео в интернете, они придут в восторг от того, что в колледже со мной учился такой знаменитый музыкант!

— А никто не догадается, что между нами...

— Ещё чего! — перебила она, не дав ему закончить. — Мы перелистнём эту страницу ещё здесь, в Лондоне. Никто об этом не узнает.

— Но всё-таки, свадьба — это семейный праздник. И тут внезапно — друг из колледжа, даже не родственник...

— Семейный праздник? — Дия звонко расхохоталась. — Милый мой, на среднестатистическую индийскую свадьбу приглашается от пятисот до двух тысяч гостей. Там будут абсолютно все родные, друзья и знакомые. Одним человеком больше, одним меньше... тем более, я позвала ещё пару бывших однокурсниц и несколько подруг.

— От пятисот до двух тысяч? — он округлил глаза в наигранном ужасе. — Боже, во что ты меня втягиваешь... И петь-танцевать заставишь?

— Всенепременно!

Светало. Непроглядная тьма за окном рассеялась, сменившись привычной пасмурной серостью — накрапывал дождь. Вымотанная бессонной ночью Дия в последний раз поцеловала Макса, против воли уже уплывающего в сон, и принялась одеваться.

— Подожди, куда ты... — устало запротестовал он. — Не торопись, можешь спокойно идти в душ, а потом я хотя бы напою тебя кофе, или даже приготовлю завтрак, и провожу домой...

— Никаких провожаний, — она покачала головой. — Отец обычно рано просыпается, с шести утра уже на ногах. Не хочу, чтобы он спалил нас вместе... Не переживай обо мне, Макс, я приму душ и поем дома. Не скучай тут без меня сильно! Я пришлю тебе официальное приглашение на свадьбу, имей в виду — ты обещал...

— Я, кажется, уже начинаю по тебе скучать, — признался он, садясь на постели и сконфуженно взлохматив волосы ладонью. — Ты... классная.

— Да, вот ещё что... — словно вспомнив о чём-то важном, Дия замешкалась. — Та ночь, когда мы впервые проснулись вместе... ну, ты помнишь, да?

— Как проснулись — помню, а вот саму ночь — увы, так до сих пор и не озарило, — он засмеялся.

— Об этом и речь... — она глубоко вздохнула. — Макс, мне кажется, что... между нами тогда ничего не было. То есть, вообще. Напились, доползли до кровати, разделись догола и уснули.

— Ты что-то вспомнила? — он серьёзно взглянул на неё. Дия покачала головой, кусая губы.

— Нет, но... ощущения после секса... их же ни с чем не спутаешь. Особенно, если не ведёшь регулярную половую жизнь. Так вот, после нашего первого раза с Самратом я физически чувствовала это. После того, как мы с тобой занялись сексом в следующее воскресенье — тоже... у меня всё болело с непривычки, уж извини за интимные подробности. Но в тот раз — ничего подобного. Вообще нет... — она подняла на него виноватые глаза. — Наверное, надо было сразу тебе сказать.

— А что это меняет? — он улыбнулся и ободряюще подмигнул ей. — Ну, не было секса в самый первый раз... зато потом был, и ещё какой!

— Просто, получается, что я тебя как будто обманула... — она опустила ресницы. — Вынудила спать со мной, потому что...

— Вынудила?! Да брось! — Макс искренне расхохотался. — Уверяю, Дия, если бы ты не привлекала меня, как девушка — то меня не убедили бы и не принудили никакие аргументы. Даже если бы это я сам, лично, лишил тебя тогда девственности.

Дия улыбнулась и распрямила плечи. У неё словно камень с души упал.

— Спасибо тебе, Макс, — наклонившись, она ещё раз поцеловала его на прощание. — Спасибо за всё. Ты необыкновенный.

Согласно традициям, жених должен был приехать за невестой в дом её родителей. Но, поскольку вся индийская родня при любом раскладе не смогла бы прилететь на свадьбу в Англию (кому-то, возможно, не дали бы визу, кто-то вообще жил без паспорта, как и большинство жителей страны, у кого-то банально не хватило бы денег на такое путешествие,

а кого-то не отпустили бы дела, здоровье или работа), решено было всё переиграть. Ни в коем случае нельзя было допустить того, чтобы кто-то из родственников остался обделённым. Именно поэтому семья невесты полным составом сама прилетела в Индию, чтобы организовать свадьбу в доме бабушки и дедушки Дии: жених должен был забрать невесту именно оттуда.

Макс наивно полагал, что всё ограничится одним днём. Однако перед самой покупкой авиабилетов выяснилось, что свадебные торжества со всеми многочисленными обрядами, названия и смысл которых он так и не смог запомнить, растянутся в совокупности чуть ли не на неделю. Церемония дарения подарков “от нашего стола — вашему столу”, церемония нанесения узоров из хны на руки и ноги невесты, церемония обмазывания молодых куркумой в целях символического очищения перед вступлением в брак, праздничный концерт — что-то вроде родственной самодеятельности, где многочисленные тётушки, дядюшки, племянники и кузены должны будут петь и танцевать под болливудские хиты... Андрей страшно ругался, узнав, что Макс будет отсутствовать целых восемь дней (с учётом времени на дорогу) — ведь перед юбилейным королевским концертом им нужно было репетировать с оркестром буквально без передышки!..

— Не волнуйся, я вернусь за три дня до выступления, всё мы прекрасно успеваем! — пытался вразумить его Макс, но друг всё равно недовольно брюзжал и действовал ему на нервы перед поездкой, мотивируя тем, что у него “плохое предчувствие”.

— Да что ты каркаешь, как старая карга! — рассердился в конце концов Макс на такое моральное давление. — Что со мной может случиться?!

— Ну, знаешь ли... во-первых, родственники жениха могут каким-нибудь образом прознать, что в Лондоне Дия спала с тобой на протяжении нескольких лет. Не боишься скандала? А во-вторых... всё-таки, Индия — не самая безопасная страна.

— Угу. Только я ведь не как турист туда еду, а как гость. У меня не будет времени шляться и подвергать свою жизнь опасности. Не волнуйся, я возьму с собой виолончель и буду репетировать каждую свободную минуту, при любой возможности, прямо в отеле, — отозвался Макс, намеренно игнорируя первую часть фразы друга про отношения с Дией.

— А если в твоё отсутствие виолончель выкрадут из номера?

Макс только страдальчески закатил глаза.

Знал бы он, как был прав Андрюха со своими “предчувствиями”!

Позже Макс часто задавал себе вопрос: если бы он и сам мог тогда предвидеть, предугадать, что ждёт его в Индии — поехал бы?.. И всякий раз без колебаний неизменно отвечал: да, всё равно бы поехал.

Несмотря ни на что...

На деле индийская свадьба оказалась не такой уж и страшной. Да, было очень много шума, народу, суеты, неразберихи, громкой музыки и тяжёлой нездоровой пищи, но в целом Макс даже понравилось. Семья Дии приняла его тепло. Бабушка с дедушкой долго возмущались, что он не захотел остановиться прямо у них в доме, а предпочёл поселиться в ближайшем отеле. Но в этом Макс был непреклонен: ему необходимо было личное пространство хотя бы ночью, он не готов был спать пусть и в роскошном, но переполненном гостями доме невесты, хотя сами индийцы, по ходу, только кайфовали от этой весёлой толкучки и радостной суматохи.

Невеста была дивно хороша в традиционных индийских нарядах — на каждую

церемонию Дия надевала что-то новое: то золотое, то изумрудно-зелёное, то нежно-голубое, то красное — но непременно с ручной вышивкой и драгоценными камнями.

— Я похожа на рождественскую ёлку на Трафальгарской площади? — успела она шепнуть Макс на ухо, когда он оказался рядом.

— Ты прекрасна, — честно сказал он ей. — Твоему Самрату чертовски повезло.

Сама Дия, кажется, окончательно приняла — и умом, и сердцем — свою новую жизнь и этот организованный брак. Лицо её было спокойным, даже оживлённым. На Макса в Индии она действительно смотрела просто как на друга по колледжу, ни разу не выдав ни своих чувств к нему (да и были ли они, эти чувства?.. теперь он и сам в этом сомневался), ни их недвусмысленных отношений в Лондоне.

Жених ему понравился. Это был приятный молодой человек, трогательно застенчивый для своего возраста (он был на пару лет старше Макса) и взирающий на Дию с искренним обожанием. Что ж, оставалось только уповать на то, что его любви хватит на двоих... К Максусу Самрат отнёсся очень радушно и тепло, как к “другу Дии по колледжу”, безоговорочно приняв эту информацию и не задавая лишних вопросов. В его присутствии Макс невольно ощущал закономерные угрызения совести за сам факт своего присутствия здесь.

— Красивая пара, — сказала бабушка невесты, любуясь молодожёнами во время одного из религиозных обрядов, когда пандит нараспев читал какие-то священные мантры на санскрите*. — Пусть живут счастливо и через девять месяцев подарят мне первого правнука!

— Пусть поживут немного для себя, — осторожно заметил Макс, на что бабушка выкатила на него глаза в неподдельном изумлении.

— Для себя?! Вот ещё, глупости. Жить надо не для себя, а для кого-то. Для семьи. Для детей. Для родителей. Заботиться о них, почитать их... Когда девушка выходит замуж — мы все дружно молимся о том, чтобы боги поскорее благословили её потомством. Дети — вот настоящее счастье и смысл жизни, сынок!

Он предпочёл не спорить.

Родственники невесты, воодушевлённые тем, что свадьбу почтил своим присутствием известный музыкант (Дия уже просветила всех насчёт Макса и продемонстрировала его самые знаменитые ролики на ютубе), уговорили парня выступить на песенно-танцевальной церемонии. Это было чем-то вроде молодёжного состязания между стороной жениха и стороной невесты. Дия исполнила популярную песню на хинди, а Макс — по её просьбе — аккомпанировал на виолончели. Сочетание получилось довольно необычным, но в целом потрясающим, и Макс даже всерьёз задумался о том, а не записать ли им с Андрюхой в будущем этнический альбом, где звучание виолончели сплеталось бы со звуками национальных музыкальных инструментов Индии — таких, как ситар, табла и бансури.

Многочисленные кузины и племянницы Дии откровенно вешались ему на шею и строили глазки. Что там она говорила ему о порядочности и невинности индианок?.. Все они были симпатягами — смуглолицые куколочки с тяжёлыми чёрными косами и огромными выразительными глазами. На руках каждой звенело по паре десятков браслетов одновременно, а от яркости и пестроты женских нарядов рябило в глазах. Макс старался держаться от них подальше, понимая, что затевать мимолётный роман с какой-нибудь юной индийской красоткой — последнее дело. Это было бы просто свинством с его стороны!

В ушах днём и ночью звучали ритмы болливудской музыки. Рот горел от обилия специй. Постоянно хотелось пить из-за огромного количества сладостей, которыми все девушки

пытались его накормить прямо из рук — в знак особого расположения. На каждой новой церемонии Макса вместе с другими гостями закидывали лепестками цветов либо вешали на шею цветочные гирлянды, поэтому нос у него вечно закладывало от одуряющего сладкого аромата.

*Пандит — почётное звание учёного брахмана, который занимается повседневной религиозной практикой, помогает людям в изучении основ индуизма, проведении ритуальных мероприятий, назначении даты свадьбы, высчитывании благоприятного момента зачатия ребёнка на основе индийской астрологии и т. д.

Санскрит — древний литературный язык (один из двадцати двух официальных языков Индии) со сложной синтетической грамматикой; само слово “санскрит” буквально означает “совершенный”.

Мантра — в индуизме это повторяемое много раз священное заклинание, которому приписывается волшебная исцеляющая и одухотворяющая сила.

В конце концов, Макс сдался. Когда основная свадебная церемония с хождением кругами вокруг священного огня была проведена, но оставалось ещё несколько праздничных дней, он извинился перед Дией и удрал. Смылся практически по-английски, поняв, что ни минуты не вынесет больше всех этих традиций.

Хорошо, что Дия отнеслась к его бегству с пониманием. Она и сама видела, что Макса слегка утомило обилие непривычных, незнакомых ему прежде обычаев.

— Как ты? — спросил он напоследок. — Держишься? В этом твоём свадебном наряде, навскидку, не меньше пяти килограммов веса...

Она слабо улыбнулась его шутке.

— Держусь. Впрочем, чего это я... Не “держусь”, конечно, а всё у меня великолепно. Самрат будет замечательным мужем. Знаешь, я в эти дни почему-то постоянно вспоминаю один индийский фильм... Герой произносит там знаменитый монолог: “Мы один раз живём, один раз умираем, свадьба должна быть только один раз... и настоящая любовь случается только раз”*.

— Последние два утверждения весьма спорны, — покачал головой Макс. — Впрочем, от души желаю тебе счастья. Такого же, как в ваших фильмах.

— Спасибо, Макс, — искренне улыбнулась она. — Так и будет. Я тебе обещаю!

*Ставшая крылатой цитата из фильма 1998 года “Kuch Kuch Hota Hai” (в российском прокате “Всё в жизни бывает”), которую произносит актёр Шахрукх Кхан, известный также как “король Болливуда”.

Макс не стал менять обратный билет, решив провести несколько оставшихся до отлёта дней на побережье. Он просто устал. Ему нужны были тишина, одиночество... и море. Он отправился в Гоа, чтобы провести там время исключительно в своё удовольствие — в блаженном покое.

Он боролся с огромными и бурными волнами Индийского океана (или всё-таки Аравийского моря?... мнения местных на этот счёт расходились), ел сочные спелые манго, катался на скутере по пыльным гоанским дорогам, исследуя все прибрежные деревушки,

подкармливал собак курицей тандури* и кебабами, слушал пение птиц по утрам на балконе своего номера, подолгу плавал в бассейне, один раз даже напросился выйти в море с рыбаками...

Время от времени ему звонил Андрей, который беспокоился о самочувствии друга перед важным концертом, и Макс в сотый раз со смехом заверял его, что всё в порядке и через пару дней он вернётся в Лондон.

— Ты там только не траванись, всё-таки антисанитария и грязь, — озабоченно вздыхал Андрюха. Знал бы он, с каким удовольствием Макс уплетает уличную еду с лотков, где продавцы работают без всяких перчаток — он бы его просто придушил.

В последнее утро перед отъездом Макс забежал в ближайшую к отелю лавочку — прикупить кое-каких гостинцев и сувениров для мамы, которую собирался навестить сразу после королевского концерта. Да и Андрей заслуживал хотя бы небольшого подарочка из Индии.

Макс изучал небогатый, но сипатичный ассортимент товаров: магниты и кружки с изображением гоанских пейзажей, разноцветные бусы и звенящие браслеты, плетёные кошельки, яркие хлопковые курты** с вышивкой... Он так увлёкся, что не сразу заметил, как в магазинчик, весело смеясь и переговариваясь, ввалилась компания девушек. Краем уха Макс уловил русскую речь — что ж, штат Гоа славился своей популярностью среди его соотечественников.

Продавец оживился, бодро залопотал приветственную речь на ломаном английском, мешая его с русскими словами, девушки что-то со смехом отвечали ему... Макс не вслушивался особо.

— Ой, Алис, а вот смотри, какой классный магнитик!.. — раздалось где-то за его плечом, совсем рядом.

При звуках этого голоса Макс почувствовал, что сердце у него моментально остановилось — и сейчас, сорвавшись, стремительно летит в пропасть.

Он был музыкантом с абсолютным слухом. Он не мог перепутать этот голос ни с чьим другим... даже шесть лет спустя. Шесть бесконечных чёртовых лет!

Сделав глубокий вдох, Макс резко обернулся.

*Курица тандури (tandoori chicken) — популярное индийское блюдо, представляющее собой маринованных цыплят, запечённых в печи тандури. Для блюда птицу маринуют в йогурте с добавлением специй.

**Курта — традиционная одежда в Пакистане, Афганистане, Бангладеш, Индии, Непале и Шри-Ланке. Это свободная рубашка, доходящая до колен, которую носят как мужчины, так и женщины.

Он уставился на неё во все глаза, благополучно справившись с первым малодушным порывом зажмуриться — а вдруг показалось?..

Это была она, Лера! Живая, настоящая, из плоти и крови, но точно такая же, какой она представала перед Максом все эти годы в воспоминаниях, снах и фантазиях. Точнее, что-то в ней, безусловно, изменилось, какие-то незначительные мелочи... Но Макс сейчас воспринимал её не частями, а целиком. Главное — можно было коснуться её, стоило лишь протянуть руку. Коснуться, не боясь того, что она растворится, растает под его пальцами,

как туманная дымка. Коснуться и почувствовать тепло и знакомую гладкость её кожи...

Впрочем, он не сразу решился дотронуться до Леры. Просто стоял и жадно вглядывался в её потрясённое лицо. Она и сама была в шоке от этой неожиданной встречи, глаза у неё округлились, как в мультфильме, губы приоткрылись, еле слышно выдохнув:

— Макс...

Больше всего на свете ему сейчас хотелось броситься к ней и обнять, прижать к себе изо всех сил — так крепко, чтобы хрустнули все её тонкие косточки. Ему плевать было на окружающих и на то, что о нём подумают, единственное, что его удерживало от этого безумного порыва — боязнь напугать саму Леру. Его до физической боли тянуло к ней, и Макс даже отступил на полшага назад и убрал руки за спину, чтобы легче было справиться с искушением. Главное — не спугнуть сейчас... не причинить ей боли... не дать снова исчезнуть, ни за что на свете не позволить ей уйти!

— Что ты здесь делаешь? — всё так же тихо — почти шёпотом — спросила Лера, точно не могла до конца поверить в то, что это и правда Макс.

— Лер, с кем ты там? — раздался над ухом резкий чужой голос. И Макс, и Лера — оба синхронно вздрогнули и повернулись на звук. Рядом стояла одна из Лериных подруг. Он и не разглядел, не запомнил, сколько их всего — трое, четверо?..

Это была высокая пепельная блондинка с пронзительными голубыми глазами и загорелой кожей. И рост, и параметры, и общая “гламурность” облика явно свидетельствовали о том, что девушка тоже модель, как и Лера. Продавец-индеец откровенно пускал слюни на её аппетитную попку, туго обтянутую короткими джинсовыми шортами.

Лера тряхнула головой, справляясь с наваждением и потихоньку приходя в чувство. Макса всегда поражало её умение безупречно владеть собой, скрывая бушующий внутри ураган.

— Максим — мой бывший... одноклассник, — представила она его спокойным тоном. — А это Алиса. Моя лучшая подруга и коллега.

Если Макса и уязвило, что его статус был обозначен всего лишь как “бывший одноклассник”, то виду он не подал. С вежливой улыбкой кивнул Алисе... и снова с жадностью уставился на Леру. Он не мог на неё насмотреться!

— Лерка, сучка! Прятала от нас такого красивого мальчика, — ничуть не смущаясь, кокетливо сказала блондинка, выразительно стрельнув глазками в его сторону. — Вы давно в Индии, Максим? Отдыхать приехали?

— Не совсем, — он запустил руку в свои волосы и машинально взлохматил их, с трудом включаясь в отвлечённый разговор. — Прилетал на свадьбу, а потом решил провести пару дней на море. У меня самолёт в три часа дня.

— Ты сегодня улетаешь? — быстро спросила Лера, бледнея на глазах.

Он кивнул, сам растерянный, сбитый с толку, не понимающий, как ему дальше быть и что делать.

— Да, у меня важный концерт в Лондоне...

— Концерт? — оживилась Алиса. — Вы певец?

Тем временем, заинтересованные разговором, к ним подтянулись остальные Лерины подруги. В общей сложности их всё-таки было четверо — блондинка, брюнетка, шатенка и рыжая. Все девушки явно работали в индустрии моды и красоты.

— Виолончелист, — хором ответили Макс с Лерой и, неловко переглянувшись, оба

вспыхнули от смущения.

— Так, девочки, — многозначительно протянула Алиса. — Давайте-ка позволим бывшим одноклассникам пообщаться друг с другом без посторонних... по-моему, у них есть, о чём поговорить. Вспомнить школьные годы чудесные, — ехидно добавила она. Но у Макса не осталось сил реагировать на эти намёки и подколки, он был просто безумно благодарен Алисе за то, что она волей-неволей помогла ему собраться и сделать первый шаг. И она была совершенно права, ему действительно мешали все эти люди, мешали свидетели... он очень хотел остаться с Лерой наедине.

Поколебавшись пару мгновений, Макс всё-таки взял девушку за руку и вывел из магазина.

— Прогуляемся? — негромко предложил он.

— Давай, — робко кивнула Лера. Она вообще была тихой, непривычно кроткой, послушной... и от этого непохожей сама на себя.

Но, вместо того, чтобы идти гулять, Макс остановился и развернул Леру к себе. Он хотел ещё раз хорошенько рассмотреть её лицо, такое любимое и такое родное...

— Очки? — спросил он. У Леры никогда не было проблем со зрением, и сейчас она выглядела неожиданно строго, точно школьная учительница. Вернее, юная практикантка. Безумно хорошенькая, соблазнительная практиканточка, при взгляде на которую у всех старшеклассников должно было возникнуть одно-единственное желание: затащить её куда-нибудь в укромный уголок и зацеловать до смерти.

— Это имиджевые... они без диоптрий. Мне не идёт? — нерешительно спросила Лера.

— Дурочка, тебе всё идёт. Просто я так соскучился по твоим глазам... — Макс осторожно снял с неё очки.

— А ты... отрастил волосы? — она внимательно разглядывала его буйную шевелюру.

— Мне не идёт? — повторил он с её интонациями. — Постричься?

— Тебе так тоже хорошо. Просто... непривычно немного, — она осторожно отвела волосы с его лба, уголок рта дрогнул в слабой улыбке. — Ты теперь и правда, как цыган.

От этого детского прозвища у него перехватило дыхание. Словно и не было этих шести лет разлуки. Вообще ничего не было...

— Лерка... Лерочка... китаёза моя, — он гладил её лицо, всё ещё боясь сделать что-то более решительное, чем эти простые нежные касания, и умирал от счастья. От того, что снова может видеть её, трогать, чувствовать, наслаждаться её запахом и голосом... Лерины зрачки метались туда-сюда, глаза из синих становились голубыми, затем зелёными и снова голубыми... как он мог когда-то вообразить, что забудет о ней? Что сможет прожить целую жизнь, целую долгую и никчёмную жизнь — без Леры?!

Девушку вдруг начала колотить лихорадочная дрожь. Макс почувствовал, что её буквально трясёт в его объятиях — то ли от ужаса, то ли от волнения...

— Ну что ты, глупенькая моя, — успокаивающе произнёс он, осторожно прижав её голову к своей груди и глядя по волосам, пропуская сквозь пальцы длинные каштановые пряди. — Расслабься, всё хорошо. Всё у нас теперь будет хорошо...

Разумеется, он никуда не улетел. Просто забыл про свой рейс. Ему было наплевать на всё и на всех, даже на принца Чарльза и его матушку Елизавету.

— А как же твой самолёт? — ахнула Лера, первой вспомнив про время.

— Чёрт с ним, с самолётом, — выдохнул он с отчаянной удалью. — Разрулю как-нибудь. Не хочу сегодня об этом думать...

Это был первый день Леры в Индии. Они с девочками прилетели для съёмки каталога ювелирных изделий известного гоанского дизайнера. Заказчик пожелал, чтобы его украшения демонстрировали модели европейской внешности.

Съёмки должны были проходить как в студии, так и на природе, в нескольких локациях — среди колониальных португальских строений и церквей, в старинном форте Агуада, а также на фоне моря и джунглей. Но сначала заказчик решил дать девушкам возможность отдохнуть и акклиматизироваться: первый день у них был совершенно свободным. Однако, вместо того, чтобы отдыхать, — девчонки, что с них взять! — они немного оклемались после долгого перелёта и помчались по магазинам, а затем планировали отправиться на пляж и блаженствовать до самого вечера.

Макс сходил с ума при мысли, что они могли разминуться, что он мог выбрать другой магазин... И одновременно замирал от восторга, осознавая, что Лера весь этот день будет принадлежать ему, и только ему — подруги “отпустили” её погулять, так что она была полностью в его распоряжении!..

Он возил её на арендованном скутере по местам, уже успевшим ему полюбиться, желая разделить с ней всю эту невероятную красоту. Наверное, не было в тот момент на всей земле человека счастливее, чем он: тёплый и влажный ветер бил в лицо, Лера, сидя позади Макса, крепко обхватывала его руками и прижималась к его спине, нос улавливал множество разнообразных запахов и ароматов: дорожной пыли и диких цветов, жареной рыбы и креветок с чесноком, нагретых солнцем фруктов... Счастье, невероятное счастье и огромная, всепоглощающая любовь буквально распирали Макса изнутри.

Они пили вкуснейший свежавыжатый сок в знаменитом джус-центре в Чапоре (“No sugar, no water, no ice!”* — строго произнёс Макс, делая заказ), когда Лера смущённо призналась, что вообще-то проголодалась.

— Мы прилетели поздно ночью, в отель заселились уже под утро... Завтрак проспали, а пообедать ещё не успели, — сказала она с невероятно милой улыбкой. Макс в раскаянии хлопнул себя по лбу.

— Вот я болван, не сообразил! Поехали, будем тебя кормить. Знаешь ли ты, что Индия — настоящий рай для вегетарианцев? Ты всё ещё не ешь мяса?

— Не ем, — кивнула она и засмеялась. — Совершенно не разбираюсь в индийской кухне, честно говоря. Поможешь выбрать самое вкусенькое?

*No sugar, no water, no ice! — Без сахара, без воды, безо льда (англ.)

Он привёз её в одну из симпатичных кафешек с видом на море и со знанием дела предложил заказать момосы — тибетские пельмени на пару с начинкой из микса разных

овощей, а также посоветовал непременно отведать такое популярное вегетарианское блюдо, как панир тикка.

— Панир — это что-то вроде нашего адыгейского сыра. Его маринуют в специях, а потом готовят на углях, как шашлык, — объяснил он. Лера состроила несчастные, очень-очень голодные глаза:

— Звучит офигенно... надеюсь только, что это не слишком долго готовится.

— Ещё рекомендую попробовать чиз-гарлик наан, то есть сырно-чесночную лепёшку. Пальчики оближешь!

— Чесночную? — Лера забавно сморщила нос. — Н-нет... знаешь, пожалуй, не надо.

“Что, планируешь целоваться сегодня?” — чуть не сорвалась у него с языка предсказуемая шутка, но он вовремя остановил себя. Нельзя, не время... не стоит так шутить. Пока что они вели себя, как старые друзья — так же, как до той самой проклятой, безумной, восхитительной ночи после выпускного, которая перевернула весь их привычный мир вверх тормашками. Они будто бы оказались отброшенными назад во времени, снова ступив на территорию привычной и безопасной френдзоны, когда можно было отпускать фривольные шуточки, подкалывать друг друга, иронизировать над темами весьма сокровенными и личными.

Макс понимал, что не стоит торопиться, хотя также отдавал себе отчёт, что оставаться в статусе друга он явно больше не планирует. Нет, ему нужна была вся Лера полностью: и её сердце, и душа, и тело, неожиданная встреча только подтвердила это. Быть рядом с ней — и не сметь её касаться? Не просто касаться, а делать это так, как можно только с любимой девушкой?! Да вы что все, издеваетесь?

Он сделал заказ подошедшему к их столику официанту. В Индии в ресторанах работали преимущественно мужчины, и сейчас Макс со смешанным чувством удовольствия и ревности заметил, каким восхищённым взглядом юный смуглокожий паренёк скользнул по Лере. По его Лере... Годы пошли ей на пользу, она действительно была очень хороша, — стала более женственной и нежной, менее угловатой, но при этом всё такой же хрупкой.

Поколебавшись, Макс не стал брать себе любимые тигровые креветки с чесночной подливкой. Чем чёрт не шутит, а вдруг и правда ему придётся целоваться сегодня... Заказал курицу в томатно-сливочном соусе.

Еда была божественна. Отправив первый пельмешек-“момо” в рот, предварительно обмакнув его в кокосовый соус, Лера застонала от удовольствия.

— Это и в самом деле просто нереально вкусно! — призналась она, с аппетитом накидываясь на свою порцию. — Макс, ты стал настоящим знатоком индийской кухни... Часто бываешь в Индии?

— Вообще-то впервые, — улыбнулся он. — Необязательно ездить в Индию, чтобы любить эту еду. В Лондоне, к примеру, полно индийских ресторанов...

— Так ты в ресторанах приобрёл столь глубокие гастрономические познания?

— На самом деле, нет. Меня подруга-индианка приучила к своей национальной кухне.

Лера даже жевать перестала. Брови её взметнулись вверх.

— Подруга? — протянула она многозначительно. — В смысле, твоя девушка?

— Нет, не моя девушка, — с заминкой отозвался Макс. — Мы... учились в одном колледже.

Врать не хотелось, но и сказать всю правду Макс ей сейчас не мог, поэтому предпочёл выложить лишь часть правды.

— Собственно... именно к ней я и прилетел на свадьбу, — добавил он. Лера заметно расслабилась и заулыбалась.

— Она вышла замуж?

— Ну да.

Неужели Лера ревнует его? Он боялся в это поверить и решил на всякий случай не будить лихо, пока тихо. Макса шарахнуло внезапным осознанием: если бы не Дия... не её свадьба... он бы вообще здесь не оказался. Индия не входила в план его туристических поездок, сам он едва ли собрался бы когда-нибудь сюда. Дия... милая, замечательная, славная Дия, спасибо тебе за приглашение! За этот бесценный подарок...

— Ты сам ещё не успел жениться? — спросила Лера, глядя куда-то в сторону.

— Нет. А ты... не вышла замуж? — Макс вдруг со страхом подумал, что они оба повзрослели и изменились. Детство давно кончилось, и почему бы Лере, действительно, не состоять в браке с каким-нибудь... теперь он и сам чуть не задохнулся от ревности к этому неизвестному счастливчику.

Однако Лера отрицательно покачала головой.

Некоторое время они молча поглощали содержимое своих тарелок, изредка бросая друг на друга взгляды исподтишка.

— Не думала, что среди индийцев так много вегетарианцев, — заметила Лера вскользь. — Честно говоря, вообще никогда особо не интересовалась этой страной. Слышала в основном всякие страшилки, базирующиеся на стереотипах, так что ехать совершенно не собиралась... Когда нам с девочками поступило предложение сняться для каталога, я даже хотела отказаться поначалу, несмотря на то, что заплатить обещали по-царски. Они меня еле уговорили...

Цепь случайностей?.. Невидимые ниточки судьбы, связывающие их, притягивающие друг к другу сквозь страны и годы?.. Макс боялся думать об этом. Боялся вообразить себе, что было бы с ним, если бы эта встреча не состоялась.

— А здесь... неплохо, — Лера перевела взгляд в сторону синеющей вдали полосы океана, окинула быстрым взором зелёные кроны пальм и золотой песок побережья, вдохнула запах морской соли, принесённый тёплым ветром... Потянулась к нарезке свежих овощей на тарелке, гордо именуемой здесь “салатом”, цапнула половинку зелёного лайма и, не поморщившись, отправила в рот.

У Макса моментально свело челюсти: то ли от того, что он явственно вообразил этот пронзительно-кислый вкус, то ли от воспоминаний. Да, привычки у Леры не изменились...

— Вегетарианцы они, в основном, по религиозным соображениям, — сказал Макс, возвращаясь к нейтральной теме разговора. К той, от которой сердце не принималось колотиться о грудную клетку, как молот о наковальню.

— Наверное, индийцы вообще очень добрые и миролюбивые люди? — предположила Лера, невозмутимо дожёвывая кислую лайм, словно это была мармеладка.

— Да не сказал бы. Не такие уж они и безобидные, какими хотят казаться. Да, не едят мяса, почитают корову как божество, но при этом... могут походя пнуть уличного пса, швырнуть в него камнем — просто так, чтобы не путался под ногами. Если в жилище проникнет обезьяна — могут избить её палками. Показуха... — он невесело усмехнулся. — Двойные стандарты.

Лера помолчала немного.

— Ты мне сказал когда-то, что у меня в жизни тоже... двойные стандарты, — тихо

вспомнила она. Это был первый раз, когда она косвенно затронула в разговоре тему их последней ссоры. Макс задержал дыхание. Он не хотел тревожить Леру болезненными воспоминаниями. Только не сейчас...

— Я... много глупостей наговорил тебе тогда, — сказал он негромко, а затем протянул руку и взял Лерину ладонь в свои, легонько сжал, нежно перебирая тонкие пальчики и целуя поочерёдно каждый из них.

Пообедав, они решили прогуляться к морю, благо — до него от ресторана было рукой подать. Стильные босоножки Леры натёрли ей ноги, она ещё не успела купить сланцы, в которых щеголяли поголовно все жители и туристы Гоа. Скинув свою неудобную обувь, Лера с удовольствием зашлёпала босиком по мокрому песку, а затем, завернув кверху штанины, и вовсе храбро вошла в воду, позволяя тёплым волнам гладить её изящные ступни и тонкие щиколотки, ласково щекотать колени.

По берегу медленно брёл продавец фруктов. Макс окликнул его; тот остановился, тут же, при них, ловко очистил и порезал на кольца спелый ананас и почтительно вручил Лере на бумажной тарелочке. Девушка, улыбаясь, принялась кормить Макса со своих рук. Он шутливо прихватывал губами её пальцы, слизывая с них сладкий липкий сок, а она звонко смеялась...

Затем они пошли ополоснуть руки прямо в море — и в итоге долго плескали друг в друга водой, по-детски дурачась и хихикая, в результате чего промокли насквозь. Хорошо, что день выдался жарким и солнечным, поэтому ощущение облепившей тело влажной одежды было даже приятным. Лерина просторная туника соблазнительно обтянула грудь и подчеркнула талию. Макс с трудом заставил себя отвести взгляд, иначе... иначе он за себя не ручался. Молча подал ей руку, и они побрели назад к берегу.

— Не хочу снова запачкать песком ноги, — капризно протянула Лера. К ней постепенно возвращались её прежние томно-кошачьи повадки, когда одним движением пальчика или кивком головы она могла заставить не только Макса, но и любого мужчину-натурала на этой планете, исполнить любой её каприз.

Вот и сейчас он легко, как пушинку, подхватил девушку на руки, стоя по колени в морской воде. Она затихла в его объятиях, их лица были так непозволительно близко друг к другу... Макс не выдержал и первый потянулся к её губам, ему не хватало их, боже, как ему их не хватало!

Они целовались до одурения, самозабвенно, неистово, прерываясь на то, чтобы сделать очередной жадный вдох — и снова приникали друг к другу. Лера всё ещё была на руках у Макса; он дошагал с ней до ближайшего лежака, опустился на него, устроив её у себя на коленях, и поцелуи возобновились с удвоенным пылом. Его руки гладили Лерины плечи и спину, ладонь зацепилась за какое-то украшение на её шее. Макс осторожно вытянул его из выреза мокрой туники... и задохнулся от неожиданности.

Это оказалась цепочка из белого золота с таким же золотым кулоном — крошечная, искусно сделанная виолончель, выполненная, вероятно, на заказ.

Ощущение было — словно смычком по сердцу. Но эта боль казалась такой сладкой, такой упоительной...

— Ты скучала по мне? — выдохнул он ей прямо в губы. — Скучала?

— А ты скучал?

— Невыносимо...

Позволить себе что-то большее, чем поцелуи, они просто не могли. Индийцы на пляже

и так тарасились на них с жадным нездоровым любопытством. Но Макса буквально трясло от того, как он её хотел. Скручивало от дикого желания...

— Уедем отсюда? — предложил он охрипшим голосом. — Слишком много свидетелей.

— У меня девочки в отеле, я не одна в номере, — поняв, что он имеет в виду и облизнув губы, отозвалась Лера с сожалением.

— Я один.

— Тогда едем к тебе, — решительно тряхнув головой, заявила она.

Как они доехали до отеля — Макс не помнил. Удивительно ещё, что не попали в аварию... Всю дорогу Лера, обхватив его со спины руками, так недвусмысленно поглаживала ему живот, проникнув под рубашку и то и дело норовя опуститься ниже, что Макс чертыхался сквозь стиснутые зубы, с трудом справляясь с управлением.

В холле их тормознул паренёк с ресепшн.

— Извините, сэр, но у нас в отеле запрещены гости в номерах, — сказал он Макс, смущённо разводя руками, как бы извиняясь и оправдываясь: это не я придумал, таковы правила. — Вы можете посидеть и пообщаться тут, на диване...

Ага, по взбудораженному виду Макса, раскрасневшемуся лицу Леры и её лихорадочно блестящим глазам, конечно же, становилось совершенно ясно, что они планировали именно “посидеть и пообщаться”.

— Мы никого не побеспокоим, — Макс ловким незаметным движением сунул ему в ладонь крупную денежную купюру и подмигнул. — Ко мне приехала любимая девушка, нам нужно многое... обсудить наедине.

— Ноу проблем! — парнишка довольно разулыбался: очевидно, денег оказалось более, чем достаточно. — Если захотите чай или ужин в номер, позвоните, вам всё принесут!

Так просто и легко... Макс сам не верил в то, что уже через несколько минут Лера будет полностью принадлежать ему.

В лифте, едва сомкнулись створки дверей, они снова накинута друг на друга с поцелуями. Обоих буквально трясло от нетерпения — как тогда, в Питере, в квартире Макса... Это невыносимое дежа вю не давало ему покоя, и в то же время от новизны ощущений буквально срывало крышу: всё было уже иначе, чем тогда; от его прошлой неопытности, неуверенности в себе и глупого страха сделать что-то не так не осталось и следа. Сейчас абсолютно всё казалось уместным, таким, как надо — не было ни стеснения, ни преград, ни табу, только дикое желание любить Леру всю ночь напролёт.

Дверь номера он сумел открыть с трудом, лишь с третьей попытки — всё никак не мог отдышаться и сфокусировать взгляд на замочной скважине. А затем, уже справившись с замком, Макс внезапно вспомнил о защите.

— Чёрт... я забыл купить, — пробормотал он в раскаянии. — Подожди меня буквально пять минут, хорошо? Тут недалеко аптека, я быстро сбегаю, туда и обратно...

Но Лера лишь покачала на это головой.

— Не надо никуда бежать. У меня всё есть.

Сказанное слегка царапнуло. Не так, конечно, чтобы Макс загрузился и полностью потерял боевой настрой. Но... неприятно, по краешку сознания, цепляя острыми коготками, проскочила ревность — неизвестно к кому. Впрочем, разве Макс имел право на эту ревность? Он ведь тоже не вёл монашеский образ жизни в Лерино отсутствие — это ещё мягко говоря. И вообще, тот факт, что Лера запросто носит презервативы в своей сумочке,

ещё ни о чём не свидетельствовал. Одни лишь его домыслы, одни беспочвенные догадки.

А ещё через минуту, когда девушка сама заперла дверь номера изнутри и, сделав шаг навстречу Макс, положила руки ему на плечи и снова нетерпеливо потянулась к его губам, он и вовсе забыл обо всём на свете...

Он не закрыл балконную дверь, когда уходил утром, и теперь по номеру разливался стойкий запах цветущего жасмина.

Эта ночь в Индии, наполненная ароматами экзотических цветов, благовоний и несдерживаемой, неуправляемой, неконтролируемой страсти, стала затем очередной драгоценностью в шкатулке его воспоминаний. Макс и не думал, не надеялся, что когда-нибудь снова сможет почувствовать себя настолько живым. Неудивительно — потому что жил он только в присутствии Леры, а в остальное время, как оказалось, просто ловко притворялся и лицедействовал...

— Ты вспоминала обо мне? — спросил он шёпотом, лёжа рядом с Лерой на скомканной простыне после очередного оглушающего, опустошающего и одновременно упоительно-прекрасного оргазма, всё ещё прижимаясь к ней всем телом. Даже сейчас, в минуты покоя и умиротворения, сладостной сонной неги, Макс с Лерой держались за руки, крепко переплетя пальцы, чтобы чувствовать друг друга каждое мгновение.

Вопрос этот был скорее риторическим, Макс не требовался ответ — он видел его в Лериных сияющих глазах. Её невероятных, завораживающих, бездонных глазах, подобных которым не было ни у кого на свете. Как она на него смотрела... как она на него смотрела!

— Глупый, — Лера гладила его по лицу, обводила контуры глаз, бровей, губ, а он плавился от удовольствия, счастливо жмурился, чуть ли не мурлыкал. — Я не вспоминала о тебе, потому что и не думала забывать. Ты одновременно и самое хорошее, и самое плохое, что произошло со мной в жизни... мой первый мужчина. Моя первая любовь.

— А вторая? — подозрительно спросил он.

Она откинулась обратно на подушку, отвела взгляд.

— Я всё ещё надеюсь... всё ещё верю, что она когда-нибудь случится. Тогда я действительно смогу тебя забыть.

Сердце болезненно сжалось. Макс развернул девушку лицом к себе.

— Зачем забывать, Лер? — недоумевая, спросил он. — Я не отпущу тебя больше никуда, — и, словно в подтверждение своих слов, резко притянул её к себе, снова прижал к груди, стиснул в объятиях. — Ты же моя. Только моя... косоглазая, китаёза моя родненькая.

— Не всё так просто, Макс... — запротестовала было она, невольно слабея под напором жадных поцелуев, сама вспыхивая огнём в его руках — а он-то давно уже был готов. Так и не договорив, они снова накинлись друг на друга.

Потом он на руках отнёс её в душ. Лера практически засыпала, но настаивала, что ей нужно смыть с себя пыль гоанских дорог, остатки пляжного песка и следы их обоюдной страсти. Намылив губку, Макс бережно водил ею по телу девушки, и это больше походило на священный обряд, чем на купание. Затем, выдавив на ладонь немного шампуня, он тщательно вымыл и прополоскал её длинные волосы, после чего почти досуха высушил их полотенцем. Лера блаженно закрыла глаза, послушно подчиняясь его движениям и незаметно уплывая в сон.

— Тебе нужно работать банщиком... — пробормотала она. — Клянусь, очередь будет на год вперёд.

Макс вынес её из душевой и осторожно усадил в кресло, собираясь пока наскоро поправить и перестелить смятую постель.

— Угу, а ещё постельничим, — рассеянно добавил он, встряхивая простыню и заново расправляя её на кровати. Лучше бы, конечно, поменять... но уборка в номере будет только утром.

— Кем-кем? — Лера зевнула, прикрыв рот ладошкой. Всё-таки, сказывалась акклиматизация, да и спала за минувшие сутки она совсем мало.

— Ты что, никогда раньше не слышала о такой старинной должности, как “постельничий” при царском дворе?! Позор тебе, — шутливо пожурил он её.

— Ну, это ты у нас умник и заучка, а я никогда не испытывала большой тяги к учёбе, — поддразнила его Лера. Тем временем её взгляд, лениво блуждающий по номеру, остановился на виолончели, аккуратно уложенной в футляр.

— Макс... поверить не могу. Ты привёз виолончель с собой?! — воскликнула она. Сон, похоже, моментально слетел с неё.

— А что тебя так удивляет? — добродушно хмыкнул он. — Мне нужно много играть, постоянно репетировать...

Лера вскочила с кресла и — как была, обнажённая — подбежала к виолончели, опустилась на колени и осторожно погладила бок музыкального инструмента. Девушка смотрела на виолончель со странным выражением, в котором смешались и ненависть, и восхищение, и даже как будто ревность.

— Что-то не так, Лер? — обеспокоенно спросил Макс, удивляясь этому взгляду.

— Это же... твоя любимая женщина, — откликнулась Лера после паузы. — Которая всегда была и будет для тебя на первом месте.

— Глупости, — он пришёл в замешательство от этого сравнения, несмотря на то, что сам в шутку частенько повторял то же самое. — Как можно сопоставлять чувства и игру на инструменте? Ты для меня на первом месте, китаёза! Ты — всегда вот тут, — он постучал ладонью по груди с левой стороны, — и вот тут, — указал на голову.

— Поиграй мне, — тихо попросила она.

- Поиграй мне, — тихо попросила она.

— Сейчас? — поразился Макс. — Два часа ночи...

Впрочем, он уже знал, что индийцы особо не заморачиваются соблюдением тишины. Музыка из окрестных караоке-баров и дискотек могла грохотать всю ночь напролёт, религиозные индуистские песнопения начинались доноситься из соседнего храма чуть ли не

с четырёх утра, немного позже с минарета ближайшей мечети звучал призыв на первый намаз... Такая мелочь, как игра на виолончели, едва ли могла кого-то всерьёз побеспокоить. Тем более, у Макса с собой всегда было несколько разных типов сурдин для заглушки.

— Пожалуйста, — умоляюще повторила Лера.

— Ну ладно... — он аккуратно вынул виолончель из футляра, уселся в кресло, совершая заученные до автоматизма движения: левая рука на шпиле, инструмент упирается в грудь и левое колено, в правой руке — смычок. Но оттого, что из одежды на нём сейчас не было вообще ничего — так же, как и на Лере — привычные действия приобретали какой-то новый оттенок, тайный смысл. Ему и правда показалось на мгновение, что с ним в номере сейчас находятся две женщины — Лера и... виолончель, которая тоже жаждет его любви.

— Что ты хочешь, чтобы я сыграл? — спросил он, пряча неловкость за деловым тоном.

Лера покачала головой с лёгкой улыбкой:

— Да неважно. Что-нибудь душещипательное, глупое и романтическое... для девочек.

Он сделал глубокий вдох и взмахнул смычком. В ту же секунду полилась нежная грустная мелодия, которую мог узнать с первых нот практически каждый.

По своей давней привычке “подпевать” музыкальному инструменту Макс беззвучно шевелил губами — текст исполняемой композиции звучал сейчас у него в голове.

Every night in my dreams
I see you, I feel you
That is how I know you go on...
Far across the distance
And spaces between us
You have come to show you go on...
Near, far, wherever you are
I believe that the heart does go on
Once more you open the door
And you're here in my heart
And my heart will go on and on...*

Почему кажется, что самые сопливые, самые слезливые, самые красивые песни о любви написаны как будто про них с Лерой?.. Он не впервые задумывался об этом. Но ведь всё так, всё действительно именно так, как поётся: я вижу тебя каждую ночь в моих снах, я тебя чувствую, и где бы ты ни была — близко или далеко, я всё равно верю, что сердце будет продолжать биться...

Переходя ко второму куплету, он быстро и властно притянул Леру к себе, обхватывая её талию той же рукой, которой держал смычок, да так и продолжил играть: он, виолончель и... Лера. Это было странное трио, необычный тандем, но девушка ничуть не мешала ему, наоборот — вдохновляла. Водя смычком по струнам, он чувствовал предплечьем нежную кожу её живота, а длинные распущенные волосы Леры, щекоча, касались его груди. Через приоткрытую балконную дверь периодически доносилось лёгкое дуновение тёплого влажного ветра, словно ласкающего их обоих. Максиму было очень хорошо, спокойно и немного грустно... но, конечно, во всём была виновата сентиментальная мелодия.

Когда он закончил играть, Лера порывисто обернулась к нему лицом. Глаза её блестели от слёз.

— Я люблю тебя, цыган, — прошептала она.

Резкое, болезненное воспоминание врезалось в его сердце, как врезался в злополучный “Титаник” тот самый роковой айсберг... Макс чуть ли не отшвырнул виолончель в сторону, фактически уронил — она с глухим стуком повалилась на пол. Он не задумывался сейчас о том, что корпус инструмента может поцарапаться, не говоря уж о более серьёзных повреждениях. В данный момент ему не было дела до виолончели. Ему вообще не было дела ни до чего и ни до кого в целом мире. Существовали только он и Лера, и сказанные ею только что слова, отзывающиеся внутри сладкой горечью...

Посадив девушку к себе на колени, он долго-долго целовал её, пытаясь заглушить этот горький вкус. Наконец, отстранился, тяжело дыша, внимательно и испытывающе взглянул ей в глаза.

— Лерка... — это прозвучало как мольба. Как тихий стон. — Как же так получилось, что мы расстались? Почему? Зачем?..

Некоторое время она молча смотрела ему в лицо, а затем, решившись, негромко произнесла:

— Ну хорошо, Макс... я расскажу тебе правду.

*Строки из песни “My Heart Will Go On”, исполненной канадской певицей Селин Дион. Главная музыкальная тема к оскароносному фильму Джеймса Кэмерона “Титаник” (1997). Автор музыки — Джеймс Хорнер, текст Уилла Дженнингса. Композиция стала одной из самых популярных за всю историю музыки и самой продаваемой в мире песней 1998 года.

- Правду? — сердце Макса ёкнуло в неприятном предчувствии. — Ты о чём сейчас?

— Мы говорили с твоей мамой, — нехотя призналась Лера.

Он отшатнулся, не веря своим ушам.

— Она... это сделала?! Она посмела?

Лера медленно поднялась с его колен, сделала несколько шагов в сторону кровати и села на краешек.

— Нет, Макс. Я сама к ней пошла. Сразу, как только узнала о том, что жду от тебя ребёнка. Мне было очень страшно, я так испугалась, что... мне просто нужно было с кем-нибудь посоветоваться.

— Мама знала, что ты беременна? — он был бледным, как полотно.

— Нет. Я так и не решилась ей сказать. Да и не успела... Мы всё время проговорили с ней о тебе, о твоём будущем. И я отчётливо поняла, что, оставшись с тобой, просто погублю твою карьеру. А ведь я готова была всё бросить, Макс, честное слово! — её голос дрожал. — Уйти из модельного бизнеса, лишь бы быть с тобой. Всегда с тобой. Твоя мама, видимо, почувствовала эту мою решимость и сказала, что если я тебя люблю — то, наоборот, отпущу.

— Отпустишь? — переспросил он в замешательстве. — Так ты меня и не держала никогда. Это я к тебе приклеился...

— Твоя мама так не считала. Она сказала мне, что мы с тобой молодые, у нас впереди вся жизнь, вовсе незачем торопиться и делать глупости, о которых впоследствии можно было бы сильно пожалеть. Сказала, что если наши чувства искренние, настоящие... то разлука в несколько лет им нипочём. Что нужно дождаться окончания твоей учёбы в Лондоне, а потом уже строить планы о совместном будущем, о свадьбе и так далее... Она не знала, что у нас с тобой всё зашло уже слишком далеко.

Лера замолчала ненадолго. Макс тоже молчал, ожидая продолжения.

— Поначалу я была в шоке, две полоски на тесте меня просто убили. А потом... подумав, даже обрадовалась. Это же не просто абстрактный ребёнок. Это наш с тобой малыш, Макс. Он — следствие и напоминание о той ночи, которая... — она нервно сцепила в замок пальцы. — Господи, да у меня ничего больше не было в жизни, кроме той нашей ночи! Но...

Макс пристально взглянул ей в глаза. Больше всего он ждал сейчас объяснений, что именно “но”.

— Этим я утянула бы тебя за собой в трясины, понимаешь?.. — Лера взглянула на него почти в отчаянии. — Ну на черта тебе в тот момент сдалась беременная я?! Пришлось бы жертвовать многим... А твоя мама... она очень боялась, что ты забудешь музыку. Бросишь заниматься — ради меня. И я могу её понять, Макс, клянусь! — горячо добавила Лера. — Её чувства вполне объяснимы. Она мать, она так сильно любит тебя, она столько в тебя вложила, что отдавать это всё на выброс какой-то прощмандовке...

— Она тебе это сказала? — быстро перебил её он. — Она тебя обидела?

— Я не дура, Макс, — Лера покачала головой. — Вполне умею читать между строк. И я вдруг поняла, что действительно не имею права портить тебе жизнь. Ты бы первый меня потом возненавидел... Но, когда я шла домой после нашего с ней разговора, то всё ещё не была уверена, что именно хочу сделать с ребёнком. Мелькала даже шальная мысль — ничего тебе не сказать, позволить уехать в Лондон, а потом... родить для себя.

— И что же заставило тебя переменить решение? — спросил он ровным голосом, стараясь не показать, что больше всего в этой ситуации его уязвляет другое — то, что Лера не захотела посоветоваться с ним! Даже к маме его пошла на исповедь, а ему ни словечка не сказала...

— А потом мне позвонил московский агент. Тот самый, что сосватал меня в Дом моды Славы Зайцева. Я сдуру призналась ему в том, что беременна... Как он на меня орал! — Лера поёжилась. — Он, конечно, был “в восторге” от этой новости. Кричал, что ребёнок всё испортит, утащит меня на самое дно. Что я окажусь в нищете, никому не нужная и жалкая. Что нужно прерывать беременность, пока не поздно. Короче, жутко давил...

Макс беззвучно, одними губами, выматерился.

— В итоге он предложил мне сделку: если я избавлюсь от ребёнка, то сразу же поеду на очень крутые съёмки в Италию. А осенью начну работать в Москве, в штате у Зайцева, как и было обещано. Понимаешь, — добавила она в отчаянии, — я реально была в таком ужасе от происходящего, что его предложение показалось единственным выходом и спасением. Самое трудное было — объяснить это тебе... И я решила, что заставлю тебя меня возненавидеть.

— У тебя это почти получилось, — криво усмехнувшись, сказал он. — Но поначалу, ещё до нашего разговора в больнице... мне просто было страшно и непонятно, что происходит, почему ты вдруг стала меня избегать, прятаться, сбрасывать звонки... Это было жестоко, косоглазая.

Лера отвела глаза.

— Я тогда не знала, что тебе сказать. Главный-то вопрос оставался открытым. И так жутко было идти в больницу... так стыдно признаться хоть кому-то... А через пару дней девочки в агентстве обсуждали различные методы контрацепции и последствия “залёта”, и одна из них вспомнила о постиноре как о безопасном и эффективном способе избавиться от

беременности без вмешательства врачей. Макс, прости меня, прости меня за нашего ребёнка, я ужасно перед тобой виновата, но я так запуталась, так испугалась... — она закрыла лицо ладонями и разрыдалась в голос.

Сердце у него буквально разрывалось от боли. Макс отнял руки от Лериного лица и сам принялся вытирать ей слёзы.

— Глупенькая моя... господи боже мой, ну какая же ты глупенькая, господи-боже-мой!!!

— При чём тут “господи”, - отозвалась Лера, всхлипывая. — Я, между прочим, вообще не верю в бога... Если бы он существовал, разве позволил бы нам расстаться?

— Так это мы — идиоты. Сами виноваты, что так глупо всё получилось, — он со вздохом прижал её голову к своей груди. — Так больно было... До сих пор больно.

— Мне, наверное, всё же было немного легче, чем тебе. Не потому, что я меньше тебя любила, просто... я это проще перенесла. Я ведь привыкла любить тебя на расстоянии, с детства привыкла.

— С детства?.. — его брови недоверчиво приподнялись.

— Ты же мне сразу понравился. С первого взгляда... — тихо призналась она. — Но мне всегда хватало того, что ты просто рядом. Я готова была оставаться твоим другом хоть всю жизнь...

— А вот мне непросто всё это далось, — усмехнулся он. — Я тоже был влюблён в тебя, но даже не предполагал, что у нас что-то может получиться в итоге. На выпускном... я был просто ошарашен, ужасно растерялся, когда наконец-то получил тебя. В случившемся тогда — только моя вина, я не позаботился о предохранении. Лер, ну я честно не знал, даже мечтать не смел, что мы с тобой будем вместе в ту ночь! Ведь всё могло быть иначе... если бы я тогда не...

— Не надо, — она приложила указательный палец к его губам. — Достаточно покаяний на сегодня. Мы уже и так слишком много друг другу сказали...

Он погладил ладонями её плоский живот с аккуратной, безупречной ямкой пупка. Представил на миг — как бы выглядел этот живот на девятом месяце беременности? Огромный, тяжёлый, неповоротливый... с его ребёнком внутри. Представил — и прижался к Лериному животу губами, чтобы справиться со спазмом в горле. Не хватало ещё самому разреваться!

Она ни о чём не спросила... Но всё поняла. Закусила губу и просто крепче прижала его голову к себе.

Сообразив, что Лера не вернётся сегодня ночью в отель, её коллеги без лишних вопросов прислали эсэмэской адрес студии, в которой была назначена завтрашняя съёмка, и время: одиннадцать ноль-ноль.

— Заботливые у тебя подружки, — хмыкнул Макс, пока Лера возилась с мобильником, набирая ответное сообщение.

— О, да. Алиска всё поняла по нашим лицам, наверное.

У Леры с Максом всё ещё оставалось полно времени. И... боже, как мало времени у них было!..

— Если хочешь, завтра утром я отвезу тебя прямо на съёмку. Или тебе сначала нужно будет заглянуть к себе в отель? — спросил он.

— Не нужно, — Лера отложила мобильник и улыбнулась. — Одежду и аксессуары нам предоставят прямо там. Накрасят и сделают причёски тоже. А так, по мелочи, всё самое необходимое у меня с собой и так есть — профессиональная привычка, выработанная годами. В моей сумке всегда лежат косметичка, расчёска, зубная щётка, упаковка тампонов, таблетки от головной боли... — весело перечисляла она, загибая пальцы.

“И презервативы”, - добавил Макс мысленно. Чёрт... не думать, не думать об этом!

А вот о чём, вернее, о ком ему следовало бы подумать — так это об Андрее. Тот сначала названивал ему, а затем, не дождавшись ответа, прислал встревоженное сообщение в третьем часу ночи:

“Ты где? Какого фига не берёшь трубку? Если верить интернету, твой самолёт давно прилетел”.

Макс глубоко вздохнул. Сейчас ему было совершенно не до разборок с Андрюхой. Он обязательно всё объяснит ему, найдёт правильные, подходящие слова... но чуть позже.

Поколебавшись, Макс быстро набрал другу эсмэс:

“Я всё ещё в Индии. Обстоятельства изменились, прости. Приеду, расскажу. На репетиции уже не попадаю, но на концерт успею, не переживай”.

Подумал и всё-таки честно дописал:

“Очень постараюсь”.

Это было крайне жестоко и даже подло по отношению к Андрею — и в профессиональном, и в личном плане: Веселов буквально жил предстоящим концертом и сейчас, должно быть, натурально сходил с ума. Вероятно, бедняга теперь не сомкнёт глаз до самого утра. Но... тратить бесценные часы, которых у них с Лерой и так осталось немного, на выяснение отношений с Андреем, было бы непозволительной роскошью. Макс же не собирался больше терять ни минуты.

— У тебя будут неприятности в Лондоне? — следя за выражением его лица, осторожно спросила Лера. — Ты... сильно кого-то подвёл?

Макс тяжело вздохнул.

— Да, подвёл — своего близкого друга и коллегу. Чувствую себя, откровенно говоря, последней скотиной.

— Это всё из-за меня... — в раскаянии начала было оправдываться Лера, но Макс жестом остановил её.

— Перестань! Поверь, если бы я сам не хотел этого, как ненормальный — ни за что не задержался бы в Индии. Да и вообще... концерт — откровенно низкая цена за возможность быть с тобой, — он нежно провёл пальцем по её щеке. Макс испытывал постоянную потребность трогать её, касаться, гладить, ощущать в своих руках, будто настраивал девушку под себя, как музыкальный инструмент.

Лера поёрзала, пытаясь скрыть смутную тревогу в глазах, но всё-таки выговорила:

— А что, если... полную цену мы ещё не заплатили?.. Что, если нам с тобой это только предстоит?

— Надо будет заплатить — заплатим. Беру все расходы на себя, гулять — так гулять! — пошутил он, однако Лера даже не улыбнулась. Он тихонько щёлкнул её по носу.

— Откуда столько суеверного пессимизма, китаёза? Всё будет отлично. Всё уже хорошо. Ты здесь, я здесь. Мы, по идее, вообще не должны были встретиться, и всё-таки встретились, да ещё где — в Индии!.. Мы снова вместе — это ли не чудо?

— Обними меня, — жалобно попросила Лера.

— С превеликим удовольствием, — Макс прижал её к груди, ощущая, как часто и взволнованно бьётся её сердце. — Обнимать тебя — одно из самых любимых моих занятий. И я собираюсь посвятить этому большую часть своей жизни, имей в виду!

— Не загадывай далеко вперёд. Не надо великих планов на будущее, пожалуйста. Ты со мной сейчас — этого достаточно...

— Мне не нравится подобный настрой, — он ласково подул ей в ухо, пытаясь рассмешить, и, поскольку Лера всё ещё казалась скованной, прибегнул к самому эффективному методу — поцеловал её. Это подействовало безотказно: девушка тут же расслабилась в его руках и живо включилась в поцелуй, нетерпеливо прижимаясь к Максиму.

Лера ещё спала, уютно обняв подушку, когда Макс принёс ей завтрак на подносе. Так жаль было нарушать её сладкий сон, тревожить это безмятежное спокойствие... Несколько секунд он любовался её по-детски умиротворённым и беззаботным лицом, а затем, наклонившись, осторожно чмокнул в тёплую от сна щёку. Лера сморщила нос, завозилась в постели и, наконец, приоткрыла глаза.

— Умираю — хочу спать... — простонала она. — А который час?

— Половина десятого.

— О господи, — она резко подскочила на кровати. — У меня же съёмка в одиннадцать!

— Ничего страшного, я уточнил на ресепшн, до места отсюда добираться максимум пятнадцать минут. Так что у тебя есть время спокойно позавтракать...

Его позабавило, что после всего, что между ними было минувшей ночью, Лера всё равно машинально придерживала рукой одеяло у груди, чтобы спрятать свою наготу.

— Чего я там не видел? — заметил он мимоходом. — Но, твоя правда, был бы не против ещё посмотреть... и не только посмотреть.

- Сексуальный маньяк, — Лера смущённо улыбнулась и подтянула одеяло ещё выше.

— Странно, вчера ты не была такой застенчивой... Ешь.

Он поставил поднос прямо на постель. Лера взглянула на его содержимое... и безудержно расхохоталась.

— Ма-акс!.. Ты издеваешься?! Это же мой дневной рацион! Ты меня на убой откармливаешь?

Он принёс ей кукурузные хлопья с молоком, булочку с маслом и джемом, самосу — треугольный жареный пирожок с овощами, фруктовый салат из клубники, манго, личи и винограда, изюм в тарелочке, смешанный с орешками кешью, а также йогурт, кофе и свежавыжатый арбузный сок.

— Ты похудела, — заметил Макс озабоченно. — И такая бледная, аж светишься...

— Это мой натуральный цвет, — засмеялась Лера; похоже, настроение с утра у неё было просто прекрасным.

- Что, покормить тебя с ложечки? — поинтересовался он, пряча усмешку. — Или прямо с рук?

— Давай с рук, — оживилась она, однако Макс не шутил. Он невозмутимо поднёс к её губам намазанную джемом булочку, дождался, пока Лера откусит кусочек, прожует и проглотит, а затем засунул ей в рот ложку хлопьев.

— М-м-м, как ты нежно это делаешь, — Лера закрыла глаза в притворном блаженстве, откровенно прикалываясь над Максом, а затем томно выдохнула, как героиня эротического фильма:

— Ещё! Я хочу ещё!..

Звук её голоса, эти волнующие глубокие интонации были Максиму хорошо знакомы по совместной ночи, и он сконфуженно почувствовал, что кое-какая часть его тела оживилась и требует продолжения банкета.

— Не надо так, — предостерегающе сказал он Лере, указывая многозначительным взглядом на свои шорты. Девушка довольно захихикала — кажется, именно этого она и добивалась. Едва он поднёс к её губам крупную спелую клубничину, как Лера тут же игриво

прихватила его пальцы, чуть сжав их зубами, и призывно стрельнула глазами. Её губы порозовели и влажно заблестели от клубничного сока. О, господи...

— Ну всё, вот теперь ты доигралась, китаёза, — зашипел он, отодвигая поднос в сторону и бесцеремонно вытаскивая Леру из-под одеяла. Миг — и он уже стянул с себя футболку. Ещё миг — и Лера оказалась у Макса на коленях, сидя к нему лицом. Пальцы его, словно разогреваясь, быстро пробежались по её плечам, на миг задержались на груди, опустились к животу.

— Макс! — запротестовала она в притворном возмущении. — Я ведь могу опоздать... — а сама уже так и льнула к нему.

— Успеем, — пообещал он, одним рывком избавляясь от остатков собственной одежды.

И никто из них ещё не догадывался о том, что за этим счастливым утром не будет счастливого дня...

Макс доставил Леру в студию без опозданий, ровно к одиннадцати. Коротко поцеловал девушку в губы на прощание, уже начиная отчаянно скучать по ней в ожидании вечера, когда она освободится.

Съёмочный павильон был светлым и просторным, с высоким потолком. Здесь вовсю уже царили суэта и рабочая суматоха. Фотограф делал тестовые снимки, экспериментируя со светом. Модели, не стесняясь присутствующих, спокойно поправляли чулки, одёргивали лифы нарядных платьев и беззаботно щебетали. Завидев Леру, подруги весело помахали ей, призывая поскорее вливаться в их стройные ряды.

— Лерунчик!.. — навстречу спешил мужчина лет сорока, нетерпеливо помахивая свёрнутой в трубочку газетой. — Молодец, что вовремя. Быстро переодевайся — и на макияж!

По Максy он скользнул настолько равнодушным и мимолётным взглядом, будто парень был кем-то незначительно-незаметным, вроде крошечной букашки.

— Посторонние не должны находиться в помещении во время фотосессии, — сказал он в пространство скучным голосом, адресуя свои слова то ли Максy, то ли Лере, то ли им обоим. А затем, не меняя невозмутимого выражения физиономии, смачно шлёпнул Леру по заднице.

Макс оторопел.

Самое поразительное, что Лера не стала возмущаться, даже не вlepила этому наглецу пощёчину — только игриво взвизгнула, но, заметив вмиг помрачневшего Макса, покраснела и торопливо стёрла с лица неуместную глупую улыбочку.

— Можно тебя на пару слов? — напряжённо выговорил он. Лера заметно струхнула и бросила осторожный взгляд в сторону нахала с газетой, а затем — виноватый — в сторону Макса.

Он резко потянул её за руку и отвёл в сторону на несколько метров.

— И что это сейчас такое было? — спросил он ровным голосом, стараясь не выдать закипающего внутри бешенства.

— Макс, это... наш директор, Игорь. Он иногда так шутит, — оправдываясь, торопливо залепетала Лера. — Ничего особенного, правда. Все уже привыкли...

— Между вами что-то есть? — он с трудом изверг из себя эти слова, практически выплюнул их — с болью, обидой и ненавистью.

— Нет, — ответила она так быстро, что стало ясно: запахло жареным.

— Значит, было раньше? — Макса замутило от собственных наводящих вопросов и подозрений. Происходящее казалось ему просто дурным сном. Ведь всё было так хорошо, так прекрасно! Ещё пять минут назад он был самым счастливым человеком в мире...

— Лерунчик, ты скоро закончишь?.. — этот назойливый тип снова оказался рядом. — Визажист только тебя и ждёт.

Смерив Макса презрительным обесценивающим взглядом, Игорь демонстративно провёл рукой по Лериной груди, якобы поправляя тунику. Девушка инстинктивно отшатнулась, но Макс уже не был уверен в том, что она делает это только из-за его присутствия. Ей просто неловко перед ним, не будь его рядом — она бы не возражала...

— Макс, ты поезжай по своим делам, мне действительно нужно работать, — виновато произнесла Лера.

— Я заеду за тобой вечером, — сказал он без всякого выражения.

— Не надо, — она торопливо замотала головой. — Мы и сами пока не знаем, во сколько закончим, съёмка может надолго затянуться. Я приеду прямо к тебе в отель... адрес я помню.

Тем временем директор, словно издеваясь, по-свойски приобнял Леру за талию, не обращая на Макса внимания, но делая это явно ему назло, напоказ. Макс невольно сжал кулаки.

— Лер, пойдём отсюда, — вырвалось у него.

Девушка в растерянности оглянулась на Игоря, точно ища у него поддержки, затем снова перевела умоляющий взгляд на Макса, разрываясь между ними двумя и не зная, как дипломатично вырваться из конфликтной ситуации.

— Прямо сейчас я не могу, я же должна работать... ты сам видишь.

— Да. Вижу.

Макс резко развернулся и торопливо двинулся к выходу, боясь, что может не сдержаться. Он шёл, до боли стиснув зубы, и блокировал все свои эмоции, не позволяя им взять верх над разумом, чтобы не наговорить лишнего и не наломать дров.

Добравшись до отеля, Макс на автопилоте поднялся в свой номер, открыл дверь и рухнул на кровать, в чём был, даже не разувшись.

Не было уже ни гнева, ни раздражения на Леру, лишь бесконечная усталость. А ещё — тоскливая пустота в голове, в которой, тем не менее, начинали зарождаться не самые радужные мысли.

Да, презервативы в сумочке. Да, Лера уже явно не та невинная девочка, которая провела с ним ночь после выпускного, давно не та! Она и тогда была искренней в своих желаниях, отзывчивой и пылкой, но неопытность и неумелость выдавали её с головой. Они оба были сопляками, не знавшими толком, как подступить друг к другу, и действовали больше по наитию, интуитивно. Теперь же...

Всё изменилось за эти шесть лет. Кардинально изменилось. Видно было, что Лера прекрасно знает, что делает. Макс вспомнил откровенные ласки, которые она дарила ему, её нежные и бесстыжие пальцы, жадные губы... Вспомнил её стоны, звучавшие в его ушах самой совершенной, самой сладкой музыкой, её сбившееся жаркое дыхание, её низкое, на вдохе — “О боже...” и на выдохе — “Ма-а-акс...” Вспомнил — и против воли ощутил желание, словно не занимался с ней любовью целую ночь, а потом ещё и утром — всего

какой-то час назад... Но, несмотря на физическое желание, сердце при этом было сковано тисками обиды и ревности. Кому Лера вот так же раздавала свои ласки и поцелуи? Кто научил её всему этому?

Презервативы в сумочке, как предмет первой необходимости... он всё никак не мог выкинуть их из головы. Тот тип в студии, запросто шарящий по её телу своими похотливыми ручонками... Раздираемый невесёлыми думами, от которых голова готова была вот-вот взорваться, Макс и сам не заметил, как провалился в тяжёлый сон.

Проснулся от звука открывающейся двери. Вдрогнул, открыл глаза... Мягкий предзакатный свет вливался в номер через окно. Возле кровати стояла Лера и смотрела на него.

Макс поморщился от боли в занемевшей шее, потёр ладонями глаза, приподнялся на локте. Не предложил сесть, не поздоровался... вообще ничего не сказал, молча ожидая объяснений утренней сцены в студии.

Лера, видимо, заезжала к себе в отель и переоделась, однако яркий съёмочный макияж смыть так и не успела, поэтому сейчас её накрашенное лицо в деликатном преддверии сумерек казалось чужим, красивым и высокомерным. Правда, когда она всё же заговорила, присев на кровать, тон её голоса был виноватым и грустным.

— Ты прав, — сказала она без предисловий, — я спала с Игорем... давно, года три назад. Поэтому он и позволяет себе вольности. Но он со всеми нашими девочками так себя ведёт. Поверь, в этом нет ничего... плохого или грязного, просто у него такая своеобразная манера общения.

Макс не стал комментировать “своеобразную манеру” — что ж, возможно, у них в модельном бизнесе это так называется, когда начальник хватается подчинённую за грудь и попу... Но в данный момент его больше интересовало другое.

— А в Москве у тебя кто-то есть? Бойфренд, любовник, партнёр? — он так и не смог выговорить “любимый человек”.

— Есть, — она опустила голову. — Но... Макс, то, что я чувствую к тебе...

Больно. Как же больно, чёрт возьми!

— Тогда бросай всё, — произнёс Макс с отчаянной решимостью. — Сейчас. Бросай и его, и всё это, — подчеркнул он брезгливо. — Поехали со мной. Чтобы навсегда вместе. На всю жизнь.

Лера оторопела.

— То есть как это — “бросай”? Нет, Макс, я так не могу. Да и... чем я, в таком случае, буду заниматься?

— Можно пойти учиться, найти другую работу...

— Где, кем? — фыркнула она презрительно. — Секретаршей? Или прикажешь мне записаться на курсы маникюра? А может, пойти по стопам матушки и устроиться в школу техничкой?

— Но ведь ты не сможешь всю жизнь оставаться моделью. Максимум — ещё несколько лет. А что потом? Так не лучше ли, пока не поздно, заняться чем-нибудь другим, и сделать это прямо сейчас?!

— Это просто смешно, Макс. Смешно и глупо. Я же не прошу тебя оставить музыку!

— Музыка в моей жизни появилась даже раньше тебя. Не сравнивай, — резко отозвался он.

— Ты снова всё обесцениваешь, если дело касается меня... — горько сказала Лера. — У тебя — карьера, дело всей твоей жизни, призвание и судьба, а я так... дурью маюсь.

— Эскортом ты тоже продолжаешь заниматься? — внезапно спросил он и по Лериным опущенным ресницам понял, что попал в точку.

— Да пойми ты, китаёза! — воскликнул Макс в отчаянии. — Я же не просто так с тобой — переспать и разбежаться, если ты ещё не поняла, — добавил он ядовито. — У меня к тебе всё очень, очень серьёзно. Я хочу, чтобы ты была со мной всегда. Чтобы мы поженились, нарожали кучу детей, жили долго и счастливо, умерли в один день и всё такое, — шуткой он пытался спрятать предательскую дрожь в голосе.

— Как ты ловко всё распланировал. “Нарожали кучу детей...” — она усмехнулась, скрывая горечь во взгляде. — А ты не задумывался о том, что после того, что со мной произошло тогда... я вообще больше никогда не смогу забеременеть и выносить ребёнка?

Макс нахмурился.

— Что, есть основания так думать? Ты консультировалась с врачами?

Лера немного помолчала.

— Никто не даёт гарантий. Гормональный фон был убит напрочь. У меня даже цикл более-менее восстановился только через два года... впрочем, это женские дела, ты всё равно ничего не поймёшь.

Он решительно тряхнул головой.

— Не будет детей — значит, не будет. Для меня это ничего не меняет. А вот твои отношения с мужчинами... Как ты думаешь, приятно будет мужу знать, что его жену лапает за задницу какой-нибудь урод, заплативший за это деньги и потому возомнивший, что имеет право на всё?

— Макс, ты утрируешь. На самом деле, это не так страшно. И в эскорте тоже нет ничего ужасного, всего лишь твои стереотипы...

— Ах, стереотипы? А то, как тебя ощупывал и поглаживал тот тип — это тоже всего лишь стереотип? Или мне это вообще показалось, быть может?

— Он не имел в виду ничего плохого, — Лера упрямо стояла на своём.

— Он-то — да, быть может. Но ты... ты позволила ему так себя вести! Знаешь, я тоже не ангел, — он усмехнулся. — У меня было много девушек. Пожалуй, даже слишком много. Но... я никогда не допустил бы, чтобы любая из них поставила тебя в неловкое положение. Чтобы так же унизила тебя в моём присутствии.

— Но, Макс... в моих глазах ты не был унижен, что за глупости!

— Ты. Позволила. Ему. Так. Себя. Вести, — внятно повторил он.

— А что я должна была сделать? — воскликнула Лера беспомощно. — Я... растерялась. Мы все привыкли вот так, запросто, общаться друг с другом. Я даже не подумала, что ты настолько остро это воспримешь, так отреагируешь. Алиса... ты помнишь Алису?.. Так вот, бойфренд запросто отпускает её с ночёвкой к её лучшему другу. Потому что доверяет! Потому что знает, что она не позволит себе лишнего.

Макс покачал головой.

— Я — не бойфренд Алисы. Я такого терпеть не буду, нравится тебе это или нет. Чтобы ты ночевала у какого-то постороннего мужика?! Что за бред! Я, конечно, мог бы попытаться сделать вид, что всё нормально, и даже мирился бы с этим какое-то время... но рано или поздно это всё равно рванёт, Лер. Я не смогу терпеть вечно. И тогда может стать ещё хуже...

поэтому я честно предупреждаю тебя об этом сейчас. То, что произошло сегодня утром — для меня не естественно и не нормально. Дело не в доверии или недоверии, дело в том, что подобные отношения не для меня.

— Но это... издержки модельного бизнеса, — возразила она беспомощно. — Здесь все намного откровеннее и ближе друг к другу. В этом нет ничего грязного.

— Ну, так значит, к дьяволу этот твой модельный бизнес! — в сердцах выпалил Макс. — Я уже сказал, что не понимаю и никогда не приму подобного.

— Любящий муж не должен стыдиться профессии своей жены, — тихо, но убеждённо сказала она.

— Это смотря, какая профессия, Лер.

— Близкого человека нужно принимать со всеми его недостатками, не пытаясь перекроить и переделать под себя. Если любишь — значит, любишь всего, целиком. Постоянные уступки и компромиссы — это не семья.

— Так значит, твой ответ — нет? — побледнев, Макс впился в неё колючим потемневшим взглядом. Лерины глаза в смятении заметались туда-сюда.

— Но я... действительно не могу... вот так, сразу. У меня обязательства, контракт... И вообще, у нас не очень-то любят, когда девушки выходят замуж, — она робко прикоснулась к его плечу, но Макс, не поддаваясь этой лживой ласке, сбросил её руку.

— Нет?! — выкрикнул он в отчаянии.

— Пожалуйста... — её губы дрожали. Девушка больше не выглядела уверенной в себе дерзкой красавицей — сейчас Макс видел перед собой долговязую, худющую, закомплексованную девчонку из своего детства, которую одноклассники дразнили за необычный разрез глаз и за мать-поломойку. И, положив руку на сердце, он не знал, какая из двух Лер ему дороже, ближе и понятнее...

— Или ты бросаешь всё немедленно и едешь со мной, — резко, на выдохе, произнёс он. — Или мы больше никогда не увидимся. Вот тебе мой ультиматум. Выбирай, Лера.

— Не заставляй меня, это нечестно!

У него вдруг разом иссяк весь запал и кончились силы. Словно резко выпустили воздух из воздушного шарика.

— Уйди, — произнёс он устало. — Оставь меня одного.

— Макс! — она залилась слезами. — Зачем ты так?..

— Лера, уйди, пожалуйста. Я прошу тебя.

— Нам же хорошо вместе, мы друг другу действительно нужны. И я тебя...

— У-хо-ди.

Лера внезапно, будто кто-то резко закрутил кран, перестала плакать. Встала, распрямила плечи и тихонько, не сказав больше ни слова, вышла из номера, аккуратно — подчёркнуто, издевательски спокойно! — прикрыв за собою дверь. Словно взвешенно и добровольно отсекла Макса, оставив его с другой стороны своей жизни. Точно так же, как когда-то отсек её он сам — в ярости, негодовании и бессилии убегая из больничной палаты...

Минут через пятнадцать Макс опомнился и вскочил с кровати, пребывая в шоке от того, что наделал. Ну кто тянул его за язык?! Зачем нужно было ставить Леру перед выбором — и чтобы непременно сейчас, сию же минуту? Неужели нельзя было просто дать ей немного времени на то, чтобы всё обдумать? Он бы постепенно убедил её. Непременно убедил бы!

Лаской, аргументами, вескими доводами... Для чего было так давить? Впрочем, эмоции всегда управляли его жизнью, Макс прекрасно знал, что сдержанность, терпение и рассудительность не являются его сильными сторонами. Вспыхнуть, проораться, выплеснуть энергию (в этом, к слову, очень помогала игра на виолончели) — и, остыв, с ясной головой прийти к разумному, взвешенному, мудрому решению. Ну где, где были его мозги?!

Не в силах ждать лифта, Макс сбежал по лестнице вниз, продолжая ругать себя последними словами, проклиная на чём свет стоит.

Он почему-то был уверен, что Лера никуда не ушла. Сидит себе преспокойненько в холле внизу и ждёт, когда Макс перебесится и виновато приползёт мириться... Однако, плохо же он её знал.

Леры нигде не было. Макс метнулся к пареньку на ресепшн, чтобы расспросить о ней.

— Она ушла, сэр, — кивнул тот. — Минут десять, как ушла...

Не дослушав толком, он бросился на улицу. Может, её ещё реально догнать, может, он успеет? Макс завертел головой, пытаясь сообразить, куда пошла Лера. От отеля в разные стороны разбегались три неширокие улочки — налево, направо и вперёд. Дорога была заполнена непрерывно гудящими авторикшами, автобусами, скутерами и машинами. На городок стремительно опускались тропические сумерки. Отели, кафе и магазины уже осветились изнутри и снаружи приветливым электрическим светом. Макс почувствовал растерянность в этом гомоне и гвалте. Лера ведь могла пойти, куда угодно. А он даже не знает, где находится её отель!

Впрочем, одна идея всё-таки пришла ему в голову... Макс быстро завёл скутер и поехал в павильон, где проходили сегодняшние съёмки. Быть может, ему повезёт, и кто-нибудь там до сих пор остался? Однако офис оказался закрытым на увесистый амбарный замок. Разочарованный Макс в ярости стукнул по нему кулаком. Неудача! Опять неудача...

В полном отчаянии он заглянул в тот самый магазинчик сувениров, где вчера утром (боже, это было всего лишь вчера!) встретил Леру. Макс обратился к продавцу, напомнив о вчерашних покупательницах. Тот моментально вспомнил, осклабился: “Да, сэр, русский девушка, оцень красивый! Ньет, сэр, я не знаю их отель. Они не говорили”. Макс, раздосадованный и злой, выскочил из магазина наружу.

Почему он такой болван? Почему не записал хотя бы номер Лериного телефона? Да просто не сообразил, как это важно... он-то был уверен, что теперь они всё равно по-любому — вдвоём. Что больше они не расстанутся и всегда будут вместе... Наивный, как детсадовец. Макс даже не знал точной даты Лериного возвращения в Москву. Если сегодня у неё были съёмки в помещении — то завтра, стало быть, на природе — но где, когда, во сколько?.. Ничего-то ему не было известно о ней и её планах...

Поняв, что его бестолковые поиски всё равно ни к чему сейчас не приведут, Макс понуро вернулся в отель. В довершение всего, паренёк на ресепшн осторожно намекнул ему, что пора бы и честь знать:

— Мы и так продлили вам проживание в номере на двое лишних суток, сэр, по вашей настойчивой просьбе. Но, сами понимаете... ноябрь — начало высокого сезона. Многие туристы бронировали комнаты в нашем отеле за несколько месяцев вперёд. Вы должны освободить номер завтра к обеду.

— Хорошо, — сказал Макс бесцветным голосом. — Спасибо вам за всё, я уеду утром.

Заснуть в эту ночь он так и не смог. Метался туда-сюда по номеру, как раненый зверь в

загоне, выскакивал на балкон и, шурясь, безуспешно вглядывался в темноту, снова возвращался в номер, а затем опять выбегал на балкон...

Макс надеялся, что Лера одумается и всё-таки вернётся к нему. Догадается ли она, что он сам уже сто раз пожалел о сказанном?! Он панически боялся пропустить стук в дверь и потому не стал запирается на ключ. Вздрагивая от каждого шороха, каждого звука, он с надеждой прислушивался к шуму поднимающегося лифта... Он реально готов был вымаливать у неё прощение даже на коленях, только бы она пришла!

В порыве отчаяния Макс даже позвонил в Питер — Наденьке, надеясь раздобыть Лерин номер, но бывшая одноклассница в этот раз его куда более откровенно и жёстко послала.

— Макс, я тебе не палочка-выручалочка! — раздражённо, даже зло, сказала она. — Объявляешься раз в пятилетку и просишь невозможного... Разбирайся в своих соплях и отношениях с Леркой сам! Я не дам тебе её телефон, и не проси! И вообще... вообще — имей совесть, два часа ночи, а у меня, между прочим, грудные двойняшки и муж ревнивый!

Он извинился, чувствуя себя последним мудаком. Ещё и здесь накосячил... да что ж за день такой сегодня, что за сволочной, паршивый, грёбаный день?!

Но неужели это — конец? Он отказывался в это верить. Вот так, глупо, по-идиотски, всё потерять... Снова потерять! Он же не сможет жить без Леры... Он провёл с ней сутки (целые сутки? всего лишь сутки?), которых было достаточно, чтобы понять — зависимость от этого наркотика вырабатывается моментально. В Лерино отсутствие у него начиналась самая настоящая жестокая ломка...

Мелькнула, но тут же пропала предательская мысль — а не специально ли он сам отказался от неё, сам заставил уйти, поставив перед выбором — потому что подсознательно боялся, что она бросит его первой? Слишком уж хорошо всё было, слишком идеально для того, чтобы оказаться правдой. А ведь китаёза ничего ему не обещала и не гарантировала. Она даже ни разу не дала понять, что хочет остаться с ним навсегда — только выслушивала его невнятные мечтательные бредни и снисходительно улыбалась. И замок будущей совместной счастливой жизни, который он мысленно уже выстроил в своём воображении, оказался без твёрдой основы и был безжалостно поглощён зыбучими песками... Лера любила его, в этом у Макса не было никаких сомнений, любила — и всё-таки не верила в них, как в пару. Никогда не верила, потому и не хотела строить далеко идущих планов. Что там он ей болтал?.. Свадьба? Дети? Господи, ну и болваном, должно быть, в её глазах он выглядел.

Уже перед самым рассветом Макс тяжело опустился на кровать, поняв, что окончательно проиграл.

“Лера не придёт, — сказал он себе. — Не придёт. Так тебе и надо, кретин! Вот и живи теперь с этим”.

Он забыл напомнить накануне, чтобы в номере сделали уборку: персонал в Индии не слишком заморачивался на этот счёт, если постояльцы их сами не приглашали. Постель всё ещё хранила следы присутствия Леры, аромат её духов и их любви. Он прижал к себе подушку, втянул носом знакомый запах...

Что-то тихонько звякнуло, упав с кровати на пол. Макс приподнял голову, наклонился посмотреть... и чуть не взвыл от бессилия.

Это оказался кулон на цепочке — виолончель из белого золота. Лера забыла его под подушкой. Сняла вчера, чтобы не мешал...

Макс сжимал в кулаке это неброское, но оригинальное украшение, и задыхался от

душивших его отчаянных слёз.

Он, конечно, оставил записку с номером телефона для Леры на ресепшн. На случай, если она всё-таки придёт к нему в отель — и не застанет. Ему же самому больше не было смысла торчать в Гоа и безуспешно пытаться найти “девушку без адреса”, как Паша Гусаров разыскивал свою Катю Иванову*.

На смену тоскливому, раздирающему душу отчаянию пришла яростная злость. На себя, меньше — на Леру, а больше всего — на идиотизм ситуации в целом. Можно было бесконечно искать правых и виноватых в случившемся — а толку-то?.. Сказанного не вернёшь, былого не исправишь. Да, конечно, Макс погорячился, он и сам это знал, но неужели он не заслуживал понимания и снисхождения? Интересно, как отреагировала бы сама Лера, если бы на своих концертах Макс запросто лапал хорошеньких скрипачек из оркестра за задницы и оглаживал им сиськи? Противоречивые мысли буквально раздирали его на части. Чёрт, надо было всё-таки съездить Игорьку по самоуверенной наглой физиономии... Но, снова и снова воскрешая в памяти тот эпизод, Макс с горечью убеждался, что Лере это бы определённо не понравилось. Она-то не видела в произошедшем ничего предосудительного и спохватилась лишь тогда, когда поймала шокированный взгляд Макса...

Но, конечно же, он перегнул палку с этим ультиматумом. Пытаясь найти оправдание своему поступку, эгоистичному порыву подмять Леру под себя, поставив её перед сложным, практически невыносимым для неё выбором, Макс ощущал себя настоящим самодуром. Но разве, опять же, он был не прав?! Разве профессия модели — это на всю жизнь?.. Ну неужели она сама не видит, что это путь в никуда? Не хочет достичь в жизни чего-то большего?

Об ответах на эти риторические вопросы можно было спорить бесконечно, но в глубине души Макс подозревал главное: они с Лерой так и останутся по разные стороны баррикад. Он пошёл на принцип, она тоже упёрлась... Странно было бы ожидать, что девушка внезапно изменит своё решение в угоду ему и скажет: “Ну хорошо, я всё поняла, немедленно ухожу из модельного бизнеса!” Тем более странно было бы думать, что со временем Макс поймёт и примет своеобразие этих... профессиональных... отношений. Наоборот! Чем больше он думал об этом, чем больше вспоминал насмешливо-пренебрежительное лицо Лериного директора (и особенно — его руку на её груди!), тем больше его трясло от злости и ревности. Возможно, для неё действительно в порядке вещей такие взаимоотношения с коллегами. Возможно, её всё устраивает. Да вот только сам он никогда к подобному не привыкнет! Так что, может быть, и правда к лучшему было — разорвать всё прямо сейчас?.. Они бы убили друг друга. Просто убили. Спалили бы в огне ревности, недоверия и взаимных претензий.

Он уговаривал сам себя. Утешал. Убеждал и успокаивал. Внушал себе, что, конечно же, спокойно сможет прожить без Леры — в конце концов, жил ведь он без неё как-то эти шесть лет?!

“А разве это была жизнь?” — ехидно спрашивал внутренний голос. Чёрт бы его побрал...

*Отсылка к советской лирической комедии Эльдара Рязанова “Девушка без адреса”

(1957); главные роли в фильме исполнили Светлана Карпинская и Николай Рыбников.

Покинуть Индию ему удалось далеко не сразу.

На рейс “Гоа — Дели” Макс попал очень удачно, а вот билет из Дели до Лондона сумел взять с большим трудом: ближайший самолёт улетал по расписанию только через восемь часов, так что всё это время Макс провёл в аэропорту, в зале ожидания. Выходить в город не хотелось. Впрочем, не хотелось вообще ничего — ни долгого, почти десятичасового, перелёта, ни возвращения в Лондон, ни предстоящего концерта в честь юбилея принца Чарльза, если Макс всё-таки успеет. Пожалуй, единственное, от чего он сейчас не отказался бы — так это от того, чтобы самолёт попал в авиакатастрофу. Быстрая, гарантированная смерть... и больше никаких проблем, боли и переживаний. Никогда... Макс поймал себя на мысли, что вот уже несколько минут всерьёз размышляет об этом.

Он сидел на неудобном жёстком сиденье, пристроив на соседнем свою виолончель, и время от времени отхлёбывал из бутылки “Old Monk”*. Следовало, конечно, ещё и поесть — хотя бы немного... но, несмотря на то, что во рту у Макса не было ни крошки уже почти сутки, его мучило при мысли еде, и он продолжал тупо накачиваться спиртным.

Становилось легче. Действительно, легче — словно потихоньку действовала анестезия. Притуплялись эмоции, размазывалась боль, затуманивалось сознание. Он бы поиграл сейчас на виолончели, чтобы успокоиться, но понимал, что, скорее всего, подобная художественная самодеятельность не вызовет восторга у сотрудников аэропорта.

— Ничего, моя девочка... — невнятно пробормотал он, поглаживая футляр музыкального инструмента. — Потерпи ещё немного, скоро мы будем дома.

Макс не сразу заметил, что напротив него остановилась какая-то девушка. Он с трудом сфокусировал на ней взгляд. Типичная “просветлённая” европейка, воображающая себя фанаткой Индии и знатоком местной культуры: хлопковая куртка со свастикой, просторные шальвары, куча фенечек на тонких загорелых руках, в курносом носу колечко, на лбу бинди.**

— О, боже мой! — восторженно воскликнула она по-английски, хватаясь руками за щёки. — Я не верю своим глазам! Сам Макс Ионеску?! Здесь?

Пришлось растягивать губы в ответной приветливой улыбке и сдержанно кивать. Но девушка всё никак не могла успокоиться.

— Невозможно поверить... вот это встреча!

Не спрашивая разрешения, она плюхнулась рядом с Максом на соседнее сиденье.

— Я — ваша огромная поклонница! Побывала практически на всех ваших выступлениях: и в дуэте с Эндрю, и на сольных!

— Потрясающе...

— Вы тоже летите в Лондон? Какое совпадение! Хорошо отдохнули?

— Просто замечательно.

— Ой, Макс, — спохватилась она вдруг, стянула с плеча свой холщовый рюкзак и полезла в него, шурша какими-то пакетами и бумажками. — Вы не дадите мне автограф?

— Без проблем, детка, — отозвался он, надеясь, что так она быстрее отстанет от него и уйдёт.

Кое-как нацарапав на коленке традиционное пожелание: “Эмили от Макса Ионеску — с любовью и пожеланием счастья!” (полная ерунда, конечно, какая там “любовь”, но фанаточки неизменно визжали от восторга), он вернул ей ручку и записную книжку.

Девушка устала на его руки, как заворожённая.

— Как вы играете... — выдохнула она с восхищением. — Это самое красивое зрелище в мире. Можно смотреть бесконечно, как на огонь...

Макс, неопределённо хмыкнув, упёрся взглядом в вырез её курты. Грудь у Эмили взволнованно вздымалась — девушка всё ещё не могла окончательно уверовать в то, что повстречалась лицом к лицу со звездой, со своим кумиром.

— Нравлюсь? — спросил он насмешливо.

— Очень, — благоговейно выдохнула она. Макс поднял руку и чуть-чуть сжал пальцами щеку девушки. То ли ласка, то ли грубость... Эмили, кажется, забыла даже, как дышать. Он взял её за подбородок и развернул к себе — глаза в глаза.

— А вот так тебе тоже нравится?

Девушка пропищала что-то маловразумительное — похоже, от эйфории ей напрочь отключило мозги. Тогда Макс притянул её к себе и впился в губы поцелуем — нахально, почти агрессивно, бесцеремонно вторгшись языком к ней в рот. И вот тут Эмили, наконец, опомнилась.

— Нет... Макс... мистер Ионеску, пожалуйста! — слабо запротестовала она. И только после этого спохватился и он сам.

“Что ты творишь, придурок?!” — пронеслось у него в голове. Резко отпрянув от девушки, Макс едва сдержался, чтобы не вытереть губы ладонью.

— Извини, — выговорил он с запинкой. — Я просто... немного перебрал.

Господи, ну куда его понесло, зачем? Кому, и главное, что он хочет доказать? Себе: “Я мужик, у меня есть яйца”? Лере: “Видишь, косоглазая, я без тебя не пропаду”? Идиотизм...

Ошеломлённая девушка мигом подтянула свой рюкзак за лямки — и через секунду её как ветром сдуло. Напугал девчонку, сволочь, мысленно констатировал Макс. Злился он исключительно на свой поступок, а что касается Эмили... он не испытывал ни стыда, ни раскаяния, ни досады по её поводу.

Сердце молчало.

Ему было просто всё равно.

*“Old Monk” (“Старый монах”) — марка тёмного индийского рома. Выдерживается семь лет, в отдельных случаях — двенадцать. Напиток имеет ванильно-шоколадный запах и вкус. Одна из наиболее популярных марок рома в мире.

**Свастика — вопреки распространённому заблуждению, этот символ не был придуман нацистами. Свастика является одним из самых древних и широко распространённых графических символов ещё с 8 века до н. э. Свастика в Индии традиционно рассматривалась как солярный знак — символ жизни, света, щедрости и изобилия. Была тесно связана с культом бога Агни. О ней упоминается в “Рамаяне”. Широко используется джайнистами и последователями бога Вишну. На севере Индии в настоящее время свастика используется в индуистских ритуалах, маркирующих начало (рождение, свадьба);

бинди — буквально, “точка” или “капля” на хинди. В индуизме — знак правды; цветная точка, которую рисуют в центре лба, так называемый “третий глаз”. Интерес хиппи-движения к Индии привёл бинди в Европу и Америку, где оно из спиритуального символа превратилось просто в модную деталь.

В самолёте Макс уловил встревоженный взгляд стюардессы, неосторожно брошенный в его сторону, несмотря на то, что она залакировала его дежурной вежливой улыбочкой. В

принципе, её вполне можно было понять: пьяный на борту — это куча сложностей, будь он хоть трижды знаменит и популярен. Должно быть, бедняжка уже предвидела кричащие заголовки СМИ: “Во время рейса “Дели — Лондон” известный виолончелист заблевал весь салон самолёта и перепугал остальных пассажиров!” Могли бы, между прочим, вообще снять его с рейса — вот это был бы номер...

Виолончель, как обычно, путешествовала с Максом полноправной пассажиркой — по отдельному билету, на соседнем кресле, крепко пристёгнутая ремнями. Да, это всякий раз влетало в копеечку, но к ручной клади инструмент нельзя было отнести из-за внушительных габаритов, а сдать в багаж — означало гарантированно погубить, грузчики запросто могли швырнуть футляр с виолончелью с высоты трёх-четырёх метров.

Перед тем, как отключить телефон, Макс набрал номер Андрюхи. Это нужно, необходимо было сделать. Он мог бы позвонить ещё раньше, но не хотел делать этого до тех пор, пока не окажется в самолёте, чтобы быть уверенным: рейс вылетает вовремя, без задержек и проволочек. Слишком жестоко было бы дарить Андрею напрасную надежду, а затем снова отменять всё и извиняться...

— Да?! — гаркнул в трубку его друг. — Где ты?.. — и приправил непечатным выражением.

— Я в самолёте. Думаю, что приеду прямо на выступление, — стараясь говорить как можно более трезвым голосом, произнёс Макс. — Домой заехать уже не успею, если не трудно, захвати, пожалуйста, мой концертный костюм.

— Только попробуй опоздать, сука, — мрачно проговорил Андрей, и по его тону было понятно, что он на грани. — Потому что, если из-за тебя сорвётся концерт... оправданием может послужить только то, что ты сдох. Поверь, я тебе сам это с удовольствием устрою.

— Радикально. Может, хотя бы просто руку мне сломаешь? Сломанная конечность — тоже оправдание, не такое убедительное, разумеется, но...

— Дошutiшьcя, мудила, — прошипел Андрей и бросил трубку. Но нет, Максу было совсем не до шуток.

Стюардесса напрасно беспокоилась: почти весь полёт Макс проспал. За час до приземления всё-таки проснулся, выпил чашку чёрного кофе, затем пошёл в туалет и более-менее привёл себя в порядок. Одноразовая зубная щётка и паста, выданные авиакомпанией, оказались очень кстати: он почистил зубы и тщательно умылся, хотя видок у него всё равно оставался изрядно помятым, да и разило от Макса, вероятно, как из винного погреба. Странно, но при этом он почти не ощущал похмелья — голова болела, однако в мыслях царил полная ясность. Макс был сосредоточен на предстоящем концерте и принципиально не думал о посторонних вещах. Даже о Лере. Особенно о Лере... Всё, хватит ныть, сказка кончилась, наступили суровые будни, и сейчас ему следовало держать в голове только одно, а именно — шестидесятилетие его королевского высочества.

— Может, вы всё-таки перекусите? — заговорщически наклонившись к нему, проворковала стюардесса, кажется, безумно благодарная ему за то, что он не доставил ей никаких хлопот. — Вы же и обед пропустили, и ужин...

Макс прислушался к ощущениям собственного организма. При мысли о любой пище по-прежнему мутило, поэтому он просто попросил себе ещё кофе.

После того, как самолёт приземлился в аэропорту Хитроу и пассажиры устремились к

выходу по узким проходам между креслами, Макс почувствовал, что кто-то подёргал его за рукав. Обернувшись, он увидел позади себя ту самую девчонку... кажется, Эмили, которая просила у него автограф в Дели. Ей-то что опять надо, подумал он, внутренне заранее напрягаясь.

— Макс... мистер Ионеску... можно вас на пару слов? — выговорила она, краснея. Он постарался скрыть досаду.

— Только если действительно на пару. У меня важное мероприятие, боюсь опоздать.

— Нет-нет, дело одной минуты! — заверила она. В этот момент они уже вышли из самолёта, вежливо попрощавшись с членами экипажа, и оказались в “рукаве”. Эмили семенила рядом с Максом, приноравливаясь к его широким шагам. Он молча ждал, что она ему скажет, мысленно готовясь ко всему: к признанию в любви, к просьбе предоставить бесплатный билетик на концерт, к угрозам и обвинениям в харрасменте, к наглому шантажу...

— То, что произошло в Дели... — начала она, запнувшись. — Вы не переживайте, я не буду болтать! И не стану сливать информацию в бульварные издания, честное слово! Да я вообще не скажу никому ни слова.

— Спасибо, конечно... — хмыкнул он недоверчиво. — А с чего вдруг такая щедрость?

— Ну, я же вижу: у вас что-то случилось. Иначе вы бы не напились и не... — она не стала продолжать. — Честное слово, я всё-всё понимаю и не обижаюсь на вас, ни капли не сержусь. Может... может быть, вам нужна какая-нибудь помощь? Я могу что-нибудь сделать для вас?

Макс сглотнул ком в горле. Впервые за эти пару дней кто-то заговорил с ним с жалостью, сочувствием и пониманием, и это ударило буквально наотмашь. Да, он был кругом виноват: перед Лерой, перед Андреем, перед Наденькой, перед этой девочкой... Макс больше не искал себе оправданий, но... тем неожиданнее и пронзительнее было узнать, что кому-то небезразлично — что сейчас происходит у него в душе. Что его боль для кого-то — не пустой звук, что этот кто-то пытается разделить её с ним и предпринимает неуклюжие попытки хоть как-то помочь, чтобы облегчить его страдания.

— Вы, наверное, нелестного мнения о своих фанатках... — продолжала между тем она. — Думаете, что мы готовы на всё ради того, чтобы прыгнуть к вам в постель... но это не так! — её голосок дрожал от волнения. — То есть, среди нас разные встречаются, конечно, есть и правда такие, которые хотят просто получить “доступ к телу”... Но мне не это от вас надо, поверьте! На самом деле, я вас очень-очень уважаю!

Эта пламенная сумбурная речь почти до слёз растрогала Макса. Он остановился, приобнял девушку за плечи и с признательностью взглянул ей в глаза.

— Спасибо тебе, Эмили... Ведь тебя зовут Эмили, верно?.. Ты права — у меня просто был не самый удачный день, поэтому я и повёл себя как свинья. Прости меня за это. Но уверяю: я не думал и не собираюсь думать плохо о своих поклонницах. Я вас всех обожаю. Серьёзно!

Она расцвела широкой счастливой улыбкой.

— Спасибо и вам... спасибо за вашу музыку. За то, что дарите людям столько радости! Вы делаете этот мир лучше и счастливее. Я обязательно и дальше буду посещать все ваши выступления!

Что ж... если самооценка Макса после тяжёлого расставания с Лерой и телефонного разговора с Андреем и опустилась до уровня “ниже плинтуса”, то разговор с этой милой

искренней девчушкой вселил в него чуть-чуть необходимой уверенности в собственных силах. Это было именно то, что нужно перед грядущим концертом...

Лондон встретил его слякотью и дождём: ноябрь...

После солнечной, жаркой, разноцветной Индии казалось, будто Макс прилетел на другую планету. Одно хорошо — таксисты в Англии не были так же болтливы, как их индийские коллеги: те тараторили без умолку, закидывая его простодушными вопросами: “Откуда вы, сэр? Вам нравится Индия? Вы музыкант? А что это у вас там в футляре — гитара или скрипка?”

Концерт должен был состояться в резиденции принца Чарльза — Сент-Джеймском дворце. В такси всю дорогу Макс хранил медитативное молчание, привалившись горячим лбом к прохладному стеклу, залитому дождём и оттого не позволяющему видеть чёткую картинку снаружи. Впрочем, именно это Макс сейчас и было нужно, чтобы погрузиться в себя и сосредоточиться, ни на что не отвлекаясь.

Во дворец его пропустили на удивление легко, никаких дотошных проверок и унижительных обыскиваний — то ли узнали в лицо, то ли догадались по футляру с виолончелью. Он успел купить себе мятную жвачку в аэропорту, но всё равно опасался, что его могут тормознуть ещё на входе, на стадии фейс-контроля, приняв за какого-нибудь алкаша из подворотни.

В зале уже заканчивался генеральный прогон — Андрей репетировал с Лондонским симфоническим оркестром. Макс тихонько опустился на одно из зрительских кресел, чтобы не отвлекать музыкантов, и, закрыв глаза, попытался настроиться на предстоящий концерт. Он всё помнит... всё знает... всё сыграет! Должен сыграть, чёрт возьми!

— Не желаете ли шампанского? — возле него материализовался безупречно вышколенный официант с подносом. Макс отрицательно покачал головой. Вот только шампанского ему сейчас и не хватало... Хотя он бы не отказался от горячего чая, во дворце было жутко холодно.

Оркестр закончил играть. Завидев издали Макса, Андрей отложил свою виолончель в сторону и двинулся к другу быстрыми шагами. Вид у него при этом был злой и решительный. Макс поднялся ему навстречу, гадая, что тот сделает: плюнет в физиономию? Обложит отборным русским матом?

Реальность превзошла все ожидания — Андрей, не церемонясь, просто с размаху заехал ему по роже. Врезал от души: Макс едва удержался на ногах, даже покачнулся, но всё-таки выстоял, ухватившись за спинку кресла.

Музыканты и несколько человек из обслуживающего персонала потрясённо затихли, но пока не спешили вмешиваться: им было очевидно, что этим двоим нужно урегулировать свой конфликт самостоятельно. Впрочем, работники дворца готовы были вызвать охрану по малейшему сигналу — об этом говорил их настороженно-решительный вид.

— Явился?! — ядовито спросил Андрей. Макс ощупал языком зубы — кажется, целы, спасибо и на этом. Достал из кармана платок, приложил к разбитым в кровь губам.

— Прости.

Что он ещё мог сказать? Андрей был прав, совершенно прав, он на его месте бесился бы точно так же, если не больше.

— “Прости”, бл...ь?! Это все твои объяснения?!

— Знаю, что заслужил. Андрюха, я реально не мог ничего изменить.

— Хотя бы позвонить ты мог заранее, чтобы мы как-то урегулировали ситуацию?

Почему нужно было всё делать в последний момент?!

— Как урегулировали? “Передайте его высочеству, что мы с товарищем решили перенести празднование его юбилея на более удобное для нас время”? Знаю, что я скотина. Но поверь, у меня была причина.

— Причина... — Андрей брезгливо поморщился, почувствовав запах алкоголя. — В данный момент я знать ничего не хочу о твоих причинах, расскажешь мне всё потом... если доживёшь. А сейчас — только попробуй не отыграть концерт, урод. Соберись! Докажи, что ты мужик, а не говно на лопате.

— Я готов играть, только переоденусь, — сказал Макс, пытаясь сохранять спокойствие. — Ты привёз мой костюм?

Андрей, мрачно сопя, молча кивнул. Кажется, напряжение потихоньку его отпускало, но всё равно он пока не мог окончательно расслабиться.

— Покажешь, где? — спросил Макс. Андрей неопределённо махнул рукой.

— Там есть комната, что-то типа гримёрки... Ладно, пойдём, я провожу.

— И ещё хотелось бы взглянуть на окончательный вариант программы, — сказал Макс уже совершенно деловым тоном, концентрируясь на предстоящем выступлении.

Андрей вытянул из кармана сложенный вчетверо и всё равно изрядно помятый лист бумаги, распечатанный на принтере и пестрящий зачёркиваниями, исправлениями от руки и многочисленными сносками. Макс быстро пробежался по списку композиций глазами. На номере девять сердце ёкнуло... но он справился с собой, сделал глубокий вдох и сказал ровным голосом:

— “Титаник” вычёркиваем.

— С какой стати? — возмутился Андрей. — Ты совсем охамел? Это одна из наших лучших вещей!

— Я сказал тебе, что не буду, на хрен, играть этот грёбанный Титаник! — прорычал Макс. В висках запульсировала знакомая боль: номер в отеле... приоткрытая дверь балкона... запах жасмина и роз... обнажённая девушка с распущенными длинными волосами, прижимающаяся к его руке... и музыка, музыка, музыка...

— А какого хера ты тут ставишь условия? — снова завёлся Андрей. — Ты разве в том положении, чтобы что-то мне диктовать? Да ты понятия не имеешь, каких трудов мне стоило тебя отмазать. Какие отговорки и оправдания я для тебя придумывал перед всеми, какие обходные пути искал. Что я, мать твою, пережил и что передумал за эти несколько дней! Ты же не только себя — но и меня подставил бы своей неявкой, а теперь стоишь тут и лепечешь, как невинный младенец, что тебе внезапно разонравилось играть “My Heart Will Go On”! А не пошёл бы ты... знаешь, куда?!

— Я не смогу это сыграть, — сдавленным голосом отозвался Макс. — Андрюха, я серьёзно сейчас. Именно потому, что не хочу тебя подводить... давай не будем, давай возьмём любую другую мелодию, на твой выбор. Я на всё согласен, даже на “Владимирский централ”, бл...!

Андрей хотел ответить что-нибудь поядовитее, но, перехватив странный, совершенно безумный взгляд Макса, осёкся.

— Идиот. Псих придурочный... — проворчал он, тем не менее, уступая и покорно

вычёркивая этот номер из программы.

Концерт открывался пронзительной мелодией “Pie Jesu” Эндрю Ллойда-Уэббера.

Специально для этого номера были приглашены юные солисты знаменитого хора “Libera”. Мальчишки из прихода Святого Филиппа, облачённые в длинные белые одеяния с капюшонами, походили на ангелов — и пение их тоже было поистине ангельским. Макс играл, незаметно смаргивая невольно выступившие слёзы, совершенно захваченный музыкой — и для него не существовало больше ничего в целом мире. Музыка текла по его венам, как кровь, возвращала к жизни, напитывала силой и энергией, успокаивала израненное сердце...

Андрей, немного нервничающий поначалу — всё-таки, Макс прогулял самую ответственную и важную часть репетиций, да и явился на концерт, мягко говоря, не совсем в товарном виде — тоже постепенно успокаивался. Он видел, что друг держит себя в руках, полностью сосредоточен на выступлении и вдумчиво, с большим чувством, исполняет свои партии. Судя по атмосфере, царящей в зале, и по реакции зрителей — концерт получался просто отличным. Даже сам принц Чарльз пару раз позволил себе притопнуть ногой во время особенно зажигательных композиций, хоть это и не было положено ему по статусу.

Они играли “Ave Maria” Шуберта и “They Don't Care About Us” Майкла Джексона, “Nessun Dorma” Пуччини и главную тему из “Лебединого озера” Чайковского...

Завершался концерт мелодией из знаменитого бродвейского мюзикла “Вестсайдская история”. Макс обожал его с детских лет, и сейчас, играя, чувствовал себя так, словно припал пересохшими израненными губами к источнику с живой водой. Он с огромным удовольствием водил смычком по струнам, умудряясь пританцовывать в такт — даже сидя на стуле. Макс давно уже не ощущал неприветливого дворцового холода, на собственных концертах ему всегда становилось жарко: хотелось сбросить дико мешающий пиджак, сорвать бабочку и остаться в одной лишь рубашке, засучив рукава для удобства. Лоб взмок от пота, глаза блестели сумасшедшим отчаянным блеском, а губы подпевали:

— I like to be in America!
O.K. by me in America!
Ev'rything free in America
For a small fee in America!

Это была поистине виртуозная игра — не только его, но и Андрея. Они перехватывали мелодию друг у друга, бросали её партнёру и отбивали, словно мячики для пинг-понга, и делали это легко, ненапряжно, будто шутили и забавлялись. Зрители в зале невольно затаили дыхание, наблюдая за этим необыкновенным поединком виолончелистов, в котором не было победителя, не было проигравшего — а была только эйфория от восхитительной музыки, от прекрасного исполнения, от драйва и бьющей во все стороны энергии молодых людей.

Финальный поклон... овации... и вот уже Макса с Андреем какими-то тайными ходами ведут в Тронный зал, где его высочество в узком кругу лично высказывает им своё восхищение и получает в ответ нескладные, но искренние поздравления с днём рождения... а затем их пытаются напоить-таки шампанским и угостить какими-то изысканными королевскими закусками...

Макс опомнился уже в гримёрной — когда Андрей снисходительно похлопал его по

плечу.

— Я тебя недооценивал. Оказывается, ты умеешь вполне сносно играть, даже когда в дрова.

— Сносно? — возмутился Макс, с облегчением расстёгивая опостылевший ему концертный пиджак. — Да я отыграл божественно, не завидуй! И у меня просто похмелье, так-то, я вовсе не “в дрова”.

— А чего нажрался-то? С горя или с радости? Что там был за вопрос жизни и смерти, из-за которого ты чуть было не забил на концерт? — Андрей улыбнулся, но тревожные нотки всё равно звякнули в голосе.

— Да нет, конечно, не вопрос жизни и смерти... никто не умер, по крайней мере, — туманно отозвался Макс.

— Но что-то ведь произошло? Что-то с Дией?

— Дия?.. — оказывается, Макс о ней совсем забыл. — Нет, конечно. Там другое.

— Ммм... Но я прав — проблемы из-за бабы, верно?

Макс скривился, словно прожевал что-то горькое.

— Она не баба. В общем... Андрюх, давай не будем об этом?

— Слушай, после того, как из-за тебя я потерял лет пять жизни, взамен приобретаю полбашки седых волос... тебе не кажется, что я имею право знать?.. — с укором спросил Андрей.

— Дело не в том, что ты не имеешь права. Просто мне ни вспоминать, ни говорить сейчас об этом не хочется. Но, если совсем вкратце... я встретил свою первую любовь. Мы с ней... с детства знакомы. В школе вместе учились.

— Где встретил? Прямо в Индии?!

— Ну да.

— Как в кино, блин... очуметь можно. И что? — нетерпеливо поторопил он. — “Я встретил вас и всё такое?..”

— Теперь это уже неважно. Главное, сейчас я здесь, всё нормально, всё хорошо...

— Ну, если хорошо... — с сомнением протянул Андрей. — Ладно, поехали поскорее домой. Хочу кошмарно набухаться после такого охрененного стресса! Ты со мной или пас?

— Я с тобой.

— Не сомневался в тебе, алконавт сраный, — фыркнул Андрей. Макс поморщился.

— Сколько бранных слов вместо того, чтобы просто сказать, как ты по мне соскучился... Соскучился ведь? — он криво улыбнулся.

— Не то слово! — Андрей шутливо распахнул ему свои объятия.

В конце года заканчивался их совместный с Андреем контракт. Макс не планировал его продлевать и честно предупредил об этом и друга, и продюсера. Он собирался вернуться в Питер и уже там продолжать свою музыкальную карьеру. Концерты, выступления, записи альбомов, съёмки клипов?.. Всё это прекрасно можно делать и в России. И на гастроли выезжать оттуда же — в любую точку мира.

Не то, чтобы он как-то особенно сильно тосковал — напротив, давно уже считал Лондон своим вторым домом, иногда даже думать начинал по-английски, а не по-русски. Но... в последний месяц ему всё чаще снилось собственное детство. Мама, играющая на рояле. А ещё — питерские крыши, родной двор, знакомый до каждого камушка, изгибы

узких набережных и это сумасшедшее, пьянящее обилие воды...

Во сне Макс снова и снова с замиранием сердца наблюдал за тем, как разводят мосты над величественной Невой. Дрожа от ужаса и восторга, пытался подстеречь призрак княжны Таракановой у Трубецкого бастиона. Взбегал по лестнице своей музыкальной школы на очередное занятие с Дворжецкой. Лакомился обожаемой жареной корюшкой...

И кто-то в этих снах неизменно был рядом. Касался его тёплой, мягкой, доверчивой ладошкой, вложенной в ладонь Макса. “Я тебе доверяю, — словно говорил этот жест. — Я всегда буду держаться за твою руку”. Но, как Макс ни старался — никогда не мог рассмотреть лица...

Андрей тоже не собирался всю жизнь торчать в Англии. Макс уезжал раньше него, но и друг не планировал застревать здесь надолго.

— Мир большой, — сказал он беззаботно, — для начала вернусь в Россию, а там посмотрим, куда меня дальше занесёт.

Макс уже несколько лет исправно вносил свою часть арендной платы за квартиру, но всё равно по привычке считал Андрюху хозяином. Вот и сейчас — съезжал он первым, словно освобождая по требованию занимаемую жилплощадь.

Пока Макс собирал и паковал вещи в своей комнате, Андрей сидел на диване в гостиной, потягивая пиво, и громко отпускал привычные ехидные комментарии в распахнутую дверь.

— Вернёшься под мамино крылышко, остепенишься, поскучнееешь, потолстеешь, женишься... не забудь пригласить на свадьбу, слышишь?

— Я никогда не женюсь, — покачав головой, серьёзно отозвался Макс, продолжая укладываться. До самолёта оставалось несколько часов.

— И правильно! — Андрей издали горячо отсалютовал ему бутылкой. — Я вот тоже не собираюсь жениться в ближайшие... ммм... как минимум, двадцать лет. Сколько свободных аппетитных девочек — и лишиться возможности замутить с ними ради какой-то одной? Ну, нет. Я не согласен! Мой формат: “Только постель, никаких обязательств!”

— Секс-террорист, — усмехнулся Макс. — Я заранее сочувствую всем твоим будущим девушкам.

— Зачем сочувствовать? Порадуйся за счастливиц! К примеру, пункт номер один в моей программе после возвращения в Москву: перетрахать всех балерин Большого театра.

Макс даже поперхнулся от неожиданности, застыв над раскрытым чемоданом.

— А балерин-то почему?

— Это моя прыщавая подростковая мечта!

— Что ж, удачи на этом нелёгком трудовом поприще... Зная тебя, не сомневаюсь, что ты осуществишь то, что задумал.

— А как насчёт тебя? Не хочешь челлендж?* У вас в Питере есть Мариинка...

— Нет, спасибо. Я как-то равнодушен к балету.

За шесть с половиной лет в Лондоне у Макса скопилось не так уж и много вещей, даже странно. Больше всего было кубков, статуэток, дипломов да прочих наград за победы в многочисленных музыкальных конкурсах. Что ещё?.. Одежда, включая костюмы для выступлений, всякие приبلуды для виолончели, несколько десятков компакт-дисков да старенький ноутбук. А ещё нужно было не забыть забрать пан-флейту — память о Пигги, и мраморную фигурку слоноголового бога Ганеши, инкрустированную самоцветами —

подарок Дии. Как ни бесполезны были Максу эти безделушки, он не смог с ними расстаться. Вот, пожалуй, и всё его имущество, всё богатство... Ах, да! Маленькая золотая виолончель на цепочке, бесценное сокровище, которое Макс постоянно носил с собой.

Он с трудом застегнул разбухший чемодан. Весил тот всё же прилично...

— Хочешь, провожу тебя в аэропорт? — предложил Андрюха.

— Да ну тебя. Как будто мы влюблённая парочка, — Макс улыбнулся. — Сам доберусь, спасибо. Хотя, знаешь... я буду по тебе скучать.

Андрей заморгал, изображая, что тронут до глубины души и вот-вот расплчется.

— Мне вся эта сцена до одури напоминает какое-нибудь сентиментальное бабское кино, — он смущённо почесал в затылке. — Вот это вот всё, знаешь... когда два лучших друга прощаются навсегда, и один из них оборачивается у самых дверей, и швыряет на пол свой чемодан, и они бегут друг другу навстречу, крепко обнимаются, хлопают друг друга по спине, и кто-нибудь говорит: “Я люблю тебя, брат!” — а другой отвечает: “Я тоже тебя люблю!” — и все зрители рыдают, рыдают, рыдают...

— Ну уж не дождёшься, я не стану швырять чемодан и тем более признаваться в любви, — фыркнул Макс. — Но мне реально будет не хватать тебя и твоих дебильных шуточек.

— Как ты смеешь называть мой тонкий искромётный юмор дебильными шуточками? — Андрей сделал вид, что оскорбился.

— Ну, а как ещё это назвать?.. Что ты позавчера заявил на шоу Грэма Нортонa? ** Кажется, что твоя эрогенная зона — это четвёртый палец на левой ноге? — Макс не выдержал и захохотал, выкатывая чемодан из спальни в гостиную.

Такси уже ждало внизу. Макс посмотрел на часы, а затем неуверенно перевёл взгляд на друга.

— Ну... пока, что ли?

— Учти, что я намереваюсь приезжать к тебе в Питер всякий раз, когда мне не с кем будет душевно бухнуть! — честно предупредил Андрей. — Расстояние-то смешное...

— Я всегда буду тебе рад, — серьёзно произнёс Макс.

У самых дверей он всё-таки приостановился, обернулся... и сделал вид, будто бежит к Андрею, как в замедленной съёмке, распахнув объятия.

— Да пошёл ты, придурок! — заржал Андрюха, отмахиваясь. — Так и знал, что ты непременно отчебучишь напоследок что-нибудь в этом духе!

— Скажи спасибо, что я не стал при этом вопить: “And I will always love you...” и кидаться тебе на шею со страстными поцелуями, изображая финальную сцену “Телохранителя”! *** — засмеялся и Макс.

Андрей сконфуженно отвёл взгляд.

— Чёрт, выметайся уже поскорее отсюда, а? У меня аж в носу зашипало. Я, конечно, порыдаю внаглую, но только не в твоём присутствии. Не хочу, чтобы ты был свидетелем моей маленькой слабости.

Макс снова от души засмеялся, шутливо двинул ему напоследок кулаком в плечо, подхватил одной рукой футляр с виолончелью, а другой — чемодан, и, больше не оглядываясь, вышел за дверь.

*Челлендж (от англ. challenge) — вызов, в контексте словосочетания “бросить вызов” или “принять вызов”.

**Шоу Грэма Нортон (англ. ”The Graham Norton Show”) — британское комедийно-развлекательное ток-шоу канала Би-Би-Си. Ориентировано на взрослую аудиторию. В шоу, наполненном острыми шутками и талантливыми розыгрышами, принимают участие известные киноактёры, певцы, музыканты и фотомодели. В конце зрителей неизменно ждёт живое музыкальное выступление.

***Имеется в виду фильм Мика Джексона 1992 года с Кевином Костнером и Уитни Хьюстон в главных ролях. Макс цитирует строчку из знаменитой песни, звучащей в финале фильма, которая в переводе с английского означает: “Я всегда буду любить тебя”.

А в Питере шёл снег...

Макс не успел на встречу Нового года, но вернулся домой аккурат к Рождеству. Город его детства выглядел сейчас светлым, чистым и словно принарядившимся к празднику. А ещё — каким-то спокойно-торжественным, величественным и одновременно добродушным.

Макс вышел из такси в своём дворе, остановился и, запрокинув голову, посмотрел на окна родной квартиры. Он не стал говорить матери точное время прилёта — не хотел, чтобы она суетилась, беспокоилась и ехала встречать его в аэропорт. Представил, как сейчас она удивится и обрадуется... На душе потеплело.

Таксист уже уехал, а Макс всё стоял и стоял возле парадной, не в силах сдвинуться с места. Чемодан у ног, футляр с виолончелью на спине: всё своё ношу с собой... Постепенно темнело, окна его дома приветливо вспыхивали одно за другим, как огоньки на новогодней ёлке. Впрочем, и ёлки тоже были — их можно было разглядеть в некоторых квартирах даже с улицы, через неплотно задёрнутые шторы.

Ему вдруг вспомнился такой же заснеженный зимний вечер. Макс тогда провожал Леру домой после концерта в музыкальной школе. Впервые они не ругались, не цепляли друг друга обидными словами и не подначивали, провоцируя очередную ссору — а просто разговаривали, с удивлением и радостью узнавая друг друга, будто только что познакомились. На Лерино лицо плавно опускались крупные мохнатые снежинки, таяли на щеках и оседали инеем на бровях и ресницах... Он в тот момент впервые поймал себя на странном желании — приблизиться и осторожно, тихонько, нежно-нежно подуть девчонке в лицо.

Лера... Его любовь. Его непрекращающаяся боль. Сколько бы времени ни проходило, а тяга к ней не ослабевала. Да, постепенно становилось легче дышать, легче вспоминать, легче принимать рассудком всё, что произошло между ними. Но его по-прежнему влекло к ней — до зубного скрежета, до прикушенных до крови губ, до огня, закипающего в крови в ту же секунду, когда он вспоминал её — обнажённую, в своих объятиях... А может быть, это просто страсть, зов плоти, не имеющий никакого отношения к любви? Он не раз задумывался об этом. У них с Лерой была прекрасная дружба и отличный секс, но, когда они пытались строить отношения, как влюблённая пара... оба терпели полное фиаско. Разве любовь может быть такой беспощадной и уродливой, требовательной и опустошающей до предела?

...Он ведь нашёл её в одной из соцсетей вскоре после возвращения из Индии. Аккаунт был зарегистрирован не так уж давно, если судить по активности Леры в сети. Несколько профессиональных снимков — студийных и с модных показов, пара фотографий с

подружками в кафе, коттики-цветочки... короче, типичная страничка молодой, привлекательной и жизнерадостной девушки.

Макс долго думал, что ей написать, и с отчаянием понимал, что просто не найдёт, не подберёт сейчас нужных и правильных слов, которые следует произносить, только глядя в глаза своему собеседнику... Поэтому его сообщение вышло кратким, почти тезисным.

“Лера, нам нужно встретиться и спокойно поговорить. Я был неправ. Прости меня, китаёза. Я тебя очень люблю”.

На следующее утро, так и не получив ответа, Макс снова попытался зайти на её страничку и обнаружил, что пользователь Valeria Bogdanova отправил его в чёрный список.

Вот и вся любовь...

Сейчас же Макс снова видел перед собой её лицо, как наяву: не взрослой Леры, успешной красавицы-модели, а той самой девчонки, ближе которой у него не было никого на свете. Девчонка улыбалась — чуть лукаво и даже вызывающе, раскосые глаза смотрели внимательно и тепло...

— Уйди, Лера, — попросил он, сам не замечая, что говорит вслух. — Отпусти меня, пожалуйста.

Отпусти...

В Лондоне он даже сходил один раз к психологу в надежде: а может, случится чудо и ему сумеют помочь? Расскажут, как можно выжить без любимого человека, который больше не хочет иметь с тобой ничего общего?

— Ваша проблема в том, что вы до сих пор мысленно не отпустили эту девушку, — сказал специалист. — На словах — да, сами попросили её уйти. Но отпускать — это отдельное искусство, им сложно овладеть.

— Сложнее, чем научиться играть на музыкальном инструменте? — пошутил Макс.

— Гораздо. Отпустить возможно лишь то, что вы однажды безоговорочно приняли. Запомните, принимать можно только абсолютно и безусловно. Признаваться честно: если было очень хорошо, то оно было. Если страшно, больно, тревожно или стыдно — тоже было. Если некрасиво, мерзко, отвратительно — всё равно, и оно тоже с вами было! Нужно прожить всё это, приняв и проявив: через смех, крик, слёзы...

— Или через игру на виолончели? — хмыкнул Макс.

— В том числе. Поймите, не отпустив старое, невозможно построить новое. Как завязать новые отношения, если мысленно продолжать цепляться за бывших любовников? Как устроиться на новую работу, не уйдя с предыдущей? Отпустить — не значит торговаться или допытываться, кто прав, кто виноват, как теперь с этим жить и что делать. Важен лишь факт, что это было в прошлом. Теперь этого нет. Всё!

Но разве Леры больше не было в его жизни? Да, физически они не остались вместе, но он постоянно ощущал рядом её присутствие. На концертах неосознанно искал взглядом её лицо среди зрителей в зале. Помнил запах её волос, звук её дыхания, вкус её кожи...

— Это и в самом деле непросто, — признался Макс. — Всё-таки, зачеркнуть всё, что было...

— Нет-нет, ни в коем случае не зачёркивать, вы не совсем верно меня поняли, — психолог покачал головой. — Не обесценивать. Не выкидывать в мусорное ведро, не сжигать, делая вид, что ничего не было. Выброшенное и сожжённое оставляет

незаполненную пустоту в душе. Ушедшее в прошлое, но не отпущенное до конца болит при каждом прикосновении. Кое-как залатанные пробоины в сердце в конце концов не выдержат и прорвутся вновь.

— Понимаете, я очень её обидел...

— Понимаю. Но ваша реакция была естественной. Вам было больно, вы причинили боль в ответ.

— Разве это естественно? — Макс недоверчиво ухмыльнулся. — А как же — “подставь другую щёку” и всё такое?

— Если вы забиваете гвоздь и нечаянно ударяете молотком по пальцам, какова ваша реакция?

— Ну, какая... стандартная. Швыряю молоток, ору и матерюсь, — он пытался неловко шутить.

— Вот именно. То же самое в отношениях — в ответ на боль вы “отбрасываете” от себя её источник... и ругаетесь.

Макс опустил голову, уставившись себе под ноги, машинально взъерошил обеими руками волосы... дурацкая мальчишеская привычка, от которой он до сих пор не мог избавиться. Затем поднял глаза на психолога.

— Так что же мне делать?

Тот вежливо улыбнулся.

— Учитесь отпускать, это единственный уместный совет в данной ситуации. Зачерпните из себя — вдохом, и выпустите из себя — выдохом. С нежностью. Принятием. Благодарностью. Всё, что было с вами, было важно. Не плохо или хорошо, просто важно. Но оно прошло.

Почему слова психолога вспомнились ему именно сейчас, когда он стоял во дворе родного дома, ощущая, как опускаются на лицо пушистые хлопья снега? Может быть, потому, что Макс впервые почувствовал реальную готовность отпустить?..

Образ Леры всё ещё стоял перед глазами.

— Если я тебя отпущу — ты тоже это сделаешь? — спросил он неуверенно.

Она помахала ему пушистой варежкой — смешная, косоглазая, нелепая, любимая китаёза... Помахала — и исчезла.

Макс наклонился, набрал в ладонь горсть свежего снега и отправил себе в рот. Как в детстве.

Проглотил. Глубоко вдохнул. Зачерпнул Леру из груди, из самого сердца, со дна души. И — выдохнул. Наконец-то принимая и отпуская.

С любовью и нежностью...

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Москва, два года спустя

— Ну, где ты там? — голос Андрея в трубке буквально звенел от нетерпения.

— Застрял в пробке на Большой Никитской, аккуратно напротив консерватории.

— Слушай, ты издеваешься? Тебе проще отпустить такси и дойти пешком. До Газетного переулка — два шага!

— Ну, это ты у нас столичный мажор, а я человек приезжий, если не сказать — провинциальный, ещё потеряюсь в этой вашей Москве... — пошутил Макс.

— Кончай придуриваться. Короче, давай, я сейчас выйду тебе навстречу, точно не заблудишься! — решительно произнёс Андрей.

— Да ладно уж, сиди, где сидишь. Топографическим кретинизмом я вроде не страдаю, да и классику читал, сориентируюсь.

— Не понял... при чём тут классика?

Макс засмеялся.

— Эх, ты, темнота! Угол Герцена и Огарёва — место, где Виктор назначил первое свидание Гелене... * Ай, ладно, отомри, не бери в голову. Я сейчас подскочу!

Андрей ждал его в новомодном итальянском ресторане, об открытии которого несколько месяцев назад кричали все СМИ. Откровенно говоря, Макс предпочёл бы посидеть с другом в каком-нибудь более непритязательном месте — например, в пабе: попростому, за кружкой хорошего разливного пива, как в старые добрые студенческие времена.

Они не виделись с Андрюхой целый год. Всё как-то не получалось пересечься. То у одного гастроли, а у второго — турне, плюс бесконечные интервью, съёмки, приглашения судействовать в музыкальных конкурсах... Они, конечно, регулярно созванивались, иногда даже по скайпу, чтобы не забыть друг друга в лицо. Но это было не то же самое, что живое общение. Им здорово не хватало друг друга.

В этот раз всё получилось практически спонтанно: у Макса было выступление в Венском Концертхаусе. Билетов на прямой рейс до Петербурга не осталось, и из Австрии пришлось лететь через Москву. Узнав о том, что друг будет проездом в столице, Андрей уговорил его задержаться хотя бы на сутки. Подумав, Макс согласился — соскучился, да и торопиться ему, в общем, было некуда.

Он сразу же завидел высоченную фигуру друга при входе в ресторан. Андрюха почти не изменился, оставаясь таким же холёным красавчиком, только ещё больше возмужал. Этаким нордический тип: светлые прямые волосы, голубые глаза, широкие плечи... При виде шагающего по тротуару Макса он обрадовался, как мальчишка, замахал руками, чуть ли не запрыгал — это было смешно, нелепо, и в то же время мило и неожиданно трогательно. Кажется, Макс стал сентиментальным, как девица...

Друзья крепко обнялись, не скрывая неподдельной радости от встречи.

— Сволочь! Я и не представлял раньше, что мне будет так тебя не хватать, — признался Андрей, сияя.

— Чёрт, ты меня раскусил: на самом деле, я ведь приворожил тебя, ещё когда мы жили в Англии, — сдохмил Макс в ответ.

— У меня для тебя сюрприз, — видно было, что Андрея прямо-таки распирает от

секрета, которым ему не терпелось поделиться.

— Мне уже заранее страшно.

— Не бойся, всё в рамках закона. Пойдём... это там, внутри, — он кивнул в сторону ресторана, открывая дверь и жестом приглашая Макса следовать за собой. — Ну, как ты, в целом?

— А ты-то как?

— Расскажу... всё расскажу... чёрт, я безумно рад тебя видеть! Раздевайся скорее! — Андрей чуть ли не силой стащил с друга пальто, кинул его на стойку гардероба и тут же потащил Макса за собой через весь зал, почему-то украшенный красными воздушными шарами в виде сердечек. Ах, да, вспомнил Макс, завтра же — четырнадцатое февраля, день всех влюблённых, так их растак...

— Наш столик — вон там, у окна, — махнул рукой Андрей.

За столом уже кто-то сидел. Женщина...

Макс хотел было удивиться, перевёл недоумевающий взгляд на Веселова, затем снова посмотрел в указанном им направлении... и вдруг ему стало трудно дышать.

Это и есть Андрюхин сюрприз?!

Всё перемешалось и спуталось у Макса в голове, а сердцу моментально стало тесно в грудной клетке — оно билось с такой силой, точно пыталось выскочить наружу. Оно реагировало так только на одного человека в целом мире... На Леру. Китаёзу. Его косоглазую...

Именно она и сидела сейчас за столом, к которому так упорно тянул его друг.

Как Андрей это устроил? Он же ничего не знал про их с Лерой отношения... Как он нашёл её? Для чего организовал их встречу? Что вообще всё это значит? Миллионы вопросов бушевали и взрывались в его сознании, пока он беззвучно глотал ртом воздух, и в этот самый миг Андрей торжествующе произнёс:

— Макс, знакомься! Это Валерия — моя девушка. Хотя нет, точнее будет сказать не просто “девушка”, а невеста. Будущая жена.

*Имеются в виду герои пьесы Леонида Зорина “Варшавская мелодия” (1967). Улица Герцена — ныне Большая Никитская, улица Огарёва — старое название Газетного переулочка в Москве.

О том, что Андрюха влюбился, Макс догадался ещё пару месяцев назад. Вернее, друг и не скрывал, что крепко запал на кого-то, но впервые на своей памяти Макс слышал столько воодушевления и восторга в голосе Веселова по поводу девчонки. Кто-кто, Андрей?! Который с жаром уверял, что никогда в жизни не променяет холостяцкую свободу на брачный хомут? Серьёзно?..

— И кто же она? — насмешливо спросил Макс во время очередного дружеского созвона. — Что за принцесса? Как её зовут, чем занимается?

— Она... — голос Андрея был до неприличия счастливым и оттого каким-то бестолковым, даже глупым. — Чёрт, аж страшно рассказывать.

— Моего дурного глаза боишься? — поддел Макс.

— Да нет, не в сглазе дело... Понимаешь, реально иногда кажется, что мне всё это просто снится. Вот так очнёшься однажды — а ничего на самом деле и нет... Мне никогда в жизни не было так кайфово с девушкой, понимаешь?

— Ну вот, — Макс укоризненно вздохнул. — А ты ведь обещал когда-то, что твоё сердце будет принадлежать только мне одному... Коварный обманщик и подлый обольститель!

— Слушай, когда ты будешь в Москве? — перебил Андрей.

— Да пока вроде не стоит в ближайших планах, а что?

— Просто ты должен лично с ней познакомиться! Уверен, она тебе понравится!

О да. Максу она понравилась...

“Что за хрень?!” — чуть было не вырвалось у него. Будучи совершенно уверенным поначалу в том, что это шутка, один из тех идиотских розыгрышей, которые так любил Андрюха, Макс страшно разозлился. Подстроить ему встречу с Лерой... ничего себе, развлечение! Он оторвёт Андрею башку, честное слово, оторвёт... вот только разберётся поначалу с Лерой. Она-то как купилась на эту провокацию и согласилась подыграть Веселову?

Но, судя по ошарашенному — не меньше, чем, должно быть, у него самого — лицу китаёзы, она тоже была не в курсе этого “гениального” розыгрыша. Во всяком случае, явно не ожидала увидеть Макса. А затем Андрей присел рядом с Лерой и по-хозяйски обнял её за плечи, что не лезло уже вообще ни в какие ворота. Да розыгрыш ли это, чёрт вас обоих побери?..

— Что здесь сейчас вообще происходит? — медленно выговаривая каждое слово, произнёс Макс, сомневаясь, не тронулся ли он рассудком.

— Вот, — счастливо улыбнулся Андрюха, — я же обещал, что познакомлю тебя со своей Лерой! А тут как раз случай подвернулся, ты так удачно в Москве... Да садись, чего стоишь, как не родной!

“Со своей Лерой”. Твою ж мать...

Девушка сидела, низко опустив голову и пристально глядя себе под ноги, и, кажется, умирала от неловкости момента. Нет, нет, она тоже ничего не знала, не могла знать, она в этом не участвовала, она не была готова к этой встрече... “Ну давай же, давай! — мысленно взмолился он. — Скажи Андрюхе, что ты и так давно меня знаешь! Причём, весьма близко...”

Подняв, наконец, глаза, Лера вежливо кивнула и негромко выговорила.

— Приятно познакомиться, — а затем снова отвела взгляд.

Вот, значит, как? Макс придвинул к себе стул, фактически упал на него — и впился в китаёзу глазами. То, что он увидел, заставило его удивиться: Лера боялась. Боялась того, что сейчас он откроет рот и расскажет Андрею всю правду о них... Поэтому, вместо того, чтобы немедленно устроить ответный “сюрприз” другу, Макс нашёл в себе силы выговорить нейтральное:

— Мне тоже очень приятно, — а потом, сделав над собой усилие, повернулся к устройтелю всего этого безобразия:

— Надо было заранее предупредить. Честно говоря, не люблю подобные сюрпризы. Я бы хоть побрился, надел новый костюм и купил цветы для твоей девушки, — к нему возвращалась привычная ирония, и это было хорошим знаком: значит, он до сих пор жив и даже не упал в обморок.

— Кстати, да, Андрей, — подала голос и Лера, по-прежнему не глядя на Макса. — Ты мог бы известить заранее, что нас будет трое. Поставил всех в неловкое положение. Я

вообще была уверена, что у нас с тобой романтический ужин.

Романтический ужин, значит... Макс стиснул зубы, всё ещё отказываясь верить в происходящую фантазмагорию. Сюр какой-то! Чушь, вздор, бред сумасшедшего!

— Извини, Лерусь. Я компенсирую. Завтра возьму, аккуратно в День святого Валентина! — Андрей примирительно поцеловал её в ладошку. — Макс так редко бывает в Москве, я просто не мог упустить этот шанс!

Андрей — и День святого Валентина?.. Андрей, который всегда ржал над этим праздником с его дурацкий атрибутикой типа шоколадных и плюшевых сердечек?.. Точно сюр.

— Спасибо, хоть на завтра меня не пригласил, — усмехнулся Макс, — иначе твоя невеста точно меня убила бы.

Он испытывал какое-то злорадное удовлетворение, произнося “твоя невеста”, “твоя девушка” и замечая, как всякий раз при этих словах явно корёжит Леру.

Андрей наконец обратил внимание на их не слишком-то восторженные лица и расстроился, как ребёнок.

— Ребята, ну вы чего? — спросил он растерянно и беспомощно. — Хватит уже дуться на меня. Я уверен, что вы найдёте общий язык... вы же — два самых дорогих мне человека! Кстати, — оживился он, — Макс, вы ведь с Лерой — земляки! Она тоже из Питера. Правда, давно уехала оттуда... Сколько лет назад, Лерусь?

— Восемь, — отозвалась она ровным голосом.

“Вот сейчас, — подумал Макс, — скажи ему сейчас, что мы уже давно знакомы! Такой удобный момент...”

Но вместо этого Лера лишь вежливо-отстранённо поинтересовалась:

— Ну, и как там Питер?

— Стоит на своём месте, куда он денется, — буркнул Макс.

Тем временем возле их столика материализовался официант и поинтересовался, что они будут заказывать. Макс, не глядя, ткнул куда-то в меню — ему было сейчас абсолютно всё равно, что жевать для вида, аппетит отшибло напрочь. Он вообще не знал, как себя дальше вести, что говорить и что делать, куда девать руки и глаза. Машинально схватил со стола вилку и принялся нервно крутить её в пальцах.

— Расслабься, Макс! — Андрей со смехом хлопнул его по плечу. — Ты рискуешь заколоть любого, кто случайно окажется поблизости... Вот уж не думал, что ты стал таким скромняжкой. Я ведь помню, в Лондоне всё было иначе, раньше ты никогда не стеснялся присутствия симпатичных девчонок. Куда это всё подевалось, а?..

— Старею, наверное, — дежурно отшутился Макс, тем не менее, возвращая вилку на место. — Но, если честно, реально чувствую себя сейчас третьим лишним. Знал бы заранее — прихватил бы с собой одну из тех симпатичных девчонок, о которых ты упомянул.

Вот так, косоглазая. Получай!

Лера натянуто улыбнулась:

— Он прав, Андрей. Если бы ты предупредил, я могла бы пригласить кого-нибудь из своих подруг к нам присоединиться...

— Нет, спасибо, — крайне вежливо перебил её Макс, — я пока ещё в состоянии сам очаровать девушку, не терплю сватовства и сводничества.

Андрей не замечал витающего над столом напряжения, не чувствовал электрических

разрядов — он болтал без умолку, сыпал байками из их совместной с Максом жизни в Британии, о которой вспоминал с теплотой и ностальгией, и... безостановочно комплиментил Леру. Было видно, что он явно гордится своей невестой перед Максом и вообще не может на неё надыхаться.

— А где вы познакомились? — как бы между прочим невинно поинтересовался Макс, стараясь говорить беззаботным тоном.

— На благотворительном модном показе, — охотно откликнулся Андрей, поскольку китаёза проигнорировала вопрос. — Меня туда отец затащил, он был одним из спонсоров... Ну, а Лера представляла там свою коллекцию.

— Коллекцию? — Макс недоумевающе приподнял брови.

— А разве я не сказал? Леруська у меня — дизайнер-модельер. Очень способная и подающая большие надежды, восходящая звезда индустрии моды! — погладив девушку по плечу, с гордостью отрекомендовал Андрей. — Скоро состоится открытие её бутика в центре... и пусть пока не в Третьяковском проезде*, но всё впереди!

“Подозреваю, не без твоей финансовой поддержки”, — подумал Макс, но вслух ничего не сказал. Вернее, сказал — но другое, обратившись уже непосредственно к Лере:

— У вас такая яркая внешность, что вы могли бы и сами работать моделью.

— Спасибо, — отозвалась она, не моргнув и глазом.

— Эй, чувак, не смей клеиться к моей девушке! — шутливо возмутился Андрей. Макс поднял руки:

— Ни в коем случае. Просто констатирую факт.

— Так Лера раньше и правда была моделью, — Андрей добродушно улыбнулся. — Пока не обнаружила в себе новый талант... Она сейчас учится заочно в институте моды и дизайна.

— Похвальная тяга к саморазвитию, — произнёс Макс, вновь схлестнувшись с Лерой взглядами. — Не сомневаюсь, что у вас всё получится.

Ему в очередной раз стало тошно от этого спектакля, этого жуткого фарса, который они с Лерой устроили... Андрей однозначно не заслуживал такого отношения, это было просто скотством по отношению к нему! Но, снова и снова вспоминая затравленные глаза Леры, когда она решила, что Макс сейчас раскроет правду об их давнем знакомстве, он чувствовал, как вся его решимость прекратить кривляния немедленно сходит на нет. Злился на Леру — и потакал ей. Практически ненавидел её — и не мог удержаться от того, чтобы в очередной раз не зацепить словесной шпилькой, словно мстил за всю ту боль, которую испытал когда-то из-за неё.

*Третьяковский проезд — небольшая живописная улица в Москве (расположена в Китай-городе между Никольской улицей и Театральным проездом). Основан в 1870-х годах братьями-меценатами Третьяковыми, в настоящее время занят модными бутиками — Дольче и Габбана, Роберто Кавалли, Ив Сен-Лоран, Армани, Гуччи и мн. др.

Принесли еду. Выяснилось, что Макс совершенно случайно заказал себе то же самое, что выбрала и Лера: равиоли с тремя видами сыра и базиликом.

— Ну, Леруська-то у нас вегетарианка и пацифистка, — развеселился Андрей такому совпадению, — а с тобой что случилось, Макс? Ты же всегда любил мясо...

— Не дождётесь, — фыркнул Макс. — Уж я-то точно никогда не стану вегетарианцем.

— Что, силы воли не хватает? — кротко спросила Лера, снизойдя до того, чтобы первой обратиться напрямую к Макс.

— Да нет, — он пожал плечами. — Все эти вопли о спасении животных и защите окружающей среды в большинстве случаев — просто показуха. Я знал в своей жизни очень мало людей, которые были бы искренни в этом своём “пацифизме”.

— Вам попадались плохие люди — и вы сделали гениальный вывод, что все такие?

— Если вы переубедите меня, я буду только рад. Но вот взять, к примеру, вас... — он многозначительно замешкался. Лера настороженно притихла, Андрей же уставился на друга с удивлением.

— Вы работаете в индустрии моды, — продолжал Макс. — Известно ли вам, что это — самый загрязняющий окружающую среду сектор промышленности? Пестициды и химикаты при окрашивании тканей попадают в воду и загрязняют её. При производстве синтетики, а также при транспортировке в атмосферу выбрасываются миллиарды тонн вредных газов... И всё ради чего? Семьдесят-восемьдесят процентов шмоток, которые люди покупают, будут надеты один-два раза — или даже вообще не надеты, а затем их тупо выбросят на помойку, потому что они “вышли из моды”, — он презрительно усмехнулся. — Я постоянно натываюсь на рекламу: “Грандиозные скидки в честь дня экологии! Купи у нас новые вещи из эко-коллекции и спаси планету!” — не кажется ли вам, что это звучит парадоксально и... глупо? Вроде того, как “занимайся сексом в защиту девственности!”

Андрей коротко хмыкнул, выслушав эту тираду.

— Вы так убедительно вещаете, как будто готовились к встрече заранее, — елевым голосом проворковала Лера, но Макс видел, что она злится, ему удалось её задеть. — А сами вы, кажется, музыкант?

— Кажется, музыкант, если вы ничего не имеете против, — откликнулся Макс ей в тон.

— Не подскажите, сколько древесины требуется на то, чтобы изготовить одну-единственную виолончель? — хлопая ресницами, поинтересовалась она. — Я слышала, для этого инструмента используют и ель, и клён, и красное дерево...

— И чёрное тоже. А иногда палисандр, липу или берёзу, — невозмутимо подтвердил Макс.

— И много виолончелей вы уже поменяли?

— Очень, очень много, — внимательно глядя ей в глаза, проговорил он. — Вы даже не представляете, сколько виолончелей у меня было.

— Так может, прежде, чем критиковать других, начнёте с себя? — она обворожительно улыбалась ему, точно весь разговор был милой шуткой. — Сами-то вы какую пользу приносите обществу? Или вы так... просто побрюзжать?

— Вы совершенно правы, Лера, — с готовностью подтвердил Макс. — Я — бесполезный социальный элемент. Впрочем, ваш будущий муж тоже играет на виолончели, если память мне не изменяет. Андрюха, ты как — не переквалифицировался ещё в дизайнера-модельера или... ну, я не знаю... в их спонсора, как твой отец?

— Мели, Емеля, — отмахнулся Андрей, не обидевшись, а затем перевёл удивлённый взгляд на свою девушку. — Леруська, что за муха тебя укусила? Макс, между прочим, регулярно помогает детским домам и больницам, онкоцентрам... А сколько благотворительных концертов он дал!

— Да брось, — Макс успокаивающе качнул головой, — мы просто немного побеседовали на животрепещущую тему. Ничего личного, ведь правда, Лера?

— Ничего личного, — ровным голосом подтвердила она, машинально потянувшись к тарелке с фруктовой нарезкой. Ухватив оттуда кружок свежего лимона, Лера засунула его себе в рот, чтобы успокоиться.

— Видал? — тут же похвастался её умением Андрей, подмигнув Макс; кажется, в Лере его восхищало и умиляло абсолютно всё, даже различные глупости. — Она лимоны может тоннами есть! У меня аж слёзы выступают, когда я на это смотрю...

— Я тоже так могу, — сказал Макс.

— Да ладно? — удивился Андрей. — Насколько я знаю, у тебя всегда была аллергия на лимоны.

— Аллергия? — удивилась, в свою очередь, и Лера.

— Всё давно прошло, — с этими словами Макс взял другой ломтик лимона и тоже положил его в рот. Он жевал, не чувствуя вкуса и даже ни разу не поморщившись, глядя Лере в глаза... и видел, как они знакомо меняют цвет — со светло-голубого до тёмно-синего, почти фиолетового.

— Никакой аллергии больше нет, — сказал он спокойно. — Всё осталось в прошлом. Я абсолютно здоров.

Лера опустила голову и уставилась в свою тарелку, никак не откомментировав происходящее. Один Андрей, похоже, не улавливал ни тайных смыслов, ни скрытых подтекстов этой милой “дружеской” беседы.

Некоторое время все трое были заняты исключительно поглощением пищи, но затем Макс снова подал голос.

— В Индии есть похожее вегетарианское блюдо, тоже готовится с сыром и зеленью — называется “момосы”. Не находите? — заметил он как бы между прочим, обращаясь к Лере. Та даже бровью не повела на этот совсем уж откровенный намёк, спокойно отозвавшись:

— Я совершенно не интересуюсь индийской кухней, извините.

— Да хватит вам выкаты, ребята! — психанул, наконец, Андрей. — Переходите на “ты”, я решительно требую!

— На брудершафт пить тоже заставишь? — кротко поинтересовался Макс. Он и рад был бы не язвить, но оно как-то само выходило... Андрей засмеялся, приняв его слова за удачную шутку.

— Обойдёмся, так и быть, без брудершафта... Но выпить за встречу мы не просто должны — а обязаны!

Впрочем, они действительно просто пригубили немного вина “за встречу”, не превращая ужин в банальную попойку. Лера вообще была довольно равнодушна к алкоголю, исповедуя здоровый образ жизни, а Макс боялся, что опьянение, наложенное на шок от происходящего и усталость после перелёта, может привести к непредсказуемым, совершенно безумным последствиям, от которых в итоге пострадали бы все трое.

Остаток вечера показался Максиму особо жестокой, изощрённой пыткой. Он вдруг осознал, что совершенно выдохся от потрясений сегодняшнего дня и больше не желает участвовать в этой клоунаде. Ему невыносимо было сделанное равнодушие Леры — он-то видел, чувствовал, интуитивно догадывался, что внутри у неё всё кипит и бушует! Невыносимы были и неприкрытое, откровенное счастье Андрея, его трогательная любовь к невесте и искреннее желание, чтобы Макс её тоже оценил и восхитился выбором друга. Влюблённый Веселов выглядел глупым, смешным и... слишком уязвимым.

Как назло, воодушевлённый Андрей не был готов с ним так быстро расстаться и отпустить обратно в отель. Два самых дорогих человека рядом — что ещё нужно для счастья?

— Андрюха, пощади, — взмолился Макс в двенадцатом часу ночи, — я с ног валюсь. Накануне отыграл концерт в Вене, после перелёта не отдохнул толком, только заселился в отель — и сразу же сюда. Практически с корабля на бал...

В конце концов, вмешалась Лера, нежно проворковав что-то Андрею на ушко — после чего тот сразу расслабился, заулыбался и больше не возражал против того, чтобы друг отправился отдыхать. Макс мог только догадываться, чего она ему наобещала... и это едва ли было продиктовано сочувствием к невыспавшемуся музыканту — скорее уж, желанием побыстрее от него избавиться.

Странно — но, при всём этом, ревности к Андрею у него не было. Были досада и недоумение, возмущение, отказ принимать этот цирк шапито всерьёз, скептицизм и даже ирония... но только не ревность.

Раньше Максиму представлялось, что если он увидит Леру с другим — то будет рвать и метать. Сейчас же даже гнева толком не было — лишь усталость и разочарование. А может, это был шок, временно заблокировавший все болевые реакции... и, вполне возможно, его ещё “накроет” чуть позже, когда он осознает весь масштаб трагедии. Неважно. В данный момент ему не хотелось думать об этом. Хотелось остаться в одиночестве и не видеть больше ни раскосых глаз бывшей девушки, ни идиотски счастливой улыбки на лице лучшего друга. Пока ещё — друга...

Он добрался до отеля на автопилоте. Поднялся к себе в номер, разделся, через силу принял душ и рухнул в постель. Бросил мимолётный взгляд на футляр с виолончелью — она, словно нежная и верная возлюбленная, покорно ждала его возвращения в надежде, что Макс возьмёт её на руки, приласкает, сыграет что-нибудь...

— Прости, малышка, не сегодня, — пробормотал он, отвернувшись в противоположную сторону. Почему-то было неловко и стыдно, как будто он вернулся домой к жене — от любовницы, и теперь всячески пытался скрыть эту преступную связь, заодно отмазываясь от исполнения супружеского долга, ссылаясь на дикую усталость и головную боль.

Что там болтала Лера — давно, сто миллионов лет назад, в другой жизни?.. “Виолончель — твоя любимая женщина, которая всегда будет для тебя на первом месте”. Что ж, он отдал бы многое, чтобы это действительно было так...

...Из сна его утром вырвал звонок на мобильный с незнакомого номера. Нашував телефон под подушкой и мельком взглянув на экран, Макс как-то моментально догадался — нутром почувствовал, кто ему звонит. И поэтому даже не слишком удивился, действительно услышав в трубке голос китаёзы.

— Привет, Макс, — сказала Лера спокойно и невозмутимо, словно и не она вчера то краснела, то бледнела и вообще демонстрировала крайнюю степерь растерянности при встрече. Впрочем, она всегда умела владеть собой и быстро восстанавливаться после потрясений. — Надеюсь, не разбудила? Ты ещё в Москве?

Он прокашлялся.

— Я... да, пока ещё здесь. Как ты узнала мой номер?

— Посмотрела у Андрея в телефоне, пока он был в душе.

Вот так. У этой сладкой парочки, вероятно, была бурная ночь любви и последующие водные процедуры, отметил Макс почти бесстрастно.

— Не стыдно шариться в чужих телефонах, косоглазая? — поддел он её, от растерянности не зная, что говорить.

— Что, лучше было спросить у него напрямую? — не осталась она в долгу.

— Ну... это был твой выбор — играть в незнакомцев. Тебе виднее, что лучше, а что хуже.

— Да, пожалуй.

— Ладно, Лер, — он вздохнул, уже устав от этой странной, бесившей его игры. — Чего ты от меня хотела? Зачем звонишь?

— По-моему, нам не мешает встретиться и поговорить.

— О чём нам говорить сейчас? Кажется, ты всё для себя решила два года назад, когда отказалась меня выслушать и лёгким движением руки отправила в чёрный список.

— Макс, пожалуйста! Мы должны обсудить... — она замялась, — сложившуюся неловкую ситуацию.

— Ах, вот как это называется — “неловкая ситуация”. А я-то думал, это просто какая-то грёбаная х...ня! — он никогда раньше не матерился при Лере, но сейчас не смог сдержаться. Его душили злость и обида.

— Макс... — мягко, но настойчиво повторила Лера, и он почувствовал, что, вопреки здравому смыслу, снова предсказуемо “плывёт” от звука её голоса. Самого прекрасного голоса на свете... — Я просто хочу спокойно с тобой поговорить. Это важно для меня.

Макс молчал, что было равносильно готовности уступить. Нельзя было соглашаться на встречу с ней, нельзя!.. Надо было бежать без оглядки!

— Где ты остановился? — спросила Лера, безошибочно угадав слабинку в его молчании.

Макс назвал свой отель. А, гори оно всё синим пламенем!..

— Я могу подъехать минут через сорок. Нет, пожалуй, всё-таки через час. Дождёшься?

— А твой жених не будет против, если ты поедешь в отель к постороннему мужику? Впрочем, Андрюха всегда отличался широтой души...

— Не ёрничай. Ситуация сложилась и впрямь идиотская. Мы должны вместе решить,

как с ней справиться.

— Можно подумать, ты была не в курсе того, что Андрей — мой друг, когда с ним знакомилась... Ни за что не поверю, — ехидно сказал Макс.

— Я знала об этом, но... всё немного не так, как ты думаешь. Клянусь, я вчера понятия не имела, что он и тебя тоже пригласил в этот ресторан! Я вообще была не в курсе, что ты в Москве! — её голос предательски дрогнул.

— Ладно, приезжай, — со вздохом произнёс Макс, чтобы поскорее покончить с этим и забыть, как страшный сон. — На первом этаже есть кофейня, через час буду ждать тебя там, — он специально не стал звать Леру к себе в номер. От греха подальше...

Однако у неё было своё мнение на этот счёт.

— Не хотелось бы разговаривать при свидетелях. Ну и потом... — продолжила она после небольшой заминки. — Ты персона известная, кто-нибудь может тебя узнать... и это просочится в СМИ.

— Ну хорошо, хорошо! — психанул он, окончательно сдаваясь. — Приезжай прямо ко мне. Номер двести пятнадцатый.

В ожидании Леры он принял душ и тщательно, до блеска, побрился, будто собирался на свидание. Макс прекрасно отдавал себе отчёт в том, что между ним и Лерой ничего нет, всё давно кончено. И всё-таки... нервное покалывание в пальцах и холодок в груди и животе выдавали его с головой — он волновался, чертовски волновался перед этой встречей!

Лера появилась ровно через час.

Деликатно постучала... он распахнул дверь и молча посторонился, пропуская гостью внутрь. Она вошла в номер, обдав Макса вкусным запахом морозной свежести и лёгким ароматом духов. Тут же, не позволив помочь ей, сняла пальто — точно боялась лишний раз спровоцировать его ненужной близостью.

Он молча кивнул на кресло, предлагая ей садиться. Сам опустился на кровать и, воспользовавшись минутной заминкой, жадно рассматривал Леру, всю-всю, с головы до ног: вчера у него не было такой возможности, неудобно было пялиться на... невесту друга.

А она была до отчаяния похожа на саму себя — на ту Леру, которую он помнил, которую целовал... Разве что волосы, обычно вольно рассыпающиеся по плечам, сейчас были убраны в аккуратную гладкую причёску. Но в остальном — всё те же глаза, те же губы, те же руки... Просто больше не его китаёза. Чужая. Запретная...

— Спасибо тебе, — негромко произнесла она, машинально теребя подол своего шерстяного платья, сминая и вновь аккуратно расправляя его на коленях. Макс заметил, как блеснуло кольцо на безымянном пальце левой руки. Прежде Лера не любила колец. Подарок жениха?..

— За что? — удивился он.

— За то, что вчера подыграл мне, не стал устраивать сцен, выяснять отношений и аффишировать, что мы знакомы. Честно говоря... именно от тебя я такого не ожидала, обычно ты всегда плохо справлялся с эмоциями.

— Люди меняются, — усмехнулся он. — Хотя, если откровенно, я уже миллион раз пожалел о том, что не рассказал всё Андрюхе. Ты понимаешь, что эта маленькая ложь... пусть даже не ложь, а всего лишь умалчивание правды... в итоге приведёт к разрастанию снежного кома до гигантских масштабов?

— Я всё понимаю, — произнесла она почти в отчаянии. — Поэтому и пришла. Одной

мне с этим просто не справиться.

Макс скрестил руки на груди и выдавил из себя насмешливую улыбку.

— Ну что, Лера? Поведаеть, наконец, трогательную историю под названием “В моей жизни была только одна большая любовь — виолончелисты”?

Она вспыхнула и отвела глаза.

— И всё-таки, объясни мне, пожалуйста, что это было, — настойчиво повторил он. — Неужели — продуманная месть? Блюдо, которое следует подавать холодным? Попытка сделать мне ещё больнее, чем было раньше? Как же тебе удалось так ловко это проверить?

— Всё совсем не так, перестань, — поморщилась она с досадой.

— “Перестать” что? Я ещё даже не начал. Сказать, что я на самом деле об этом думаю? — Макс зло прищурился. — Хотя понять твои мотивы мне всегда было нелегко. Я сам мог тупить, делать глупости, обижать и обижаться, но... Лера, мать твою, я никогда не скрывал того, чего от тебя хочу. А вот ты... чёрт возьми, тебя вообще ни хрена невозможно понять! — он повысил голос.

— Не кричи на меня. Ты не имеешь права.

— О да, конечно, извини. Кто я тебе — всего лишь партнёр по случайному перепихону... Ради меня ты не готова была поступиться своими принципами и карьерой. А ради Андрюхи — с радостью? Ему повезло...

— Это неправда, Макс, прекрати! — Лера с досадой сжала виски пальцами, словно у неё разболелась голова. — Ты сейчас подтасовываешь факты, как тебе выгодно, выставляя себя бедненьким и несчастненьким. Вспомни, ведь Андрей сам тебе вчера сказал, что мы с ним познакомились на показе моей коллекции. Я сама её продумала, сама решила открыть бутик... Андрей появился в моей жизни гораздо позже, это вовсе не месть, и вообще — наши с ним отношения никак не связаны с тобой. Никаким боком!

— Как они могут быть не связаны, если Андрюха — мой лучший друг?! По-прежнему будешь меня убеждать, что ни черта не знала?

— Разумеется, мне было известно, что вы знакомы. Я слушала ваш совместный альбом, смотрела клипы и записи живых выступлений... но ведь после того, как вы оба покинули Англию, сотрудничество прекратилось. Я больше ни разу не видела вас вместе. Вы не давали концертов вдвоём, не разъезжали с общими гастрольными турами... каждый активно занимался своей сольной карьерой. Откуда мне было знать, что вы до сих пор общаетесь... да ещё и так близко общаетесь? Андрей просто не успел мне об этом рассказать. Мы знакомы всего два месяца, и до этого твоё имя — честное слово — ни разу не всплывало в разговорах! А сама я, понятное дело, не расспрашивала...

— Однако этих двух месяцев вполне хватило, чтобы согласиться выйти за него замуж, — констатировал Макс с горечью. — Или ты заранее всё спланировала? Нет, я могу тебя понять — молодой, привлекательный, богатый... ты специально подкатила к нему на том благотворительном показе? Искала спонсора для открытия своего бутика?

Лера закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Я сейчас сделаю вид, что ты ничего не говорил, Макс. Не собираюсь ругаться, хотя тебе почему-то очень нравится меня обижать.

— Извини, — буркнул он.

— Ты постоянно пытаешься обвинить меня в том, что я способна встречаться с мужчинами из-за денег. Это не так. Я работаю день и ночь для того, чтобы добиться своей цели... но не торгую своим телом ради заработка. Я не шлюха, Макс, слышишь?

— Я никогда тебя ею и не считал...

Лера зло рассмеялась.

— Считал, Макс. Считал! Вспомни свои высказывания о модельном бизнесе, об эскорте... Только знаешь, в чём твоя проблема и главная беда? Ты любил бы меня даже шлюхой. Ненавидел бы себя за это, ненавидел меня — и всё равно любил бы. Это сильнее тебя.

Макс молчал, придавленный такой версией событий.

— Разумеется, — Лера с иронией скривила губы, — ты видишь картинку именно так, как её должно видеть большинство: ушлая девица лёгкого поведения вцепилась мёртвой хваткой в молодого красавца-миллионера, чтобы тот раскрутил её дело... Я с Андреем не из-за денег, нравится это тебе или нет, веришь ты мне или считаешь жалкой лгуньей.

— Верю, — глухо выговорил наконец Макс. — Верю. Ты слишком гордая для того, чтобы воспользоваться помощью мужчины. Я бы даже сказал, что это уже не гордость, а гордыня.

— Пусть так, — отмахнулась Лера. — Никогда не задумывался о том, что если бы мне тупо нужны были деньги — я просто осталась бы с тобой, без сомнений и колебаний? Ты бы обеспечивал меня, разве нет? Но мне не это нужно. Я хочу всего добиться сама. Андрей не мешает мне быть собой. Не осуждает, не оценивает и не давит. Позволяет мне искать себя... Он — как отдушина, понимаешь? С тобой мне было очень тяжело. С ним — легко и просто...

Слышать это было больно.

— И мне не нужны его деньги или деньги его отца. Он предлагал финансовую поддержку, конечно же, предлагал... но я отказалась. Единственное, в чём он мне помог — это в поиске помещения для бутика. У него есть связи, он договорился об отличных условиях аренды в самом центре... Но это — всё.

Макс снова верил ей. Верил — и продолжал молчать.

— Андрей первый на меня запал на том показе, я не искала знакомства с ним или с кем-то из... спонсоров, — помолчав, продолжила Лера. — Во время фуршета он сам подошёл знакомиться. Предложил потанцевать....

— И ты с радостью пошла? — а вот теперь Макс впервые ощутил реальный укол ревности. До этого он не воспринимал Андрея как соперника, но сейчас ясно представил себе, как друг обнимает китаёзу за тоненькую талию, как его руки скользят по её плечам и бёдрам...

— Пошла, а почему бы и нет? — Лера пожалала плечами. — Он мне тоже понравился. Действительно понравился. Просто тогда я и представить себе не могла, что у нас с ним так далеко зайдёт. И факт, что он раньше с тобой работал, в тот момент меня не слишком беспокоил. Это же Москва, тут все знакомы через два рукопожатия... А вот дальше молчать становилось всё сложнее и сложнее. Но я оправдывала себя тем, что просто не возникло подходящего случая, Андрей же ничего не говорил о тебе.

Макс помедлил, прежде чем задать следующий вопрос.

— Ты любишь его?

— Да, люблю, — отвернувшись, отозвалась Лера после небольшой паузы. — Иначе, чем любила тебя... люблю по-своему... но Андрей — очень важный человек в моей жизни.

Макс прикусил губу, борясь с противоречивыми эмоциями, которые захлёстывали его с

головой. Разумеется, он не поверил Лере ни на секунду — и в то же время умирал от беспощадности произнесённых ею слов.

— Мне с ним хорошо, спокойно и надёжно, — продолжала Лера. — Это порою значит куда больше, чем отчаянная, болезненная, разрушительная страсть. С ним мне впервые захотелось иногда чувствовать себя слабой. Ощущать рядом крепкое мужское плечо, на которое можно переложить любые проблемы... и не бояться собственной слабости.

— И этого достаточно для того, чтобы выйти замуж? Он именно этим тебя покори́л?

— Ну... — Лера задумалась. — Не только этим. Андрей умеет красиво ухаживать. Он был настойчив и в то же время галантен, делал романтические жесты: цветы, комплименты, ночные прогулки по Москве, уютные ресторанчики для влюблённых, концерты... Он интересный собеседник, лёгкий человек и талантливый музыкант. С ним я не ощущаю себя, сидящей на бочке с порохом. Мне было приятно его внимание, приятен он сам. Давая согласие выйти замуж, я была совершенно искренна в своём желании... он стал мне очень дорог.

Макс почувствовал, как подрагивают у него руки, и торопливо спрятал их за спину.

— Ну ладно... допустим. А чего ты хочешь от меня сейчас? — спросил он, возвращаясь к цели её визита. Лера взглянула на него просительно.

— Не рассказывай ему о наших с тобой... прошлых отношениях. Его это убьёт.

Макс покачал головой:

— А тебе не кажется, что наше тупое враньё можно раскрыть на раз-два? Если Андрюха узнает всю правду потом, да ещё и не от нас... будет намного хуже.

— Но сейчас уже поздно говорить ему об этом! Мы уже промолчали вчерашним вечером, сделав вид, что не знаем друг друга. Да, признаюсь, я сглупила от неожиданности — наверное, нужно было как-то сразу разыграть удивление и радость от встречи с бывшим одноклассником, то есть, с тобой... Но теперь-то время упущено. Как прикажешь ему это объяснить?

— Но объяснять ведь всё равно придётся, рано или поздно.

— Да почему? — разволновавшись, Лера вскочила и нервно заходила туда-сюда по номеру. — Как ему станет об этом известно? Ты редко бываешь в Москве. У нас больше нет общих знакомых. Я не говорила ему, в какой школе училась, а ты?

— Я тоже не говорил...

— Вот видишь! Вероятность того, что он решит вдруг проверить, а не были ли мы, совершенно случайно, одноклассниками, ничтожно мала. Петербург — огромный город, там живут миллионы людей. Разве обязательно, что все они должны быть знакомы друг с другом?

— Ты сама себе противоречишь, — Макс покачал головой. — То твердишь о том, что все знакомы друг с другом через два рукопожатия, а то уверяешь, что никто не узнает и не расскажет ему правду. В конце концов, нас видели вместе твои подруги в Индии. О наших отношениях знает Наденька...

— И ты полагаешь, они вывалят ему всё это на голубом глазу прямо на свадьбе? Они же мои подруги, а не враги... Пожалуйста, Макс, не говори ему ничего! Пусть всё идёт, как идёт! — Лерины глаза наполнились слезами.

— Да не волнуйся ты, — с некоторым удивлением произнёс он, глядя в её совершенно потерянное лицо. — Если это для тебя так важно...

— Важно. Ещё как важно! Я... очень боюсь его потерять.

Эти слова неожиданно ранили его в самое сердце. Лера боится потерять Андрея — так, как никогда не боялась потерять Макса...

— Он по-настоящему любит меня, очень сильно любит, — добавила Лера, точно забывая последний гвоздь в крышку его гроба.

— Да, косоглазая, — констатировал Макс, отчаянно стараясь удержаться в зоне сарказма и не перейти к обвинениям и ругани, — ты никогда не унижала меня своей жалостью. И сейчас не щадишь...

— Зато ты всегда был излишне жалостливым, — она усмехнулась. — Вечно рвался помогать сирым и убогим, подкормить, обогреть... думаю, и сейчас не слишком изменился. Судя по тому, что Андрей сказал о помощи детским домам и больницам.

— Значит, ты — и Андрей, — задумчиво, отдельно произнёс Макс, будто впервые осознал суть происходящего.

Она несмело кивнула.

— Я действительно хочу сделать его счастливым. Я буду очень стараться...

— Если бы правда сделала... а то ведь сожрёшь и не подавишься, — не в силах больше сдерживать нарастающий внутри протест, резко произнёс Макс.

Лера не осталась в долгу:

— Злишься, что я не тебе досталась?

Он выдавил из себя улыбку.

— Думаешь, весь мир на тебе клином сошёлся, китаёза? Да я радуюсь, что ещё дёшево отделался. А вот за судьбу Андрея переживаю...

— Тебе-то что за дело до его судьбы? — холодно сказала она. — Он взрослый мальчик.

— Он мой друг, Лера, — с горечью произнёс Макс. — Мой единственный грёбаный друг на этой сраной планете. И теперь благодаря тебе я его, кажется, потерял.

После этого вроде как не о чем было, да и не хотелось больше говорить. Лера поднялась и нерешительно взглянула на Макса:

— Ну, я, наверное, пойду...

— Когда у вас свадьба-то? — спросил вдруг он.

— Ровно через месяц, четырнадцатого марта. Андрей, конечно, ещё пригласит тебя официально... но я надеюсь, ты не станешь портить этот день ни себе, ни другим и не приедешь?

— Твоя потрясающая самонадеянность и уверенность, что все обязаны плясать под твою дудку, умиляют до слёз. Вот прямо после твоих слов нарочно захотелось явиться на ваше торжество и громче всех орать “горько”. Ладно, не нервничай, — заметив, как напряглась Лера, усмехнулся Макс. — Во-первых, я и сам не хочу в этом участвовать, а во-вторых, у меня в марте действительно тур по Италии...

Лера выдохнула, явно расслабившись.

— Спасибо. Ты извини меня за... чёрный список. Я тогда была очень обижена и всё для себя решила. Вновь поддаться слабости и впустить тебя в свою жизнь на тот момент означало только одно — погибнуть.

— Зачем ты только вообще меня впускала, — с досадой и горечью сказал Макс, и это был даже не вопрос, а крик души. — Сначала после выпускного... затем в Индии... Зачем, если никогда даже в мыслях не связывала со мной своё будущее?!

— Ты прав, — неохотно признала Лера, — у меня всегда были чёткие планы на жизнь, в которые ты никак не вписывался. Прости, Макс. Для меня ты был слабостью. Моей любимой, отчаянной слабостью, болезненной зависимостью... но я отчётливо понимала, что если отдамся чувствам — пушу всю свою жизнь под откос. Да и твою тоже. Мне некогда было тебя любить, пойми! Надо было пробиваться...

— Пробиваться, пробиваться, пробиваться... — с досадой и раздражением передразнил её Макс. — Это для тебя самое главное?

— Ты просто не представляешь, каково это — жить с комплексом “дочери технички”. Тем более, когда мама, как назло, работает в той же школе, где ты учишься. Эти постоянные насмешки одноклассников... злые шуточки... издёвки... Да что я тебе рассказываю, ты ведь и сам поначалу принимал во всём этом участие. Или забыл уже?

Макс промолчал, возразить ему было нечего.

— Вот это вечное чувство унижения из-за того, что ты беднее других. Что не можешь позволить себе даже какой-нибудь паршивый “сникерс”, а одеваешься не в фирменные шмотки, а в платья и костюмы, собственноручно перешитые из старых маминых... Может, выглядели они и неплохо, но я-то знала, какой жалкой неудачницей казалась своим сверстницам! Да девчонки из нашего класса меня ни в грош не ставили. То приглашение работать в модельном агентстве... оно реально стало подарком судьбы. Кстати, Макс, знаешь, что я купила на свой первый гонорар? Сказать, или вдруг сам догадаешься?.. — она прищурилась.

Макс растерянно пожал плечами.

— Я не знаю.

— Барби! — выдохнула Лера и, заметив, как округляются его глаза, с удовлетворением

рассмеялась. — Да-да, куклу Барби, несмотря на то, что к тому моменту я была уже вполне взрослой девчонкой, девушкой, которой шёл шестнадцатый год. Но мне просто захотелось, Макс... захотелось иметь то, чего у меня никогда не было в детстве. Пусть и слишком поздно.

Максом овладело мучительное желание обнять её, прижать к груди, погладить по голове... Глупая, несчастная, обиженная на весь свет, недополучившая в детстве многого, безжалостная, но такая отчаянно родная и любимая китаёза!..

Но он, конечно же, не посмел этого сделать.

— В общем, я поклялась, что, когда вырасту, не позволю себе прожить жизнь, подобную жизни моей матери. Я не собиралась быть такой, как она! — заключила Лера. — Мне нужно было выбраться из своего болота любой ценой...

— Ты прямо как Скарлетт О`Хара, — вздохнул Макс. — Бог мне свидетель, я скорее украду или убью, но не буду голодать...*

Лера удивлённо посмотрела на него.

— Честно — впервые вижу парня, который читал “Унесённых ветром”.

Макс даже смутился немного.

— Дворжецкая всегда говорила, что ты напоминаешь ей Вивьен Ли в роли Скарлетт. В конце концов, мне и самому стало интересно, что там за героиня такая... Я посмотрел фильм, а потом прочёл книгу.

— Ну и как? — Лера вскинула брови, улыбаясь насмешливо и одновременно печально. — Напоминаю?

— Если лишь отчасти, — выдохнул он. — Вообще-то таких, как ты... таких больше нет.

Улыбка сползла с Лериного лица. Пряча глаза, она начала поспешно прощаться.

— Подожди! — Макс задержал её возле самой двери. — У меня для тебя кое-что есть... Можешь считать это подарком ко дню влюблённых... хотя я всего лишь возвращаю тебе — твоё же.

Лера смотрела на него со смешанным выражением страха и ожидания. Макс протянул руку, разжал Лерину судорожно стиснутую ладонь и вложил туда кулон — маленькую золотую виолончель на цепочке, которую так и носил всё это время с собой.

Это было их первое — за два года — прикосновение друг к другу. Макс показалось, что его прошёл электрический разряд. Он поспешно отдёргнул руку. Лера ошарашенно разглядывала кулон в своей ладони, словно не верила собственным глазам. Наконец, подняла голову и встретила взглядом с Максом.

— Может быть, хочешь оставить себе на память? — спросила она тихо.

Макс медленно покачал головой.

— К чему мне такая память? Нас с тобой больше ничего не связывает.

— Да, — Лера внимательно смотрела ему в глаза своими кошачьими глазами. Сейчас они были зелёными, как крыжовник. — Ты прав. Ничего больше не связывает...

— Можешь подарить Андрюхе, — неудачно пошутил Макс. — Этакой... улучшенной версии меня. Моей идеальной замене.

Лера зажмурилась и отчаянно замотала головой.

— Он... не замена, — выговорила она с трудом. — Таких, как ты, тоже больше нет.

Сжала пальцы, скрывая кулон в своём кулачке, развернулась и быстро вышла за дверь.

*Полностью эта знаменитая цитата из романа Маргарет Митчелл “Унесённые ветром” звучит так: “Бог мне свидетель, Бог свидетель, я не дам янки меня сломить. Я пройду через всё, а когда это кончится, я никогда, никогда больше не буду голодать. Ни я, ни мои близкие. Бог мне свидетель, я скорее украду или убью, но не буду голодать”.

В Питер Макс решил ехать поездом. Его совершенно не прельщали и так утомившие за последние месяцы суэта аэропортов, возня с багажом и виолончелью, соблюдение дурацких формальностей типа “пристегните ремни, откройте шторку иллюминатора и оставайтесь на своих местах”... Да и из отеля было ближе и удобнее добираться до Ленинградского вокзала, чем в аэропорт.

Купив билет в СВ, Макс мечтал лишь об одном: что окажется в купе совершенно один, без всяких назойливых попугачиков. Не до задушевных ему сейчас разговоров под стук колёс да чаёк с лимончиком...

Нужно было занять чем-нибудь оставшиеся несколько часов, поскольку Красная Стрела отправлялась в полночь. Макс подумывал о том, чтобы зайти скоротать время в какую-нибудь кофейню или пусть даже ресторан, но, как назло, всюду нынче вечером был аншлаг в связи с Валентиновым днём. Меньше всего на свете Макс хотел оказаться в помещении, полном нежно держащихся за руки влюблённых парочек в окружении красных сердечек, шариков и букетов. Его бесила вся эта сладкая милота — до зубовного скрежета, до тошноты, хотя он и догадывался, что истинная причина его нервной трясучки и раздражения была вовсе не в этом.

В конце концов, Макс нашёл себе пристанище в каком-то весьма сомнительном бистро в паре шагов от вокзала. Судя по интерьеру, музыке и контингенту, время там остановилось ещё где-то в девяностые, разве что хрестоматийных малиновых пиджаков да золотых цепей на посетителях не наблюдалось. Но, если бы они прямо сейчас начали свои разборки или даже устроили перестрелку, Макс не удивился бы. Впрочем, ему было всё равно... Без обжимающихся парочек — и слава богу, а что публика не самая интеллигентная — так тем лучше, никто не узнает в нём известного музыканта и не станет лезть с разговорами.

Виски в этом заведении предсказуемо не оказалось, зато наличествовали водка и коньяк. Что ж... Макс имел полное право напиться, потому что у него потихоньку начинался “отходняк”. Его, наконец, в полной мере накрыло осознанием случившегося.

Впервые они расстались с Лерой спокойно, даже по-доброму, без обличительных слов, брошенных друг другу в лицо, без обвинений и взаимных претензий. Впервые они не поскандалили и не разругались вдрызг перед тем, как в очередной раз “навсегда” разбежаться. Верил ли он, что этот раз действительно стал для них последним? Судя по оглушительной пустоте внутри, по тоске, от которой хотелось не просто выть волком — а буквально грызть стены, Макс вполне отдавал себе отчёт в том, что это действительно конец. Они сами сожгли за собой все мосты. Им больше нельзя видеться. И дело было не только в том, что они обманули Андрея, нет, хотя это обстоятельство выглядело в глазах Макса особенно мерзко и заставляло презирать себя. Самым же ужасным казалось то, что, снова нежданно-негаданно ворвавшись в жизнь Макса, косоглазая опять разбередила его старые раны. И бог знает, сколько времени потребуется на очередное восстановление.

Лера и Андрей. Андрюха. Эндрю... Как же так получилось, что из миллионов мужчин в

этом огромном городе судьба подтолкнула Леру именно к нему?

Макс залпом выпил первую рюмку водки, не закусывая и не морщась, не чувствуя вкуса, точно это была вода. Лишь бы подействовало... Тогда станет легче. Непременно станет.

В это время какой-то посетитель, быстро пробираясь между столами, задел бедром футляр с виолончелью, пристроенный Максом на соседний стул. Стул качнулся, виолончель опасно накренилась... к счастью, Макс успел её вовремя подхватить.

— Эй, аккуратнее! — бросил он в спину нахалу, который спокойно удалялся, не поведя и бровью. Услышав окрик Макса, он притормозил, оглянулся вполоборота и презрительно процедил сквозь стиснутые зубы:

— Пшёл на х..!

А вот это он, конечно, сделал совершенно зря.

Вся злость, всё болезненное отчаяние и невыплеснутая энергия, бушующие в Максе, моментально нашли свой выход. Произнесённых слов было достаточно для того, чтобы он резко вскочил, в два прыжка догнал обидчика, схватил за плечо, чтобы остановить, и бесцеремонно развернул лицом к себе. Это был молодой мужчина, даже парень — едва ли старше самого Макса, с выражением крайнего недоумения и недовольства на лице: похоже, он не ожидал, что его станут преследовать.

— Я сказал — аккуратнее с музыкальным инструментом, — отчеканил Макс, с ненавистью глядя ему в глаза.

— Бл...ь, какой ещё музыкальный инструмент?! — с искренним изумлением возрился на Макса, произнёс тот. — Ты бы ещё пианино с собой припёр, мудила. Отъ...сь от меня! — договорить он уже не успел, потому что кулак Макса, прилетевший ему в челюсть, моментально лишил его и этой возможности, и точки опоры.

Кто-то из официанток испуганно взвизгнул. Падая, парень задел соседний стол, и оттуда со звоном посыпались вилки и ножи, полетели на пол тарелки. Раздался звук разбивающегося стекла и — аккомпанементом — громкая ругань поверженного.

— Ах ты, сука! — потирая челюсть, он уже поднимался с пола, буравя Макса волчьим взглядом. — Ну, ты попал, козёл....

Но прежде, чем он успел сделать рывок в сторону противника, Макс снова его ударил: с размахом, от души, не терзаясь ни малейшими угрызениями совести, напротив — испытывая чувство невероятного облегчения, словно внутри у него с силой распрямилась долго сдерживаемая пружина. Все наставления матери и педагогов о том, что музыканту, в первую очередь, нужно беречь руки, остались где-то на задворках сознания. Руки, ноги, крылья... главное — хвост!*

На этот раз парень приземлился ещё менее удачно — помимо стола, с грохотом перевернулось и упало несколько стульев. Но ему уже спешили на помощь друзья: Макс не успел рассмотреть, сколько их было. В любом случае, силы представлялись явно неравными. И если первых двух нападавших он на кураже с лёгкостью отшвырнул от себя, то удар третьего пропустил и сам еле удержался на ногах, моментально ощутив во рту металлический привкус крови. Некоторое время он ещё по инерции сдерживал напор, но один из парней, подкравшись сзади, прыгнул Максу на спину и сдавил ему горло рукой, сразу же лишив возможности дышать.

Уже через пару мгновений Макса дружно повалили на пол, и он успел получить несколько весьма ощутимых пинков под рёбра...

А потом вдруг всё резко стихло.

*Отсылка к мультфильму “Крылья, ноги и хвосты” (1986) Игоря Ковалёва и Александра Татарского, созданному по одноимённой сказке Альберта Иванова.

— Отстали от пацана, — раздался в звенящей тишине спокойный мужской голос. Слова он произносил медленно, вальяжно, с ленцой. — Что, смелые — впятером на одного, да?

Макс с трудом приподнял голову, чтобы взглянуть на обладателя этого интересного тембра. Движение отозвалось резкой болью в груди. Чёрт, а если они сломали ему что-нибудь?

— Слышь, братишка... ты что, правда музыкант, что ли? — спросил неизвестный спаситель, чуть наклонившись к нему. На этот раз в его голосе смешались нотки любознательности и участия.

— Правда, — прохрипел Макс, пытаясь отдышаться. Тот протянул руку, чтобы помочь ему встать, и заботливо осмотрел со всех сторон. Поднимаясь, Макс ухватился рукой за стену для устойчивости и, обретя опору, в свою очередь с интересом уставился на незнакомца. Несмотря на боль, — впрочем, довольно умеренную — ему было жутко любопытно, кто его спаситель и что он из себя представляет. Тот выглядел лет на тридцать-тридцать пять: коротко стриженный ёжик чёрных волос, внимательный и холодный, буквально сканирующий взгляд, едва заметная ироничная полуулыбка... образ дополнял светло-коричневый пиджак (спасибо, хоть не малиновый) и несколько массивных перстней на пальцах.

— Ты как? — спросил незнакомец.

— Жить точно буду, — заверил Макс.

— Рёбра не сломаны? — спаситель продолжал ощупывать его испытывающим взглядом, словно прикидывал, стоит ли этот сопляк потраченного на него времени.

Макс прислушался к своим ощущениям.

— Да вроде, нет.

— А это, стало быть, твой инструмент? — собеседник кивнул на футляр с виолончелью. — Это что, контрабас?

— Виолончель.

— Круто, блин, — он присвистнул. — Я в детстве в одну девчонку был влюблён, она так классно на пианино играла! “Лунную сонату”... может, слышал такую мелодию?

— Приходилось, — криво усмехнулся Макс.

— А сам сыграть сможешь? — оживился тот. — Вот прям щас?

— Ну, вообще-то это соната для фортепиано... — начал было Макс, но, заметив разочарованно вытянувшееся лицо своего спасителя, пожал плечами:

— В принципе, смогу. А нас отсюда не выставят за этот внезапный концерт? — он огляделся по сторонам. Все словно забыли о драке, завязавшейся здесь каких-то десять минут назад. Стулья уже были расставлены по местам, а одна из работниц тихонько сметала осколки посуды в совок. На Макса и его загадочного собеседника никто не пялился и вообще — складывалось такое ощущение, что их почтительно обходили стороной.

— Меня, — незнакомец выделил многозначительной интонацией это слово, — никто не сможет выставить... ни отсюда, ни из какого-либо другого места.

— А, — понятно, с иронией, протянул Макс, — вы тут местный авторитет, что ли?

Тот коротко хохотнул.

— Ну, типа того... Как тебя звать-то, музыкант?

— Максим. Можно просто Макс.

— А я... Лёха Колдун, — представился тот, — можно просто Колдун, давай на “ты”, — и крепко пожал ему руку.

Минут через пять Макс и Колдун уже переместились за стол, заботливо накрытый специально для них. Полнозаядая официантка даже расстелила скатерть, хотя подобная роскошь явно была несвойственна этому чудному заведению общепита.

— Водочки нам, Юль, — попросил Колдун, весело подмигнув официантке и явно чувствуя себя здесь не клиентом, а хозяином. — На закуску солёных груздей со сметаной и квашеной капусты, пару салатов мясных... и что-нибудь из горячего, обязательно с картошечкой.

— Я не буду есть, — запротестовал было Макс, по-прежнему не ощущая голода, но Колдун жестом остановил его.

— Это не обсуждается. Я тебя пригласил — значит, я тебя обязан не только напоить, но и накормить. Да не бойсь, не траванёшься, — он издал сдавленный смешок. — Тут хоть с виду и неказисто, а на кухне практически стерильно, я тебе отвечаю! Никаких грязных рук, никаких волос в тарелках! У меня и повар, и официантки вымуштрованы. Верно, Юленька? — он бесцеремонно хлопнул по аппетитной мягкой попе девушку, раскладывающую перед ними тарелки и приборы. Официантка зарделась, но затем сделала серьёзное лицо и подтвердила:

— Да-да, у нас всё чисто, аккуратно, продукты свежие. И вообще еда вкусная, совсем как домашняя, вот увидите!

— Ну... — дождавшись, когда официантка отойдёт, Колдун наполнил рюмки и многозначительно кивнул, — давай, что ли, за знакомство?.. Честное слово, впервые с настоящим музыкантом пью. Как тебя в принципе сюда занесло, бедолага? Вообще-то, это место особое, для “своих”, случайных людей тут не бывает.

— Подпольный штаб мафии? — улыбнулся Макс. — Здесь устраивают тайные сходки авторитеты криминального мира?

Колдун громко заржал.

— Ну, мафия или нет... а дела тут и в самом деле решаются очень серьёзные.

Макс осмотрелся.

— И все эти люди... они на тебя работают? — спросил он, догадываясь, что Колдун здесь главный.

— А ты как думал! — тот горделиво приосанился.

— Ну, а тот, которому я первому по роже дал... — Макс снова огляделся по сторонам, но парня нигде не было видно.

— Ага, Пашка, — кивнул Колдун. — Молодой, да борзый. Двоюродный брат мой... Ничего, ему уроком будет. Нехрен себя вести, как быдло, и хамить всем подряд. Впрочем, тебе во все эти дела вникать не надо. Мы с ним сами разберёмся.

Юлька поставила на стол две плоски — с груздями и с капустой — и снова испарилась. Колдун немедленно плюхнул себе на тарелку порцию сочной квашеной капусты с клюквой, политой растительным маслом, и с аппетитом захрустел ею. На лице его отразилось неприкрытое блаженство.

— Ну, так что там с этой... лунной сонатой-то? — промычал он.

Макс не стал долго церемониться. Аккуратно раскрыл футляр и достал виолончель, привычно устроил её между колен, взял смычок в правую руку...

Он был великолепным “слухачом”^{*} — вот и сейчас без труда, с первого раза, наиграл для Колдуна известную на весь мир мелодию Людвига ван Бетховена. Разумеется, это исполнение было далеко не только от выдающегося, но даже просто от “хорошего”. Всё-таки, гениальный немецкий композитор писал свою сонату не для виолончели. Эх, если бы Макс играл не один, а с пианистом-аккомпаниатором, получилось бы гораздо лучше и красивее...

Впрочем, на непритязательный вкус Колдуна всё звучало именно так, как надо: он сентиментально блеснул глазами, очевидно, вспоминая свою первую детскую любовь, и довольно кивал — да, да, это та самая мелодия!

— Как сейчас помню, — сообщил он Макс, романтично улыбаясь, — она к экзаменам в музыкалке своей готовилась. Целыми днями играла у себя в комнате с открытыми окнами. А я торчал внизу, во дворе, и слушал... Кругом сирень цвела, запах — сдуреть можно было, голова шла кругом!

— А она знала, что ты к ней неровно дышишь?

— Догадывалась, конечно. Но делала вид, что ничего не замечает — как все девчонки. Высунется, бывало, в окно, типа во двор посмотреть — чего это там делается, а сама — вж-ж-жих — по мне глазами!.. Эх, классное время было. Счастливое... Давай, что ли, за искусство выпьем, за “Лунную сонату”? Кто её сочинил-то, Чайковский?

— Бетховен...

— Ну, значит — за Бетховена!

^{*}Слухач (разг.) — человек, способный воспроизвести мелодию по слуху, а не по нотам.

Потом они пили за дружбу и за настоящих мужиков, тоже по инициативе Колдуна. Затем — за прекрасных дам, несмотря на то, что “все бабы — стервы”.

— А ты эту свою... пианистку из детства... до сих пор любишь? — спросил Макс уже начинающим немного заплетаться языком.

— Нет, конечно, — поразился Колдун такому нелепому вопросу. Он, в отличие от Макса, казался совершенно трезвым. — Когда это было-то! У меня жена Надюшка: умница, красавица... двое пацанов... и любовница Верка.

— На фига любовница, если жена — умница и красавица? — озадачился Макс.

— Ну... — озадачился, в свою очередь, и Колдун. — Для статуса. Верка... она, знаешь, какая у меня! Модель — ноги от ушей.

— Модель... — скривился Макс. — Вот и у меня тоже... модель.

— Ты женат?

— Ещё чего. Это она собирается замуж... за моего лучшего друга.

— Ну и сука, — припечатал Колдун, явно сочувствуя Макс, и когда тот собирался было протестовать, чуть ли не силой влил ему в рот очередную рюмку водки. Макс проглотил и недовольно поморщился, но собеседник поспешно подвинул к нему тарелку с груздями:

— Закусывай. А ты эту су... то есть, модель свою, которая за друга выходит... всё ещё любишь?

— Ненавижу, — с чувством произнёс Макс и икнул. — Она мне всю жизнь испоганила.

— Ясно, — понимающе засопел Колдун, и вдруг оживился. — Слушай, а может, этому её женишку яйца оторвать? Ну, или как-то иначе разукрасить, ты только скажи. Ребята мои

сработают чисто и без свидетелей. И не будет никакой свадьбы...

Макса в приступе негодования аж подбросило на стуле. Он буквально задохнулся от возмущения и даже закашлялся.

— Ты что! — с трудом выговорил, наконец, он. — Не смей! Даже не заикайся об этом, слышишь?! Он классный парень... я же сказал тебе — мой лучший друг!

— Ну хорошо, хорошо, не заводись... — спокойно отозвался Колдун и тут же невозмутимо добавил:

— А может, красотке твоей личико слегка подпортить? Или ещё что-нибудь с ней сделать... чтоб больше неповадно было жопой крутить.

Кровь моментально отхлынула у Макса от лица. Побледнев, как смерть, он яростно вцепился в собеседника: ухватил его за лацканы пиджака и несколько раз бешено встряхнул, не помня себя.

— Только попробуй... только попробуй! Если с её головы хоть волосок упадёт...

Колдун искренне и добродушно рассмеялся, точно ожидал именно такой реакции, и легко отцепил руки Макса от своего пиджака.

— Ну вот, а ещё заливался мне тут соловьём, что ненавидишь... Любишь ты её, братишка. До смерти любишь!

Из Макса будто разом выпустили весь воздух. Он откинулся на спинку стула и подрагивающей рукой вытер взмокший лоб.

— Люблю, — покорно и даже как-то обречённо признал он, шмыгнув носом и уже готовый пустить сентиментальную пьяную слезу.

— Псих, натуральный псих... но ты мне нравишься, — ничуть не сердясь за эту вспышку, продолжал веселиться Колдун, глядя на Макса с искренней симпатией. Тот же до сих пор не мог окончательно поверить в то, что никакой реальной опасности Лере не грозит, и продолжал с подозрением исподлобья посматривать на своего нового знакомого.

— Расслабься, бешеный, — Колдун хлопнул его по плечу. — Я же пошутил, непонятно, что ли? Всё в порядке будет с твоей принцессой, раз ты так о ней переживаешь. А знаешь, что... лучше сыграй-ка мне ещё что-нибудь!

— Без вопросов, — Макс и самому хотелось отвлечься музыкой, и эта просьба его даже обрадовала и взбодрила. Он снова притянул к себе виолончель и привычно обнял её, как любимую женщину, знакомую до каждой чёрточки, каждой впадинки, каждого плавного изгиба стройного тела.

— Что играть-то?

— Ну... не знаю. А из “битлов” что-нибудь можешь? — спросил Колдун с любопытством. — Меня папаша на них в своё время посадил.

— Джона Леннона могу. “Imagine”* хочешь?

— Во, класс!.. — оживился тот. — Я её пацаном до дыр заслушивал, очень крутая песня! Макс послушно тронул смычком струны, мысленно уже пропевая текст...

“Imagine there's no heaven

It's easy if you try

No hell below us

Above us only sky...”

...и вздрогнул от неожиданности, когда услышал, как Колдун внезапно подхватил

мелодию глуховатым, но приятным голосом, который, впрочем, слегка портил жутковатый — явно не британский — акцент:

— Imagine all the people living for today...
Imagine there's no countries
It isn't hard to do
Nothing to kill or die for
And no religion too

Imagine all the people living life in peace...

Когда отзвучал последний аккорд и умолкшая виолончель была снова отложена Максом в сторону, Колдун молча налил себе ещё водки, жажнул залпом и с шумом выдохнул:

— Умеешь ты душу вынуть, сучонок...

— Красота-то какая! — подтвердила и официантка Юлька; оказывается, она была рядом — протирала тряпкой соседний стол и заслушалась, присев на краешек стула и подперев щеку ладошкой.

— Прямо как будто на концерте побывала, — она как-то горестно, по-бабьи, вздохнула. — Между прочим, я в Москве уже пять лет живу, а ещё ни разу не была ни в консерватории, ни в театре, ни хотя бы в музее...

Колдун аж поперхнулся от неожиданности и в изумлении воззрился на официантку.

— Ну, Юленька, ты и выдала... Где ты — а где театры!

— А почему нет-то? — девушка даже обиделась. — Я, между прочим, очень уважаю драматические спектакли. С удовольствием бы сходила на Серёжу Безрукова... или на Сашу Белецкого... — она снова вздохнула, на этот раз мечтательно.

— Брысь! — рассердившись, шикнул на неё Колдун. — Иди работай, тут тебе, в самом деле... не консерватория.

*"Imagine" (в переводе с англ. — "Представьте себе") — песня Джона Леннона из одноимённого альбома 1971 года, в которой автор изложил свои взгляды на то, каким должен быть мир. "Представь, что нет никакого рая и никакого ада, а только небо над головой... нет ни религий, ни границ между странами... не за что больше убивать и незачем умирать... представь, что можно просто жить сегодняшним днём" и т. д. "Imagine" стала визитной карточкой Леннона; многие называют её лучшей композицией всех времён и народов.

Окончание вечера и душевных посиделок Макс помнил уже весьма смутно, расплывчато. Последней яркой вспышкой в памяти было то, как Колдун выудил у него из кармана мобильник, собственноручно вбил туда свой номер и сохранил в списке контактов.

— Если тебе когда-нибудь что-то понадобится... услуга любого рода, ты понимаешь о чём я — звони. Всегда буду рад помочь. Во сколько у тебя поезд-то? Ну, давай на посошок...

Как они оказались на вокзале — Макс рассказать уже не смог бы. Он даже не понял, как получилось, что Колдун забрал его чемодан из камеры хранения. Сам Макс напрочь забыл об оставленном там багаже, и если бы не забота нового знакомого — ехать бы ему домой без вещей... Он помнил лишь о виолончели и отчаянно цеплялся за футляр, боясь случайно

оставить где-нибудь свой бесценный инструмент.

На платформу Колдун тащил Макса буквально волоком. Затолкал его в вагон, разыскал нужное купе и фактически кулем свалил отяжелевшего и неповоротливого музыканта на полку. Проводница хотела было возмутиться такому свинскому состоянию пассажира, пьяный в вагоне — лишние проблемы да головная боль, но Колдун моментально умиротворил её, многозначительно вложив в ладошку крупную денежную купюру.

— Пригляди за моим братишкой, милая, — заговорщически подмигнул он ей. — Ну, перебрал парень, с кем не бывает... пусть себе спит тихонечко. Утром принесёшь ему минералочки и крепкого сладкого чая. А может, даже пивка. И таблеточку от похмелья... в общем, сориентируешься по ситуации, чего он сам попросит. Сделаешь, хорошая моя?

— Обязательно, — улыбнулась она, ловко пряча купюру. — Не беспокойтесь, доставим вашего брата до Петербурга в целости и сохранности!

Лера присела рядом, положила прохладную ладошку на его разгорячённый лоб, нежно погладила, а затем подула, умиряя головную боль и успокаивая...

— Не уходи, пожалуйста, — попросил он, удерживая её руку на своём лице. Лера наклонилась к нему, и он почувствовал, как длинные пряди её шелковистых волос касаются его шеи, щекочут кожу щёк...

— Через полчаса прибываем в Санкт-Петербург, — громко произнесла она каким-то незнакомым, чужим голосом. Вздвогнув, Макс открыл глаза и обнаружил, что никакой Леры, конечно же, тут и в помине нет, а сам он находится в купе поезда.

— Просыпайтесь, просыпайтесь, скоро Питер! — раздался всё тот же голос, показавшийся Максусу с похмелья до невозможности резким и оглушительным. Он с огромным трудом повернул голову и, наконец, заметил проводницу, застывшую в дверях его купе.

— Доброе утро! — жизнерадостно провозгласила она. — Как вы себя чувствуете?

Макс с трудом разлепил спёкшиеся губы.

— Как в анекдоте: “Лучше бы я вчера умер...”

— Хотите чаю? Кофе? Минералочки? — любезно поинтересовалась проводница.

— Воды, пожалуйста... холодной.

— Сейчас принесу, — она испарилась.

Макс, с трудом преодолевая головокружение и тошноту, сел. Его тут же повело в сторону. Да, всё-таки семи часов сна оказалось недостаточно для того, чтобы окончательно протрезветь... В голове металась, мешая друг другу, обрывки вчерашних воспоминаний — какой-то дикий коктейль, словно картинки взбесившегося калейдоскопа. Красные плюшевые сердечки... Лера в его гостиничном номере... привокзальная забегаловка... молодой мужчина с пронизательным взглядом, снова и снова подливавший ему водки... Лунная соната... Да было ли это? Макс полез за телефоном и быстро обнаружил в списке контактов новое имя — Колдун. Значит, этот “крёстный отец” московского разлива ему не приснился.

“Если тебе когда-нибудь понадобится услуга любого рода — звони. Всегда буду рад помочь...”

Макс понятия не имел, нужно ли ему в принципе такое приятельство. Не опасно ли иметь подобных личностей среди знакомых, пусть даже шапочных? Но, поколебавшись, удалять номер он на всякий случай не стал. А мало ли... вдруг пригодится.

В восемь часов утра Макс стоял на платформе Московского вокзала и поёживался от

февральского морозца. Ну, вот он и дома... здравствуй, Питер.

Возникло ощущение, что он не был здесь целую вечность, хотя прошло-то всего несколько суток: сначала коцерт в Вене, а потом — столичный вояж. Просто в этот короткий временной отрезок вместились столько событий и эмоциональных потрясений, что Макс чувствовал себя другим человеком — не тем, который уезжал из Петербурга четыре дня назад.

Такси домчало его до дома, и в половине девятого Макс уже звонил в дверь собственной квартиры, мечтая о горячей ванне и чистой постели. Мать открыла — и предсказуемо обалдела.

— Максик... — растерянно залепетала она, окидывая его взглядом, в котором плескались ужас, шок и неверие. — Что с тобой? Я тебя никогда таким не видела... Ты что, напился? Как ты мог, как тебе не стыдно?!

— Может, это и ужасно, но не стыдно... — привычно отшутился он, устало снимая пальто. — Mam, без паники. Я уже большой мальчик, мне двадцать пять годиков. Ну, перебрали накануне со знакомым. Ничего страшного не произошло.

— Ничего страшного?! — она скрестила руки на груди и осуждающе покачала головой. — Да ты в зеркало на себя взгляни! Самому-то не противно?

— Противно, мамуля, — со вздохом признался он. — Я сам себе омерзителен. Всё? Этого достаточно, чтобы ты поверила в моё искреннего раскаяние, или для пушшего эффекта следует встать на колени?

Мать сжала губы в тонкую полоску, не одобряя этого паясничанья, но и не желая раздувать скандал. Макс повесил пальто и направился к себе.

— Завтракать будешь? — сухо поинтересовалась она ему в спину. Сын отрицательно качнул головой.

— Нет, я спать... — однако перед входом в свою комнату вдруг притормозил, словно внезапно вспомнив о чём-то, и обернулся.

— Помнишь то лето, когда я уехал в Лондон? — спросил Макс.

Мать растерянно кивнула:

— Да, конечно.

— Лера тогда приходила к тебе с разговором... Почему ты мне ничего не сказала?

Она изменилась в лице.

— Лера... — выговорила она язвительно. — Опять — Лера... Ты что, виделся с ней в Москве? И из-за этого напился?

— Сначала ответь на мой вопрос. Почему ты не рассказала мне о вашей встрече?

Мама пожала плечами.

— А смысл?.. Она тогда для себя всё уже решила, как мне показалось. То, что она пришла ко мне за советом, было простой формальностью. Что бы я ей тогда ни сказала — это не изменило бы её решения.

— И тем не менее, ты посоветовала ей расстаться со мной. Точнее — оставить меня...

— Повторю: она для себя всё уже и так решила, — спокойно возразила мать. — Поэтому я честно сказала ей то, чего бы хотела сама. А хотела я, действительно, только одного: чтобы она оставила тебя в покое и не мешала твоей учёбе.

Макс закусил губу, борясь с поднимающимся изнутри недоуменным протестом.

— Mam... почему ты её так ненавидишь?

Она горько усмехнулась.

— Ненавижу? Да бог с тобой, Максик, и в мыслях не было. Ненависть — слишком сильное чувство. Я не могу сказать, что в восторге от Леры, но у меня нет к ней ни ненависти, ни даже простой неприязни. Целеустремлённая девочка, с сильным характером, упёртая, гордая... Меня она не устраивает лишь в качестве пары для тебя.

— Но почему? Блин, почему?! — воскликнул Макс.

— Потому что тебе с ней плохо, я же вижу, — мягко сказала она. — Ты вбил себе в голову, что любишь её... ладно, ладно, — заметив его взгляд, полный праведного негодования, поправила мама, — может, даже не вбил, а действительно любишь. Но это чувство тебя разрушает, неужели ты сам не видишь, не понимаешь? Влюблённые люди летают, как на крыльях. А с ней ты постоянно напряжён, будто сидишь на вулкане. Я не верю, что вы будете счастливы, — помолчав, добавила она. — Пойми, я от души желаю тебе счастья, но в счастье с Лерой — не верю... Она просто высосет из тебя всю жизнь по капле.

— Не высосет, — отрубил Макс. — Она вообще выходит замуж за Андрея.

Маму, как ни странно, даже не особо удивила эта новость.

— Ну, может, у них всё получится...

— Значит, в их совместное счастье ты веришь? — язвительно спросил он.

— Да пойми, Максим! Ты — мой сын, и, какой бы замечательной ни была Лера в твоих глазах, для меня только ты всегда будешь на первом месте. Ты — и твоё благополучие. Или ты станешь обвинять меня в том, что я думаю о тебе больше, чем о Лере? А почему я обязана о ней думать?!

— Я не обвиняю тебя, мама... — выдохнул он устало. — Просто... так глупо всё получилось. Вся моя жизнь — одна сплошная глупость.

— Не говори так! — запротестовала было она, но Макс покачал головой.

— Твой внук сейчас, наверное, уже ходил бы в первый класс, — проговорил он тусклым голосом и, отвернувшись, проследовал в свою комнату, уже не видя, как побледнела мать, как она поспешно зажала себе рот ладонью, чтобы не напугать Макса нечаянным вскриком.

Достав виолончель из футляра, он долго и задумчиво смотрел на неё.

Затем, словно в каком-то забытьи, чуть оттянул одну струну. Подумал — и потянул сильнее, чувствуя сопротивление и резь в подушечках пальцев. Внезапно разозлившись, Макс дёрнул изо всех сил — и струна лопнула со странным печальным звуком, похожим на стон.

А Макс уже словно сорвался с цепи, принимаясь дёргать одну струну за другой: вторую, третью, четвёртую... Они поддавались не сразу, до крови резали ему пальцы — казалось, что струны глухо рыдают, отчаянно цепляясь за колки, прежде чем порваться.

Виолончель плакала, а сам Макс, уродуя её в приступе какого-то злого и отчаянного бешенства, упорно молчал. Он не проронил и слезинки, только тяжело и взволнованно дышал, точно мстил за что-то... и опомнился лишь после возгласа матери:

— О господи, Максим, что ты творишь?!

Она стояла в дверях его комнаты и с ужасом взирала на этот акт вандализма. Переведя взгляд на руки Макса, на его окровавленные пальцы и ладони, мама и вовсе схватилась за сердце.

— Да что с тобой, мальчик мой, ты что, с ума сошёл?

А ещё через мгновение словно прорвало плотину — он затрясся в рыданиях у матери на

груди, беспомощно повторяя бессмысленную, непонятную, странную фразу:

— Она — не моя любимая женщина... не моя любимая женщина... не моя... — и непонятно было, говорит он сейчас о Лере или о своей виолончели.

Маме пришлось возиться с Максом, как с младенцем — успокаивать и утешать, утирать слёзы, затем отвести в ванную, чтобы он умылся, и обработать его израненные пальцы, а потом напоить крепким сладким чаем и уложить в постель, подоткнув с обеих сторон одеяло, как в детстве. Она была очень напугана этой вспышкой, но старалась, чтобы голос звучал спокойно и ласково.

— Ты просто устал, — говорила мама, поглаживая его по голове, — просто устал, Максик... поспишь — и тебе сразу станет легче, вот увидишь.

Он благодарно прижался щекой к её ладони.

— Прости меня, мама... Наверное, это не слишком приятно — быть матерью взрослого, похмельного, небритого и рыдающего мужика? Не представляю, как ты справляешься.

Она засмеялась, обрадованная этой неуклюжей шуткой — значит, его потихоньку стало отпускать...

— Для меня ты всегда маленький, даже когда небритый и похмельный, — с нежностью произнесла она. — Помнишь, когда ты только начинал учиться играть на виолончели, то так смешно и сосредоточенно вытягивал губы трубочкой, пытаюсь услышать, попал ли в ноту?... Я теперь всегда вспоминаю об этом, когда мне хочется на тебя разозлиться.

— Вот так? — Макс сложил губы в трубочку, будто собирался засвистеть. Мама снова засмеялась и любовно взъерошила его тёмные густые волосы.

— Всё будет хорошо, мальчик мой. Всё у тебя будет хорошо...

Италия, месяц спустя

Макс обожал Италию и итальянцев, и они платили ему тем же — с искренней национальной непосредственностью, со всем пылом своего буйного темперамента, столь близкого темпераменту самого Макса.

Пальцы, израненные порванными струнами, почти уже не болели. Больше всего пострадала правая рука, которой Макс держал смычок, а на левую во время репетиций и выступлений он надевал специальную тонкую перчатку.

Тур по Италии растянулся на три недели, и это была не только работа, но и каникулы — три недели ежедневного, непрекращающегося кайфа. В каждом городе, где у него должен был состояться концерт, Макс останавливался на несколько суток. Репетировал с очередным оркестром свою программу, давал интервью местным СМИ — это было формальной частью; в неформальную же входили длительные пешие прогулки, наслаждение итальянской архитектурой, потрясающая здешняя еда и общение с поклонниками.

О, поклонники буквально купали его в своей любви! Больше, конечно, поклонницы. Многих итальяночек, беснующихся на его концертах, Макс уже начинал узнавать в лицо: они ездили по стране вслед за своим кумиром, чтобы послушать его в Риме, Милане, Венеции, Флоренции и Вероне... Они встречали его овациями в Аудиториуме Парко делла Музика, посылали воздушные поцелуи с каменных ступеней амфитеатра Арена ди Верона, скандировали: “Ti amo!”* в Ла Фениче и забрасывали плюшевыми игрушками сцену театра Пергола...

Подстерегая Макса на выходе из очередного концертного зала, фанатки оглушительно визжали и безостановочно фотографировали виолончелиста, а также без тени смущения задирали майки, чтобы Макс оставил свой бесценный автограф прямо у них на груди. В Венеции девушки даже устроили танцевальный флешмоб в его честь: надев одинаковые свитера с вышитой на груди виолончелью, они босиком (отдавая дань привычке Макса частенько выступать босым, чтобы “прочувствовать” энергетику сцены) исполнили танец под одну из записанных любимым музыкантом мелодий. Получилось массово, зрелищно и очень трогательно, Макс было безумно приятно.

Фанатки дарили ему подарки, лезли обниматься и пытались чмокнуть своё божество хотя бы в щёчку... Некоторые из обожательниц весьма недвусмысленно давали понять, что, подмигни он им хотя бы разок — и они с удовольствием продолжат знакомство в его гостиничном номере. Впрочем, Макс ни разу не переступил эту черту со своими поклонницами, несмотря даже на то, что многие из них были не просто хорошенькими, а настоящими красавицами.

Можно было, конечно, переспать с любой из них без особых для себя последствий — сбросить сексуальное напряжение и преспокойно уехать в другой город, а после и вовсе вернуться в Россию и не париться ни о чём. Но Макс не мог этого сделать: он видел в глазах этих девочек столько искренней любви и поклонения, что просто не рискнул бы разрушить идеализированный образ самого себя, созданный их пылким романтичным воображением. Он как будто чувствовал ответственность за всех своих поклонниц, не рискуя разбивать им сердца и подвергать ненужным жестоким разочарованиям.

Если бы Максу приспичило до зубовного скрежета — он бы, ей-богу, скорее заташил в постель Настю, своего концертного директора, которая сопровождала его во время итальянского турне, чем кого-то из фанаточек. Тем более, Настя и сама явно демонстрировала, что не прочь: в самолёте прижималась к нему горячим пышным бедром, то и дело посылала зазывающие улыбки и томные взгляды, в каждом отеле многозначительно мешкала у дверей номера, прежде чем попрощаться, словно ждала, что Макс её остановит... Нет, правда, уж лучше переспать с ней! Ну и что, что она старше на пять лет, разведена и имеет двоих детей — не жениться же ему на ней, в самом деле. Вот только не помешает ли это потом их профессиональным отношениям... А Настя была крутым профессионалом, Макс не хотелось её терять. Она возила по заграничным гастроллям многих российских музыкантов и оперных певцов.

Вот и сейчас, когда они завтракали на террасе отеля в Генуе, Настя неприкрыто кокетничала с Максом. Потянувшись за сливками для кофе, она так вызывающе наклонилась, что её аппетитная грудь едва не вывалилась из выреза блузки. Макс отвёл взгляд, почувствовав, тем не менее, что стрела достигла цели. Ну, что ж... раз они оба хотят этого, то почему бы и нет?.. Сегодня после вечернего концерта в театре Карло Феличе он пригласит её к себе в номер — выпить вина за успешное завершение тура. Ну, а дальше — дело за малым, он был уверен, что долго уламывать Настю точно не придётся.

*Ti amo! — в переводе с итальянского “Я люблю тебя!”

Бросая на Макса игривые взгляды искоса, Настя одновременно продолжала увлечённо выстукивать что-то на клавиатуре своего ноутбука — даже за завтраком она не могла полностью абстрагироваться от работы.

— Есть шикарное предложение на апрель — турне по Европе: Хельсинки, Стокгольм, Амстердам, Париж и Ницца. Поедешь?

— Скинь мне на мейл детали, я позже посмотрю, — рассеянно отозвался Макс. Настя кивнула и, покончив с делами, открыла новостную ленту — узнать, что вообще происходит в мире культуры.

— Ого! — воскликнула она. — Ты гляди-ка... Веселов вчера женился.

Настя знала Андрея лично, так как в своё время тоже организовала ему несколько заграничных концертов.

— Вот... полюбуйся, каков красавец! — она развернула ноутбук экраном к Макс, и тот увидел свадебное фото Андрея и Леры. Ну да, всё правильно... вчера было четырнадцатое марта. Именно на эту дату назначили их бракосочетание.

Раньше Макс, казалось, что день свадьбы станет самым чёрным в его жизни. Что, увидев этих двоих вместе, он умрёт в ту же секунду. А вот поди ж ты — вчера, закрутившись, даже не вспомнил, что был за день... И сейчас тоже не происходило ничего страшного: небеса не разверзлись, его не поразило громом и он не упал на месте замертво. Напротив, с умеренным любопытством рассматривал фотографию молодожёнов.

— Хорошенькую девочку себе нашёл, — похвалила Настя.

— Да, — согласился Макс, — красивая.

Лера выглядела очень нежной, хрупкой и беззащитной в свадебном платье. Андрей тоже был хорош — от него так и веяло спокойствием, уверенностью и силой. Они идеально смотрелись вместе.

“Известный российский виолончелист Андрей Веселов сочетался законным браком с модельером Валерией Богдановой, — говорилось в статье. — Роман молодых людей развивался стремительно. Говорят, это была любовь с первого взгляда. Желаем этой прекрасной паре счастливых и долгих лет совместной жизни...”

Макс сосредоточенно болтал ложечкой в кофе, размешивая пенку, и старался не встречаться глазами с Настей.

— Я должен позвонить, — решил он наконец, вставая из-за стола. — Извини, отойду на пять минут. Закажи мне ещё эспрессо, пожалуйста.

Андрей откликнулся после первого же гудка.

— Привет, Макс! — заорал он в трубку.

— Поздравляю с новым статусом, Андрюха. Извини, вчера закрутился... — выговорил он преувеличенно бодрым и беззаботным тоном. — Ну, каково это — быть женатым?.. — и чуть было не договорил “на Лере”.

— Отлично! Потрясающе! Спасибо, Макс, — голос его был счастливым до неприличия. — Как жаль, что ты сейчас не в России... на свадьбе тебя здорово не хватало, правда.

— О да. Вот только меня там у вас, действительно, и не хватало, — Макс усмехнулся. — Короче... не могу долго говорить, поэтому просто пожелаю вам счастья, ребята. И... передай своей жене, чтобы берегла тебя.

Андрей засмеялся.

— Может, наоборот? Чтобы я её берёг?

— Да нет. Пусть она тебя берёт, я ничего не перепутал.

— О, любовь моя, Макс, ты такой милый, — Андрей снова захохотал. — Спасибо, дружище. Правда — спасибо, что позвонил. Я это ценю.

Вернувшись к столу, Макс сделал вид, что листает яркий рекламный буклет, машинально захваченный им сегодня на стойке ресепшн. Список местных достопримечательностей... ассортимент пеших и автобусных туров... расписание ближайших выступлений и концертов известных музыкантов...

Вдруг взгляд зацепился за фразу — “...master class di Milos Ionescu...”

Milos Ionescu.

Милош Ионеску...

“Милош — твой отец”, — тут же раздался в голове голос мамы.

— Насть, ты же понимаешь по-итальянски? — быстро спросил он молодую женщину. Та скромно дёрнула округлым плечиком:

— Ой... если честно, на самом простом уровне.

— Что здесь написано, можешь перевести? — он подал ей буклет.

Настя свела изящные бровки к переносице, губы её беззвучно зашевелились, проговаривая текст.

— Так, ну... самый известный молодой скрипач Италии — Сандро Куарта — будет играть для публики Вивальди и Гайдна... лауреат многочисленных международных премий... в возрасте пятнадцати лет выступил с Национальным симфоническим оркестром Итальянского радио и телевидения...

— Нет, не то, — нетерпеливо перебил Макс и ткнул в нужную строчку пальцем, — вот

тут... что-то про мастер-класс.

— А, это... погоди-ка... Кварта — единственный итальянский скрипач, который удостоился чести стать учеником знаменитого Милоша Ионеску. Румынский виртуоз дал ему несколько мастер-классов. Как известно, Ионеску не любит общаться с публикой и последние несколько лет проживает затворником на своей вилле в Портофино... Это всё, — Настя подняла глаза на Макса.

— Портофино... — задумчиво повторил за ней он. — Это же... это же где-то недалеко, верно?

— Да совсем рядом, — кивнула она, — рукой подать. Отсюда каждый день паром ходит.

Макс и сам толком не знал, что скажет этому человеку при встрече... при условии, что встреча всё-таки состоится. У него не было никаких контактов Милоша Ионеску (даже мысленно он не осмеливался называть его отцом) — ни телефона, ни точного адреса, кроме расплывчатого ориентира “вилла в Портофино”. Макс понятия не имел, как будет его искать и добиваться аудиенции, однако понимал, что никогда не простит себе, если уедет из Италии и хотя бы не попытается увидеться со своим биологическим папашей.

Он не стал ничего говорить матери, чтобы не вселять в неё напрасных надежд и ожиданий. Просто позвонил и поставил в известность, что задержится в Италии ещё на три дня — хочет отдохнуть на Лигурийском побережье.

Билет, конечно, пришлось в срочном порядке менять, да ещё и с доплатой, к великому разочарованию Насти — она-то рассчитывала, что они с Максом вместе вернутся в Санкт-Петербург. Но он был так озабочен предстоящим визитом в Портофино, что даже забыл о своём намерении затащить Настю в постель после концерта, завершающего турне.

— Ты что, действительно поедешь встречаться с этим самым Ионеску? — Настя наморщила хорошенький носик. — Он что, твой родственник?

— Ага, — кивнул Макс, — настолько дальний, что даже не подозревает о моём существовании.

— Прикольно... и тоже музыкант, вот же совпадение, — она покачала головой. — Слушай, а что, если он не захочет тебя принять? У этих старых звездунов свои заморочки... а этот, судя по всему, вообще какой-то отшельник, не особо радующийся новым знакомствам.

— Ну, не вышвырнет же он меня, — пожал плечами Макс. — Хотя, кто его знает... может, как раз и вышвырнет. Ладно! Чего думать да гадать, как пойдёт — так и пойдёт.

— Я могла бы поехать с тобой в качестве переводчика, — сказала Настя с улыбкой, и непонятно было — то ли шутит, то ли всерьёз. — Между прочим, всегда мечтала побывать в Портофино.

— Извини, — Макс отвёл глаза, — но я туда еду не развлекаться. Это чисто семейное дело, не думаю, что тебе будет со мной слишком интересно.

Настя расстроилась, но, к её чести, деликатно не стала навязываться. Хотя в душе, возможно, немного пожалела о так и не состоявшемся коротком “командировочном” романе...

— Имей в виду, что там всё жутко дорого, — заботливо предупредила она Макса. — Ценник прямо-таки конский — и в ресторанах, и в отелях. Всё-таки, один из самых престижных и фешенебельных курортов... плюнь — и обязательно в звезду попадёшь. У многих голливудских актёров там собственные виллы. Говорят, сама Мадонна каждый год

приезжает в Портофино, чтобы отпраздновать свой день рождения. Хорошо ещё, что сейчас не сезон, а вот летом туда вообще лучше не соваться. Простая чашечка кофе обойдётся тебе примерно в пятнадцать евро...

— Спасибо, приму это к сведению, — поблагодарил Макс.

— Ну, ладно, — Настя обезоруживающе улыбнулась. — Тогда я пойду к себе... У меня ещё вещи не собраны, а утром в аэропорт.

Она в последний раз бросила на Макса вопросительный взгляд, обозначающий: “А может, всё-таки... ммм?” Но он не поддержал её немой призыв.

— Спокойной ночи, Насть.

Полночи Макс был занят тем, что пытался разыскать в интернете информацию о своём отце — вернее, о его нынешнем образе жизни. Однако сведения были весьма скудные: помимо всем известной официальной биографии, растиражированной всевозможными сайтами, о Милоше Йонеску писали только то, что Макс уже и так знал из рекламного буклета: затворничает... не общается с прессой... живёт в Портофино. Никаких зацепок или подсказок! Даже фотографий знаменитого скрипача в сети было не так уж много, да и те — в основном периода его расцвета. Интересно, как он выглядит сейчас? Он ведь уже немолод... Макс вспомнил, что Милошу должно быть около шестидесяти пяти лет.

В конце концов, решив, что утро вечера мудренее, Макс наскоро покидал в чемодан свои вещи и завалился спать.

Из Генуи он добрался до Портофино на пароме.

Несмотря на то, что голова была занята другим, Макс не мог не отметить потрясающей красоты, открывающейся глазу, когда паром вошёл в крохотную живописную гавань у подножия горы. Роскошные белоснежные яхты соседствовали с простыми рыбацкими лодками, а сама гавань была окружена яркими красочными домиками, издали похожими на игрушечные. Что ж, у его отца, как минимум, был неплохой вкус — он выбрал прекрасное место для своего уединения, Макс и сам не отказался бы здесь пожить в старости, когда его музыкальная карьера будет завершена.

Это был поистине идиллический курортный городок — даже, скорее, посёлок, население в котором не превышало пяти сотен человек, где круглый год светило солнце, а на деревьях даже зимой можно было увидеть мандарины и хурму... Макс читал, что изначально это место называлось *Portus Delphini* — из-за большого количества дельфинов, резвящихся поблизости и даже заплывающих в местную бухту. Жаль, что купальный сезон ещё не начался — Макс, обожающий море, тоже с радостью поплескался бы в чистой лазурной водичке, но пока ещё было довольно прохладно.

Он сошёл на пристань вместе с другими туристами и оказался на знаменитой маленькой площади Пьяцетта. Поставив чемодан на землю, а сверху устроив на него футляр с виолончелью, Макс с удовольствием осмотрелся по сторонам. На изумрудно-зелёном холме можно было разглядеть старинный замок и жёлтую макушку церкви — будь у Макса больше свободного времени, он непременно поднялся бы по крутой лестнице, чтобы полюбоваться видами городка с высоты. Впрочем, куда ему теперь идти, он всё равно пока не знал, поэтому решил пообедать в одной из многочисленных кафешек, расположенных на площади, а заодно попытаться разговорить кого-нибудь из местных жителей.

— *Buon giorno, signor!** — тут же подскочил к нему проворный зазывала одного из

ресторанчиков и быстро залопотал что-то по-итальянски, но, заметив лёгкую растерянность в глазах Макса, мгновенно сориентировался и перешёл на английский:

— Добро пожаловать к нам, мистер! Лучшая рыбная кухня во всей Италии!

Макс, поддавшись этому напору, послушно двинулся вслед за парнем. Тот беспрерывно балаболит, расхваливая на все лады их заведение и озвучивая коронные блюда шеф-повара:

— Потрясающая свежая и сочная рыба под солью... Равиоли с сибасом и морепродуктами... Паста с грибами, приготовленная в чашке из пармезана... Маринованные анчоусы... А также прекрасное белое вино из винограда верментино, вы же наверняка слышали о виноградниках Чинкве-Терре?!

— Уже захлёбываюсь собственной слюной, — пошутил Макс.

— Может быть, хотите зайти внутрь? На улице достаточно свежо.

— Нет, спасибо, посижу здесь, на террасе... уж больно виды открываются красивые.

Парнишка расплылся в довольной и гордой улыбке.

— Да, лучше Портофино нет места на земле! — простодушно заявил он и тут же испарился, чтобы прислать к Максy официанта.

Еда и в самом деле оказалась божественной, а ценник, как и предупреждала Настя, реально конским, но никто не посмел бы сказать, что тающие во рту кушанья того не стоили. В конце трапезы к Максy даже вышел сам хозяин ресторана, чтобы лично справиться, понравились ли ему заказанные блюда.

— Спасибо, всё было великолепно, — честно ответил Макс.

— Синьор — музыкант? — любопытствовал хозяин, покосившись на футляр с виолончелью. Макс кивнул, а пожилой итальянец, неожиданно оказавшийся меломаном, страшно обрадовался:

— О, это прекрасно, прекрасно! То-то мне ваше лицо сразу показалось знакомым. Виолончель... инструмент с самым чувственным и волнующим звуком. В ней столько скрытого огня и страсти, ведь правда?

Он вежливо спросил разрешения, чтобы присесть к Максy за столик, и они ещё некоторое время душевно болтали о музыке, а затем Макс, наконец, рискнул поинтересоваться о том главном, что привело его в Портофино. И снова — удача! Складывалось ощущение, что с того самого момента, как он прочёл заметку о мастер-классах Милоша Йонеску, проведённых для юного скрипача, мироздание крепко взяло его за руку и уверенно повело навстречу отцу — указывая дорогу и посылая многочисленные подсказки.

— Да, я знаю его виллу, синьор, её не видно ни отсюда, ни с воды, она прячется в зелени одного из холмов... Я сейчас набросаю вам схему, как туда удобнее и быстрее добраться. Только вот... не уверен, что синьор Йонеску будет рад незваному гостю, — счёл своим долгом добавить хозяин. — Он не особо любит общаться с внешним миром... В прошлом году приезжали телевизионщики, хотели снять передачу в связи с его юбилеем... да только он им даже ворота не открыл, так и мариновал за забором. Сказал, что не нуждается ни в какой передаче о собственной персоне, а его музыку можно послушать в записях, на пластинках и дисках.

Макс невольно поёжился. Да, судя по всему, его папочка — тот ещё фрукт...

— А я вам вот что скажу, — наклонившись к Максy, итальянец заговорщически подмигнул. — Если человек так принципиально оберегает свою частную жизнь и не хочет давать интервью... Значит, ему есть, что скрывать, а?..

*Buon giorno, signor! — Добрый день, мистер! (ит.)

Виллу Макс действительно обнаружил довольно скоро — дошёл по схеме минут за двадцать, да и то лишь потому, что трудновато было подниматься вверх по узкой тропинке с тяжёлым чемоданом и виолончелью. Налегке бы он справился гораздо быстрее.

Дом оказался окружён высоким забором, неприступным и неприветливым даже с виду. Над глухими воротами Макс заметил камеру видеонаблюдения, на всякий случай как можно доброжелательнее в неё улыбнулся и, больше не мешкая ни секунды, нажал на кнопку звонка.

Ему долго, очень долго не открывали. За забором было тихо, так что он понятия не имел — дома ли Милош, в принципе? Может быть, отправился на прогулку или по делам...

Наконец, вдали послышался собачий лай, который приближался с каждой секундой, а затем лязгнули засовы, и массивная тяжёлая створка ворот чуть приоткрылась.

Меньше всего на свете Макс ожидал сейчас увидеть то, что увидел.

Перед ним стояла девчонка — совсем молоденькая, не старше двадцати лет, хорошенькая до невозможности, и настороженно хлопала длинными чёрными ресницами, обрамляющими круглые, как вишни, карие глаза.

— Что вы хотели, мистер? — спросила она по-английски.

Макс растерялся. Он был готов к чему угодно — к встрече с самим Милошем Ионеску, с его охранником или домработницей... но только не с этим юным чудом, продолжающим глазеть на него со смешанным выражением беспокойства, досады и испуга на прелестном личике.

Возле ног девушки крутилась немецкая овчарка, тоже настороженно взирающая на незнакомца и, судя по всему, готовая вот-вот вцепиться ему в горло, если получит отмашку.

Макс чересчур приветливо и жизнерадостно улыбнулся и машинально сделал шаг — даже не шаг, а полшага — в направлении ворот. Собака тут же предостерегающе ощерилась и негромко, но явственно зарычала. Девушка положила узкую ладошку на голову псу, слегка погладила, чтобы успокоить, однако сама по-прежнему смотрела на Макса не особо дружелюбно.

— Что, язык откусили? — поинтересовалась она, не утруждая себя излишней вежливостью. — Я, кажется, задала вопрос... Кто вы такой и что вам здесь надо?

— Мне необходимо увидеться с мистером Ионеску, — Макс спохватился, что до сих пор стоял молча, как истукан.

— Зачем? — она буквально буравила его своими глазами-вишнями.

— Ну... — он замялся. — По личному вопросу. Поверьте, мне очень нужно.

— Вам нужно, а ему?

— Вы можете хотя бы просто сообщить ему, что я хочу поговорить?

Ничего не ответив на это, она перевела взгляд куда-то за спину Макса. Он не сразу сообразил, что девушка смотрит на виднеющийся за его плечами футляр виолончели.

— Вы музыкант? — впервые на её лице промелькнул проблеск интереса.

— Нет, просто таскаю с собой повсюду виолончель ради прикола.

Шутку она не оценила, поэтому Макс решил, наконец, нормально представиться.

— Меня зовут Максим Ионеску.

— Ионеску? — глаза её широко распахнулись от удивления.

— Послушайте, — Макс начинал нервничать, потому что не был готов к подобному допросу от какой-то пигалицы, — я не грабитель, не убийца, не маньяк и не террорист. Можете проверить мой чемодан, если хотите. Там ничего интересного, кроме моих концертных костюмов, а также трусов и носков, даже бомбы нет.

Она презрительно фыркнула.

— Очень надо...

Затем, возведя глазищи к небу, девушка произвела в уме какие-то расчёты.

— Погодите-ка... Виолончелист Ионеску... Не хотите ли сказать, что вы — тот самый Ионеску?

Он пожал плечами.

— Скорее всего, тот самый, хотя и не знаю точно, что вы имеете в виду.

— Но по телевизору вы выглядите несколько иначе, — она окинула его сканирующим взглядом с ног до головы. — Как-то посOLIDнее, что ли. И причёска другая...

— Людям свойственно менять причёски, знаете ли... Если не верите своим глазам — могу показать вам паспорт. Ну, или откройте интернет, наберите в поисковике моё имя и посмотрите записи на ютубе, чтобы убедиться, что это действительно я. Зачем мне врать и

притворяться кем-то другим?

— Давайте паспорт, — ничуть не смутившись, произнесла она, протягивая руку. — Я схожу к дяде и спрошу, захочет ли он вас принять.

— Дядя? — переспросил он в замешательстве. — Вы — племянница Милоша Ионеску?

— Ну да, а что вас так удивляет? Я — младшая дочь его родного брата.

“И моя двоюродная сестра, — чуть было не вырвалось у Макса. Его затопили смешанные чувства — растерянности, тепла, даже какой-то внезапной нежности к этой девушке. Он-то думал, что у него в целом мире есть только мать и — где-то вдали, теоретически — отец. А оказывается, существует ещё дядя, и двоюродные сёстры или братья тоже имеются...

— Ждите здесь, — бесцеремонно сказала юная красотка, невежливо захлопывая ворота перед носом у Макса, и испарилась. С его паспортом, ага.

Хорош же он будет, если она вообще не появится... Макс засмеялся собственным глупым страхам, живо представив, как сестричка рвёт паспорт на мелкие кусочки, спускает их в унитаз и вызывает полицию, после чего Макса с громким международным скандалом депортируют из страны.

Он привалился плечом к забору и, посвистывая, чтобы успокоиться, принялся обозревать окрестности. Свежая обильная зелень деревьев и кустарников перемежалась нежными цветами — ярко-розовыми, сиреневыми, жёлтыми... Макс не был силён в ботанике и не знал, как они называются. От тонкого аромата у него даже слегка закружилась голова. Отсюда не видно было моря, слишком густыми и плотными казались заросли, но Макс ощущал его солёный запах, слышал отдалённый шум разбивающихся о берег волн... что ни говори, а это был настоящий рай на земле.

И всё же... бежать от всех, закрыться на своей вилле, как в крепости... Было в этом что-то странное. Впрочем, так ли уж отец закрыт? Вон — племянница в наличии, следовательно, семья брата тоже где-то тут рядом обитает...

Он не успел додумать эту мысль — ворота снова загрохотали и открылись. Кузина поманила его пальчиком:

— Пойдёмте, дядя вас ждёт.

Они шли по саду вдвоём, если не считать весело носящейся рядом овчарки, и пытались поддерживать светскую беседу. Вернее, это Макс “пытался”, преодолевая неловкость — у сестрички же получалось вполне живо и естественно. Она трещала без умолку, видимо, отчаянно стараясь сгладить впечатление от не слишком приветливой встречи, за которую невольно чувствовала свою вину.

Довольно узкая, но ухоженная дорожка вела к двухэтажному дому весёленького оранжевого цвета с просторной террасой. Макс бросал любопытные взгляды по сторонам: ну, за садом-то определён кто-то ухаживает, у него совсем не запущенный вид. И вообще, на территории было очень симпатично и уютно.

— Дядина вилла спроектирована известным архитектором Луиджи Вьетти — может, слышали о таком? — словно прочитав его мысли, спросила девушка. — Раньше вилла принадлежала знаменитому американскому киноактёру “старого Голливуда”. Он, конечно, давно уже умер... Снаружи кажется, что дом полностью утопает в зелени и прячется в тени деревьев, но со второго этажа открывается чудесный вид на море. Особенно ночами... эти огни в порту, они просто завораживают. Кстати, видите вон то оливковое дерево? — она ткнула пальцем, Макс послушно уставился в указанном направлении. — Ему целых сто лет!

Наверное, нужно было выразить изумление и восхищение — и Макс с готовностью выразил, вслух поразившись толстому и кривому суковатому стволу с длинными ветвями. На самом деле, чем ближе они подходили к дому, тем сильнее он волновался и не мог думать ни о чём другом, кроме предстоящей встречи с отцом.

— У садовника выходной сегодня, — продолжала кузина, — это благодаря ему сад находится в таком отличном состоянии... — и тут же, без перерыва, с любопытством спросила:

— Вы ведь румын, верно? Судя по фамилии... А вообще, забавное совпадение.

— Румын только наполовину, — Макс пока что воздержался от комментариев по поводу “совпадения” фамилий.

— А на вторую половину?

— Русский. Живу в Санкт-Петербурге.

— Серьёзно? — она забавно округлила и без того круглые глаза. — Никогда бы не подумала. У нас тут летом очень много русских туристов, вы на них совсем не похожи.

— Руссо туристо — они везде, да... — неопределённо пробормотал Макс.

— А я на пятьдесят процентов итальянка, по матери, — сообщила она весело.

— Простите, а как вас зовут? — спохватился он.

— Ой, и правда, забыла представиться... Лучана, — ей удивительно шло это нежное, светлое имя.

— Лучана. Вы живёте здесь вместе с дядей?

— Нет, конечно, — она даже фыркнула от такого странного предположения. — Он меня любит, разумеется, но не настолько, чтобы выносить двадцать четыре часа в сутки. Вообще-то я живу в Генуе. Учусь в консерватории Никколо Паганини.

— Скрипачка? — попытался было угадать Макс.

— Фортепиано, если синьор не возражает, — она изобразила шутливый реверанс. — Так о чём это я?.. Ах, да, дядина домработница внезапно приболела, вот я и нагрязнула сюда ему на подмогу. Удалось вырваться буквально на несколько деньков. Привезла продукты, забила холодильник на неделю вперёд, наготовила еды впрок... и уже скоро уеду. Вообще-то, дядя не может долго выносить общество других людей.

— Почему?

Лучана искоса взглянула на Макса, словно прикидывая, стоит ли он того, чтобы быть посвящённым в столь личные детали взаимоотношений посторонней семьи.

— Характер такой, — она уклончиво пожала плечами. — Предпочитает уединение и терпеть не может, когда ему лезут в душу. Так и торчит здесь один-одинёшенек... если не считать Моцарта.

— Моцарта?

— Так зовут собаку, — Лучана рассмеялась. Пёс, услышав своё имя, тут же подбежал к ним и замолотил хвостом, преданно заглядывая девушке в глаза, очевидно, ожидая то ли угощения, то ли того, что с ним поиграют.

Тем временем они подошли к дому, и Лучана, приветливо распахнув входную дверь, жестом пригласила Макса следовать за ней. Поколебавшись, он оставил чемодан снаружи и переступил порог жилища, не предполагая и не догадываясь, какой приём его ожидает.

— Проходите через гостиную прямо в библиотеку, она служит дяде заодно и кабинетом, — Лучана ободряюще улыбнулась. — А я пока приготовлю вам обоим кофе.

Макс не знал, испытывает ли облегчение от того, что сестричка предоставила ему возможность поговорить с Милошем наедине, без свидетелей — или, напротив, боится встретиться с отцом один на один. В любом случае, отступить было поздно.

Он быстро пересёк гостиную и очутился перед массивной деревянной дверью. Поколебавшись пару секунд, постучал костяшками пальцев и сразу же услышал в ответ бодрое:

— Come in!*

Макс вошёл.

От волнения у него пересохло во рту, часть запланированных фраз тут же вылетела из головы, а остальная часть застряла в горле.

— Добрый день, — только и смог выговорить он, тоже по-английски.

— Добрый. Чем могу служить?

Макс, наконец, решился поднять глаза, чтобы посмотреть в лицо собеседнику — и упёрся в пронзительный, не слишком-то довольный взгляд. Ни тени приветливости, ни толики любопытства — только плохо скрываемая досада от внезапного визита этого странного чувака с виолончелью за спиной... Ну надо же — быть таким социофобом, подумал Макс, совсем оробев.

Отец выглядел моложе своих лет — ни грамма лишнего веса, жилистый, подтянутый, взгляд тёмных глаз ясен и умён, морщин на лице почти нет, и только совершенно седые, но ничуть не поредевшие, волосы выдавали возраст.

— Меня зовут Максим Ионеску, — запнувшись, произнёс Макс.

— Я в курсе.

Вот так. Ни малейшего проблеска интереса в глазах, ни малейшего сомнения, что фамилия Ионеску является всего лишь случайным совпадением... Впрочем, в Румынии этих Ионеску — пруд пруди, и всё же... ну неужели Милош совершенно ни о чём не подозревает?!

Однако, всё равно надо было с чего-то начинать.

— Помните... — запнувшись, проговорил Макс, — в тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году вы приезжали на гастроли в СССР?

— Да, возможно. Я много где успел побывать, — заметил Милош снисходительно. Его английский был правильным, но звучал резковато из-за явственного румынского акцента.

— У вас тогда был концерт в Ленинграде. Не припоминаете?

— Смутно. И что же?

— Моя мать аккомпанировала вам на фортепиано... — Макс чувствовал себя дурак дураком.

Густые брови Милоша взметнулись вверх.

— И что же? — повторил он с нажимом. — Простите, молодой человек, я не держу в памяти имена всех своих аккомпаниаторов, тем более не постоянных, а одноразовых.

“Как и одноразовых любовниц?” — хотел было спросить Макс, но с трудом удержался от вспышки гнева. Спокойнее, спокойнее...

— Но она... вы с ней... то есть, она с вами... — он совсем запутался, не зная, как о таком в принципе можно заявить прямо в лоб совершенно незнакомому человеку. “Вы переспали с моей матерью, а через девять месяцев боженька благословил её потомством”?

— Постойте-ка, — Милош откинулся на спинку кресла и посмотрел на Макса внимательнее — въедливо, настороженно, словно сложил в уме два и два, но никак не мог

поверить, что действительно получилось четыре. — Не хотите ли вы мне сказать, что я — ваш отец?

Макс с облегчением кивнул. Ну вот, самое важное уже озвучено...

В кабинете повисло неловкое молчание.

— Полагаю, вам нет смысла лгать — при вашем статусе и известности, — наконец, задумчиво заметил Милош, машинально беря со стола карандаш и начиная вертеть его в пальцах. Макс узнал свою собственную привычку, как будто в зеркало посмотрелся — нервничая, он тоже всегда хватался за что-нибудь, чтобы занять руки. — Подобная информация легко проверяется ДНК-экспертизой... Так что, допустим, вы говорите правду.

— Я готов пройти и экспертизу, если надо, — Макс самолюбиво вскинул подбородок.

— И... чего же вы теперь ждёте от меня? Чего хотели, пролив мне свет на это обстоятельство?

— Ничего не хотел, — Макс нервно сглотнул. — Просто посмотреть на вас. Познакомиться.

— Посмотрели? Познакомились? — давая понять, что аудиенция окончена, ехидно спросил отец.

— Да.

— Что-то ещё? — Милош иронично приподнял одну бровь.

— Нет. Достаточно. Спасибо за славную беседу.

Чувствуя стыд и раскаяние (да на фига он вообще сюда припёрся?!), Макс круто развернулся и направился к двери.

— Постойте... Максим. Скажите, зачем вы исполняете на виолончели эстрадные мелодии и рок? — внезапно спросил Милош ему в спину. — Я видел записи некоторых ваших выступлений.

Макс остановился, растерявшись от такого вопроса.

— А почему нет?

— Вы опошляете благородное классическое звучание инструмента этими низкопробными композициями...

— Они не низкопробные! — моментально вскинулся Макс. — В том-то и дело, что время не стоит на месте. Даже сейчас, в наши дни, полно талантливых композиторов, которые пишут потрясающие мелодии! Исполняя их на виолончели, я стараюсь показать рисунок музыкальной композиции, её красоту. Многие молодые люди не станут слушать виолончель даже даром, не говоря уж о том, чтобы купить билет на концерт. А когда я играю близкие и понятные им мотивы... есть шанс, что они заинтересуются разными направлениями в музыке, в том числе и классикой. Но нельзя же, в самом деле, всю жизнь молиться только на классику! — горячо воскликнул он.

— Ладно, — глаза Милоша потухли. Похоже, разочарование в новоприобретённом сыночке было полным. — Я... не смею вас больше задерживать. Всего доброго.

*Come in! — Войдите! (англ.)

В это время в библиотеку вплыла Лучана с подносом, на котором стояли исходящие паром чашки с кофе и миниатюрные вазочки с солёными орешками и крекерами.

— Как, Максим, вы уже уходите? — удивилась она, застав его у самой двери.

— А мы уже поговорили, — Макс неопределённо махнул рукой.

— Дядя? — она поставила поднос на стол и уставилась на Милоша с подозрением и укоризной. — Нельзя же выпроваживать человека за порог, даже не предложив ему чашечку кофе. Я думала, он с нами и поужинает... у тебя ведь так редко бывают гости!

— Спасибо, я не голоден, — торопливо вставил Макс.

— Это мой сын, Лучана, — с места в карьер заявил Милош. То ли демонстрировал свою принципиальность и честность, несмотря на то, что сам не был в восторге от открывшейся информации, то ли просто хотел, чтобы племянница услышала новость от него самого, а не от Макса. А скорее всего, и то, и другое... Даже разговор с племянницей он подчёркнуто завёл по-английски, чтобы Макс не в чем было его упрекнуть — всё прозрачно, никаких тайн и недомолвок.

Девушка непонимающе запорхала ресницами.

— Что? Какой ещё сын? Ты о чём?

— Максим Ионеску, — пожилой скрипач простёр руку в сторону Макса несколько театральным жестом. — Как говорится, плоть от плоти, кровь от крови моей.

— А ты... его отец? — глупо переспросила она, переводя взгляд с дяди на Макса и обратно. — Но как такое возможно? Ты же никогда не был женат.

Милош закатил глаза.

— Господи, мне иногда кажется, что тебе не девятнадцать лет, а всего лишь девять. Никогда раньше не приходилось слышать о том, что дети могут рождаться и вне брака?

— А... — Лучана захлопнула рот, уставившись на Макса во все глаза. Он неуверенно улыбнулся ей в ответ.

— Так значит, вы... мой кузен?

— Получается, так, — Макс развёл руками, точно сам удивлялся такому обстоятельству.

То, что произошло дальше, заставило его онеметь на пару мгновений — коротко и радостно взвизгнув, Лучана прыгнула, как кошка, и повисла у него на шее. Вот так, сразу, безоговорочно приняв на веру информацию об этом неожиданном родстве, она заодно моментально и безусловно приняла его своим братом — готовая искренне полюбить в ту же секунду, в которую узнала о его существовании.

Макс смутился так, что покраснел до корней волос, однако осторожно и нерешительно приобнял её в ответ, стараясь при этом не встречаться взглядом с отцом. Наконец, Лучана отстранилась. Глаза её сияли. Впрочем, восторг тут же сменился сердитым выражением, когда она повернулась к Милошу.

— Дядя! — гневно спросила Лучана. — Куда это ты выпроваживаешь собственного ребёнка на ночь глядя?

— Да я, в общем-то, уже сказал всё, что хотел, — запротестовал двадцатипятилетний “ребёнок”, умирая от неловкости. — Мне и в самом деле пора.

— Пора куда? — сестричка упёрла руки в бока и возмущённо уставилась на него. — Когда у вас самолёт в Россию?

— Ну... так-то, послезавтра. Но я...

— В каком отеле вы остановились? — перебила она.

— Ни в каком. Я сегодня же возвращаюсь в Геную... Что мне делать в Портофино?

— Слышать этого не желаю! — она рассерженно помахала указательным пальцем у него перед носом. — Вы мой кузен, с ума сойти... Разве я могу вас отпустить вот так, сразу? И потом, побывать в Портофино и не погулять по нему — это просто преступление, так и

знайте!

— Но, Лучана... не стоит задерживать молодого человека, у него могут быть свои дела... — возразил было Милош. Племянница повернулась к нему и сердито затараторила что-то по-итальянски, то и дело сбиваясь на румынский. Он ответил ей не менее гневной тирадой... Макс готов был провалиться сквозь пол.

— Всё, хватит! — прервала девушка жаркую дискуссию и решительно схватила Макса за руку. — Пойдёмте со мной, Максим, я приготовлю для вас одну из спален на втором этаже. Где ваш чемодан? Нужно его забрать. И не протестуйте! А твоё мнение меня не интересует, дядя, — обернувшись, отчеканила она, яростно сверкая глазами. — У меня нашёлся брат! И я хочу поближе с ним познакомиться.

Разумеется, все протесты Макса и попытки по-тихому смыться не увенчались успехом — Лучана прямо-таки кипела от праведного негодования при мысли о том, что Милош фактически выпроводил из дома собственного сына. Девушка немедленно начала “причинять добро”, окружив кузена родственной заботой вкупе со сшибающим с ног национальным гостеприимством, чтобы хоть как-то искупить вину за дядино поведение. Она скорее легла бы костями прямо на пороге, чем позволила бы Максиму покинуть виллу.

Комната, которую Лучана самовольно ему определила, оказалась чудесной. Светлая спальня с собственной душевой, просторная кровать, балкон с шикарным панорамным видом на море и возвышающиеся вдаль горы...

— Располагайтесь, Максим, — радушно предложила кузина. — А потом жду вас внизу. Кофе-то вы так и не выпили!

— Зови меня просто Макс, — предложил он, — раз уж мы родственники... Максим — это как-то слишком официально.

— Договорились! — Лучана улыбнулась. — Давай посидим вдвоём на террасе, пока ещё не стемнело и не стало слишком холодно. А ужинать будем в столовой... все вместе.

— Как-то неудобно получилось. Не люблю чувствовать себя лишним, особенно, когда мне явно не рады, — Макс всё ещё не мог оправиться от смущения, однако Лучана возмущённо тряхнула головой.

— Неудобно?! Неудобно сейчас должно быть дяде — нечего было засовывать свой... scusa... * смычок куда попало!

Макс чуть не поперхнулся от такого сравнения и, не выдержав, громко захохотал. Нет, его сестричка определённо была прелестна!

— На самом деле, он просто испугался и растерялся, — доверительно сообщила Лучана, подмигнув при этом Максиму, как заговорщику. — Дядя очень эмоциональный... ему свойственно рубить сплеча, совершать спонтанные поступки и говорить непростительные вещи, но он очень быстро оттаивает и потом искренне раскаивается... Впрочем, это наша общая, семейная черта, — она смущённо потупила взор.

“О да, — с иронией подумал Макс, — это, видимо, действительно наша чёртова семейная черта — сначала натворить, а после жалеть...”

— А сейчас он просто не сообразил, как нужно реагировать, — продолжала Лучана. — Дядя привык считать себя волком-одиночкой... и вдруг внезапно ему на голову сваливается взрослый сын, да ещё такой талантливый, которым можно по праву гордиться! А если, не дай бог, он к тебе привяжется? Вот что его пугает...

— Но почему? — недоумеваю, спросил Макс. — Что страшного в привязанности к кому-

либо?

— Он скрывает это, но в глубине души, мне кажется, ужасно боится полюбить кого-то по-настоящему. Боится, что это чувство причинит ему боль, разобьёт сердце. Да, у дяди есть все мы, его семья: брат, племянники... Но, понимаешь, мы как бы с ним — и в то же время в отдалении, сами по себе. А тут — родной, собственный ребёнок! — с большим чувством воскликнула она. — И теперь уже невозможно отделаться формальным общением, нельзя остаться в стороне, ведь отец и сын — самые близкие люди на свете.

— Ну, это в идеале... Я не могу требовать от него любви, да и сам, если честно, тоже не уверен, что вот так быстро смогу полюбить его. Он для меня — совершенно чужой человек. Я не собираюсь ни на что претендовать, заявлять о своих правах... Мне от него ничего не нужно, честное слово.

— Да, на охотника за наследством ты не особо похож, — просканировав Макса взглядом, вынесла она вердикт.

— И что, большое наследство? — пошутил он.

— Приличное, — Лучана серьёзно кивнула. — Основной доход, конечно, приносит его виноградник в Чинкве-Терре...

— Он успевает ещё и за виноградником следить? — удивился Макс.

— Ну, не он сам, конечно. Там есть управляющий и целый штат сезонных работников. А по мелочи... Записи его выступлений до сих пор активно крутят на радио и телевидении, альбомы потихоньку перевыпускаются и продаются, так что он получает кое-какие гонорары. Иногда пишет статьи на музыкальную тематику. Учеников, правда, уже не берёт, его социофобия в последние годы расцвела пышным цветом...

— Сложно не заметить, — усмехнулся Макс.

— Ладно, я тебя совсем заболтала! — спохватилась кузина. — Устроишься — приходи вниз, жду тебя на террасе. Там и продолжим!

*Scusa — прости, извини (ит.)

Этот первый вечер в Портофино, проведённый Максом вдвоём с сестрой, стал для него одним из самых нежных и дорогих сердцу “итальянских” воспоминаний.

Они разговаривали взахлёб — и никак не могли наговориться. Он рассказывал ей о Питере и Лондоне, об учёбе в Королевском колледже музыки, а она, в свою очередь, сыпала байками из студенческой жизни консерватории Никколо Паганини и делилась многочисленными подробностями о жизни своего большого и шумного семейства. Оказывается, Лучана была четвёртым ребёнком в семье — поздним, случайным, но очень любимым, возможно, ещё и потому, что родилась единственной девочкой после троих мальчишек. Разумеется, дочурку баловали с самого младенчества и родители, и братья. Впрочем, Лучана была так очаровательна, что Макс и сам уже готов был её баловать, осыпать подарками и вообще заботиться, как старший брат — о младшей сестрёнке.

— Ты обязательно, обязательно должен приехать в Геную, к нам домой, и познакомиться со всеми лично! — Лучана нахмурила бровки — как всегда, когда хотела дать понять, что “это даже не обсуждается”. — Уверена, тебе понравятся и мои родители, и братья. Папа будет рад, что у него внезапно объявился племянник из России...

— А твои братья — кто они? Тоже музыканты?

— Ну, куда там, — Лучана махнула рукой и засмеялась. — К великому неудовольствию

дяди Милоша, у всех них напрочь отсутствует слух! Марио — ресторатор, Андреа преподаёт в колледже, а Франко играет за футбольный клуб “Дженоа”. Он пока единственный не женат, у Марио уже трое детей, а у Андреа — двое... Твои двоюродные племянники, между прочим!

Они пили очень вкусный кофе, приготовленный Лучаной, жевали сыр, орешки и сухофрукты, а Моцарт, вертясь ужом вокруг стола, умильно вскидывал глаза то на Лучану, то на Макса, выпрашивая угощение.

— Сыр любит просто до трясушки, — девушка потрепала пса по голове и ловко закинула ему в пасть очередной ломтик пармезана. — Готов лопать его килограммами! Ладно, обжора, держи, но это последний кусок, иначе дядя оторвёт нам с тобой головы!

— Кстати, странно, что... твой дядя, — Макс так и не смог выговорить “отец”, — назвал собаку Моцартом. С его-то пиететом по отношению к классической музыке, с его пафосом, с его...

— Занудством, — весело подсказала Лучана, когда он запнулся, и они оба рассмеялись. — На самом деле, имя выбирал не он, а моя мама. Щенок был подарком от нашей семьи дяде на день рождения три года назад... Дядя пытался, конечно, из упрямства называть его иначе, но пёс оказался ещё более упрямым и отзывался только на “Моцарта”!

Затем Макс, по просьбе Лучаны, достал виолончель и исполнил для кухни несколько мелодий — в основном это были романтические песни, любимые всеми девчонками. Она оказалась благодарной слушательницей: внимала звукам инструмента, затаив дыхание, покачивала головой в такт музыке, замороженно наблюдала за тем, как пальцы Макса зажимают и отпускают струны, восторженно ахала, когда он делал вибрато...*

В тот момент, когда Макс заканчивал играть одну из душещипательных композиций Уитни Хьюстон, на террасе появился отец.

Он приблизился к столу и накинул на плечи племянницы тёплый плед, коротко обронив:

— Свежо...

— Спасибо, дядя! — сердечно поблагодарила Лучана, незаметно подмигивая кузену, что должно было означать примерно следующее: “Видишь, видишь?! Я же говорила тебе, что он быстро оттаёт!”

— Ты бы тоже надел свитер или куртку, Максим, — заметил Милош вскользь, обращаясь к Максиму, но глядя при этом куда-то в сторону. — Можешь простудиться.

И Макс понял, что отец только что выкинул белый флаг.

*Вибрато (вибрация) — один из важнейших приёмов игры на струнно-смычковых инструментах, наиболее ярко отражающий звуковую индивидуальность музыканта. Посредством вибрато достигается особая певучесть звука и выразительность исполнения.

— Кофе, дядя? — предложила Лучана, но тот лишь отрицательно покачал головой.

— Ну, тогда... — девушка задумчиво обвела взглядом террасу, изо всех сил стараясь придумать тему для общего разговора. — Может, теперь ты нам сыграешь?!

Макс затаил дыхание, ни секунды, впрочем, не веря в то, что Милош согласится. Услышать вживую исполнение великого скрипача... об этом можно было только мечтать. Каким бы скверным характером ни обладал его отец, но не уважать его как профессионала, не восхищаться его волшебным даром Макс просто не мог. Похоже, Лучана и сама не надеялась на удовлетворение своей просьбы, однако Милош, коротко бросив:

— Схожу за скрипкой, — скрылся в доме.

Кузина ошеломлённо покрутила головой, словно проверяя, не спит ли она.

— Что это сейчас было? Я не ослышалась?! Дядя сказал, что сыграет для нас?

— Он сказал, что принесёт скрипку, — поправил Макс.

— Ну он же принесёт её не для того, чтобы колоть ею орехи... разумеется, он будет играть! Господи, поверить не могу, он обычно терпеть не может музицировать по просьбам родственников, берёт скрипку только тогда, когда душа требует... Не иначе, Макс, он хочет покрасоваться перед тобой! — глаза кузины возбуждённо заблестели.

— Да ну, ерунда, — он смутился. — Не похоже, что я — тот человек, на которого ему хочется произвести впечатление. Скорее уж, просто звёзды удачно сошлись... и его самого потянуло играть.

Отец вернулся, держа в руках свой драгоценный инструмент. По тому, как он бережно прижимал к себе скрипку, как ласково и нежно его сухая ладонь обхватывала гриф, Макс моментально распознал в нём “своего” — снова увидев в Милоше, как в зеркале, собственное отражение. Скрипка, виолончель... это не просто рабочий инструмент музыканта. Это гораздо, гораздо больше, важнее и сокровеннее.

— Страдивари? — спросил Макс с благоговением. Милош задумчиво кивнул, машинально поглаживая корпус инструмента.

— Первую скрипку Страдивари мне презентовала королева Елизавета, — сказал он. “Баба Лиза!” — мелькнуло в голове у Макса, и он невольно улыбнулся, вспомнив Андрюху.

— ...мне тогда было двенадцать лет, сопляк сопляком, — продолжал отец. — А вот эта — подарок Министерства культуры и национального наследия Румынии. С ней я дал свои лучшие концерты, записал лучшие альбомы... она мне очень дорога.

— Ох, о дядиной одержимости своим музыкальным инструментом ходят легенды! — вмешалась Лучана с улыбкой. — На гастролях он никогда не расставался со скрипкой, всюду таскал её с собой — даже в ресторан приносил, очень уж боялся, что её выкрадут из номера в его отсутствие.

Милош усмехнулся, признавая справедливость её слов и словно говоря: “Ну да, бывало и такое...”

— А ещё мне постоянно казалось, что скрипка страдает и плавится от горячего влажного воздуха, от яркого солнца... — добавил он. — Я с ужасом воображал себе, как клей вытекает из швов, и неизменно отказывался от дневных выступлений на открытых, незатенённых площадках.

— Сыграешь, дядя? — умильно сделав бровки домиком, напомнила Лучана. Милош чуть нахмурился — очевидно, не любил, когда на него давили, но, тем не менее, уютно и привычно устроил скрипку у себя на плече, зафиксировав положение инструмента левой стороной челюсти.

Макс замер, от волнения забыв даже, как дышать... Но, когда первая трель скрипки разорвала тишину сумерек и разлилась по саду, он опомнился и торопливо сделал глубокий вдох.

Милош Ионеску играл Шопена — Ноктюрн до-диез минор, одну из самых любимых вещей Макса. Пронзительная, щемящая, рвущая душу мелодия... и это не отец сейчас её исполнял — скрипка сама плакала и грустила, рассказывая свою историю. Потрясённый силой и чистотой звука, Макс, будто загипнотизированный, следил за движениями смычка и пальцев. Это было блестящее исполнение: даже сейчас его отцу не было равных. Он нисколько не растерял ни таланта, ни сноровки...

Ещё несколько мгновений Макс боролся с собой, а затем, не выдержав, потянулся за виолончелью и влился в мелодию синхронно с Милошем. Он не был уверен в том, что отца не разозлит этот дерзкий поступок, поэтому играл негромко, вкрадчиво, не заглушая ведущий инструмент, а лишь подчёркивая и обрамляя его звучание, деликатно оставаясь “вторым голосом” и признавая лидирующую позицию скрипки.

Это был невероятный по своей красоте и уникальный по слаженности дуэт — вряд ли кто-нибудь догадался бы, что отец и сын играют вместе впервые, что у них не было ни одной совместной репетиции... Казалось, что под звуки дивной мелодии почтительно стихает отдалённый шум моря, что умолкает даже ветер, что-то невнятно бормочущий до этого в кронах деревьев, что вся природа внимает магии Музыки...

Наконец, затих последний отзвук шопеновского ноктюрна. Отец взглянул сыну в лицо и слегка улыбнулся ему уголками губ, но ничего не сказал. Впрочем, Макс и не нужны были слова...

Лучана быстро смахнула ладонями влажные дорожки со щёк (ох уж эта семейная эмоциональность, ох уж эта чувствительность!) и сначала крепко обняла и расцеловала дядю, а затем повторила те же действия с кузеном.

— Мальчишки, вы были неподражаемы! — безапелляционно заявила она.

Тем временем со стороны моря потянуло холодом. Уже совсем стемнело, и пламени зажжённой свечи, поставленной в пустую стеклянную баночку для защиты от порывов ветра, стало недостаточно. Отец щёлкнул выключателем, и террасу залил не слишком яркий, умиротворяющий жёлтый свет.

— Я пойду накрывать на стол, пора ужинать, — спохватилась Лучана, вскакивая. — А вы тут пока поболтайте... Но, если замёрзнете, немедленно возвращайтесь в дом!

Отец и сын остались вдвоём, если не считать расположившегося у ног хозяина Моцарта. Снова повисло неловкое молчание — такое же, как пару часов назад у Милоша в кабинете.

— Я помню её, — наконец, сказал скрипач. Макс вопросительно поднял глаза, и Милош пояснил:

— Твою маму.

— Не то, чтобы я вспоминал о ней все эти годы, прости, не хотелось бы тебя обманывать, — признался Милош. — Но, как только ты упомянул гастроли в СССР и

ленинградский концерт... я сразу понял, кого ты имеешь в виду.

Макс не знал, радоваться ему такому обстоятельству или пока рано, поэтому продолжал молчать, ожидая, что за этим последует.

— В библиотеке у меня хранятся старые фотоальбомы, я привёз их с собой из Румынии. Там есть и фотографии, сделанные во время турне по Союзу. Мы потом с тобой... если захочешь, конечно, — смутившись, поправился Милош, — вместе их посмотрим. Если не ошибаюсь, там должно быть фото и твоей матери: нас запечатлели во время совместного выступления. Она по-настоящему талантливая пианистка, с ней действительно приятно было работать. Как её зовут? Прости, запомнил...

— Нина, — глухо отозвался Макс.

— Она до сих пор играет?

— Нет, ушла на пенсию в прошлом году. Но в последние годы она не выступала, не аккомпанировала. Преподавала в музыкальной школе.

— Тебя воспитывал отчим?

— Нет, — Макс помотал головой. — Мама так и не вышла замуж. Она растила меня одна.

— Мне очень жаль, Максим, — сказал отец, взглянув ему в глаза. — Жаль, что наше знакомство состоялось лишь сейчас... и вот так.

— Да ладно, чего уж, — буркнул Макс. — Вас тоже можно понять. Я свалился, как снег на голову...

— Признаться честно — да, эта новость поначалу просто выбила меня из колеи. Но мне горько от того, что я уже не смогу стать для тебя тем, кем мог бы. Не сумею дать тебе того, что должен был, как отец. Ты — взрослый, состоявшийся, успешный человек, независимая личность. Я не видел тебя маленьким, не слышал твоих первых слов, не наблюдал за первыми шагами, не дул на твои синяки и разбитые коленки...

— Ну, дуть на ранки — это, скорее, мамина обязанность, — Макс не смог сдержать улыбки. — А отец, наоборот, должен учить не хныкать при виде крови, давать сдачи, быть настоящим пацаном! И да, признаться, мне этого не хватало в детстве... Хотя моё детство в принципе нельзя было назвать типичным, музыка с самых ранних лет отжирала большую часть времени...

Отец глубоко вздохнул и положил ладони на стол, нервно сжимая и разжимая пальцы.

— Я очень рад, что ты стал музыкантом, но увы — это не моя заслуга, а плоды воспитания твоей матери. И... твой несомненный талант, конечно.

— На самом деле, — запнувшись, сказал Макс, — она всегда ставила мне вас в пример. Мечтала, что я достигну в профессии таких же успехов, как и вы.

— Ты знал? — быстро переспросил Милош. — С детства знал обо мне?

— Имя узнал, только когда был подростком. Но того, что мой отец — известный музыкант, мама никогда не скрывала. Правда, я не особо-то ей верил...

Помолчали.

— Я не хочу торопить события и загадывать наперёд, но... — скрипач взглянул на Макса, и в глазах его читалось волнение, смущение, и... страх. Страх быть непонятым? Отвергнутым?

— Я не настолько самоуверен, чтобы пообещать стать тебе хорошим отцом. Слишком много времени упущено. Но... возможно, мы могли бы сделаться... друзьями?

Макс улыбнулся.

— Во всяком случае, давайте попробуем. Я не против. Нам просто нужно сначала получше узнать друг друга.

— Извини, если это слишком личный вопрос... Ты ведь не женат, Максим? Сколько тебе лет — двадцать шесть?

— Двадцать пять. Нет, я не женат и не собираюсь, — он решил сразу же расставить все точки над і.

— Ты... — отец так и не смог выговорить слово “гей”, но оно настолько явственно повисло в воздухе, что Макс не смог сдержать невольной усмешки.

— Просто в принципе не хочу вступать в брак. Я так решил. Мне... нормально одному. Правда, абсолютно нормально.

— Безответная любовь? — отец понимающе покачал головой.

— Ну почему, очень даже взаимная, — возразил Макс. — Просто, как оказалось, не для меня.

— Что ж... — тихо произнёс Милош. — По крайней мере, в плане взаимности чувств ты оказался более удачлив, чем я.

Макс уставился на него во все глаза, а отец вздохнул и выговорил с какой-то болезненной безысходностью:

— Я и не предполагал, что мы с тобой настолько похожи... даже в этом. Мальчик, не повторяй моей ошибки, пожалуйста. Не порть себе жизнь и не зацикливайся на одной-единственной любви. Поверь, ты мог бы быть счастлив с другой девушкой, которая будет искренне о тебе заботиться. Если встретишь такую — не противься и не отпускай.

— Да что вы, в самом деле, можете знать обо мне и о моей любви? — Макс внезапно разозлился. Нашёлся советчик, скажите на милость... Однако, быстро же Милош освоился в роли его папочки — уже начал поучать с высоты своего опыта.

Отец не обиделся.

— Я, конечно, ничего не могу знать. Просто вижу в тебе — себя. Ты гонишься за призраком, поклоняешься ему... и рискуешь всю свою жизнь провести в одиночестве. Только ты, музыка и... никакой личной жизни. Посмотри на меня. Ты желаешь себе такого будущего, такой судьбы?!

Макс заставил себя успокоиться, понимая, что Милош не хотел его обижать и лезть в душу. Просто так совпало... так чертовски странно совпало, что и он тоже...

— Вы кого-то любили? — спросил Макс.

— Я её и сейчас люблю.

— А она знает?

— Знает. Давно привыкла к моей любви, как привыкают к тому, что дышат — просто не замечают этого. Лучана очень на неё похожа...

Макс оторопел.

— Вы говорите о... матери Лучаны?

Милош кивнул.

— Странно звучит, правда?... Родители Марии были итальянцами, но её семья переселилась в Румынию ещё до войны. Мне было двадцать, а ей — пятнадцать, когда я впервые её увидел. До сих пор помню тот день... и как она была одета, и две косички, в которые были заплетены её волосы, и эти невероятные глаза, похожие на южную ночь, и потрясающая улыбка... У меня не было шансов не влюбиться. Я и на скрипке-то потом играл

только для неё, все эти победы, достижения... только ради того, чтобы она мною гордилась. Чтобы она, наконец, обратила на меня внимание как на парня, а не просто как на приятеля-соседа.

— Но она так и не обратила, — резюмировал Макс. — Судя по тому, что Лучана — всё-таки ваша племянница, а не дочь.

— Как видишь... предпочла мне моего младшего братишку.

— А он знает о вашей любви к его жене?

— Нет. Господи, надеюсь, что нет, — Милош покачал головой. — Мы с братом всегда были очень близки, но единственное, в чём я так и не смог ему никогда признаться — так это в своих чувствах к Марии. Когда они задумали уехать на её историческую родину, я решил, что тоже переберусь в Италию... Это никого не удивило, все думали, что я не хочу разрывать связь с братом. А на самом-то деле... на самом деле, я просто не мог отпустить её.

Макс даже зажмурился, снова невольно проведя параллель между их жизнями. Да, Андрей ему не брат, но... при мысли о том, что тому станет известно о них с Лерой, к горлу подкатывала тошнота. Становилось стыдно и больно, и... чёрт ещё знает, как. Макс в очередной раз просто хотелось отмотать плёнку времени назад и отменить ту московскую встречу, после которой была пройдена точка невозврата.

Впрочем, если бы ему в принципе под силу было менять прошлое... захотел бы он прожить жизнь, так никогда и не узнав Леру?

К сожалению, он знал ответ.

За завтраком Лучана принялась уговаривать Макса вместе прогуляться по городку. Он и сам подумывал осмотреть местные достопримечательности, купить подарки и сувениры, но опасался — не обидится ли на это отец? Теперь, когда они так откровенно поговорили друг с другом накануне, Милошу могло стать неприятно, что Макс сбежал из дома на следующее же утро.

Однако отец не стал возражать — напротив, убедил Макса, что прогулка развлечёт его, а сам он спокойно вынесет несколько часов одиночества, потому что привык к нему.

— С вами не напрашиваюсь, — улыбнулся он, — вы молодые, резвые... А мне столько пешком не пройти.

Макс уже знал, что в центре города запрещено движение транспорта, так что отцу и в самом деле разумнее было остаться дома. Хотя в глубине души он подозревал, что дело вовсе не в мифической “немощи” Милоша — скорее всего, тот просто не любил находиться в толпе и привлекать к себе излишнее внимание.

— Какие сувениры обычно везут из Лигурии? — поинтересовался Макс у кузины. — Ну, кроме магнитов и открыток, разумеется.

— Кстати, о магнитах! — вспомнила Лучана. — Их лучше всего покупать не в сувенирном магазине, а в табакерии. Там на них большие скидки!

— Хорошо. А что ещё можно здесь приобрести?

Лучана добросовестно задумалась над вопросом.

— В основном, конечно, иностранцы налегают на местную продукцию. Вино, оливковое масло, песто...* Ещё очень популярны украшения из кораллов, можешь подарить маме или своей девушке, — она стрельнула любопытным взглядом в сторону кузена, очевидно, намереваясь раскрутить его на разговор о личной жизни, но Макс не поддался на провокацию, сдержанно кивнув.

— У тебя есть девушка? — Лучана всё-таки не утерпела.

— Конечно. Моя девушка — виолончель, — привычно отшутился Макс.

Лучана постаралась скрыть лёгкое разочарование — очевидно, её так и подмывало выспросить всё хорошенько. Как практически все девчонки её возраста, она была страстной почитательницей романтических историй и любовных переживаний.

*Песто — соус из базилика, кедровых орешков, оливкового масла, чеснока, пармезана и овечьего сыра пекорино. Визитная карточка Лигурийского региона. Песто добавляют во многие блюда, чаще всего — в пасту или равиоли, но его можно даже просто намазывать на хлеб.

Туристический Портофино оказался не так уж и велик, хоть и прекрасен.

На склонах скал тут и там притаились шикарные виллы, надёжно укрытые густой зеленью деревьев. Чаще всего туда вели частные дороги, и вход посторонним был запрещён.

Они неторопливо спустились к гавани, и Макс снова залюбовался яркой цепочкой высоких домиков с узкими фасадами — они напоминали конфеты в разноцветных обёртках.

— Хочешь прокатиться вдоль побережья? — поинтересовалась Лучана. Хоть движение транспорта здесь и было запрещено, по морю курировали водные такси.

— Нет, — покачал головой Макс, — давай лучше просто пройдемся.

Он обратил внимание, что в Портофино было сравнительно мало отелей, зато достаточно ресторанов, практически на каждом шагу.

— Всё очень просто, тут слишком дорого, — пояснила Лучана. — Чаще всего туристы приезжают из соседних курортных городков, чтобы погулять и перекусить, а затем возвращаются к себе. Здесь чересчур пафосное, “звёздное” место. Во многих ресторанах висят фото актёров, певцов и других знаменитостей, которые там обедали. И это не только сейчас, Портофино издавна привлекал к себе внимание известных людей. Сюда приезжали Петрарка и Ги де Мопассан, Фрейд, Хемингуэй... Знаешь, как шутят местные? “Каждое окно в нашем городе стоит миллион долларов”.

Лучана быстро ввела его в курс дела относительно всех достопримечательностей, отлично просматривающихся с Пьяцетты. У самого края обрыва расположилась церковь святого Георгия, чуть выше виднелся старинный замок Кастелло Браун. Далеко в стороне, на самом краю мыса, можно было разглядеть маяк.

— Если подняться к замку, откроются прекрасные панорамные виды на залив. А вокруг разбит красивый сад, — сообщила Лучана. — Ещё можно отправиться в Национальный парк. Часть пешеходных тропинок проходит над скалами вдоль моря, там потрясающая красота! Предлагаю погулять там, но немного позже. Сначала заглянем ещё в пару сувенирных магазинчиков... и перекусим.

— Ты издеваешься?! — поразился Макс. — Мы же только что из-за стола.

— Не отведать свежей фокаччи* — это преступление! — Лучана весело погрозила ему пальцем и, взяв за руку, бесцеремонно потащила за собой. — Она с утра самая вкусная, с пылу, с жару...

— Ну хорошо, — сдался Макс, — только возьмём одну на двоих!

*Фокачча — лепёшка из пшеничной муки с добавлением местных специй и оливкового масла. Часто бывает с начинкой — грибами, помидорами, колбасами, сыром и т. д.

Они во второй раз позавтракали. Лепёшка, купленная в местной пекарне, действительно оказалась очень вкусной, нафаршированной сыром и тонко нарезанной копчёной колбасой, а сверху посыпанной чесноком и перцем.

— А теперь — в кондитерскую! — деловито скомандовала Лучана. Макс закатил глаза.

— Смилуйся! Мне даже при одной мысли о еде теперь становится плохо...

— Так это не для тебя! Привезёшь маме сладостей в подарок.

Кузина не успокоилась, пока не заставила Макса купить местного печенья — миндального амаретти и песочного кубели, а также настояла на том, чтобы он попробовал знаменитую нугу торроне, которую у местных кондитеров закупал к Рождеству Ватикан.

— И вот со всем этим добром ты заставишь меня тащиться наверх, к замку? — потрясая пакетами и коробками, иронично поинтересовался Макс. — Я так и знал, что ты хочешь меня угробить.

В этот момент зазвонил мобильный Лучаны. Она ответила на звонок, что-то оживлённо залопотав по-итальянски, энергично жестикулируя свободной рукой, точно собеседник мог её видеть, и строя уморительные гримасы. Макс наблюдал за ней с улыбкой.

Закончив разговор, кузина взглянула на него чуть виновато.

— Макс, планы немного изменились... Сейчас нам лучше вернуться домой.

— Что случилось? — испугался он. — Что-то с отцом?

— Нет, просто нас там... кое-кто ждёт.

Оказалось, в Портофино из Генуи нагрянуло всё семейство в полном составе: родители, сыновья с жёнами и их дети. Лучана, не утерпев, проболталась накануне матери по телефону о визите нежданно-негаданно объявившегося родственника.

Гвалт на вилле стоял просто невообразимый, Макс едва не оглох, когда они вошли в ворота. По саду с визгом и смехом носились дети всех возрастов, а Моцарт радостно скакал рядом и заливался звонким лаем, балдея от этой весёлой суматохи.

Впрочем, в доме едва ли было тише. Просто уму непостижимо, сколько шума могло производить несколько взрослых человек... с учётом того, что они разговаривали одновременно. При виде Макса все заорали ещё громче и немедленно кинулись знакомиться.

Его обнимали, тискали, что-то восхищённо щебетали по-итальянски и по-румынски, кузены трясли ему руку в качестве приветствия, а их жёны и мать целовали в щёчки, а также зачем-то совали Максиму ничего толком не соображающих младенцев, которые пачкали его слюнями и шоколадными конфетами. В довершение этого театра абсурда мама Лучаны попыталась накормить его сладким пирогом, очевидно, собственноручно испечённым, и принялась запихивать кусок прямо ему в рот... Макс едва не рехнулся от такого радушного приёма. К сожалению, английским языком в этой семье владели только Лучана да её брат — неженатый футболист, так что Максиму оставалось лишь догадываться, о чём идёт речь вокруг него.

— Содом и Гоморра, — довольно громко проворчал Милош, не особо деликатничая. Впрочем, родня, вероятно, привыкла к такому отношению и сама не слишком-то церемонилась.

Отец Лучаны оказался совсем не похож на своего старшего брата. Это был

добродушный, улыбчивый и чуть полноватый человек, уже растерявший половину своих волос. Он крепко обнял новоприобретённого племянника и что-то горячо заговорил порумынски. Макс нерешительно улыбнулся и покосился на Милоша.

— Он говорит, что не ожидал такой прыти от угрюмого затворника вроде меня, — перевёл отец с усмешкой. — Выражает надежду, что я пока не совсем потерян для общества... может, ещё и женюсь на старости лет.

— Как тебе наша чокнутая семейка? Я сказала им, что ты улетаешь завтра и никак не успеаешь заехать погостить, — шепнула Максу Лучана в самом искреннем раскаянии. — Тогда они решили сами приехать и познакомиться с тобой...

— Да всё нормально, — он успокаивающе похлопал её по руке. — Я, конечно, немножко обалдел от таких оваций, но... твои родные очень милые и забавные.

— Теперь они и твои родные тоже, — поправила она. — Не забывай об этом.

— Верно, — улыбнулся он. — Просто пока не привык...

К вечеру часть большого шумного семейства уехала обратно в Геную, часть же осталась ночевать на вилле.

Перед ужином, когда Макс собирал вещи у себя в спальне, в комнату постучал отец и попросил разрешения войти.

— Нам с тобой сегодня не дали побыть наедине, — немного смущённо пояснил он. — Извини, что так получилось.

— Надеюсь, в будущем нам ещё представится такая возможность, — улыбнулся Макс. — Я... мы с мамой, — поправился он, — будем рады принять вас в Питере.

— Ты тоже приезжай, мальчик. В любой день, в любой момент. И матери скажи, что двери моего дома всегда открыты. Возможно, нам с ней следует пообщаться по-нормальному... полагаю, мы найдём, о чём поговорить.

— Я ей передам, — кивнул Макс.

— Да, передай это... и кое-что ещё, — Милош замялся. — Честно говоря, я не знаю, что полагается дарить женщинам в России, и не знаю вкусов твоей матери. Но... вот, — он протянул сыну красиво упакованную коробочку местных сладостей, — и вот, — у Макса в руке оказалась старая фотография.

Макс увидел на снимке маму... и отца. Они стояли на сцене: он — в классическом строгом костюме с бабочкой, со скрипкой в руке, она — положив одну руку на крышку рояля, в белоснежной блузке и концертном пиджаке с юбкой, Макс сразу же узнал этот, так хорошо знакомый ему, наряд! Мама выглядела немного напряжённой и взволнованной, он мог прочесть это волнение даже по фото, но при этом — какой молодой и счастливой она была!..

— Отдай ей эту фотографию. Себе я сделал копию.

— Спасибо, — отозвался Макс, сглотнув ком в горле. — Думаю... нет, я уверен, что ей будет очень приятно.

Разумеется, выспаться в эту ночь — и вообще лечь пораньше, как планировал Макс — ему совершенно не удалось. Но он не слишком расстроился, решив, что наверстает в самолёте или уже дома, в Питере.

Зато как бесценны и дороги были мгновения, проведённые с семьёй... После ужина никто не разошёлся по своим комнатам, даже детям разрешено было попозже отправиться в

постель. Все допоздна сидели в столовой, пили вино, разговаривали, смеялись и даже пели, Макс играл для родственников на виолончели, дети пытались открутить хвост и уши пущенному в дом Моцарту, а тот лишь покорно терпел эти издевательства, время от времени выклянчивая себе очередной кусок сыра или прошутто...

Несмотря на то, что он знал всех этих людей всего-ничего, Макс чувствовал себя среди них абсолютно своим.

Он чувствовал себя дома.

Через несколько дней после возвращения из Италии Макс узнал, что Милош Ионеску, впервые за долгие годы нарушив своё молчание, пообщался с прессой и местным телевидением. В интервью он официально объявил российского виолончелиста Максима Ионеску своим сыном.

Постепенно подкрадывалось лето.

Несмотря на ряд важных событий и эмоциональных потрясений, связанных с внезапным обретением новых родственников, жизнь Макса потихоньку вошла в привычную колею и покатилась своим чередом. Он ездил на гастроли и давал концерты в родном Питере, участвовал в телевизионных шоу и судействовал в музыкальных конкурсах...

Но, конечно, тональность восприятия мира немного изменилась. Макс с теплотой в душе понимал: теперь, что бы с ним ни произошло, где бы он ни был — он никогда не останется один.

Кузина, добавившая Макса в друзья в фейсбуке и твиттере (её примеру последовали и остальные родственнички — все, у кого были аккаунты в этих соцсетях), немедленно забила бы тревогу, не пояись братец онлайн хотя бы сутки. Они регулярно созванивались с Лучаной по скайпу и подолгу болтали обо всём на свете. Разумеется, общался Макс и с отцом. Тот не был любителем соцсетей, но обоим хватало видеозвонков.

Что самое удивительное (а может быть, как раз закономерное?) — к беседам с Милошем по скайпу приобщилась даже мама. Они действительно легко нашли общий язык и подолгу сидели у своих компьютеров — мама в Питере, а отец в Портофино, — общаясь друг с другом. Макс иногда даже чувствовал себя лишним и тихонько уходил в свою комнату. Нет-нет, родители не позволяли себе ничего фривольного или слишком личного, всё было в рамках простых дружеских бесед, но... Макс понимал, что эти двое находятся на одной волне, и просто не хотел им мешать.

Мама изменилась, он не мог этого не отметить. Она повеселела, похорошела, сделала стильную причёску, обновила гардероб, даже похудела к лету... Кажется, впервые на памяти Макса она стала жить не только заботой о нём. На губах её то и дело вспыхивала смутная загадочная улыбка, делающая её очень привлекательной. Такой хорошенькой она не была даже в молодости! Макс мысленно желал ей счастья и боялся только одного: чтобы отец ненароком не причинил ей боли.

“Надо свозить её в Италию в июле”, — думал он. У него как раз должен был наступить перерыв между выступлениями, так что они с мамой вполне могли позволить себе эту поездку. Хватит, хватит им с отцом виртуального общения — пора, наконец, встретиться лично...

Российские жёлтые СМИ восприняли новость о родстве двух Ионеску предсказуемо — раздули скандал до небес и потом ещё долго мусолили эту тему, додумывая от себя и перевирая факты. Кто-то вообще на полном серьёзе уверял, что это взаимопиар чистой воды, а Милош и Макс — на самом деле просто однофамильцы, поскольку про Ионеску-старшего давно ходят слухи, что он гомосексуалист. Недаром дожил до солидного возраста, да так и не женился, и в длительных отношениях с какой-нибудь женщиной замечен ни разу не был!

Макс избрал позицию вежливого нейтралитета — согласно кивал в ответ на вопросы, правда ли он является сыном румынского скрипача, но воздерживался от подробных комментариев и объяснений. В конце концов, толочь воду в ступе надоело даже самым въедливым и охочим до сенсаций журналистам, и от Макса все отстали, чему он был несказанно рад.

Андрей, узнав эту новость, страшно обрадовался, хоть и был поначалу шокирован.

— Вот хитрый жук! — орал он на друга по телефону. — А ещё меня вечно подкалывал богатеньким папочкой... Не, ну надо же, ты — сын Ионеску! Почему мне это ни разу даже в голову не пришло? Вы ведь даже похожи, практически одно лицо — ну, со скидкой на возраст, конечно...

Как восприняла это известие жена Андрея, Макс не знал, и спрашивать у него, само собой, тоже не собирался. А ведь Лера была единственным человеком на всей планете, которого Макс посвятил в свою тайну задолго до того, как эта самая тайна стала достоянием общественности...

Лера продолжала ему иногда сниться. Правда, теперь в основном это были лёгкие, светлые сны, и из-за них он не чувствовал себя опустошённым и разбитым, как это бывало раньше, но... всё равно после пробуждения чувствовал, как сердце покалывают тоненькие иголки тоски. Он скучал по Лере. Очень...

С девушками в последние месяцы тоже как-то не ладилось. Макс поймал себя на мысли, что никого не хочет. Ни одна из кандидатур не возбуждала его настолько, чтобы переспать с ней. При этом желание само по себе никуда не делось, и Макс изнурял себя физическими нагрузками: бегал по утрам, плавал в бассейне, репетировал до изнеможения и много ходил по городу пешком.

Однажды в такси он услышал по радио песню, которая пробрала его до глубины души. Она словно была написана специально для них с Лерой. О них с Лерой...

Мокрое небо греется на плечах.

Дождь заблудился в пальцах пустых аллей.

Я почему-то хочу по тебе скучать,

Но о тебе не думать — ещё сильнее.

Календари снимают по листьям век,

август за августом, как надоевший шарф,

я почему-то хочу напевать тебе

что-нибудь тихое. Голосом снов и трав,

родом из детства, где правда — набор из слов

прямо в глаза и ни буквы — ножом в груди,

в то наше детство, где сложно понять любовь,

но очень просто крикнуть "не уходи" ...*

Он, наверное, резко побледнел или как-то ещё выдал себя — во всяком случае, таксист с беспокойством поинтересовался, хорошо ли он себя чувствует.

— Спасибо, всё нормально, — пробормотал Макс, однако при выходе из машины сначала едва не забыл расплатиться, а затем чуть не оставил в салоне свою виолончель.

*Стихи Оксаны Кесслер

В конце мая у Макса возникла идея включить в свой репертуар несколько итальянских пьес. Он помнил, что в Лондоне они с Андреем частенько исполняли их — у друга был раритетный нотный сборник, включающий в себя как популярные этюды, сюиты и сонаты

для виолончели, так и мало кому известные, но прекрасные мелодии. Конечно, вероятность того, что Андрей не посеял где-нибудь этот сборник, была мала, но... можно было хотя бы попытаться.

Однако телефон друга оказался недоступен. Макс пытался дозвониться ему целый день, но абонент так и не появился в зоне действия сети, что вообще-то было на него совсем не похоже: Андрей всегда предпочитал оставаться на связи.

Уговаривая себя, что он просто волнуется за Андрюху, а вовсе не хочет услышать голос его жены, Макс набрал номер Леры. Он так и не удалил его после их московской встречи три месяца назад, рука не поднялась. Правда, Лера могла сменить номер или просто не ответить на звонок, но...

Она ответила.

— Макс? — удивлённо протянула она в трубку. При звуке её голоса сердце привычно пустилось вскачь, и только потом он сообразил, что Лера тоже не удалила его номер, раз моментально поняла, кто звонит, прежде чем он успел поздороваться. Интересно, как она записала его у себя в телефоне — неужели же под своим именем? Или придумала для него какую-нибудь партийную кличку, чтобы не вызвать подозрений у супруга? Впрочем, едва ли Андрюха опускается до того, чтобы шариться в телефоне жены. Это Лера может... тайком... пока он в душе... Макс припомнил обстоятельства их последней встречи.

Разумеется, он не стал об этом спрашивать. Зато, поприветствовав её, вежливо и вполне отстранённо поинтересовался об Андрее.

— А его нет, — отозвалась Лера, как ему показалось, немного рассеянно. Или печально?.. — Он уехал в США с большим концертным туром. Вернётся только через две недели. У него там другая симка, если хочешь, я могу дать тебе номер.

— Да нет, спасибо, — поколебавшись, отозвался он. — Из Америки он всё равно ничем не сможет мне помочь. Подожду его возвращения.

— А что ты хотел? Может, я помогу?

Макс объяснил про ноты.

— Я посмотрю у него на полках. Как точно называется этот сборник?.. Если найду, могу отсканировать и прислать тебе, — предложила Лера. Ну просто душечка.

— Если тебя это не слишком затруднит, то...

— Да ерунда какая.

Они немного помолчали.

— Как ты поживаешь? — наконец, спросила Лера. — Я читала про твоего отца, это... здорово.

— Спасибо. Да, неплохо, — откликнулся он. — А... ты как? Как семейная жизнь?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Я очень рад за тебя, Лер.

— Угу...

И всё же, что-то было не так. Макс помнил все Лерины интонации и сейчас отчётливо услышал фальшь в её чуть дрогнувшем голосе.

— У тебя точно всё в порядке? — спросил он, не рассчитывая, впрочем, на правдивый ответ. Уж кто-кто, а Лера ни за что не стала бы демонстрировать свою слабость или уязвимость... тем более, перед ним.

— А что у меня может быть не в порядке? — усмехнулась она.

— Ну, может быть, с Андреем какие-то проблемы...

“Размечтался, придурок!” — сердито добавил он про себя.

— С Андреем всё хорошо.

— Тогда с чем плохо? — он и сам не понимал, почему так настойчиво пытается докопаться до истины у девушки, которая фактически была ему никем, зато являлась женой его лучшего друга, но... беспомощные нотки, которые послышались Максиму в Лериных словах, заставили его упорно ожидать честного ответа и не класть трубку.

— Ни с чем. Макс, у меня правда всё отлично. Всё просто замечательно! — резко отозвалась Лера и тут же, без паузы, расплакалась.

Лёха-Колдун узнал его сразу.

— А, музыкант! — весело воскликнул он, едва заслышав голос Макса в трубке. — Решил-таки позвонить, не прошло и года? Ну, колись, что у тебя стряслось.

— А что, обязательно должно что-то случиться? — осторожно уточнил Макс, сам пока не уверенный в том, что всерьёз намерен обратиться к нему за помощью.

Колдун радостно заржал.

— Нет, ёлки зелёные, ты просто так решил позвонить, вспомнить наше случайное знакомство, ностальгически потрындеть за жизнь... Не пудри мне мозги! Наверняка возникла какая-то проблема, с которой ты не можешь справиться самостоятельно. Верно?

— Верно, — со вздохом признал Макс, немного сконфуженный такой прозорливостью. — Правда, проблема не совсем у меня... точнее, совсем не у меня, — поправился он. — У моей знакомой.

— Знакомой? — повторил Колдун и заржал ещё громче. — Ну-ну... Не та ли знакомая, по которой ты убивался у меня на глазах и причитал, что она тебе жизнь испортила?!

— Слушай, ты прямо как рентген, — Макс невольно поёжился. — Всё правильно.

— Хорошо, тогда давай сразу к сути, — тон Колдуна сменился с насмешливого на деловой. — Чтобы зря время не терять на все эти реверансы.

— В общем, у этой моей... знакомой...

— Имя-то есть у знакомой? — перебил Колдун.

— Лера.

— Лера. Поехали дальше.

— Она модный дизайнер. Пару месяцев назад состоялось открытие её бутика в центре. А сейчас... некоторые влиятельные люди... пытаются заставить её досрочно расторгнуть договор аренды и освободить помещение, потому что у них самих давно были на него виды.

— Так. Что значит — “были виды”? Поезд ушёл, не надо было сначала хлопать ушами, а потом борзеть, если опоздали. Или твоя Лера действовала в обход закона?

— Нет-нет, у неё-то как раз с документами всё в порядке, но... их это не волнует.

— Серьёзные товарищи, — усмехнулся Колдун. — Чем мотивируют?

— Видишь ли, проблема в том, что несколько лет назад у Леры уже случался с ними конфликт.

— Так, а вот с этого места и надо было начинать! — оживился собеседник. — Ну-ка, давай поподробнее...

— ...Понимаешь, — всхлипывая, рассказывала ему Лера по телефону, — некоторые богатенькие папики специально ищут себе девушек или невест среди моделей. Они уверены,

что если захотят — то смогут купить себе любую красотку. Но действуют не напрямую, а очень хитро... К примеру, объявляют себя спонсорами какого-нибудь, ими же выдуманного, конкурса красоты. При этом не жалеют средств, чтобы никто не догадался. Подготовка проходит на высшем уровне: аренда большого и престижного зала, многочисленные репетиции, специально нанятый персонал... не подкопаешься. Все участницы для отвода глаз потом награждаются каким-нибудь приятным пустяком: абонементом в фитнес-зал, к примеру, или горячей путёвкой куда-нибудь в Турцию или Египет... А вот с победительницей разговор особый. Помимо, собственно, короны и почётной ленточки, она получает солидный денежный приз... который, как выясняется позже, в приватной беседе, она сможет забрать только в том случае, если согласится спать со спонсором конкурса.

— ...Лера, естественно, отказала, — Макс старался скрыть волнение, — и заработала себе крупные неприятности. Ей потом долго угрожали, устраивали слежку, обещали подстеречь где-нибудь на тёмной улице, чтобы плеснуть в лицо кислотой... В милицию обращаться было глупо, потому что звонили ей всегда с засекреченных номеров, и у неё не было никаких доказательств. А затем спонсор обратил своё внимание на вице-мисс конкурса. Та оказалась более сговорчивой, Лерины деньги отдали ей, а от самой Леры отстали. Как оказалось, до поры до времени...

— Теперь история повторяется, — Лера снова шмыгнула носом, — только в этот раз он не хочет моего тела — он хочет мой бутик! Вернее, помещение под него... Полагаю, теперь это просто вопрос принципа. Он спокойно смирился бы с тем, что этот лакомый кусок в центре увели у него из-под носа, будь арендатором кто-нибудь другой. Но, как только всплыло моё имя... Он теперь не отступится, Макс. Ни за что не отступится!

— Лер, а это для тебя тоже дело принципа? — осторожно спросил он, пытаясь говорить спокойным тоном, хотя на самом деле сходил с ума от волнения, от тревоги за китаёзу, от досады на то, во что она умудрилась вляпаться. — Ведь собственная безопасность дороже... нужна тебе эта головная боль?

— Этот бутик — моя гордость, — голос её звучал глухо. — Я столько сил, времени и души в него вложила!

— Так можно же просто снять другое помещение.

— Просто снять другое?! Полагаешь, это так легко? В центре, да за такие деньги... К тому же, уже было столько рекламы именно с этим адресом: и наружной, и в СМИ, переделывать всё заново — это куча нервотрёпки, бюрократии и проблем.

— Допустим. Ну, а в милицию заявить — тоже не вариант? Так и так, дескать, угрожают, выселяют... Все телефонные звонки с угрозами можно записать на диктофон.

— Я боюсь, — в голосе Леры, всегда такой отчаянной, храброй, безбашенной китаёзы, сейчас действительно звучал страх. Она была жутко напугана. — Мне сразу было заявлено: никакой милиции, иначе пострадаю не только я, но и мои близкие... Он даже знает мамин адрес в Питере! Говорю же тебе, Макс, это теперь для него дело чести, он от меня так просто не отстанет!

— Тогда тем более. Я всё понимаю про убытки и рекламу, но... в подобной ситуации я бы всё же попытался подыскать себе новое помещение. Связываться с этими людьми — себе дороже, — на самом деле, Макс хотел сейчас наорать на неё хорошенько, но он боялся вызвать новый приступ рыданий.

— Андрей так старался, когда выбивал мне это место, — помолчав, сказала Лера, — даже связи отца подключил. И теперь я вдруг ему заявлю: извини, дорогой, я расторгаю договор аренды и сваливаю!

— А рассказать ему правду — никак? Он же не чурбан бесчувственный, всё поймёт... да и поддержит морально, как минимум. Он же, всё-таки, твой муж. И в горе, и в радости... все дела, — не удержался от он язвительной подколки.

— ..Кстати, музыкант, — в голосе Колдуна явственно звучала насмешка, — а почему в данной непростой ситуации эту твою... знакомую... не поддерживает супруг? Ты же говорил мне, вроде бы, что она собирается замуж за твоего друга.

— Ну и память у тебя, — Макс у сделалось неуютно. — Муж у неё есть, но он не в курсе происходящего. Сейчас он на гастролях в Америке. А Лерка... ей просто не к кому обратиться. Она совсем одна, и ей очень страшно. Она, собственно, и у меня помощи не просила. Ей просто надо было выговориться. Но я вспомнил о тебе, и... — Макс замолчал. Что тут было ещё объяснять? Всё и так было ясно.

— Так, ну... — Колдун прокашлялся, собираясь с мыслями. — Лера уверена насчёт того, что за ней следят?

— Абсолютно. Говорит, один подозрительный тип постоянно ошивается во дворе, другой преследует её в городе, не особо-то скрываясь, но и не сокращая дистанцию, а ещё несколько раз кто-то звонил ночами в дверной звонок и убегал, хотя домофон молчал... Ну, и телефонные угрозы. Полный набор. Причём они явно в курсе, что она сейчас одна дома, а муж в отъезде, иначе бы так не нагнали.

— Ясно, — Колдун помолчал несколько секунд. — Хорошо, скинь мне сейчас все явки и пароли: имя-фамилию этого самого “спонсора”, точный адрес Лериного бутика, и — на всякий случай — её домашний адрес, по которому она проживает с мужем.

— А домашний-то зачем? — Макс заметно напрягся. Колдун загоготал: всё это, включая реакцию Макса, вероятно, казалось ему ужасно смешным.

— Не трусь, ничего с твоей кралей не сделается! Я же обещал ещё в нашу первую встречу — ни один волос с её головы не упадёт... помнишь? А слово своё Колдун держит, спроси у любого. Адрес мне нужен для того, чтобы посмотреть, что за ребята “пасут” твою девчонку... проверить, серьёзно они настроены или так — постращать для вида. Может, ей и бояться нечего.

— Хорошо, понял.

— Сбросишь мне информацию — сиди и жди, когда я всё выясню и перезвоню. Лере своей скажи, чтобы никуда пока не выходила, на звонки не отвечала — ну, кроме твоих, естественно — и дверь тоже никому не открывала.

— Спасибо, Лёха...

— Позже благодарить будешь, — отрезал тот. — Пока не за что.

Часы ожидания тянулись невыносимо медленно. Макс совершенно извёлся, страдая в неизвестности, а Колдун всё не перезванивал.

Он то и дело набирал номер Леры — чтобы убедиться, что с ней всё в порядке и, хотя сам пока не мог ей ничего толком рассказать и пообещать, всё же старался подбодрить девушку. Ему не под силу было перестать волноваться за неё, поэтому эти звонки являлись единственной возможностью хоть как-то держать ситуацию под контролем. Впрочем, перед Лерой Макс старался делать вид, что он бодр и весел.

— Слушай, китаёза, — сказал он нарочно беззаботным и расслабленным тоном, — я тебя не узнаю. Ты же бесстрашная, как Дункан Маклауд! Помнишь, в пятом классе Киселёв как-то глупо пошутил в твой адрес...

— Он всегда глупо шутил, — откликнулась Лера, и в её голосе послышалась слабая улыбка.

— Ну, а в тот раз, видимо, как-то особенно по-идиотски... и ты шарахнула его портфелем по башке. Тебя потом даже к директору вызывали... Но ты и тогда не испугалась. Что тебе горстка каких-то бандюганов!

— Когда ты несёшь всю эту фигню, мне и правда кажется, что ничего страшного не происходит, — Лера снова улыбнулась. — И вообще, твой голос действует на меня успокаивающе, — призналась она, и это звучало как отчаянная просьба: пожалуйста, говори со мной!

И Макс говорил, говорил, говорил, забалтывая её до невозможности. Она послушно отчитывалась ему в каждом совершённом действии: завариваю чай... включила везде свет, чтобы не бояться... завернулась в одеяло, чтобы меня не утащил за пятку подкроватный монстр...

Макс понимал, что самый верный способ убедиться, что с Лерой всё в порядке, защитить её — это просто сорваться в аэропорт прямо сейчас и через считанные часы оказаться рядом. Быть с ней. Смотреть в её глаза-хамелеоны, вдыхать её запах, слышать её голос напрямую, а не через телефон... Но он знал, что не посмеет этого сделать. Не имеет права.

— Хочешь, я тебе поиграю? — спросил он внезапно. Ему нужно было чем-то занять руки, чтобы успокоиться. Макс думал, что Лера фыркнет: что ещё за глупости, нашёл время, до музыки ли сейчас!.. А она обрадовалась.

Он заглушил струны сурдиной, чтобы не потревожить маму, спокойно спящую в соседней комнате, и заиграл для Леры старое, доброе, вечное — “Can't Help Falling in Love”.*

Должен ли я остаться?

Будет ли это грехом, если я не смогу отказаться от любви к тебе?

Всякая река неизбежно впадает в море...

Ничего не поделаешь, милая, чему быть — тому не миновать.

Возьми мою руку, возьми всю мою жизнь,

Потому что я не могу не влюбиться в тебя...

*Песня Элвиса Пресли, выпущенная в 1961 году.

Колдун позвонил около двух часов ночи.

— Не разбудил?

— Успёшь тут... Удалось что-нибудь узнать? — спросил Макс нетерпеливо.

— Спокойно, Маша, я Дубровский! Всё под контролем, братишка. Навёл я справки... да, чувак, конечно авторитетный и важный, как индюк, девочка твоя вляпалась в настоящее дерьмо, скрывать не стану. Но... я ж не зря Колдун, а? — он хохотнул. — Так что немного поколдовал и решил проблему.

Макс не мог поверить своим ушам.

— Решил? Так быстро? Так легко? Но как у тебя это получилось?!

— А кто сказал, что было легко? — хмыкнул собеседник. — К счастью, у меня есть рычаги управления этим... джентльменом. Я знаю пару его слабостей, которыми при случае можно легко его прижучить. Собственно, именно эту информацию до него и доносят прямо сейчас. Мои парни уже ведут с ним профилактическую... хм, беседу.

Макс предпочёл не уточнять, в каком состоянии будет Лерин обидчик после этой “беседы”. Понимал, что вряд ли обрадуется услышанному.

— Полагаю, твою Леру больше никто не побеспокоит, — резюмировал Колдун. — Так ей и передай — бутик остаётся за ней!

— Лёха... — у Макса перехватило горло от признательности. — Я твой вечный должник. Серьёзно, я даже не знаю, как тебя отблагодарить...

— Зато я знаю, — возразил Колдун. — Думал, за такую услугу платить не придётся?

— Я всё сделаю, что в моих силах, — серьёзно сказал Макс, ожидающий чего-то подобного, но заранее готовый на всё, или почти на всё, что бы Колдун сейчас ни попросил. Ну, не душу же тот у Макса потребует...

— Как у тебя завтра со временем? Свободен?

— В общем, да.

— Тогда срочно дуй с утра в Москву. Мой двоюродный брательник женится. Да ты помнишь его, наверное. Это Пашка... которому ты тогда рожу расквасил.

— И?..

— На свадьбе будет куча всякой шушеры из артистов. Басков, Киркоров... в общем, херня одна, — с досадой произнёс Колдун. — Родители молодых расстарались. А я хочу, чтобы ты сыграл и показал, блин, что такое настоящее искусство. Реальная музыка! Сделаешь это для меня? И мы в расчёте.

— Без вопросов, — коротко отозвался Макс, незаметно переводя дыхание и чувствуя громадное облегчение. Выступление на свадьбе московского бандита, в общем-то, было не самой высокой платой за оказанную бесценную услугу. Да, откровенно говоря, это был сущий пустяк.

— Ну, вот и ладушки, — довольно произнёс Колдун. — Тогда до завтра. Спать охота — сил нет!

С Лерой он переговорил коротко и по существу. Заверил её, что бояться больше нечего, всё раздурилось, не вдаваясь в подробности, каким образом и благодаря кому. Эти криминальные разборки не должны были её касаться. Лера, растерянная и обрадованная, лепетала в трубку какие-то слова благодарности, а он снова терзался чувством вины перед

Андрюхой (опять у них с Лерой появился от него секрет!) и желанием наорать на косоглазую хорошенько — так, чтобы аж охрипнуть.

“Дура, — крикнул бы он ей, — какая же ты дура! Когда ты, наконец, поймёшь, что не вывезешь все свои проблемы в одиночку, сама, на собственных плечах? Когда ты научишься доверять близким и просить у них совета, помощи или хотя бы поддержки? Когда, наконец, поверишь, что ты не одна в этом мире, что есть люди, которые волнуются о тебе и не переживут, если с тобой случится что-то плохое?!”

Разумеется, ничего подобного он ей не сказал. Это было бы слишком жестоко по отношению к четырёхлетней крохе, которая целую неделю провела без еды в запертой квартире вместе с обезумевшей от горя матерью... Макс понимал, что Лера, несмотря на внешнюю броню и маску красивой, успешной, уверенной в себе женщины, до сих пор осталась той перепуганной маленькой девочкой. В ней навеки поселился страх того, что она никому не нужна, и зародилось убеждение, что она может рассчитывать в этой жизни только на себя.

Теперь, когда о Лере больше не надо было тревожиться, Макс осознал, что дико устал от переживаний этой ночи. Сейчас, подобно Колдуну, он мечтал только об одном — рухнуть в постель и уснуть.

Возможно, Лере его скомканное прощание показалось странным и даже обидным...

Макс не стал бронировать отель в Москве — он приехал налегке, без вещей, только с виолончелью, а после свадьбы планировал сразу же отправиться в аэропорт и улететь домой ближайшим рейсом. Колдун, конечно, уверял, что “мой дом — это твой дом”, и что Макс может спокойно переночевать у него — тем более, предстоял ещё и второй день свадьбы, с шашлыками на природе, и Макса приглашали туда уже не как музыканта, а просто как дорогого гостя. Но он вежливо отказался, не собираясь задерживаться в столице.

Выступление прошло... нормально, хоть и без привычных ему оваций. Но, как минимум, никто из нанятых артистов не мог пожаловаться на отсутствие радушия и хлебосольства со стороны хозяев праздника. После того, как Макс отыграл несколько композиций, его чуть ли не силой утащили за стол к гостям и принялись щедро кормить и поить. Спасибо хоть, не заставляли участвовать в многочисленных глупых конкурсах, которые раз за разом объявлял неугомонный тамада. В целом, эта свадьба практически не отличалась от обычной — во всяком случае, никто из мужчин не светил “стволами” и не пытался устроить перестрелку, как это любили показывать в сериалах. Только присутствие звёзд российской эстрады намекало на особый статус и материальное положение хозяев.

Распрощавшись с Колдуном и молодожёнами (Пашка, кстати, хоть и узнал его, но даже виду не подал, что обижается за давний инцидент), Макс вышел из ресторана и вызвал такси. Однако... вместо того, чтобы ехать в аэропорт, он почему-то назвал водителю адрес Леры.

Макс долго сидел на лавочке возле парадной... впрочем, в Москве они назывались “подъездами”, а Лера же теперь считалась столичной штучкой. Сидел — и играл сам с собой в гордость. Позвонить ей и зайти? Или молча уехать? Казалось бы, сущий пустяк — просто сказать: “Я внизу, открой мне дверь”. Он не сомневался, что Лера не откажет. Хотя бы из элементарной вежливости, из чувства благодарности... Макс и хотел — и не хотел этого.

В кармане завибрировал телефон. Макс поставил его на беззвучный режим и совершенно забыл об этом. Он взглянул на определившийся номер и горько усмехнулся.

Лера... ну кто же ещё. Конечно же, Лера.

— Макс?... Я весь день не могу до тебя дозвониться, — встревоженно сказала она.

— Да, я... был на свадьбе, — отозвался он и облизнул вмиг пересохшие губы. — У тебя всё нормально?

— Да, в полном. Со вчерашнего вечера никто больше не звонил, не следил и не беспокоил. Спасибо тебе ещё раз...

— Да хватит уже, — он поморщился. — Я рад, что всё обошлось.

Лера помолчала.

— Так, говоришь, ты был на свадьбе? Хорошо повеселился?

— Да, неплохо.

— А где ты сейчас?

— Я... сижу во дворе твоего дома.

— Маминого? — не поняла она. — А зачем?

— Да нет же. Твоего дома... и Андрюхиного.

— Что?! — воскликнула шокированная Лера. — Ты в Москве?

— Ага, — Макс глубоко вздохнул, чувствуя, что происходит нечто непоправимое, но при этом неизбежное.

— И давно ты там... сидишь? Подожди, — заволновалась она, и через пару секунд он услышал, как запищала дверь подъезда.

— Поднимайся, — сказала Лера. — Второй этаж — и налево.

Макс встал со скамейки, продолжая прижимать телефон к уху. Наверное, всё это зря...

— Извини, косоглазая. Я всё-таки поеду домой. Сам не знаю, что на меня вдруг нашло...

— Ты выпил? — догадалась она.

— Совсем чуть-чуть.

— Я тоже, — призналась Лера с какой-то отчаянной безбашенностью. — Решила напиться, чтобы снять стресс... Со вчерашнего дня не могу толком расслабиться. Да только не умею я пить... В общем, ничего не получилось из этой затеи.

— Хороши же мы... два недоделанных алкоголика, — Макс улыбнулся. На втором этаже тёплым золотистым пятном вдруг вспыхнуло чёрное прежде окно. Макс разглядел стройный женский силуэт за занавеской. Он не спутал бы его ни с чьим другим. Господи, да что же он творит?!

— Береги себя. Спокойной ночи, Лер, — Макс нажал на кнопку отбоя и пошёл прочь с этого плохо освещённого чужого двора, подальше от чужого дома и чужого счастья. Не нужно ему чужого, он не сможет...

Макс шагал, чувствуя, как подрагивают руки. Сейчас бы закурить... да жаль, он не курит.

Позади хлопнула дверь.

— Макс, подожди!..

Он резко обернулся, моля небеса о том, чтобы это была всего лишь слуховая галлюцинация.

Женская фигурка выскочила из подъезда и теперь догоняла его, стремительно приближаясь.

— Стой! Дурак, ну куда же ты... зачем ты уходишь... — задыхаясь то ли от слёз, то ли от быстрого бега, выговорила Лера.

Она остановилась в шаге от него и обхватила себя руками за плечи, будто от холода, хотя на улице стояла тёплая, свежая, совершенно потрясающая майская ночь. Пахло цветущей сиренью и немного — пролившимся вечером дождём.

— Опять плачешь, — Макс укоризненно покачал головой. — Лер, пожалуйста... Ну, не могу я выносить твои слёзы, просто не могу! Я со всем справляюсь, а с этим не получается. Сразу хочется побежать и спрыгнуть с крыши, правда. Не плачь, пожалуйста, китаёза.

— Не буду, — Лера послушно закивала, явно испуганная словами про прыжок с крыши, и, шмыгнув носом, попыталась утереть ладошками мокрые щёки. Однако слёзы всё текли и текли, никак не желая останавливаться.

— Честное слово, Макс, я сама не знаю, что со мной творится, — всхлипнув, жалобно произнесла она. — Так-то я не рёва, ты в курсе... Мне вообще кажется, что в целом мире только ты один и видел, как я плачу.

— Благодарю покорно за оказанное мне высокое доверие, — он нашёл в себе силы пошутить. — А это ты, наверное, от алкоголя раскисла... Много выпила-то, пьянь?

— Почти полбутылки вина, — призналась Лера сконфуженно. Он улыбнулся.

— Тю, нашла, чем упиваться. Я-то думал, ты там втихаря водку из горла хлещешь... Впрочем, раньше тебя и с одного бокала уносило. Помнишь, в четырнадцать лет ты впервые попробовала ликёр на дне рождения у Наденьки, и потом тебя здорово полоскало в кустах возле дома?

— Фу, — Лера сморщила нос и засмеялась сквозь слёзы, — нашёл, что вспомнить... Такой компромат! Теперь мне придётся тебя убить.

— Убей, — он хотел произнести это таким же шутливым тоном, а получилось как-то слишком серьёзно, и улыбка медленно сползла у Леры с лица.

И вот что с ней делать, с этой косоглазой дурындой?! Макса раздирало на части от противоречий. То ли поцеловать её сейчас — так, чтобы губам стало больно. То ли и вовсе придушить... Но, несмотря на то, что это было два самых заветных его желания, он понимал: ни то, ни другое невозможно. Нельзя.

Чёрт, да почему нельзя-то?! Кто эту чушь придумал?

Он взял её за подбородок и повернул лицом к себе, внимательно рассматривая, словно вспоминая после долгой разлуки. Лера затихла в его руках, только взволнованно хлопала мокрыми ресницами.

— Ты... так странно смотришь, — сказала она осторожно.

— Мне ни с кем никогда не было так хорошо, как с тобой, — проговорил он задумчиво, не сожалея, не упрекая, а просто констатируя факт. — И так плохо — тоже.

— Я... скучаю по тебе, — призналась Лера несмело. — Очень скучаю...

Она протянула руку и погладила его по лицу — ласково и робко, деликатно, точно спрашивая разрешения на большее. И в этот миг у обоих словно отказали тормоза...

Их буквально швырнуло друг другу. Отчаянно, безнадёжно, необратимо. И ничто теперь не могло их расцепить. Макс сжал её в объятиях так, что стало больно рукам. У Леры по щекам продолжали течь слёзы, но плакала она не от боли. Точнее, не от физической боли.

— Пойдём, — задыхаясь в тесном кольце его рук, выговорила она, кивая в сторону подъезда, — пойдём домой...

“Домой”. Для неё это был дом. И для Андрея тоже. Но не для Макса...

— Дура косоглазая... жестокая китаёза... что же ты натворила с нами, что ты сделала с

двумя мужиками... вырвала сердце у одного, принялась за другого... — лихорадочно шептал он, в каком-то иступлении целуя любимое лицо, солёное от слёз.

— Пойдём, пожалуйста, — она потянула его за руку. — Я очень тебя прошу, цыган. Пойдём со мной.

Наверное, Макс был глубоко испорченным и беспринципным типом. Во всяком случае, после всего, что произошло между ним и Лерой, меньше всего его волновал весь этот ханжеский пафос: ах, как можно! В квартире друга! С его женой! На их супружеском ложе!

...

Да, он прекрасно понимал, что с точки зрения морали их поступок омерзителен, как ни крути. Лера изменила мужу. Макс переспал с женой лучшего друга. Это не было ошибкой, минутной слабостью или заблуждением. Они оба хотели этого, оба были в здравом уме и твёрдой памяти, разве что чуть-чуть нетрезвы, оба получили от этого удовольствие. Так какая, к дьяволу, разница, где это произошло, если оно не могло не произойти?! Если бы Макс с Лерой решили не осквернять семейное гнёздышко и поехали в какой-нибудь отель, ничего не изменилось бы. Измена осталась бы изменой, предательство — предательством.

Но он готов был ответить за всё. Заплатить любую цену, принести любую жертву... только бы больше никуда и никогда не отпускать Леру. Быть с ней. Дышать ею. Любить её...

Да, конечно, он ощущал незримое присутствие друга в квартире. Он прожил с Андреем бок о бок несколько лет и прекрасно знал все его бытовые привычки, помнил запах его любимого парфюма и марку крема для бритья, да чёрт возьми, он знал даже, какие Андрюха носит трусы! Сейчас, оказавшись у него дома, по этим многочисленным мелочам, которые выхватывало зрение или обоняние, Макс понимал, что друг был стабилен и постоянен в своих пристрастиях. Андрей вообще, сам по себе, был стабильным, основательным, надёжным и постоянным...

Но факт оставался фактом — гром не грянул среди ясного неба, когда на этой самой пресловутой супружеской кровати Макс делал с Лерой то, о чём мечтал все эти годы. То единственно верное, единственно правильное, что могут делать мужчина и женщина, которые почему-то не умеют друг без друга даже дышать.

Всю свою нерастраченную нежность, весь пыл, весь огонь Макс обрушивал сейчас на Леру, потому что в одиночку ему было не справиться. Ему страшно было поверить в то, что это всё происходит с ним не во сне, а на самом деле. И в то же время, как реально было всё происходящее! Как пронзительно и остро оно ощущалось, какими горькими и сладкими одновременно казались на вкус губы любимой женщины, противной, несносной китаёзы, жизнь без которой, как оказалась, пуста и бессмысленна...

Совершенно, абсолютно бессмысленна.

В щель между шторами медленно просачивался рассвет.

Макс в полудрёме лежал на животе, а Лера водила пальчиком по его спине, вырисовывая там какие-то затейливые невидимые узоры. Ему было очень хорошо сейчас, не хотелось двигаться, что-то говорить, выяснять... только бы лежать вот так вечно и умирать от блаженства под её нежными пальцами. Но она вдруг приподнялась и легла на Макса сверху, прижавшись грудью к его спине — накрыла, обвернула собой, словно одеялом, и крепко обхватила руками. Затем поцеловала его в висок и грустно вздохнула. И столько красноречия было в этом вздохе!..

— Почему ты до сих пор не женился, Макс? — спросила она.

— На ком? — он пожал плечами.

— Ну, мне кажется, с претендентками на твоё сердце проблем быть не должно...

— Это ты кокетничаешь сейчас, Лер? Хочешь, чтобы я сказал — не женился потому, что до сих пор тебя люблю? Ты и так это прекрасно знаешь.

Она прижалась щекой к его затылку и ничего не ответила.

Наученный горьким опытом их недолгих отношений, Макс опасался заводить разговор о будущем, строить какие-то планы. Но разговор этот был так же необходим, как и неизбежен.

— Ты разведёшься с Андреем? — спросил он. Лера невольно вздрогнула.

— Развестись? — испуганно переспросила она, явно застигнутая врасплох.

— Расслабься, — хмыкнул он. — Я просто проверял, не подменили ли тебя, случайно. Но нет, это всё та же продуманная и рациональная Лера, у которой вся жизнь распланирована на миллион лет вперёд... Я знал это. Ты не можешь просто нырнуть с головой в любовь, как в речку с обрыва, и забыть обо всём. Ты не способна на спонтанные поступки, всегда дотошно взвешивая “за” и “против”, и эти твои расчёты бывают абсолютно безжалостными. Но... с людьми, с живыми людьми так нельзя, китаёза, пойми! Это далеко не всегда срабатывает... Люди не игрушки.

Трудно было разговаривать, не глядя Лере в глаза. Он осторожно пошевелился, отодвигая её, и сел на постели.

— Ты полагаешь, что вся моя жизнь подчинена только голому расчёту? — спросила она.

— А разве нет? — Макс покачал головой и устало вздохнул. — Ты не бойся, я не виню тебя ни в чём. Если ты в очередной раз сделаешь выбор не в мою пользу — что ж, пусть будет так. Я изменился, я не буду скандалить, честно. Не воображай, пожалуйста, что я по-прежнему начинаю мечтать о свадьбе и деточках после каждого полового акта. Честно говоря, я уже порядком устал, мне надоело гоняться за призраком наших отношений. Мы ведь никогда не были настоящей парой, ты никогда не видела меня рядом с собой всерьёз...

— Неправда! Неправда, неправда! — запротестовала Лера, зажимая ему рот ладонью. — Макс, я просто растерялась, но... поверь, для меня то, что сейчас происходит — не проходной эпизод. Я вполне отдаю себе отчёт в том, что мы делаем, и понимаю, что без последствий обойтись не получится...

— Господи, — он поднял глаза к потолку, — хоть сейчас-то отключи рацию, не продумывай последствия и перспективы... просто искренне скажи, чего ты желаешь всем сердцем, всей душой. Не задавая себе вопросов “как”, “почему”, “зачем”, “что делать” и “что будет”. Чего ты хочешь?

Она зажмурилась и выдохнула:

— Тебя... и не только всей душой. Телом тоже.

Он улыбнулся.

— Ну, насчёт тела-то я в курсе. В отличие от тебя, оно никогда не обманывало.

— Макс... — она потянулась к нему, снова обняла. — Ты даже не представляешь, как много для меня значишь. Наверное, я не всегда умею это показать, но... Я никогда никого так сильно не любила, как тебя. Да я вообще никого больше не любила!

— А как же Андрей? — спросил он. Лера закусил губу.

— Андрей... с ним у нас всё очень непросто. Он замечательный парень, просто потрясающий, заботливый и добрый, но... это был самообман с самого начала. Он сейчас не на своём месте, роль моего мужа ему совершенно не подходит... как и мне — роль его жены.

Хотя мы, честно, очень старались...

— Мы должны ему всё рассказать, — Макс чуть отстранился, взял Леру за плечи и взглянул ей в лицо. — Ты же не думаешь, что я буду молчать? Нет уж, даже не надейся. Мы поступили с Андрюхой, как сволочи, и я себя чувствую сейчас просто паскудно. Но роль приходящего любовника точно не для меня. Либо всё, либо ничего. А дальше — твой ход. Если передумаешь и захочешь остаться с ним, можешь сказать ему, что я всё наврал. Или — что я тебя изнасиловал...

— Макс, что за шутки! — возмутилась Лера. — Не надо так! Разумеется, мы поговорим с Андреем. Вернее, пусть он сначала вернётся из США. Нехорошо о таком по телефону или скайпу. А в остальном... я хочу быть с тобой. Правда, хочу. Но...

— Но?

Она смутилась.

— Ты же опять начнёшь ставить мне ультиматумы, заставляя выбирать между тобой и работой, между Москвой и Питером...

Макс провёл пальцем по её щеке и усмехнулся.

— Думаешь, жизнь меня ничему не научила? Не буду я ни требовать, ни просить... И вообще, если ты захочешь — я сам перееду в Москву. Я готов, если скажешь.

Лера изумлённо распахнула глаза.

— Нет, серьёзно, — он приблизился своё лицо к Леринуму и закончил фразу почти шёпотом, губы в губы:

— Одно твоё слово — и я всё брошу. Даже музыку...

Она невольно отшатнулась, а затем внезапно снова расплакалась.

— Идиот ненормальный... — приговаривала она, пока он поцелуями стирал слёзы с её щёк. — Я никогда не потребую от тебя такой жертвы, так и знай! Никто и никогда не имеет права ставить друг друга перед подобным выбором...

Ему уже пора было уходить. Так невыносимо было расставаться, так больно отдирать от себя Леру — по живому, вместе с кожей, но...

— Послезавтра я еду в Ригу, — прошептал он, стоя в дверях, снова и снова целуя Леру на прощание. — Играю в Большой Гильдии, с Латвийским Национальным симфоническим оркестром. Потом — Варшава, Прага и Берлин. Затем — два концерта в Питере, и снова тур. В Москву смогу вырваться не раньше, чем недели через три.

— Так долго... — протянула Лера, обиженно надувая губы, как ребёнок, которого поманили красивой игрушкой, а через минуту её отобрали. — Я же с ума сойду... А хочешь, на выходные я сама приеду в Питер?

На секунду Макс зажмурился от счастья, представив, как они гуляют вместе с Лерой по родному городу. Совсем, как раньше... в их самые счастливые, самые беззаботные юные годы.

— А Андрей когда возвращается? — спросил он.

— Через двенадцать дней.

— Я, конечно, не образчик морали, но... давай уж начнём наши отношения по-нормальному, как пара, после его возвращения. Мы столько ждали... давай ещё немного подождём.

— Хорошо, — кивнула она с самым несчастным видом.

Он снова и снова целовал её, понимая, что близок к тому, чтобы послать всё к чёрту и

остаться ещё ненадолго. Ещё на чуть-чуть... Как можно было уехать от Леры? Ну вот как?!

— Только, прошу — дождись меня и не наделай каких-нибудь глупостей. Обещаешь, китаёза? — сказал он напоследок, вдруг встревожившись непонятно о чём. Кто её знает, эту сумасбродку, что ещё придёт ей в голову?

Лера кивнула.

— Обещаю.

Все эти дни Макс летал, как на крыльях.

Никогда ещё он не репетировал, не играл и не жил с таким вдохновением. Лера была первой, о ком он думал, просыпаясь по утрам. Рука тут же тянулась к телефону, чтобы набрать ей сообщение. Он представлял её — милую, тёплую, сонную — в постели, воображал, как она улыбается чуть припухшими со сна губами, читая его послание, как зеваёт и потягивается... Лера была жуткой совой, и ранние подъёмы всегда давались ей нелегко, поэтому он старался приободрить её хотя бы в эпистолярном жанре, раз уж не мог разбудить лично — поцелуем или чем-то покрепче.

Концерты проходили с огромным успехом, залы сотрясались от грома аплодисментов и криков “браво”, а Макс в этом шуме слышал только собственное сердце, ритмично отбивающее: Лера... Лера... Лера...

Вдох — Лера. Выдох — Лера. Воздух — Лера. Вода — Лера. Солнце — Лера. Луна и звёзды — Лера... Наверное, это было похоже на сумасшествие, но Максу нравилось сходить с ума. Он упивался своим безумием, внутри у него всё пело, и знакомые и коллеги даже стали забрасывать его шуточками по поводу довольного вида:

— Макс, да никак ты влюбился?!

— Сияешь, как начищенный самовар!

— Господи, неужели свершилось? Неужели какая-то девушка, наконец, взяла штурмом эту неприступную крепость?

— Ну точно — завтра снег пойдёт...

А он, не отвечая на эти провокационные вопросы и подколки, всё равно невольно расплывался в широкой, идиотски-счастливой улыбке.

— Кто она? — выпалила Лучана, когда они традиционно созвонились по скайпу вскоре после возвращения Макса из Москвы.

— Кто? — не понял он.

— Ну, та, из-за которой ты весь прямо светишься... У тебя на лице написано, что ты влюблён по уши!

— Я вас... обязательно познакомлю, — запнувшись, пообещал Макс. Не хотелось болтать понапрасну до наступления полной определённости, но и молчать он тоже не мог. На самом деле, ему хотелось поделиться своим счастьем со всем миром. — Уверен, вы понравитесь друг другу.

— Я тоже в этом уверена, — лукаво улыбнулась Лучана. — Твоя девушка должна быть просто необыкновенной, ты в другую и не влюбился бы... Сгораю от нетерпения и любопытства!

Даже предстоящее объяснение с Андрюхой не могло испортить ему настроения. Макс был уверен в том, что, когда настанет этот важный момент, он сможет подобрать правильные и нужные слова. Он должен это сделать!

А потом Андрей позвонил ему сам.

Позвонил — и жизнерадостным тоном известил, что они с Лерой ждут ребёнка...

Услышав эту новость, шокированный Макс невольно дёрнулся, будто получил пощёчину, и остановился прямо посреди улицы. Он был растерян и совершенно сбит с толку.

Более того, он вообще благополучно забыл о том, что Андрей возвращается из Америки именно сегодня, а Лера не напомнила, поэтому звонок друга сам по себе застал его врасплох. А тут ещё и такое...

Наверное, пауза слишком затягивалась, потому что Андрюха хохотнул в трубку:

— Эй, ты куда провалился?! Не слышу оваций и поздравлений!

— Ты и Лера... — наконец, выговорил Макс, чувствуя, что вот-вот задохнётся от душивших его эмоций, — у вас...

— Ну да, Лера беременна, я скоро стану папой, ты не ослышался! Представляешь, как круто? Хочешь быть крёстным нашего ребёнка? Ты у меня, между прочим, кандидат номер один на эту роль, хоть и не заслуживаешь... свадьбу-то продинамил.

Господи, что он несёт... каким ещё крёстным?!

— Ну ты чего там? Алло, гараж! — Андрей начал беспокоиться, не получив от Макса ни единого внятного ответа. — Ты спишь, что ли?! Блин, как со стеной разговариваю. А ведь хотел с тобой радостью поделиться...

— Я... не могу сейчас говорить, извини, — еле выдавил из себя Макс онемевшими губами. — Потом перезвоню, — и, не дожидаясь ответа, прервал разговор, а затем медленно опустился прямо на асфальт — там же, где стоял, потому что ноги внезапно отказались его держать.

— Вам плохо? — тут же подскочила к нему какая-то сердобольная тётушка. Макс молча, не видя её, покачал головой, продолжая жадно глотать воздух ртом.

Лера и Андрей ждут ребёнка. Лера. Его Лера. Его китаёза...

Что она там болтала?.. “Роль моего мужа Андрею совершенно не подходит, как и мне — роль его жены. Хотя мы старались”. Что ж, видимо, очень хорошо старались... Раз достарались до беременности.

Хотя... ну что он, в самом деле, как наивный первоклассник. Да, муж и жена иногда занимаются сексом. Это вовсе не показатель того, что у них в семье царят мир, согласие и гармония, но... они, мать их, иногда занимаются сексом. Лера. И Андрей...

Но почему она не сказала ему сразу?! Ведь получается, она уже была беременна от Андрея, когда...

Макс поднёс к глазам телефон, нашёл в списке контактов Лерин номер и позвонил. Почему-то возникло предчувствие, что она не ответит. Лера была настоящим виртуозом по части внезапных исчезновений и уходов в подполье. А ведь ещё вчера вечером, когда они созванивались, она вела себя совершенно нормально...

Звонок сбросили после второго гудка. Он позвонил ещё раз — и его снова сбросили. Что ж, это вполне можно было считать за ответ, но он не мог успокоиться и торопливо набрал ей сообщение: “Что происходит? Лера, перезвони мне, пожалуйста!”

Через минуту ответ всё-таки прилетел.

“Нет, Макс. И ты сам, пожалуйста, больше мне никогда не звони”.

Вот, собственно, и вся любовь...

Набережная канала Грибоедова напоминала огромный муравейник. Увешанные фотоаппаратами и вооружённые видеокамерами гости северной столицы спешили к Спасу на Крови. Кто-то заныривал в многочисленные магазинчики, охотясь за оригинальными сувенирами на память о посещении Петербурга, кто-то надолго застревал возле художников, которые без усталости писали этюды, портреты и шаржи...

В этот ласковый июньский вечер больше всего внимания доставалось расположившемуся на Итальянском мосту уличному музыканту — худому брюнету с виолончелью. Он выглядел странно, если не сказать чужаковато — вернее, даже не он сам, а выражение его заросшего щетиной лица. Взгляд тёмных глаз был дик, практически безумен, как у психа из кинематографа. Играя, виолончелист то и дело залихватски подмигивал прохожим, что-то неслышно бормотал в такт музыке, кривлялся, корчил рожи и вообще существовал как бы отдельно от собственных рук, которые уверенными и отточенными движениями извлекали из инструмента прекрасную мелодию — "Второй вальс" Дмитрия Шостаковича. Правая нога музыканта, возле которой стояла шляпа для денег, отбивала чёткий ритм, но тоже как будто жила своей жизнью, не увязываясь воедино с сумасшедшим блеском в глазах уличного музыканта и его пугающими ужимками.

Впрочем, такого ли уж "уличного"?.. Первыми его узнали культурные и образованные японцы.

— Максиму Ионесуку! Максиму Ионесуку! — возбуждённо загалдели они, тут же нацелившись на музыканта своими объективами.

Это и в самом деле был он — Максим Ионеску, знаменитый виолончелист, неизвестно каким ветром занесённый на Итальянский мост и запросто играющий сейчас для прохожих, в то время как билеты на его концерты в лучших залах мира со свистом разлетались из касс в считанные часы, а стоили при этом весьма и весьма недёшево.

Возбуждённый и недоверчивый шепоток пошёл по рядам зевак: быть может, это розыгрыш, съёмки какого-нибудь шоу для телевидения, и где-то притаилась скрытая камера? Вокруг виолончелиста стремительно собиралась толпа — туристы летели на звёздное имя, как мухи на варенье. Кто-то снимал концерт на видеокамеру или телефон, кто-то делал селфи на фоне музыканта, кто-то щедро наполнял подставленную шляпу денежными купюрами и монетами, а кто-то просто тусовался рядом, чтобы быть в центре событий.

Сам виолончелист едва ли обращал внимание на всё возрастающую вокруг него активность. Продолжая строить глазки (не адресно, а куда-то в пространство), порхать бровями и ухмыляться собственным мыслям, он то ли безостановочно напевал себе под нос, то ли с маньячной одержимостью шептал что-то, не слышное окружающим.

Наверное, публика была бы шокирована, узнай она, что именно бормотал Максим Ионеску, встряхивая головой в бодром ритме исполняемого им вальса.

— Сука, — беззвучно, но едко выплёвывали его бескровные губы. — Дрянь, гадина... Стерва косоглазая. Ненавижу тебя, тварь... ненавижу... ненавижу.

Если бы на набережной в тот вечер оказался кто-нибудь из настоящих знатоков и поклонников творчества знаменитого виолончелиста, он непременно сказал бы, что это — одно из лучших выступлений Ионеску за всю его карьеру. Он играл не просто с вдохновением, а даже с каким-то остервенением. Он не исполнял мелодию — а сам был музыкой, был продолжением своей виолончели, сливаясь в одно целое с ритмом и мелодией. Он играл — и казалось, что это для него сейчас важнее всего на свете. Важнее жизни и смерти, важнее ненависти и любви... В мире существовала только музыка. И ничего, кроме музыки.

Закончив играть, точно выплеснув на публику все свои эмоции и совершенно обессилев, Максим Ионеску встал и церемонно поклонился столпившимся вокруг него туристам. Затем, подняв наполненную деньгами шляпу, он протянул её вместе со всем содержимым трубачу

дяде Грише, легендарному уличному музыканту северной столицы, у которого, собственно, и позаимствовал на время этот головной убор. Тот, обалдев от внезапно свалившегося на него богатства, попытался было что-то возразить, но Ионеску только покачал головой и отмахнулся.

Подхватив свой инструмент, он аккуратно уложил его в футляр, повесил на плечо и зашагал прочь, не говоря ни слова. Толпа почтительно расступалась, но едва ли он это замечал. Он просто шёл и шёл вперёд, не смотря по сторонам, полностью погружённый в себя — шёл походкой человека, которому в этой жизни больше нечего было терять.

Хорошо, что мамы не было дома — уехала на дачу к своей подруге из Пушкина, воспользовавшись солнечными и ясными деньками, столь редкими в их краях. Он не вынес бы сейчас её тревожных расспросов и несчастного выражения лица.

Макс не знал, сколько прошло времени. Несколько часов? Дней? Недель?..

Он лежал на кровати в своей комнате — не раздеваясь, прямо поверх покрывала, тарасился в потолок и... ни о чём не думал. Голова была абсолютно пуста. Ничего не хотелось — ни есть, ни спать, ни играть на виолончели, ни банально выпить... Странно, но даже умереть не хотелось. Максимум казалось, что все его мысли, чувства, эмоции и ощущения превратились в ноль. В ничто. Ему было ни плохо, ни хорошо — просто никак.

Когда раздался звонок в дверь, он не сразу сообразил, что это за звук, а потом ещё некоторое время продолжал лежать и не шевелиться, надеясь, что позвонят-позвонят, да уйдут. Не хотелось сейчас никого видеть, ни с кем разговаривать. У мамы есть ключ, а остальные... остальные пусть катятся к чёрту.

Однако звонивший оказался настойчив. Макс тяжело поднялся с кровати — его немедленно повело в сторону, голова закружилась, пришлось схватиться за стену. В квартире было совершенно темно. Наверное, наступила ночь... А он и не заметил, абсолютно потеряв счёт времени.

Кое-как добравшись до прихожей, Макс включил свет, невольно зажмурившись от рези в глазах, и распахнул дверь, даже не спрашивая, кто там. Какая теперь разница, кто?

За дверью стоял человек. Макс сфокусировал на нём взгляд, пытаясь собрать в единый образ отдельные черты и сообразить, кто это вообще такой. Глаза, нос, рот, светлые волосы... Андрюха.

Он не удивился, не смутился, не испугался... просто чуть посторонился, пропуская друга (друга ли?!) в квартиру. Андрей так же молча вошёл.

Глаза постепенно привыкали к электрическому свету. Макс кивком указал направление в сторону кухни. Почему-то казалось, что там будет легче разговаривать. Андрей ведь приехал... поговорить?

Они уселись друг напротив друга, как за стол переговоров. Выглядел Андрюха, откровенно сказать, неважно. Небритый, измученный, с синяками под глазами. Губы сжаты, взгляд пустой... Впрочем, вероятно, сам Макс выглядел в данный момент не краше. Но... чёрт возьми, всё равно Андрей не походил сейчас на человека, окрылённого счастьем в личной жизни и будущим отцовством.

— Скажи... — произнёс Андрей медленно, как будто через силу. — Тогда, в Лондоне, ты чуть было не опоздал на концерт во дворце, потому что задержался в Индии из-за своей... первой любви. Это же была Лера, верно?

— Лера, — тихо подтвердил Макс.

Над столом повисло молчание. Андрей, казалось, не собирался больше ничего говорить, точно уже выяснил для себя самое главное, а остальное не имело теперь смысла.

Наконец, Макс решился нарушить эту странную, неловкую тишину.

— Давно ты узнал? — спросил он.

Андрей покачал головой.

— Догадываться начал около месяца назад. Окончательно убедился в Америке. Ну, а приехав домой, просто получил подтверждение своим догадкам.

— Ну прямо Шерлок.

Макс понимал, что сейчас не время иронизировать, но что-то ведь надо было сказать...

— Какой же ты гад, Макс, — Андрей изменился в лице. — Ты всегда был мне лучшим другом. По крайней мере, я тебя считал таковым...

— Извини, — с трудом выговорил Макс. — Я не хотел, чтобы сложилась такая ситуация. Но, честно... Лерка появилась в моей жизни очень давно. Задолго до тебя.

— Я знаю. Не такой уж я и беспросветный идиот, хоть и слепой... так упорно не замечал очевидного. Даже в ресторане, когда я вас познакомил... Познакомил, б...дь! — он рассмеялся. — Вот уж прекрасное шоу вы тогда мне устроили... Театр двух актёров. Хотя нет, чего это я. Вы не передо мной тогда играли, а друг перед другом. Я вообще был там третьим лишним, как сейчас понимаю. Удивляюсь, как я сразу ничего не заподозрил. Ты же, при всём моём уважении, виолончелист прекрасный, а вот актёр херовый.

— Прости... — повторил Макс.

— Нет, — глаза Андрея недобро сузились. — Не прощу.

— Я хотел сразу тебе признаться. Но... как-то не получилось.

— Хрена с два у тебя “не получилось”! — снова вспыхнул Андрюха. — Это тебя Лера попросила... не хотела упускать выгодную партию. Холодная, бездушная, расчётливая сука.

Макс почувствовал, что ему неприятно это слышать, хотя не так давно он сам крыл Леру на чём свет стоит.

— Она выходила за тебя замуж не по расчёту, — сказал он. Андрей скептически расхохотался:

— Ну да, ну да, конечно, верю... Видимо, по большой и чистой любви, да?

— Она верила, что сможет быть тебе хорошей женой. Ей нравилась твоя забота, надёжность, сила... ей было с тобой хорошо и спокойно, — вспоминая всё, что Лера говорила ему об Андрюхе, перечислял Макс, чувствуя себя немножечко пациентом дурдома.

— Ах, как мило, сейчас заплачу. Но любила-то она при этом всегда только тебя! Блин, Макс, желаю тебе никогда в жизни не узнать, что это за ощущения: когда ты трахаешь собственную жену, а она в этот момент представляет на твоём месте кого-то другого... А она представляла, поверь.

Это задело. Сильно.

— Да тебе-то откуда знать, кого она представляла?! — закричал Макс.

— Нетрудно было догадаться... особенно после того, как она однажды в полусне назвала меня твоим именем. Вот такая вот... оговорочка по Фрейду.

— Моим именем? — ему стало трудно дышать.

— Ну да, и уверяю тебя, я не ослышался. “Макс” звучит всё-таки несколько иначе, чем “Андрей”, не правда ли? Я тогда подумал — ну ладно, может, действительно, просто

случайно вырвалось... да и мало ли Максов на свете. Знаешь, если бы она любила кого-нибудь другого, абстрактного Макса, мне было бы легче, правда. Но то, что им оказался именно ты...

— Как ты узнал, что “Макс” — это именно я?

— Вот в Америке и узнал... — у Андрея внезапно как будто кончились силы, и он устало прикрыл глаза ладонью. — В фейсбуке бывшая Леркина одноклассница выложила старые школьные фотки... и отметила её на них. Угадай с одного раза, кого я увидел на этих снимках, помимо, собственно, своей юной и прекрасной жены?

Макс молчал.

— Особенно порадовали снимки с выпускного, — продолжал Андрюха. — Вы с Лерой там так мило танцуете... и вообще, отлично смотрите вместе, ага, — издевательски добавил он. — А уж какими глазами глядите друг на друга... я прям так растрогался, что пустил скупую мужскую слезу, реально.

— А где сейчас Лера? — спросил Макс, помолчав.

— Понятия не имею, — выдохнул Андрей, опуская голову на сложенные на столе руки.

— То есть?..

— Мы расстались. Она ушла от меня, Макс. Собрала, б...дь, вещи и ушла!

У него пересохло во рту.

— А... как же ребёнок? Как ты вообще мог её отпустить?!

Андрей поднял голову и уставился на Макса в искреннем удивлении.

— Ребёнок?.. Макс, ты совсем тупой, или правда не врубаешься?

— Не врубаюсь во что?! — ему захотелось схватить Андрюху за шиворот и хорошенько встряхнуть.

— Я к этой Лериной беременности не имею никакого отношения, — почти брезгливо пояснил тот.

У Макса потемнело в глазах.

— В смысле? — быстро переспросил он. — Что ты, мать твою, несёшь?! Ты же сам звонил мне и говорил, что скоро станешь отцом...

— Это была идиотская затея, да, — нехотя признал Андрей. — Просто хотел узнать, какова будет твоя реакция...

— Да ты что, охренел?! — Макс не верил своим ушам. — Ты сказал, что Лера беременна от тебя, да ещё и предложил мне стать крёстным вашего ребёнка!

— Я тебя убить готов был в ту минуту, — спокойно отозвался Андрей. — Если бы ты знал, как я тебя ненавидел... Вот и подумал — хорошо бы и ты хоть ненадолго испытал то же, что испытываю я. Чтобы ты вот так же корчился от боли и не мог вздохнуть. Прежде, чем Лера осчастливит тебя новостью о твоём будущем отцовстве...

— Ты уверен, что не имеешь отношения к этому ребёнку?

Глаза Андрея потухли.

— Абсолютно. У нас с ней даже до Америки недели две ничего не было. Ну, знаешь, все эти тупые женские штучки — “болит голова”, “устала”, “критические дни” и прочая хрень. Да и Лерка подтвердила, что отец — ты...

Макс отчаянно сжал голову ладонями, пытаясь собрать воедино картинку всё ещё уродливо и нелогично расплывающегося пазла.

— Я ни черта не понимаю, — беспомощно признался он наконец. — Если всё, что ты говоришь — правда... Тогда почему она не захотела со мной разговаривать? Почему

написала, чтобы я больше никогда ей не звонил?!

— Это я написал, Макс, — сказал Андрюха. — И можешь меня теперь убить.

Макс почувствовал, что голова сейчас взорвётся.

— Каким образом ты писал мне с её номера?

— Да не тупи, всё просто. Лерка собрала свои вещи и ушла, а телефон на психе забыла.

Возвращаться за ним, видимо, гордость не позволила... Ну, а я не гордый. Почитал вашу с ней нежную переписку. Спасибо, поблевал... Затем позвонил тебе и сообщил радостную новость о Лериной беременности. Ну, а потом ты принялся ей названивать и писать... Извини, я не мог отказать себе в маленькой невинной шалости.

Макс не обратил на последнее саркастическое замечание никакого внимания. Сейчас его волновало другое.

— Но где она теперь? Куда пошла?

— Прости, Макс, но мне насрать. Я теперь не имею к ней никакого отношения, — отрубил Андрей. — В любом случае, тебе не о чем беспокоиться. Рано или поздно она всё равно придёт к тебе...

Вот так, за один короткий разговор, мир перевернулся с ног на голову. Белое стало чёрным, а чёрное — белым. Всего каких-то полчаса назад Макс был преданным, одиноким и глубоко несчастным человеком. А сейчас, как выяснилось, у него имелись все шансы на то, чтобы продолжать жить и даже радоваться этой грёбаной жизни...

— С каким кайфом я бы сейчас набил твою довольную рожу, — внимательно наблюдая за выражением его лица, сказал Андрей.

— Ты можешь это сейчас сделать, — отозвался Макс.

— Так ты же не будешь защищаться.

— Не буду, — Макс покачал головой. — Заслужил.

— Думаешь, я доставлю тебе такое удовольствие? Ты же сразу решишь, что все твои грехи отпущены и всё хорошо.

— А ты хочешь всю жизнь ненавидеть меня?

— Я тебя и так ненавижу. Сволочь, как же я тебя ненавижу... — простонал Андрей.

— А я тебя люблю, — сказал Макс.

Лицо Андрея окаменело.

— Да сдалась мне твоя любовь, — процедил он сквозь зубы. — Пошёл на хер из моей жизни, понял?! Надеюсь, никогда в жизни тебя больше не увижу!

Он вскочил, едва не перевернув стул, и пулей вылетел из кухни.

Через секунду хлопнула входная дверь.

Где Лера?

Этот вопрос не давал Максиму покоя. Больше всего бесило полное отсутствие связи с китаёзой. Остаться без мобильного в наше время — всё равно, что заблудиться в дремучем лесу. Она, конечно, должна была рано или поздно купить себе новый телефон и позвонить, но как же тяжело было мучиться от неизвестности, зная, что где-то там, в огромном и шумном ночном мегаполисе, находится его любимая женщина. Одна-одинёшенька...

На всякий случай Макс решил проверить, не появилась ли Лера в соцсетях сегодня. Однако было похоже, что она не слишком-то интересовалась собственными аккаунтами в последние месяцы — её странички давно не обновлялись и выглядели заброшенными. Зато Макс обнаружил в хронике фейсбука те самые фото, на которых отметила Леру бывшая одноклассница: общее классное и неформальное — с выпускного бала. Он понятия не имел, что их вообще фотографировали, но тогда он в принципе не видел и не замечал ничего вокруг, весь мир сосредоточился на одной только косоглазой Лерке... Впрочем, так было всегда. Ничего не изменилось.

Он долго рассматривал фотографию, на которой был запечатлён их совместный танец. Лера — сияющая, раздумывавшаяся, в чудесном бирюзовом платье, подчёркивающем её грудь и нежно обнимающем талию, свободно струящееся вокруг стройных коленок... И он — счастливый, как идиот, тоже улыбающийся от уха до уха, неспособный даже на миг отвести взгляд от любимого лица. Между ними искрило так, что было заметно даже на любительской случайной фотографии. Сколько лет прошло с тех пор? Восемь? Ничегошеньки не изменилось. Ни-че-го... Лера по-прежнему была для него самой прекрасной, самой желанной, самой любимой девушкой на планете.

Он помнил всё так, будто это произошло вчера. И их первую совместную ночь, которая навсегда изменила жизнь обоих, отбросила их друг от друга на долгие, долгие годы...

Неужели наконец-то они получили шанс исправить свои ошибки? Неужели тому незримому и всемогущему, который наблюдает за ними сверху, больше не за что их наказывать, снова и снова разлучая?

Круг замкнулся. Опять — июнь, такой же ласковый и тёплый, как восемь лет назад. Опять — Лера, которую он любит всё так же самозабвенно. Опять — беременность... Но теперь они не должны совершить ни единой ошибки. Просто не имеют на это права.

Он пока ещё толком не принял эту новость — ни сердцем, ни умом. Всё это было слишком неожиданно и непривычно. Лера ждёт от него ребёнка... Макс мало разбирался во всём этом, но знал — то, что там внутри, пока, конечно, и “ребёнком”-то назвать сложно. И всё-таки он есть. И Максиму очень хотелось, чтобы он в конце концов родился...

Где же ты, китаёза?!

Лера, конечно, не пропадёт, успокаивал себя Макс. Она не первый год в Москве, у неё есть деньги, есть знакомые, коллеги и друзья. Ну, допустим, салоны сотовой связи закрыты до утра (хотя есть ведь и те, что работают круглосуточно...), но утром-то она позвонит ему? Ведь обязательно позвонит?.. С Лерой вообще ничего невозможно было спрогнозировать, ей в голову могло взбрести всё, что угодно. Жутко независимая, гордая, принципиальная и самостоятельная Лера, которая привыкла принимать все самые жёсткие и безжалостные

решения в одиночку. Макс уповал лишь на то, что у неё хватит ума ничего не сделать с... беременностью.

Эмоции распирали его так, что он выскочил из дома и отправился бесцельно бродить по городу. После мрачной квартиры с наглухо задёрнутыми шторами на улице оказалось непривычно светло: стоял период белых ночей, Питер был полон туристов. Чужие улыбки, весёлые голоса и оживлённые разговоры успокаивали. Дарили надежду на то, что совсем скоро и они с Лерой будут вот так же гулять, держась за руки, смеяться и болтать всякие глупости, целоваться на каждом углу, давать друг другу откусить от своего мороженого... Простое, незатейливое, человеческое счастье. Ведь оно непременно будет?!

Макс то и дело проверял телефон, боясь пропустить звонок или сообщение от Леры, но аппарат молчал. В конце концов, он решил для себя так: если до утра от китаёзы не будет никаких известий, он незамедлительно вылетит в Москву. Ведь у себя в бутике Лера рано или поздно объявится! Там-то он её и поймаёт...

“Лерка, Лерка, ну куда же ты пропала именно сейчас?! — думал он. — Разве ты не понимаешь, как нужна мне, как я тут схожу с ума от неизвестности?”

Оказалось, она никуда не пропала.

Лера сидела возле его парадной, сложив руки на коленях, как школьница. При виде приближающегося Макса медленно поднялась. В её глазах читался смутный страх: что он сейчас ей скажет?

Макс ускорил шаг, подошёл к ней и крепко обнял. Молча, но красноречиво: моя! Навсегда моя, и только моя!

Лера как-то судорожно вздохнула и опустила голову ему на плечо, точно наконец-то расслабилась после длительного и сильного напряжения.

— Почему не позвонила? — прошептал Макс, закрывая глаза и вдыхая чудесный запах её волос.

— Телефон... потеряла, — отозвалась она, тоже зажмурившись и крепко обнимая Макса в ответ. — Новый купить не успела. Решила, что проще будет сразу приехать...

Он чуть отстранился и положил ладонь ей на живот. Лера трогательно покраснела.

— Ты уже знаешь?

— Андрей рассказал... — вздохнул Макс, решив не вдаваться в подробности, каким именно образом тот это сделал. Он не хотел, чтобы Лера думала об Андрюхе плохо. Её муж был оскорблён и по-настоящему унижен. Те, кому больно, всегда стараются посильнее куснуть в ответ и могут действовать не слишком-то красиво... уж Макс ли этого не знать?..

— Я хотела сказать тебе не по телефону, а лично... — она виновато опустила глаза. — Прости, что опоздала. Могу только догадываться, какими комментариями Андрей сопроводил эту новость.

— И всё-таки, — он снова осторожно приложил ладонь к её животу, — как так получилось, Лер? Ты же сказала мне тогда, что у тебя “всё под контролем”... Я подумал, что ты пьёшь какие-то таблетки.

— Я тебе наврала, — призналась Лера сконфуженно. — Макс, я не принимаю оральные контрацептивы, у меня от них куча неприятной побочки. Так что... я была готова к тому, что забеременею.

— погоди, — изумился он, — так ты хотела этого специально?!

— Очень хотела. Именно с тобой. Более того — я даже загадала: если вдруг получится... вот так, сразу... то у нас с тобой всё непременно будет хорошо. Глупо, да?

— Нет, — он улыбнулся, обводя большим пальцем контур её губ. Господи, какая же она временами смешная, милая, маленькая дурочка... — И ты так быстро догадалась, что получилось? Так правда бывает?

— Это было легко, — усмехнулась Лера. — Не хочу грузить тебя всеми этими медицинскими терминами, но если простыми словами: у меня поздняя овуляция. Месячные должны были начаться примерно через неделю после того, как ты уехал. Они не начались... К тому же, я и чувствовала себя необычно: поднялась небольшая температура, постоянно хотелось спать... Иногда беременность даже на самых ранних сроках проявляется именно так. Сначала я боялась верить, думала, что накрутила себя сама, выдавая желаемое за действительное... к тому же, и тест показал всего одну полоску. Конечно, там ещё ничего невозможно было определить на таком сроке! Но я же упрямая, — Лера улыбнулась. — Пошла и сдала анализ на ХГЧ.

Макс в притворном ужасе округлил глаза.

— На что?!

Она счастливо рассмеялась, с нежностью глядя ему в лицо.

— Короче, не вникай. Это анализ крови, который показал, что беременность есть. Ведь ты... рад? — с надеждой спросила она.

— Дурочка. Я счастлив... — он потянулся было, чтобы поцеловать её, но вдруг спохватился: Лера же с дороги, да ещё после такого стресса... Что он, в самом деле, держит её во дворе?

— Устала? — спросил он. — Тебе теперь нельзя переутомляться. Пойдём домой. И, кстати, где твои вещи?

— Оставила пока у себя в бутике. Не была уверена, что ты не выставишь меня вон, — хмыкнула Лера.

— Дошутишься ты у меня... — он погрозил ей пальцем. — Ну что, идём?

— Сейчас, — отозвалась Лера, не размыкая объятий и прижимаясь своей щекой — к его, колючей, небритой... — Только постою с тобой вот так — ещё немножко... я очень соскучилась.

Так они и стояли, обнявшись в пустом предрассветном дворе — будто одни в целой Вселенной. Стояли, слушая тишину.

И дыхание друг друга...

Приезжай.

Мне тебя сегодня хочется целовать

Долго-долго. Медленно. А ещё -

Тихо-тихо, глядя в глаза, говорить слова,

От которых потом тревожно и горячо.

Приезжай.

Заварим чаю, нальём вина,

Водки, виски — что ты сегодня пьёшь?

Приезжай — и к чёрту страны и времена,

Солнце, снег, холодненький этот дождь...

Ну какая разница, что там — апрель, февраль?

Ветер, вечер, вечность, закат, прибой...

Мне до слёз, до глупых истерик жаль

Каждый миг убитый, прожитый — не с тобой...

Мне тебя сегодня хочется... Боже мой! —

Не могу я с тобой о будничном и простом!..

Приезжай, пожалуйста, просто побудь со мной.

И — плевать, пожалуй, что будет со мной потом.

(Юлия Вергилёва)

Москва, “Крокус Сити Холл”, восемь лет спустя

Зрители уже расселись по своим местам, заполонив концертный зал буквально под завязку. И хотя отсюда, из VIP-гримёрной, невозможно было расслышать ни звука, всё равно мне казалось, что я улавливаю радостный гул толпы. Более шести тысяч человек в данный момент нетерпеливо ожидали начала представления и предвкушали грандиозное шоу...

Макс, одетый в концертный костюм, сидел перед зеркалом и покорно дожидался, когда юная гримёрша Танечка закончит колдовать над его лицом и причёской. Я тем временем аккуратно расправила на вешалке другой его костюм: в середине шоу концепция менялась, и Макс снова должен был переодеться. Первая часть концерта — строгая классика. Вторая часть более неформальная: эстрада, рок, саундтреки... и, конечно же, главная фишечка сегодняшнего выступления — дуэты.

— Максим Милошевич, я закончила, — проговорила Танечка с придыханием, откладывая пудру и спонж на гримёрный столик.

— Спасибо, милая, можешь отдыхать пока, — он послал ей воздушный поцелуй, чем вогнал бедняжку в краску: девушка смотрела на него, как на реальное божество, замирая от почтительности и благоговения. Я быстро спрятала улыбку, чтобы не обидеть ненароком эту крошку. Бочком-бочком, как краб, гримёрша проследовала к двери.

— Макс, — раздалось по трансляции из настенного громкоговорителя, — десять минут до начала. Будь готов!

— Всегда готов, — машинально отозвался тот, хотя помощник режиссёра не мог его слышать.

Я подошла к мужу и положила руки ему на плечи.

— Волнуешься?

— Есть немного, — помолчав, откликнулся он. — Не за себя, а за...

— Понимаю, — я действительно поняла, что он имеет в виду. Впервые в шоу Макса принимало участие столько талантливых музыкантов со всего мира. И пусть большая их часть являлась друзьями и даже членами семьи, всё равно от подобной ответственности ощущался лёгкий мандраж.

— Всё будет хорошо, — заверила я. — Они — крутые профи. Не подведут...

Он взял меня за руку и благодарно поцеловал в ладонь. Я с трудом сдержалась, чтобы не провести по его щеке привычным жестом — побоялась испортить Танечкины труды. Зато не удержалась от шутки:

— Слащавый ты какой-то, подкрашенный весь, подпудренный, как баба... Одно слово, румын!*

— Вот за что я тебя люблю, китаёза, — вздохнул Макс, поднимаясь со стула, чтобы идти на сцену, — так это за прямолинейность. Хоть бы подольстила раз в жизни для успокоения...

*Немного изменённая цитата из фильма Алексея Балабанова “Брат-2”, которую произносит один из героев в адрес Филиппа Киркорова.

Я не пошла в зал. Мне хотелось наблюдать за концертом изнутри, из-за кулис, чтобы ощущать сам пульс этого шоу. К тому же, Макс возложил на меня несколько организационных моментов, связанных с приглашёнными артистами... некогда было сидеть и расслабляться, посмотрю потом в записи — один из центральных телеканалов всё равно должен был вести съёмку.

Но самое начало концерта я не согласилась бы пропустить ни за какие деньги!

Я обожала этот момент: когда Макс быстро выходил из-за кулис и устремлялся к стулу, поставленному посреди сцены, где его уже дожидалась любимая виолончель, а публика взрывалась восторженными приветственными аплодисментами. Макс сдержанно кланялся зрителям, а затем усаживался на стул, устраивал виолончель между колен, и... начинала твориться Магия. В тот момент, когда он взмахивал смычком и впервые касался им струн, я ощущала это пронзительное прикосновение самим сердцем.

Вот и сейчас, глядя на мужа, такого серьёзно-сосредоточенного, погружённого в себя (это потом, разыгравшись, он начинал выдавать настоящий драйв, сшибая наповал своей энергетикой и харимзой, вовсю контактируя с публикой мимикой и взглядом, отпуская беззаботные шуточки в перерывах между музыкальными композициями), я почувствовала, как невольно замираю в сладком нетерпении.

Первым номером концерта был “Caruso” Лучо Далла.

Макс играл с закрытыми глазами, пока ещё отстранённый и далёкий от публики. В целом мире для него сейчас существовала только его виолончель — и звуки, которые она издавала. Казалось, он не замечает даже аккомпанирующего ему симфонического оркестра. В такие моменты я начинала невольно ревновать, хоть это было и глупо. Просто, когда Макс играл вот так — полностью растворившись в музыке — то, казалось, забывал обо всём на

свете. В том числе и обо мне... И в то же время я не могла на него насмотреться, наблюдая за ним из-за кулис и затаив дыхание.

Родной, знакомый до чёрточки, такой привычный... я могла предугадать практически каждый его следующий жест. Но он по-прежнему оставался для меня самым привлекательным мужчиной на свете. Самым желанным. Самым любимым. Который научил меня простому и важному — любить самой.

Я привыкла к тому, что за всё в этой жизни приходится платить, порою весьма недёшево. Макс нередко говорил мне, что я расчётлива... Что ж, это было справедливо. Я не верила в человеческое бескорыстие и думала, что за любовь тоже непременно нужно будет расплачиваться. Чем больше любовь — тем выше цена, тем больше жертва. А я... я просто не хотела больше этой боли, я так от неё устала!.. Поэтому и убегала со всех ног — от себя, от Макса и от нашей отчаянной любви...

Он заставил меня поверить в то, что не всё в этой жизни имеет свою цену. Можно просто любить — здесь и сейчас. Безусловно. Безоговорочно. Бескорыстно. Нежно и горячо, ничего не требуя взамен. Главное — искреннее желание быть с любимым человеком.

Я же всё время боялась проявить слабость. Боялась показаться зависимой, несамостоятельной и... неидеальной. После того, как мы поженились, я не сразу перестала грузиться на тему, что я плохая жена, плохая мать, что я не оправдываю его ожиданий... С самой школы, когда я так глупо, отчаянно и по-детски влюбилась в этого музыкального мальчика, удивительно непохожего на остальных, мне казалось, что я его недостойна, что я — не его поля ягода... И даже когда, взрослея, я начала понимать, что он увлечён мною именно как девушкой — мне всё равно страшно было до конца в это поверить.

Потребовалось немало времени на то, чтобы Макс убедил меня в обратном. Он сказал, что любит не мою идеализированную отретушированную версию на страницах журналов. Он любит меня такой, какая я есть, даже со всеми моими мнимыми несовершенствами — с плохим настроением, невымытыми волосами, кругами под глазами после бессонных ночей, с отсутствием маникюра и макияжа.

...Макс уже заканчивал играть “Памяти Карузо”, когда завибрировал мой телефон. Я посмотрела на определившийся номер и поспешила в одну из гримёрных.

Милош Ионеску и Лучана дожидались меня там. Я быстро скользнула взглядом вокруг, чтобы убедиться, что в гримёрку доставили всё необходимое — воду, свежий сок, фрукты — и только потом, расслабившись, подошла, чтобы поприветствовать родственников мужа.

— Лера! — Лучана порывисто вскочила мне навстречу, обняла и расцеловала. — Ты отлично выглядишь.

— Ты тоже, — я с удовольствием расцеловала её в ответ, а затем попала в чуть менее бурные, но не менее тёплые объятия свёкра. — Как вы долетели?

— Прекрасно, спасибо, — Милош ласково провёл сухой ладонью по моей щеке. — А как ты?

Я выразительно закатила глаза.

— Уже готова сойти с ума, этот концерт выпил из меня все соки! Макс тоже на нервах, хоть и скрывает. Думаю... думаю, всё будет круто!

— Не сомневаюсь, — улыбнулся он. — Вы молодцы.

Со свёкром мне безумно повезло, к чему скрывать. Он действительно любит меня, как

дочь, принимая такой, какая я есть — точно так же, как и Макс. А вот свекровь... Нет, конечно, Нина Васильевна всегда со мной предельно корректна и подчёркнуто доброжелательна. Я на сто процентов уверена, что она никогда не скажет своему сыну что-нибудь гадкое обо мне — ни в глаза, ни за глаза. Напротив: если она оказывается невольной свидетельницей наших с ним конфликтов, то чаще всего из женской солидарности встаёт на мою сторону. Она приняла меня, как окончательный выбор собственного сына, и больше не пытается его оспорить. Она уважает меня, ценит, доверяет... просто не любит. Но, в конце концов, она же и не обязана.

Не могу сказать, что это сильно меня огорчает. В конце концов, я тоже не испытываю к ней настоящей дочерней привязанности. Да и безграничной любви Макса мне хватает с головой...

— Вы уже мерили костюмы? — спросила я обеспокоенно. — Времени мало, если придётся что-то переделывать на ходу, нужно поторопиться.

Второе отделение концерта, состоявшее из дуэтов, требовало некоторого единства в одежде всех артистов. Поэтому, специально для шоу, я придумала и разработала линию нарядов в одном стиле, в сочетающейся цветовой гамме. Это было не так-то просто: хотелось, чтобы все музыканты гармонировали друг с другом, но при этом не теряли собственной индивидуальности. Творческий процесс захватил меня полностью, я могла сутками не спать, засиживаясь за своим рабочим столом до утра, пытаюсь поймать вдохновение, делая зарисовки и создавая интересные образы... Иной раз доходило до того, что заявлялся сонный и чертыхающийся Макс, выключал мою настольную лампу и, ворча, что это никуда не годится, тащил меня на руках в спальню. Впрочем, этот маньячина и сам готов был репетировать дни и ночи напролёт...

Костюмы получились прекрасными, даже на мой придирчивый взгляд, но возникли некоторые сложности с примеркой. Кое-кто из участников концерта вообще жил не в России, и каждый раз прилетать в Москву было физически невозможно. Вот и получилось, что какие-то финальные штрихи, вплоть до пришивания пуговиц, пришлось подгонять буквально на артистах, в самый последний день, едва ли не в последний момент. Макс у в этом плане было проще: он мог репетировать со своими иностранными коллегами не вживую, а онлайн, а сами музыканты преспокойно оставались у себя дома.

— Да-да, уже бегу примерять! — зашебетала Лучана, сияя. — Я видела своё платье, оно великолепно, я в полном восторге!

— Я тоже сейчас переоденусь, — кивнул Милош.

— Ну... тогда не буду вам мешать, — сказала я и поднялась, чтобы удалиться. — Если что-то окажется не так — сразу звоните, поправим. А вообще, я в гримёрке у Макса.

— А Нина... — начал было свёкор, но я успокаивающе махнула рукой:

— Нина Васильевна тоже вот-вот подъедет, я недавно с ней разговаривала.

В дверях я столкнулась с Андреем.

— Привет, — буркнул он.

— Привет, — отозвалась я, окидывая его придирчивым взглядом. Он уже переоделся, придраться было не к чему — костюм сидел просто идеально.

— Андре-е-ей!.. — восторженно завопила Лучана и со всей своей итальянской экзальтированностью бросилась к нему в объятия.

— Лучик, — он ласково обхватил её за талию, прижал к себе, закружил, поцеловал в

лоб. Я почувствовала, что мои губы против воли расплываются в улыбке. Они оба были такими милыми... И всё-таки, решив проявить положенную деликатность, я вышла из гримёрки и аккуратно прикрыла дверь за собой.

Андрей и Лучана... Макс далеко не сразу принял их, как пару. Ух, как его плющило, когда он узнал о том, что эти двое встречаются!.. Я даже боялась, что друзья снова могут всерьёз разругаться.

Они и общаться-то нормально начали только два года назад. А до этого — шесть лет... ну, пусть не явной вражды, но холодного игнора. И все эти годы я видела, как Макс у него не хватает. Как он скучает по своему дорогому Андрюхе...

СМИ тогда вволю повалялись на наших косточках. Это была настоящая сенсация — Максим Ионеску увёл жену у Андрея Веселова, своего лучшего друга и бывшего партнёра по музыкальному дуэту! Телефоны просто разрывались от звонков — и у меня, и у Макса. У Андрея, полагаю, тоже. К счастью, ему хватило ума и такта никак не комментировать произошедшее. Мы с Максом тоже хранили молчание.

Впрочем, мне в тот период вообще было ни до чего — на втором месяце беременности меня накрыл адский токсикоз. Я всерьёз думала, что умру, потому что не могла даже смотреть на еду, не говоря уж о том, чтобы нюхать её и, тем более, есть. Если Макс на кухне открывал холодильник — я в гостиной зажимала себе нос ладонью и еле сдерживала рвотные позывы. Меня выворачивало наизнанку даже от запаха любимых прежде лимонов...

Журналисты пытались добыть какие-нибудь жареные факты через наших знакомых и коллег, но ничего горяченького узнать так и не смогли. Разве что кто-то из бывших одноклассников слил информацию, что мы с Максом близко дружили ещё со школы. Всплыла и та пресловутая фотография с выпускного, опубликованная в фейсбуке... Поэтому, когда из темы измены и предательства уже ничего нельзя было высосать, жёлтые СМИ принялись подавать информацию в новом ключе: “Любовь, которую пронесли через годы”. Макс больше не был подлым разлучником — он оказался несчастным романтичным парнем, который хранил верность своей первой школьной любви. Мы с ним по-прежнему никак не комментировали ситуацию, и, в конце концов, от нас отвалились даже самые настырные и дотошные кровососы.

Правда, несколько фанаток Андрея заспамил оскорбительными сообщениями мою хронику в фейсбуке, пока я не почистила страницу и не запретила комментарии от посторонних. В общем-то, на этом всё и прекратилось. Скоро к нашей паре привыкли и стали воспринимать, как должное.

Подруги, на удивление, не продемонстрировали такого уж сильного шока, как я ожидала — наоборот, они здорово меня поддержали. Алиска заявила, что ещё в Индии заметила нашу с Максом химию, которой, по её словам, можно было взрывать города и страны. А Наденька с облегчением выдохнула и сказала:

— Ну слава богу! Наконец-то вы, два придурка, окончательно поняли, что не можете друг без друга. Сколько же лет понадобилось на то, чтобы до вас дошло?!

Совсем не пересекаться у Макса с Андреем не получалось при всём желании — музыкальная тусовка очень тесная, все, так или иначе, знакомы друг с другом. А уж когда Макс переехал в Москву и все мы стали жить в одном городе... Но Андрей не здоровался с ним при встречах — ни на вечеринках, ни на сборных концертах. Равнодушно и спокойно

проходил мимо, будто не узнавая.

А потом случился очередной королевский юбилей. Её Величеству стукнуло девяносто, и старушка Елизавета внезапно пожелала увидеть и услышать популярный некогда дуэт русских виолончелистов у себя на празднике. Андрею и Максиму послали официальное приглашение... Это была не самая удачная идея — снова столкнуть их лбами и заставить работать в тандеме, но... как отказать английской королеве?!

Честно говоря, я думала, что Андрей под каким-нибудь предлогом сольётся, потому что ему это было нужно ещё меньше Максима. Но он неожиданно согласился. Макс психовал и матерился, собираясь лететь в Лондон. Я понимала его волнение: тут уж не отделаешься подчёркнутым игнором — придётся работать бок о бок и как-то контактировать, нужно будет вспомнить и отрепетировать их совместные номера... Мы оба втайне боялись, что Андрей выкинет что-нибудь этакое.

То, что произошло в Лондоне, я знаю лишь со слов мужа. Он сказал, что сначала они с Андреем сторонились друг друга и репетировали с каменными лицами. А потом... потом они просто пошли в паб и тупо напились. “Чопорно, надменно, по-английски забухали”, как шутила некогда питерская команда КВН. Я понятия не имею, сколько они тогда выпили, подозреваю даже, что дали по разу друг другу в морду, но... в итоге всё вернулось на круги своя. Дружба возобновилась.

Я была очень счастлива за Максима, несмотря на то, что между мной и Андреем так и сохранялось напряжение. Нет, со мной он всегда был подчеркнуто, практически безупречно вежлив, но явно избегал моей компании и сторонился меня. На самом деле, я отлично его понимала... я ведь и в самом деле была бесконечно виновата перед ним. Пытаясь обмануть себя, вышла за Андрея замуж и в итоге обманула и его тоже...

А в прошлом году Андрей поехал с концертом в Геную, и Макс без всякой задней мысли попросил своих итальянских родственничков развлечь друга, если у них будет время и желание. О-о-о! Они развлекли...

Устроили ему настоящую культурно-гастрономическую программу, в лучших традициях семьи Болетти-Ионеску. Более того, они не позволили ему остановиться в отеле — затащили к себе домой. Вот тогда-то между ним и Лучаной и вспыхнуло чувство...

Узнав об этом, Макс был вне себя от гнева. Ух, как он орал! Я откровенно не понимала, в чём причина такого негатива, Лучана — независимая и самостоятельная молодая женщина, восходящая звёздочка музыкального мира, талантливая пианистка... Чем в качестве её бойфренда оказался плох Андрей? Не разницей же в возрасте, не так уж она была и велика, Лучане тогда как раз исполнилось двадцать шесть, а Андрею — тридцать два.

Макс в тот период даже поссорился с кузиной, пафосно заявив ей что-то опереточное из серии “если ты будешь с ним — ты мне больше не сестра”, на что Лучана в свойственной ей манере обозвала его ослом, идиотом и самодуром, и дулась потом ещё пару месяцев. Я пыталась поговорить с Максимом, сказать, чтобы он отстал от девчонки, да и от Андрея заодно, но он рявкнул:

— Ты всё равно не поймёшь, не вмешивайся!

Потом он, конечно, предсказуемо быстро остыл и попросил прощения за резкость, но почему так себя ведёт — всё равно не сказал.

В итоге всё разъяснилось очень просто, даже прозаично. Однажды ко мне в бутик заехал Андрюха. От предложенного кофе отказался, привалился плечом к дверному косяку в моём

кабинете, несколько секунд буравил меня тяжёлым взглядом, а затем мрачно сказал:

— Слушай, донеси как-нибудь до своего упрямого муженька, что я не сделаю Лучане ничего плохого, а?

— А самому донести не получается? — спросила я.

— Да сто раз я ему уже говорил! Он не верит! — психанув, воскликнул Андрюха. — Упёртый, как баран. Она-то, конечно, всё равно будет со мной, я её не отпущу, но... этот ненормальный теперь меня ненавидит. Да и Лучик расстраивается.

— А в чём вообще дело? — осторожно спросила я. — Почему он так против вас с Лучаной?

— Не догадываешься? — он иронично приподнял одну бровь.

— Н-нет... — я правда не знала.

— Он думает, что я её тупо использую — для того, чтобы отомстить ему за... тот случай. Ну, за тебя.

Я потеряла дар речи.

— Что?!

— Вот скажи же, придурок?! — с досадой спросил Андрей и в сердцах стукнул кулаком по стене. — Считает, что этот роман с ней я завёл нарочно. Обольстил девушку, вскружил ей голову... а потом поматрошу и брошу.

— Господи, какая чушь, — я покачала головой. — Конечно же, я поговорю с Максом. У тебя с ней... правда всё серьёзно?

Его лицо посветлело.

— Да.

Я улыбнулась.

— Ну и хорошо. Я очень рада за вас обоих...

— Мама! — в гримёрку ввалился разгневанный Стёпа, а вслед за ним царственно вплыла Нина Васильевна. — Бабушка не купила мне мармеладные мишки!

— Хочешь испортить себе желудок? Этой химией, напичканной красителями? Ты сегодня отказался есть суп за обедом, — невозмутимо напомнила свекровь. — Зато набиваешь живот всякой дрянью — чипсами, печеньем, бутербродами и прочей сухомяткой...

Я украдкой вздохнула. Нина Васильевна и Макс в детстве не позволяла есть в школьной столовой, считая, что детей там травят неизвестно чем. Я-то, откровенно говоря, вообще не заморачивалась правильным питанием, да и готовить не особо любила. Но оспаривать авторитет бабушки на глазах внука не стала. Тем более, она, по сути, была совершенно права, а Степан и так рос настоящим сорванцом. Если хоть раз позволить себе дать при нём слаbinу — всё, этот мальчишка не слезет с твоей шеи никогда.

— Ты пойдёшь с бабушкой в зал? — спросила я. — Концерт уже начался.

Сын поскуачил и сморщил нос. В глубине души он терпеть не мог классическую музыку и явно скучал, когда отец играл на виолончели. Вообще, к искреннему огорчению Макса и бабушки с бабушкой, у Стёпки напрочь отсутствовал музыкальный слух, так что тайной семейной мечте вырастить из него нового талантливый виолончелиста не суждено было сбыться. Зато он был вылитый Макс внешне — такой же подвижный, темноглазый, вихрастенский.

Сам Степан мечтал стать футболистом, как его кумир дядя Франко. Сейчас сын жил только мечтой о предстоящей летней поездке в Италию — бабушка везла его и Варю сначала к деду в Портофино, а там уже и до Генуи рукой подать. Стёпка надеялся, что дядя Франко снова возьмёт его с собой на тренировку, как в прошлом году. Подумать только, ему посчастливилось тогда воочию наблюдать, как тренируются футболисты легендарного клуба “Дженоа”! Они даже жали ему руку! И подарили футболку со своей фирменной символикой! Степан потом долго задира л нос перед своими приятелями из детского сада, а девочки из группы, не особо увлекающиеся футболом, тем не менее, поголовно в него повлюблялись — ведь он был так крут!

— А где Варя? — спросила я.

— Она у бабушки в гримёрке осталась. Мы заходили туда поздороваться, — отозвался Степан.

— Платье я ей выгладила, причёску сделала, ты не переживай, — добавила свекровь.

Я и не переживала. Такая бабушка всё и всегда держала под контролем...

По характеру Варя была полной противоположностью Степану и Максиму, да и мне. Абсолютная девочка-девочка, нежная, воздушная, трепетная, фанатеющая по феям Винкс, диснеевским принцессам и — особенно! — по Эльзе из мультика “Холодное сердце”. Она обожала красивые пышные платья, отращивала волосы как у Рапунцель и вообще обещала вырасти женщиной до кончиков ногтей. Порой я удивлялась, как близнецы могут быть такими разными. При этом и брат, и сестра души друг в друге не чаяли и внешне были очень похожи. Те же тёмные глазки, волнистые волосы, подвижная и живая мимика...

Макс любил дочку так, что, казалось, живьём загрызёт за неё любого. Нет, Степана он, конечно, тоже очень любил. Но Варя... это было что-то особенное. Он трясся над ней, как над самым бесценным сокровищем в мире.

Когда на первом УЗИ мы узнали, что у нас будет двойня, то испытали натуральный шок. Я с одним-то ребёнком боялась не справиться, а тут целых два... о, боже.

Беременность была кошмаром. Никаких умильных воспоминаний у меня не осталось, я мечтала только об одном: чтобы вот это всё поскорее закончилось. Тошнота, изжога, боль в спине, неповоротливость, дикие перепады настроения, слёзы... Вспоминая, какие истерики я закатывала бедняге Максиму все эти девять месяцев, я до сих пор удивляюсь, как он меня тогда не убил.

Расписали нас из-за беременности быстро — сразу же, как только я оформила официальный развод с Андреем. Приехали в загс, в чём были — Макс в рваных джинсах и футболке, я в сарафане для беременных — живот у меня уже в два месяца был такой, какой у других вырастал только в пять.

Рожать я собралась, когда Макс давал сольник в зале Чайковского. Он примчался ко мне в больницу сразу после выступления, прямо в концертном костюме. Я была уже в предродовой, куда мужей не пускали. Точнее, пускали лишь в том случае, если заранее был заключён договор на партнёрские роды, а рожать совместно с Максимом я отказалась наотрез, категорически.

— Ох уж, это твоё вечное “сама-сама”, — проворчал он тогда, но спорить не стал. А теперь я жалела, что его не было рядом — мне было так одиноко, так страшно и так больно!

Он шептал мне что-то нежно-подбадривающее по телефону, а я прижимала мобильник

к уху и ревела, чувствуя себя конченной дурой — надо было соглашаться на совместные роды!

— Ты что, концерт сорвал? — спросила я, всхлипывая.

— Нет, доиграл кое-как, на автпилоте. И сразу же к тебе.

— С виолончелью?!

— А как же. Никуда тебе не деться от моей любимой жещины, твоей вечной соперницы, даже в роддоме, — пошутил он, но мне в тот момент было настолько плохо, что шутки я просто не воспринимала.

А потом... не знаю, каким образом, но Максудалось добиться разрешения на то, чтобы сыграть на виолончели прямо здесь. Музыка успокаивала его самого и настраивала будущих мамочек на нужный лад, расслабляя и умиротворяя. Да и врачи были рады послушать живую известного музыканта без отрыва от работы.

Я жадно внимала звукам виолончели, доносившимся из холла и одновременно из трубки возле моего уха, и снова плакала, как идиотка...

Помимо Макса, поддержать меня в роддоме явилась ещё и свекровь. А вот моя мама из Питера так и не приехала...

С годами она всё больше уходила в себя и мало интересовалась тем, что происходит в моей жизни. Не уверена, что она вообще заметила, когда у меня сменился муж. Как она не общалась прежде с Андреем (мама и увидела-то его впервые, по-моему, только на свадьбе) — точно так же не общалась теперь и с Максом. К внукам она относилась в принципе тепло, но не горела желанием нянчиться с ними, забирать на каникулы и даже просто созваниваться по телефону, так что они тоже едва ли считали её бабушкой. Фактически, бабушка у Степана с Варей была одна — “баба Нина”. И дедушка Милош...

Детей Макс полюбил всей душой сразу и безоговорочно. С того самого момента, когда ему показали наших малышей. Я понимала, что новорождённые младенцы выглядят далеко не как ангелочки, но Макс умилялся чуть ли не до слёз.

— Они — настоящие маленькие китайцы! Совсем, как ты! — с нежностью сказал он.

Иногда мне казалось, что я не справлюсь. В первые месяцы после родов всё валилось у меня из рук, я то и дело принималась отчаянно рыдать от беспомощности, растерянности и усталости. Если бы не Макс и не свекровь... даже не знаю, как смогла бы пережить этот период.

Всякий раз, когда дети отчаянно и, казалось, совершенно беспричинно начинали орать в унисон, а мне хотелось просто выйти из окна, Макс прибегал к проверенному средству: начинал играть на виолончели. Удивительно, но это срабатывало. Сначала близнецы затихали и успокаивались, тараща глаза и прислушиваясь к звукам музыки, а затем дружно засыпали, точно виолончель была особым видом снотворного. А вслед за ними немедленно засыпала обессиленная я...

— Никогда в жизни у меня ещё не было столь благодарной публики, — посмеивался над нами Макс.

— Вы можете пройти в зал, — напомнила я Нине Васильевне. — У вас столик в VIP-зоне вместе с Ричардом Тёрнером... не возражаете?

— Ну, какие могут быть возражения, — свекровь заулыбалась. — Такой импозантный мужчина...

Тёрнер был профессором музыки, бывшим педагогом Макса в Королевском колледже. Нина Васильевна вполне могла поддержать с ним непринуждённую беседу на профессиональные темы.

— Смотрите, чтобы Милош не заревновал, — подколола я её, и свекровь вспыхнула, как девчонка.

Я до сих пор не могла охарактеризовать отношения матери и отца Макса. Они не являлись парой в истинном значении этого слова, но были замечательными друзьями и проводили много времени друг у друга в гостях — Милош часто прилетал в Россию, а Нина Васильевна в Италию. Кто знает, может быть, они просто скрашивали одиночество друг другу... а может, испытывали нечто большее, чем просто дружескую привязанность? Ответ на этот вопрос могли дать только они сами, а я в душу не лезла. Самое главное — они были отличными родителями Максиму и замечательными бабушкой и дедушкой Стёпе и Варе.

— ...Ну, или, если хотите, посажу вас за столик с Колдуновым?.. — предложила я.

Алексей Геннадьевич Колдунов был депутатом Госдумы, но свекровь только в испуге замахала руками:

— Ой, что ты... терпеть его не могу. Рожа — ну совершенно бандитская.

В глубине души я не могла с ней не согласиться. Колдунов, которого Макс называл просто “Лёхой” или “Колдуном”, внушал мне смутные опасения. Я понятия не имела, как эти двое вообще могли подружиться — настолько разным мирам они принадлежали.

При знакомстве Колдунов окинул меня оценивающим взглядом и многозначительно протянул:

— Так вот, значит, ты какая... Лера.

Мне не понравилось, что он обратился ко мне на “ты”, но я всё-таки уточнила:

— Что значит “вот какая”? Откуда вы обо мне знаете? От Макса?

— Не слушай его, Лер, — вставил Макс со смехом, — он тебе сейчас нарасказывает...

— Нет уж, позвольте, — я заинтересовалась.

— В нашу первую встречу твой муж рыдал у меня на плече крокодильими слезами, умирая от любви к тебе.

— Ну уж, прямо рыдал... уж прямо крокодильими... уж прямо умирая, — смущённо буркнул Макс. — Про любовь не спорю.

Вот как-то так, на этой шуточной ноте, деликатный разговор замяли, но я в итоге так и не поняла, кто они друг другу и что их связывает. Я знала только одно: Колдунов действительно был неистовым меломаном и не пропускал ни одного крупного концерта Макса в Москве.

...Во втором отделении Макс разошёлся вовсю — публика купала его в своей любви. Один номер сменялся другим, вызывая всё больше и больше восторгов у зрителей. Дуэт с Андреем... затем с отцом — скрипка и виолончель... потом с Лучаной — она выглядела волшебной, сидя за роялем в длинном серебристом платье, действительно дивно ей идущем, которое обтягивало её ладную фигуру, как перчатка...

Был также номер, который особенно мне нравился — когда партнёром мужа выступал не музыкант, а певец. Точнее, певица. Это была индианка Дия Шарма — “золотой голос” Болливуда, как называли её музыкальные критики. Именно её голосом рапевали героини самых популярных индийских фильмов. Когда я слушала её пение, мне казалось, что если ангелы и существуют, то они должны звучать именно так...

Дия проделала долгий путь из Индии вместе с мужем, оставив дома троих детей. Они тусовались в Москве почти неделю — специально прилетели пораньше, чтобы не просто спокойно порепетировать, но и вдоволь погулять по городу. В первый же день супруги обнаружили в центре столицы пару индийских ресторанов и окончательно влюбились в Россию!

Мне нравилась эта гармоничная пара, нравилась Дия — она училась вместе с Максом в колледже. Нравился её муж — серьёзный, интеллигентный, чуть застенчивый доктор. Было видно, как они трепетно и бережно относятся друг к другу...

Но больше всего, конечно, я переживала за дуэт, который закрывал концертную программу. Это было выступление отца и дочери. Дебют Вари на большой сцене.

Честно говоря, мы с Максом волновались больше, чем наша девочка. Невозмутимому спокойствию Вари можно было только позавидовать.

Она сама выбрала музыкальную композицию — “Halleluja” Леонарда Коэна. Я очень любила эту мелодию, и сейчас не могла слушать игру мужа и дочери без слёз.

...Она предаст, она солжёт
И власть, и жизнь твою сожжёт,
Хоть ты ей пел: "Навек тебя люблю я!"
И общим был ваш каждый вздох
И плоть, и кровь, ты знал, что Бог
Был с вами в каждом вздохе: "Аллилуйя!"

То, что меня неизменно восхищало в Максе на сцене — при всём своём таланте, даже величии, он умел мастерски уходить в тень, ненавязчиво привлекая внимание к партнёру. Вот и сейчас — он не заглушал Варю, не подавлял её своей игрой, а деликатно оставаясь в стороне, был, тем не менее, готов в любую секунду подхватить её, если что-то вдруг пойдёт не так. Сегодня, сейчас — именно она была главной звездой, а он лишь скромно грелся в её ярких лучах.

Отец и дочь... Две виолончели. Два голоса, удивительным образом сливающихся в один. Даже выражение лица у них было одно на двоих — та же мимика, те же закрытые глаза, то же погружение в себя и в музыку... Варя наотрез отказалась обувать туфельки, потому что папа ведь всегда выступал на сцене босиком — и значит, ей тоже было так надо!

О, Боже, всё пошло не так
И каждый поднял чёрный флаг
И начал бой, поправ любовь святую.
Ведь, если целый мир больной,
Любовь становится войной
И шлёт проклятья вместо: "Аллилуйя!"

Я знала, что у этой песни на русском языке существовало немало вариантов перевода. Но в данный момент у меня в голове вертелись стихи Ирины Богушевой — мне казалось, что песня “Аллилуйя” была написана про нас с Максом. Про всё, что мы пережили и через что прошли...

Своих любимых не щадим,

Мы лжём, мы предаем, мы мстим
И никого та чаша не минует,
Но пусть вся жизнь — и тлен, и дым,
Я перед Господом моим ни слова
Не скажу, лишь: "Аллилуйя!"

Машинально потянувшись к цепочке, висевшей на моей шее, я нащупала золотую подвеску в форме виолончели и сжала в ладони. В этот момент Макс повернул голову и посмотрел на меня. Он прекрасно знал, что я стою в правой кулисе, потому что это было моё любимое место во время всех его концертов. У нас даже был свой тайный язык знаков — муж незаметно подмигивал мне, посмеивался, многозначительно приподнимал брови, щурил глаза, напоминая, что я — его “китаёза”... Подмигнув ему в ответ, я приложила руку к кулоном к груди, что должно было означать только одно: “Ты и твоя музыка всегда здесь. В сердце...”

Он понял. Благодарно склонил голову на мгновение, а затем, встряхнув волосами, заиграл с удвоенным вдохновением.

Я стояла, улыбаясь во весь рот, и откровенно любовалась им. Так же, как с замиранием сердца наблюдала за его игрой много лет тому назад, на новогоднем празднике в музыкальной школе. Может, именно тогда я в него и влюбилась?.. Да нет. Это произошло гораздо раньше: в первом классе, когда нас рассадили по местам, и взгляд незнакомого мальчишки буквально прожигал дыру в моей спине. Я оборачивалась с преувеличенной сердитостью — и снова и снова натыкалась на серьёзный, внимательный взгляд этих карих глаз... Никто и никогда прежде не смотрел на меня так.

Я знала, что сегодня Макс играет для меня. Про меня. И взгляд его глаз несколько не изменился с годами.

Мой мужчина. Мой цыган. Моя отчаянная слабость и невероятная сила. Моя вера. Моя надежда.

И, конечно, любовь...

КОНЕЦ

Март — май 2020